П. КОНОНЕНКО

СЛОВАРЬ СПРАВОЧНИК

ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

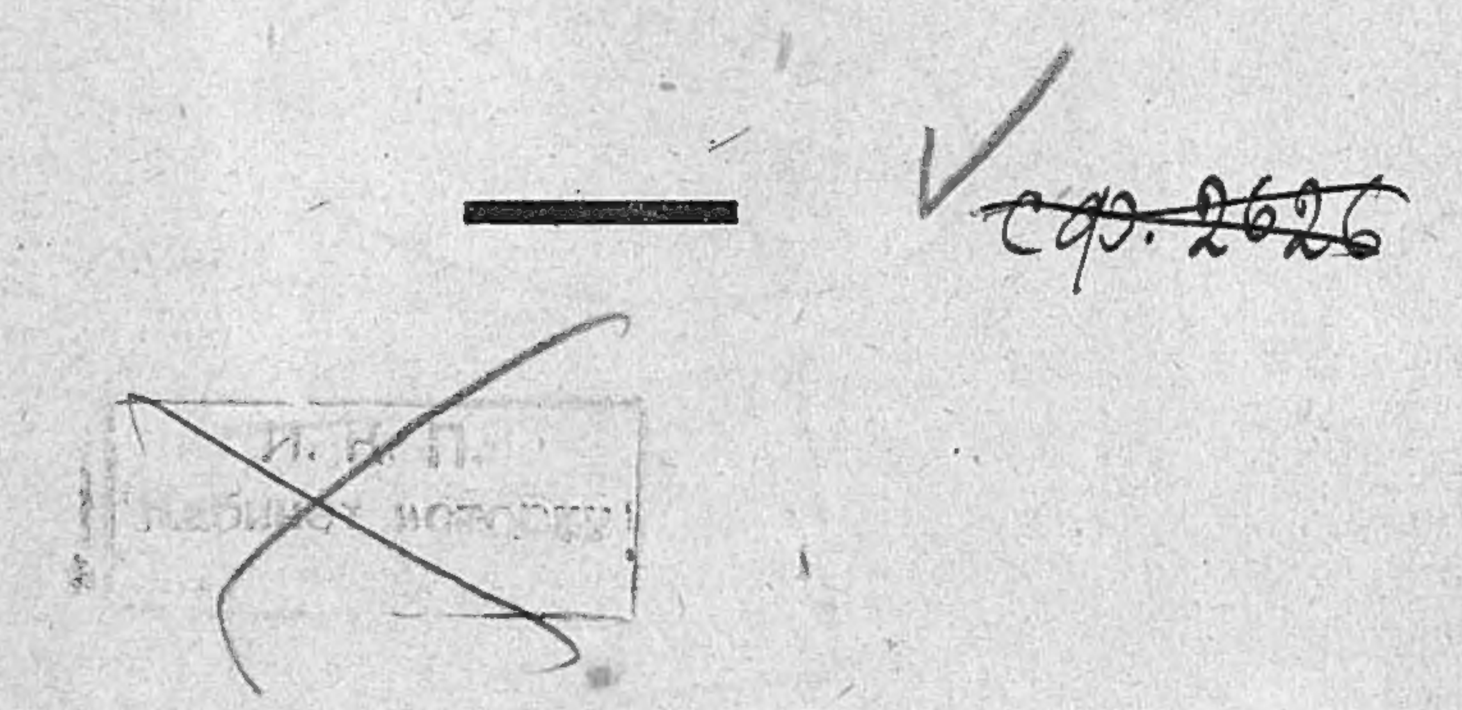
„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА"
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1 9 2 5

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

П. КОНОНЕНКО

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА"
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в 10-й типографии „Заря Коммунизма“ „Мосполиграф“. Чистые пруды, д. № 8, в количестве 10.000 экз. Главлит № 27271. Зак. № 378. Москва.

ОТ АВТОРА

Длительная работа в качестве преподавателя обществоведения в совпартшколах и рабфаке убедила автора предлагаемого труда в необходимости выпуска такого учебного пособия, которое дало бы возможность учащемуся в его самостоятельных занятиях (рефератах, докладах и т. д.) по истории рабочего движения в России, с одной стороны, воспроизвести в памяти тот или иной момент этого движения, а с другой,—при желании основательнее познакомиться с ним, найти соответствующую литературу.

Наиболее удобным и достигающим своей цели руководством в этом отношении мог бы служить словарь-справочник.

Поэтому, предлагаемый „Словарь-Справочник“ рассматривается нами, как пособие, преследующее учебные цели и предназначается, главным образом, учащимся совпартшкол 2-й ступени, студентам рабфаков, слушателям марксистских кружков и повышенных курсов политграмоты и т. д.

Не последнее место, мы думаем, займет он в удовлетворении требований рядового политического работника и работника наших школ всех категорий, а также студентов Коммунистических университетов, Фонов и Педфаков.

Имея своим содержанием историю рабочего движения в России, „Словарь-Справочник“ обнимает период, начиная со второй половины XIX ст. и кончая почти нашими днями (21—22 гг.), при чем весь материал расположен не в хронологическом порядке, а в порядке алфавитном: под каждой литерой мы найдем целый ряд тем, в своем изложении исчерпывающих отдельные моменты общего целого.

Это изложение заканчивается в каждом отдельном случае, по крайней мере по вопросам особой важности, библиографическим указателем с наименованием не только известных автору пособий и источников, но и страниц, непосредственно относящихся к изла-

гаемому факту. Последнее обстоятельство дает возможность быстрой ориентировки в том богатом книжном материале, который в настоящее время имеется по истории рабочего движения в России.

В конце „Словаря-Справочника“ имеется в виде отдельного приложения словарь имен, встречающихся в тексте, с более или менее полной биографией их носителей.

В подавляющей своей части „Словарь-Справочник“ представляет или компиляцию известных автору пособий по истории рабочего движения в России, отвечающих на ту или иную „тему-слово“, или дословные выдержки из них. Последнее приближает его к хрестоматии.

Несомненно, „Словарь-Справочник“ не лишен недостатков. Возможно, что не с одинаковой полнотой освещены отдельные моменты, возможно, что недостаточно исчерпывающе указана литература, возможно, наконец, что некоторые „слова-темы“ могут быть без особенного ущерба из‘яты и проч.

Указания на этот счет автором будут приняты с благодарностью. В одном только он не сомневается, что „Словарь-Справочник“ не окажется бесполезным для тех, кому он предназначается.

П. Кононенко.

Москва
1 сентября 1924 года.

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

А

Августовский блок Под'ем рабочего движения 1912—13 г. г. пробудил и оживил социал-демократическое подполье.

В январе 1912 года за границей состоялась конференция большевистских организаций, которая была об'явлена общепартийной; были избраны ЦК, редакция Центрального Органа и представитель в Международное Социалистическое Бюро; этим был завершен процесс организационного оформления большевистской партии.

В августе того же года ликвидаторы (см. „Ликвидаторство") создают свое об'единение, известное под именем „августовского блока". Этому августовскому об'единению, происшедшему на парижской конференции, предшествовало дружное выступление против большевиков в листках и на страницах немецкой социал-демократич. газеты „Vorwärts" всех групп и фракций: ликвидаторов, передовцев, партийцев и др. В них, с бешеной злобой, ругали большевиков, обвиняя их в „узурпаторстве" и „мистификаторстве".

Это организационное оформление двух с.-д. рабочих партий наложило известный отпечаток на все рабочее движение этих годов, которое следует подвести под знак ожесточенной борьбы этих двух течений в русской с.-д. Эти старые споры приняли теперь ожесточенный характер.

В этом решительном бою ликвидаторы наголову были разбиты. Шаг за шагом большевики вытесняли их из профсоюзов, клубов, страховых касс и других рабочих организаций. К лету 1914 г. ликвидаторы представляли собой генералов без армии. Рабочие отвернулись от них. Покинули тонущий корабль и союзники: покинули „августовский блок" троцкисты, за ними ушла латышская соц.-демократия.

В результате „августовский блок" оказался пустым прикрытием ликвидаторов.

Автономизм — Тотчас же после II С'езда в партии резко обнаружились разногласия между большинством и меньшинством по организационным вопросам.

В то время, когда большинство с т. Лениным выдвигало принцип централизма, меньшевики об'явили это „утопией", вопя против „превращения людей в колесики и винтики", настаивали на автономизме, защита которого сводилась к тому, что де центр требует беспрекословного повинования, что отсюда прямая дорога к возникновению всяческого „помпадурства" и т. д.

Противопоставляя организационный принцип революционной социал-демократии, т. Ленин говорил: „последний стремится итти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, „автономизм", „демократизм", доходящий у тех, кто усердствует не по разуму, до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части... В эпоху восстановления фактического единства партии, распущения в этом единстве устарелых кружков, таким верхом неизбежно является партийный С'езд, как верховный орган партии; С'езд соединяет, по возможности, всех представителей активных организаций и назначает центральные учреждения... делает их верхом впредь до следующего С'езда".

Требование автономизма и демократизма является именно принадлежностью оппортунистического крыла социал-демократии. Это подтверждается примером всех западных стран Европы. Именно там оппортунисты выступают против диктаторства, дисциплины и т. д. и т. д.

Тов. Ленин, по этому поводу, указывал на статью немецкого оппортуниста Вольфгана Гейне, как раз вышеприведенными словечками оперировавшего против тогдашнего еще революционного большинства в германской социал-демократии. И т. Ленин приводил слова тогда еще революционера, Карла Каутского, который, разбирая случай о том может ли нейтральное правление партии влиять на избирательный округ, в смысле выставления кандидата, или же округу должна быть предоставлена полная „автономия," писал ни более, ни менее как следующее:

„Нам говорят, что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами, значит „постыдно посягать на демократический

принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх путем самодеятельности масс, а не сверху вниз —путем бюрократическим...

Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот“... Выбор депутатов в парламент от какого-то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии. Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще. Раз это неисполнимо, то и нечего жаловаться на недостаток демократизма, когда указанные функции, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняются одной или несколькими партийными инстанциями“. (Ленин.—„За 12 лет“).

Таким образом, и немецкие оппортунисты были против всяческой иерархии, всяческих инстанций и противопоставляли бюрократическому централизму автономизм и демократизм. За это их, между прочим, расхваливали немецкие буржуазные газеты, писавшие по поводу „самодержавия“ в социал-демократической партии, о „партийной диктатуре“, о господстве партийного „начальства“, „мертвящей дисциплине“, „лакейском подчинении“, „превращении членов партии в политические трупы“.

Как раз русские меньшевики шли по обычному пути оппортунистов, разлагавших пролетарскую партию, конечно, на радость буржуазии.

„Оппортунизм в программе,—писал тов. Ленин,—естественно связан с оппортунизмом тактики и с оппортунизмом в вопросах организационных“.

Меньшевики в России начали с того, что стали на оппортунистический путь в вопросах организационных. Но уже тут они, с поразительной скоростью, впитали в себя все отличительные черты оппортунизма именно в этом вопросе. Что на Западе развивалось с годами, то в России было пройдено после второго С‘езда в несколько месяцев. Правда, надо принять во внимание, что меньшевизм был, по существу, не новый, а возрожденный оппортунизм.

Разногласия организационные между большевиками и меньшевиками, углубляясь и расширяясь, должны были, в конце концов, перейти в разногласие иного сорта. Если старый оппортунизм (см. „Экономизм“) расходился с искровцами по вопросам тактики и программы, то у большевиков и меньшевиков должны были возникнуть и здесь расхождения, гораздо более глубокие, чем это казалось с первого начала.

Литература: 1) Ленин, В. И.—„За 12 лет“, стр. 366—367, 371, 373—376, 388—389. 2) Щелавин.—„Рабочий класс и его партия“, стр. 171—179.

„Академия“ В годы наступившей после декабрьского восстания реакции капиталисты повели усиленную атаку на завоевания рабочих. Постепенно начала уменьшаться заработная плата, увеличиваться рабочий день, вводятся сверхурочные работы, мужчин заменяют женщинами и детьми, запрещают всякие денежные сборы на заводах и фабриках, рассчитывают наиболее видных рабочих и т. д. Все это заставило рабочих занять оборонительное положение. Но оборона могла иметь успех только при условии сплочения с.-д. партии и профессиональных союзов, что было решено Международным Штутгартским С‘ездом в 1907 г. Второй Интернационал, под давлением марксистского его крыла, высказался за необходимость возможно более тесной связи между партией и профсоюзами против меньшевиков, отстаивающих идею нейтральности профсоюзов.

Ц.К.Р.С.-Д.Р.П., в котором к тому времени большевики имели некоторое слабое большинство, на международном собрании ленинградских (петербургских) рабочих-большевиков создал международный высший кружок—„академию“, как его в шутку называли, цель которого—подготовить рабочего-руководителя вообще, и практических деятелей профессионального движения в частности.

Руководил этим кружком Н. А. Рожков, который в те времена был большевиком и членом ЦК.

Литература: И. Зиновьев. Сочинения.—Госиздат, 1923 т. I, стр. 77—80.

Анархисты Анархизм—мелкобуржуазное течение, которое отрицает политическую борьбу и организацию для целей политической борьбы. Анархизм не признает централизованной полити-

ческой организации, он признает только свободную конфедерацию свободных недисциплинированных групп. Он проповедует полную свободу человеческой личности, при чем считает, что эта свобода личности не может ограничиваться никакими законами, нормами, положениями.

Эти анархистские настроения могут быть популярны только в слоях мелкой буржуазии и той только части пролетариата, которая пропитана мелкобуржуазной психологией.

Анархисты никакого ограничения свободы не признают. Пролетариат признает ограничение свободы: он ставит свободу в такие рамки, чтобы она не вредила интересам рабочего класса.

Анархисты отрицают государственную организацию. Коммунисты вполне разделяют взгляды анархистов на то, что государственная организация принудительная, есть организация классовая. Но коммунисты отсюда делают вывод, что государство должно существовать до тех пор, пока существует классовое общество; что власть государственная может быть не только в руках буржуазии, но также и в руках пролетариата. Государственная власть—зло, когда эта власть служит интересам буржуазии. Она становится благом, когда служит интересам пролетариата, а в интересах пролетариата переустройство общества на таких началах, которые уничтожают классовый характер общества, на коммунистических началах. Когда коммунистическое общество организуется, тогда не будет никакой нужды в государственной власти, принудительной власти над человеком, и государство, как классовая организация, отомрет; но это может быть только тогда, когда не будет классового общества.

Анархизм, будучи течением мелкобуржуазным, располагает силами там, где сильна мелкая буржуазия и где сильно мелкобуржуазное влияние на рабочий класс. Там же, где рабочий класс составляет большинство, где пролетариат сознателен и хорошо организован, он слаб и совершенно себя не проявляет. Во Франции, Италии, Испании с преобладающим мелкобуржуазным населением анархизм силен; в Германии, Англии и других образовавшихся государствах средней Европы, как, например, Чехо-Словакия, которые являются крупными промышленными центрами с многочисленным пролетариатом, анархизма—нет.

В России с ее мелкобуржуазным населением мелкобуржуазные партии вообще имели свое определенное значение; имел такое же значение и анархизм, который в России существует так же давно, как и социализм. Еще социалисты-народники 70-х годов отстаивали взгляды, очень близкие к анархизму: они обосновывались на крестьянском коммунизме и самым категорическим образом отрицали какую бы то ни было государственную власть, какую бы то ни было политическую борьбу. Россия имела крупнейших представителей и теоретиков анархизма—Бакунин и Кропоткин.

Довольно широкое распространение в России анархизм получил во время революции 1905 года.

Весной этого года в целом ряде городов, в особенности на Северо-Западе и в Польше, возникли группы анархистов. Преобладали сторонники Кропоткина („Хлеб и Воля"), учение которого, в отличие от теории так называемого анархического индивидуализма присвоило себе название анархического коммунизма. В 1906 г. анархическое движение расширилось и захватило новые районы.

В это время кое-где появилась легальная анархистская пресса. Деятельность анархистских групп выражалась в печатной и устной агитации, в политическом и экономическом терроре, в экспроприациях, местами в саботаже. В апреле 1907 года происходила конференция уральских групп анархистов-коммунистов, в июне—конференция польско-литовских анархистов. В том же 1907 г. русские анархисты участвовали в международном конгрессе анархистов.

С победой реакции анархисты почти совершенно сошли на нет. С наступлением новой революции анархизм в России опять возродился и 1917 г. был годом максимального его расцвета.

Анархизм—течение мелкобуржуазное, но к нему несомненно примыкают более революционные элементы мелкой буржуазии, нежели к течению соглашательскому. В 1917 году в анархизм вошли революционные элементы рабочего класса и крестьянства. Поэтому недаром анархисты в этом году в течение продолжительного времени идут рука об руку с большевиками. Большевики стремятся разрушить буржуазное государство, не оставить от него камня на камне, и анархисты также стремятся разрушить государство в его данной буржуазной форме.

Но они далеки от мысли, что государство может быть рабочее. В борьбе за разрушение государства они идут рука об руку

с большевиками, когда же наступает Октябрьская революция и выясняется, что для победы над буржуазным государством рабочему классу нужна централизованная политическая организация, что рабочему классу, революционному, победившему буржуазию, нужна государственная власть для того, чтобы эту свою победу закрепить и сделать окончательной, тогда наступает раскол в русском анархизме. Огромное количество анархистов продолжает сотрудничать с большевиками в Октябрьские дни, являясь активными участниками всяких революционных комитетов, советов, входит в Красную гвардию и Красную армию.

Лучшие элементы российского анархизма во всей своей непримиримой ненависти к буржуазному государству становятся на позиции сотрудничества и многие из них вливаются в ряды Коммунистической партии. Но далеко не все. Были и такие элементы анархизма, которые оказались не в состоянии преодолеть его мелкобуржуазную природу, не в состоянии выскочить из своей ограниченной мелкобуржуазной психологии.

Ничего, кроме голого отрицания, эта мелкобуржуазная ограниченная психология создать не может, а такого рода анархизм испытывает плачевную судьбу в Советской России. Большое количество его представителей запятнали себя преступлениями против Советской Власти. Взрыв на Леонтьевском переулке был проделан совместными усилиями ослепленных отщепенцев анархизма и эс-эров. Этот взрыв был удар в самое сердце Коммунистической партии в тот момент, когда Деникин со всех сторон сжимал железным кольцом Советскую Власть. Это был удар по революции, по Красной армии. Агенты Деникина не могли нанести лучшего удара. Анархизм, который противопоставлял себя Советской Власти, скатился на позиции фактического служения интересам буржуазной контр-революции.

(Заимствовано из брошюры Н. Н. Попова—„Мелкобуржуазные антисоветские партии").

Литература: 1) Плеханов.—„Анархизм и социализм". 2) Горев.—„Анархисты, максималисты, махаевцы". 3) Ленин, В. И.—„Социализм и анархизм". Избранные речи и статьи, т. I, стр. 516—519. 4) Яковлев.—„Русский анархизм в великой русской революции".

Анархистский Интернационал

Бакунисты вскоре (15-го сентября 1872 года) созвали антиавторитарный (т. е. высказывающийся против всякой власти) с'езд в Сент-Ильве, где присутствовали

испанская, итальянская и юрская федерации и несколько французских и американских секций. С'езд этот об'явил себя Интернационалом и провозгласил своей задачей уничтожение всякой власти. Таким образом, Гаагский конгресс (5-ый) был последним конгрессом об'единенного Интернационала.

С этого момента существовали два Интернационала: старый—марксистский и новый—анархистский.

Старый Интернационал перенес генеральный совет в Америку, где во главе его стал Зорге, друг Маркса и Энгельса. На созванный в Женеве (1873 г.) конгресс прибыли почти одни швейцарцы да один германец и один австриец. Старый Интернационал в Европе умер. В Америке он прозябал до 1876 года, когда он на Филадельфийской конференции был об'явлен распущенным.

Анархистский Интернационал просуществовал несколько лет, устраивая с'езды и конференции. Но он с самого начала обнаружил полное бессилие и оторванность от рабочих масс. Когда с развитием рабочего движения в разных странах стали складываться политические партии пролетариата, они взяли из арсенала средств I Интернационала всеобщую стачку, об'явив ее единственным средством борьбы. Но и всеобщая стачка была чем-то наносным и чуждым той среде, которая питала анархизм (мелкобуржуазной и босяцкой), более характерным для них являлось бунтарство, возведенное итальянцами в теорию „парлефетизма“—пропаганду действием, фактом. Но из затевавшихся бакунистами бунтов ничего не выходило (фиаско попытки вызвать голодные бунты в Болонье, полное поражение бунтарств в России в эпоху хождения в народ). С'езд в 1877 году в Вервье был последним с'ездом анархистского Интернационала, предавшим анафеме не только буржуазный мир, но и социалистов, как „реакционную массу“. В 80-х годах анархизм выродился в индивидуальный террор, перестав играть всякую роль, как фактор массового рабочего движения.

Б

Беззаглавцы Безвременье, наступившее вслед за революционным под'емом 1905 г., между прочим, характеризуется значительным отливом интеллигенции из партии С.-Д. Возложив всю тяжесть ра-

боты на рабочих, преждевременно одряхлевшая интеллигенция ищет себе пристанища и находит его под сенью межеумочного журнала „Без заглавия“, издаваемого небезызвестными в настоящее время вдохновителями белой эмиграции Прокоповичем, Кусковой и др. Беззаглавцы, получившие свое имя от названия журнала, совершают свой путь по наклонной плоскости. Начав с ревизионизма с попыткой его легализовать, они перекочевывают в культурно-просветительные учреждения, где много разлагольствуют о „надклассовой науке“, оттуда в кооперативы и кончают полным отрывом от рабочего движения, к которому всегда усиленно старались примазаться.

Бернштейнианство Бернштейнианство—оппортунистическое течение в рядах немецкой социал-демократии, а потом и международного социализма, получившее свое название от имени видного теоретика Эд. Бернштейна. Бернштейн в 80 гг. стоял на крайнем левом крыле с.-д., судился за оскорбление величества, жил эмигрантом в Цюрихе; оттуда вынужден был переехать в Лондон, где стал учеником Энгельса. К концу 90 годов он значительно меняет свою позицию. В нашумевшей книге „Предпосылки социализма и задачи социал-демократии“ Бернштейн подвергает „пересмотру“ философское и экономическое учение Маркса. Исторический процесс ведет не к углублению пропасти между враждебными классами—буржуазией и пролетариатом, а к ее заполнению; ожидание социалистического переворота, „из царства необходимости в царство свободы“ заменяется верой в постоянное достижение социализма, через парламентскую борьбу; фабричное законодательство, демократизация местного самоуправления—важнейшие этапы на путях к конечной цели. Неверен тезис, что у пролетария нет отечества, что социализм знаменует торжество интернационализма.

Таково „ревизионистское“ течение в рядах социал-демократии в противовес „ортодоксально-марксистскому“, которое возглавлял Каутский.

Империалистическая война 1914 года сблизила врагов: Бернштейн сделал шаг налево, Каутский—направо, и оба они очутились в стане „независимых социал-демократов“, колеблющегося центра между последовательными революционерами „спартаковцами“ и соглашателями с буржуазией—„шейдемановцами“.

Беспартийные рабочие организации

Одновременно с уходом интеллигенции из партии (см. „Беззаглавцы“) и из революционного движения вообще, превозносится беспартийность и выдвигается идея „беспартийного“ рабочего с‘езда, имевшая несомненно контр-революционный характер. На многих предприятиях, при самом деятельном участии идеологов беспартийности, образуются беспартийные комитеты. Не успев родиться, они сразу же терпят крах и теряют доверие рабочих. Об этом тов. Зиновьев пишет так: „В атмосфере общего упадка при отсутствии активности со стороны самих рабочих масс, эти беспартийные заводские комитеты, не связанные никакой программой, ни партийной дисциплиной, ни контролем и, с другой стороны, всячески соблазняемые агентами капитала, часто деморализуются сами и вносят деморализацию в среду рабочих. Так, например, недавно обанкротился и беспартийный Семянниковский комитет, избранный всеобщим, равным и т. д. голосованием. Он давно уже вызывал недовольство рабочих и был окончательно свергнут за то, что поднес холопский адрес директору завода Гиппиусу, вопреки воле огромного большинства рабочих. Этот же комитет, между прочим, высказался против забастовки 22 ноября[1]), тогда как рабочие завода забастовали, как один человек. Падение Семянниковского беспартийного комитета можно считать симптоматическим. Замечается тенденция „от беспартийности к партийности“.

Сторонники насаждения беспартийных рабочих организаций имели свой печатный орган: „Рабочая газета“, издаваемая неким Ушаковым. Эта газета была полна гнуснейших выходок против с.-д.

Литература:—Статья из № 26 „Пролетария“ от 1/IV—1908 г., помещенная в сочинениях т. Г. Зиновьева, т. I, стр. 81—85. Ленин, В. И.—„От беспартийности к партийности“. См.: „25 лет РКП“, стр. 135—138.

Больничные кассы

Закон об обеспечении рабочих на случай болезни был издан в 1912 году (см. „Фабричное Законодательство“). По этому закону, для обеспечения рабочих от болезней, в предприятиях учреждаются больничные кассы, отдельные для более крупных предприятий и общие для нескольких более

[1]) Забастовка сочувствия втородумцам с.-д. по призыву ЦК.

мелких. Число членов отдельной больничной кассы не должно быть менее 200, и только с особого разрешения Присутствия по делам страхования рабочих разрешается открыть кассу и при меньшем числе участников; участие рабочих и служащих в больничной кассе является обязательным. Касса действует на основании утвержденного устава на средства, образующиеся из: а) взносов участников в размере 1-3% заработка, б) приплат предпринимателя в сумме $^2/_3$ всех взносов участников кассы, в) доходов с имущества, г) денежных взысканий, пени и других случайных поступлений. Кассы устраивают и содержат собственные амбулатории, приемные покои, больницы, родильные приюты или же входят в сношения с городскими и земскими общественными управлениями и частными лечебными заведениями о представлении врачебной помощи их членам.

Врачебная помощь нуждающимся, в том числе и больничное лечение, предоставляется всем участникам кассы за счет владельца предприятия и включает также и бесплатную выдачу лекарств, перевязочных материалов и других медицинских принадлежностей.

Больничные кассы выдают участникам денежные пособия в случае болезни и утраты трудоспособности от увечья—в размере от четверти до двух третей их заработка во все время болезни, но не долее 26 недель, а при повторных заболеваниях—до 30 недель в течение года.

Роженицам пособие оказывается в размере от половины до полного заработка в продолжение 2-х недель до родов и 4-х после родов, при чем правом на пособие пользуются лишь роженицы, состоявшие участницами кассы не менее 3-х месяцев.

Пособие на погребение выдается кассой в размере $^2/_3$ или полного месячного жалованья рабочего.

Кроме того, касса может распространять оказание врачебной помощи и выдачу денежных пособий также и на членов семейств участников.

Обеспечивая, таким образом, рабочего на случай болезни, закон не нашел возможным передать управление делами этих касс целиком в руки рабочих, а вместо этого создал сложную систему опеки над рабочими в лице предпринимателя, фабричной инспекции и губернского начальства и этим в существенных чертах затронул интересы рабочих.

Управление делами кассы по закону передано ведению: а) общего собрания, состоящего из уполномоченных, избираемых участниками в количестве не более 100 человек, и представителей владельца предприятий, обладающего двумя третями голосов присутствующих на собрании уполномоченных и б) правления кассы.

Председательствование на общем собрании, а при желании и в правлении кассы, также принадлежит владельцу предприятия или лицу, им назначенному.

Правление кассы состоит из нечетного числа членов, частью избираемых общим собранием, частью назначаемых предпринимателем; число избранных членов правления должно быть на одно лицо больше числа членов по назначению.

Владельцу предприятия принадлежит также право не приводить в исполнение постановления как правления кассы, так равно и общего собрания, а обжаловать его Присутствию по делам страхования рабочих, если он почему-либо находит, что эти постановления нарушают закон или устав.

Власти фабричной инспекции, Присутствия по делам страхования рабочих и губернатора, тяготеющие как над самой кассой, так равно и над членами правления,—все довершает собою систему надзора над предоставленной законом рабочим самостоятельностью в такой, казалось бы, узкой и специальной области. Такова сущность закона об обеспечении рабочих на случай болезни.

И этот закон и родственный ему не только по времени, но и по духу закон о страховых товариществах (см. „Страховые Товарищества“), конечно, не могли удовлетворить рабочих.

Они вызвали в рабочих массах так называемое страховое движение, в котором приняли участие и большевики и меньшевики-ликвидаторы, но с различными программами.

Страховики-большевики прекрасно понимали, что страховые законы 1912 года не стоят выеденного яйца в смысле надлежащего социального обеспечения рабочих. Они стремились использовать эти законы и вводимые ими больничные кассы, собрание уполномоченных, представительство рабочих в Страховом Совете и страховых присутствиях с агитационной целью для проведения в рабочие массы правильных марксистских (коммунистических) понятий о страховании, для революционной борьбы рабочих за общие рабочие требования. Страховое движение для страховиков-

большевиков было лишь частью общего рабочего движения, никакие крупные достижения в страховой области не мыслимы для рабочих без могучего экономического и политического их движения.

Поэтому большевики-страховики отводили первенствующее место в страховании политике. „В страховое дело рабочие должны внести свою рабочую политику, каждый шаг в страховой политике они должны оценить с точки зрения своих общих, политических интересов. Только при этом условии они смогут хоть чего-нибудь добиться для себя от страхования“.

Здесь было первое коренное разногласие с меньшевиками-ликвидаторами. В этом вопросе последние поддавались влиянию буржуазии и договорились до того, что в страховое дело не нужно вносить политику. Этим ликвидаторы затушевали классовое развитие пролетариата и проводили влияние буржуазии на пролетариат.

Далее страховики-большевики, стремясь использовать страховые законы 1912 года для развития классового сознания пролетариата и для массовой его организации, проводили в своей программе максимальные страховые требования—общегородские больничные кассы, как об‘единяющие наибольшие массы рабочих, и единый рабочий страховой закон, который включал в себе все рабочие страховые требования.

Ликвидаторы и здесь заняли „умеренное“ (соглашательское) направление: выдвигали лозунги частичных „дополнений и изменений“ к законам 1912 г. и т. д.

Само собою разумеется, что здесь линии большевиков и ликвидаторов разошлись. Началась упорная борьба за влияние на рабочий класс, которая окончилась, в конце концов, победой большевистских лозунгов еще в период до-империалистической войны.

Небезынтересно остановиться на литературной борьбе этих направлений.

Страховики-большевики сначала не имели своего страхового журнала. В „Правде“ различных названий отведен был „Страховой Отдел“, в котором ежедневно помещались руководящие статьи по страхованию рабочих и известия о всех выдающихся событиях в области страхования.

Однако в конце 1913 года стало ясно, что необходим особый журнал. По инициативе шести депутатов-большевиков Государственной Думы был основан страховой журнал „Вопросы Страхования“, первый номер которого вышел 26 октября 1913 года.

Казалось, именующим себя защитниками интересов рабочего класса нужно было только приветствовать появление нового страхового журнала. Не тут-то было. Ликвидаторы, уже с конца 1912 года имевшие свой страховой журнал „Страхование Рабочих“, подняли кампанию против попытки шести депутатов-большевиков основать новый страховой журнал. Конечно, это мотивировалось необходимостью сохранения „единства“ страхового движения, в основе же имело боязнь влияния на рабочие массы большевистских страховых лозунгов.

Началась агитация в рабочих массах против поддержки журнала, началась травля отдельных лиц.

Но все было тщетно: „Вопросы Страхования“ приобретали все большую популярность среди рабочих. На заводах и фабриках выносились резолюции о поддержке „Вопросов Страхования“. Вскоре этот журнал, без сомнения, стал руководящим в рабочем движении, оттеснив на задний план „Страхование Рабочих“.

(Заимствовано из Юбилейного Сборника: „25 лет РКП (большевиков)“. А. Винокуров: „Рабочее Страховое Движение“, стр. 176—179).

Большевики и меньшевики Направление „Искры“, возглавляемой в то время (1903 г.) Владимиром Ильичем, одержало полную победу на втором с'езде Р. С.-Д. Р. П. (См. „II й С'езд“) на котором принята была с ничтожными поправками програма, выработанная редакцией „Искры“ и „Зари“.

Но на этом же с'езде партии наметился раскол между двумя фракциями, последовавший официально после с'езда. При обсуждении § 1 устава партии выдвинуты были разные точки зрения на то, чем должна определяться принадлежность к партии. Большевики, за которыми укрепилось это название от большинства с'езда, голосовали за предложение Ленина, требовали от членов партии не только признания программы, „поддержки и содействия“, но и участия в партийной организации; меньшевики (от меньшинства, собранного предложением Мартова)—только призна-

ния поддержки и содействия. Тут в зародыше уже крылось принципиальное и глубокое расхождение, приводившее впоследствии к розни, и принципиальному, и тактическому расколу по всем вопросам, возникавшим в процессе революции.

Если, как всегда думали большевики, рабочий класс является главной и единственно последовательной (идущей до конца) силой революции, возглавляющей демократические массы (трудовое крестьянство) в борьбе, от которой пролетариат ожидает полного осуществления своих требований, то политическая партия этого класса должна быть партией революционного действия, отмежевывающейся от мелкобуржуазных элементов, ограничивающихся только „сочувствием и содействием“; если же пролетариат является только одной (хотя и самой значительной) из борющихся сил, которая в союзе с оппозиционной буржуазией может достигнуть некоторых результатов борьбы (удовлетворяющих и союзников), то партия может и должна остаться союзом действующих и сочувствующих элементов, союзом различных, по революционной активности, сил. Коренное расхождение между большевиками и меньшевиками обнаружилось и в решении на с‘езде другого вопроса—организационного. Большевики отстаивали принцип централизованной организации, действующей по директивам Центрального Комитета партии; меньшевики—„демократическую“ организацию, т.-е. фактически (в условиях революционной борьбы) расплывчатую массу местных организаций.

После с‘езда разногласия между большевиками и меньшевиками еще более углубились. Официальный орган партии „Искра“ перешел к меньшевикам, между тем как ЦК имел большевистское большинство; большевики основали свой орган „Вперед“. Между тем растущая революционная волна, захватившая огромные массы рабочих, вовлекшая в водоворот революции и крестьянство, и разбудившая от политического сна и некоторые слои „общества“—буржуазии—выдвигала ряд вопросов, на которые нужно было откликнуться немедленно. И большевики и меньшевики откликались на них совершенно различно.

В особенности глубоко раз‘единяющими моментами явились оценка ожидаемой революции и отношение к либеральной (буржуазной) оппозиции, усилившейся во время русско-японской войны.

Меньшевики полагали, что революция будет буржуазной, т.-е., что она неизбежно упрочит господство буржуазии за счет дворянско-крепостнических элементов; поэтому они роль пролетариата усматривали в толкании буржуазии на путь революции.

Большевики же, не утверждая, что революция будет социалистической, исключительно пролетарской по своим достижениям, полагали, однако, что наша революция не будет похожа на прежние буржуазные революции Европы, что она будет не столько продуктом несовместимости самодержавия с господством буржуазии, сколько продуктом противоречий внутри буржуазного строя, пропасти между капиталом и трудом. Буржуазия, по мнению большевиков, скорее пойдет на соглашение с царизмом, чем на общий путь борьбы за политическое освобождение с пролетариатом. Это диктовало тактику самостоятельной классовой войны в союзе с трудовым крестьянством, ожидающим от революции удовлетворения своих социальных требований (земли), направленных, в общем, против крупной буржуазии. Поэтому большевики высказались против каких бы то ни было соглашений с буржуазными либералами и звали к неустанным революционным действиям, которые отпугивали буржуазию, но сплачивали лагерь революции, увлекая за пролетариатом трудовое крестьянство.

Раскол, начавшийся на II партийном с‘езде, все более и более углублялся, так как меньшевики неуклонно шли в сторону измены рабочему классу, тяготея к либеральной буржуазии, большевики же неизменно оставались на позиции революционного марксизма. Вся дальнейшая история рабочего движения с неопровержимостью свидетельствует об этом. (См. „Декабрьское восстание, Государственные Думы, Циммервальдская Конференция, Февральская революция, III, IV, V и VI С‘езды Партии“).

Литература: 1) Ленин, В. И.—„За 12 лет“. Сборник статей. 2) Его же—„Две тактики“. Собрание сочинений, т. VI. 3) Его же—„Почему я вышел из редакции „Искры“.—Избранные статьи и речи, т. I. 4) Каменев, Л. Б.—„Меньшевики в 1-й русской революции“. 5) Шляпников.—„Накануне 1917 года“.

Большевики и первая Государственная Дума В эпоху первой Государственной Думы большевики упорно разоблачали „конституционные иллюзии“, овладевшие меньшевиками, оппортунизм трудовиков,

и сделки кадетов с царским правительством (см. „Государственные Думы").

Литература: 1) Ленин, В. И.—„Победа кадетов и задачи рабочей партии". Избранные статьи и речи, т. II, стр. 41—110. 2) Ленин, В. И.—„Роспуск Думы" и „Задачи пролетарната". Избранные статьи и речи, т. II, стр. 117—136.

Большевики и вторая Государственная Дума На выборах во вторую Государственную Думу, в целях преодоления особенностей избирательного закона, трех-четырехстепенных выборов, куриальной системы, большевики, в борьбе с кадетами, проводили „левый блок", поддерживая эс-эров, трудовиков, левых крестьян и другие революционные элементы, начиная со второй и последующих ступеней выборов, отказываясь, однако, от всяких соглашений в рабочей курии.

Меньшевики, ссылаясь на черносотенную опасность, проводили блок с кадетами. „Левый блок" носил технический характер временных избирательных соглашений, не связывая никакими обязательствами с.-д. думской фракции, в отличие от меньшевиков, настаивавших на длительном сотрудничестве с кадетами в Государственной Думе, в целях изоляции правительства.

Литература: 1) Ленин, В. И.—„О бойкоте". Избр. статьи и речи, т. II, стр. 140—147. 2) Ленин, В. И.—„Вторая Дума и вторая волна революции". Избр. статьи и речи, т. II, стр. 217—221. 3) Ленин В. И.—„Платформа революционной социал-демократии". Избр. статьи и речи, т. II, стр. 221—226.

Большевики и третья Государственная Дума По вопросу об участии в третьей Государственной Думе среди большевиков были значительные разногласия. Значительная часть фракции настаивала на бойкоте Думы.

Ленин решительно настаивал на выборах. Собранная, по этому вопросу, общепартийная конференция голосами ленинцев и меньшевиков высказалась за участие в Думе. Небольшая группа большевиков во главе с А. Богдановым, Луначарским, Станиславом Вольским, Г. Алексинским и др. продолжала настаивать на тактике бойкота, выдвигая частью план пред‘явления думской с.-д. фракции ультиматума (см. „Ультиматисты"), частью простого отзыва с.-д. фракции из Государственной Думы (см „Отзовисты). Позднее

„богдановцы“ организовались в самостоятельную фракцию, издавая за границей собственный печатный орган „Вперед“ (впередовцы), отрицательно относившийся к участию с.-д. в Государственной Думе и к возможности, не прерывая подпольной работы, использования „легальных возможностей“ вообще. Группа „Вперед“, имевшая некоторый успех в эмигрантской среде, не получила влияния в России и постепенно распалась.

Литература: Ленин, В. И.—„Против бойкота“. Избр. статьи и речи т. II, стр. 280—310.

Большевики и четвертая Государственная Дума Большевистская фракция четвертой Государственной Думы, в дни всеобщей измены и предательства, охвативших партии II-го Интернационала с момента об‘явления войны, сохранила верность принципам революционной с.-д., как и вся большевистская партия, целиком примыкая к так называемой „пораженческой“ позиции ЦК. Выданная московским провокатором Романовым, фракция подверглась аресту 4-го ноября 1914 года на совещании с представителями местных организаций, созванном для обсуждения тезисов ЦК по вопросу о войне, выработанных Лениным и напечатанных в № 33 „Социал-Демократа“, цент. органа партии, издававшегося за границей. Судебная палата приговорила к ссылке на поселение Каменева, руководившего думской фракцией, и депутатов: Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова, которые пробыли в Сибири вплоть до Февральской революции.

Большевики на Стокгольмском с‘езде (см. „С‘езды Р. С.-Д. Р. П.“).

Большевики и Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. 1908 г. (см. „Всероссийская конференция“)

Литература: В. И. Ленин.—Избранные статьи и речи, т. II, стр. 396—398, 404—408.

Брестский мир Уже на второй день после Октябрьской революции власть, поставленная советами труда, приступила к своей работе—к устранению от власти и обладания богатствами страны нетрудовых элементов и передаче этой власти и богатств в руки трудящихся. Первым шагом к этому должно было быть—прекращение империалистической войны.

Поэтому Второй Всероссийский С'езд 25 октября 1917 г. (по ст. стилю) опубликовал декрет, предлагающий „всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о справедливом демократическом мире“, т.-е. о мире без аннексий и контрибуций.

3 ноября народный комиссар по иностранным делам тов. Троцкий обратился с нотой ко всем посольствам Антанты с предложением начать переговоры о всеобщем мире. Такие попытки не прекращались со стороны Советского правительства долгое время. Но державы Антанты не только слышать не хотели о мире, но все время прибегали к самым гнусным мерам, чтобы помешать России стать на путь мира. Так, когда, не получив ответа на повторное предложение о перемирии на всех фронтах, Советское правительство отдало 9 ноября приказ тогдашнему главнокомандующему генералу Духонину приступить к переговорам о перемирии с германским командованием, военные агены Антанты, находившиеся в России, послали Духонину решительный протест против таких переговоров.

Революционная Россия, не желая воевать за интересы Антантовского империализма, вынуждена была вести переговоры с Германией отдельно от воюющих держав.

19 ноября произошла встреча в Бресте между уполномоченными Советской России и Германии; после долгих переговоров, 2 декабря было заключено перемирие, а с 9-го приступлено к мирным переговорам.

В начале переговоров германский империализм был сравнительно уступчив, рассчитывая на привлечение к переговорам держав Антанты, и в тот момент стремился к этому, предвидя, что счастье войны отвернется от Германии. Но когда германцы убедились, что мирные призывы Советского правительства не действуют на союзников, они повернули фронт и поставили ряд тяжких условий мира (отход к Германии территории размером свыше 150.000 квадратных верст с польским, украинским, белорусским, латышским и эстонским населением, при сохранении на этой территории режима военной оккупации). Положение ухудшалось „украинским вопросом“, когда украинские шовинисты предпочли союзу с Советской Россией союз Украины с империалистической Германией — той кайзеровской Германией, которая давила военным сапогом в колониях и у себя дома все маленькие народности. Делалось это под

влиянием контр-революционной буржуазии, которая, воспользовавшись сепаратистскими устремлениями мелкобуржуазных элементов интеллигенции Украины, стремилась к разложению единого фронта трудящихся.

Советская делегация отказалась подписать такой мир. Не дожидаясь истечения срока перемирия, германцы начали 5 февраля 1918 года наступление по всему фронту.

Не имея сил к отпору, Советское правительство вынуждено было подписать 3 марта мир еще на более худших условиях.

Брестский мир был крайне тягостен для революционной России и вызвал протест со стороны значительного числа участников IV С'езда Советов, на котором он был ратифицирован (704 голоса за ратификацию, 285—против, при 115 воздержавшихся). Но другого выхода из положения не было. Он давал плохой мир, но мир, т.-е. возможность приступить к положительной работе.

Литература: 1) Н. Ленин-(В. Ульянов).—„Избранные статьи и речи", т. III, стр. 350—357. 2) Ленин и Брестский мир.—ГИЗ, 1923 г

Булыгинская Дума

Восемнадцатого февраля 1905 года был дан „высочайший рескрипт" на имя тогдашнего министра внутренних дел Булыгина о созыве народных представителей, а шестого августа того же года вышло положение о „Булыгинской" Думе.

Эта Дума должна была носить характер не законодательного собрания, а только совещательного и являлась той обглоданной „конституционной" костью, которую самодержавие бросило, как средство успокоения, поднявшейся стране. Представители „культуры и прогресса" и земско-либеральной оппозиции обоими руками ухватились за Булыгинскую „конституцию", сулившую им некоторые блага. Им грезилась „ликвидация" абсолютизма по германскому рецепту, а отнюдь не на французский лад. Они боялись кровавого восстания всего народа, которое могло бы кончиться разрушением культуры и начали славить „мирную революцию", соглашение с „исторической властью".

Вопрос об участии в выборах для наших либеральных земцев и хранителей „культуры"—адвокатов и профессоров, не был вопросом. С полной готовностью пошли они на сделку с самодержавием, так как призрак демократической республики, при которой рабочий класс в союзе с крестьянством может смести их самих, воплощался в реальные формы.

Но полная готовность этих слоев буржуазии заключить с абсолютизмом мирный трактат и дележ власти разбилась о сопротивление рабочего класса, уже к тому времени являвшегося главной организованной руководящей революционной силой. Между двух врагов народной свободы, открывших друг другу об'ятия, чтобы общими силами задавить ее, бросился передовой отряд революционной армии—рабочий класс—и сорвал готовую уже совершиться сделку.

„Идейным вождем рабочего класса, в этот момент революционной эпопеи, являлось революционное крыло нашей социал-демократической партии. Внутри нашей партии обнаружились значительные разногласия по этому поводу. Наше правое крыло склонялось к тому, что в выборах в бесправную Булыгинскую Думу следует принять участие, при чем лишенные избирательных прав рабочие должны передоверить защиту своих интересов тем буржуазным демократам, которые дадут рабочим торжественное обещание продолжать дальнейшую борьбу за полную свободу. С участием в выборах в Булыгинскую Думу эти наши товарищи связывали, конечно, совершенно иные надежды, нежели либералы, но ошибочная их позиция тем не менее угрожала очень вредными последствиями. Левое же крыло партии настаивало на том, что рабочий класс должен провозгласить бойкот этого мнимого парламента, продолжить свою непосредственную революционную борьбу против старого строя, призвать к этой борьбе все демократические элементы страны, и не только не передоверять защиты народной свободы буржуазно-либеральной демократии, но вести против ее политики предательства самую решительную борьбу".

„К счастью, победило это второе течение и социал-демократия в общем отстаивала бойкот Булыгинской Думы...

„Булыгинская конституция" бойкотировала рабочий класс,—она хотела лишить его избирательных прав в эту Думу. Рабочий класс сбойкотировал Булыгинскую Думу, увлекши за собой огромное большинство буржуазной демократии" (Г. Зиновьев).

Литература: 1) Ленин, В. И.—„Бойкот „Булыгинской" Думы и восстание". 2) Зиновьев, Г.—Соч., т. I. Булыгинская Дума. Бойкот и срыв Булыгинской Думы. 3) История Российской Социал-Демократии под редакцией Мартова. Стр. 130—133.

Бунд Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Польше, Литве и России „(Бунд) образовался в сентябре 1897 г. на с‘езде в Вильне и развил широкую работу преимущественно в массах мелкого еврейского ремесленничества. Бунд вошел в Р.С.-Д.Р.П. на первом ее с‘езде в 1898 г., как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата“. До 1901 г. в числе политических требований Бунд выставляет особо лишь требования гражданского равноправия евреев. На II с‘езде Р.С.-Д.Р.П. в 1903 г. Бунд вышел из партии, когда с‘езд отверг его требования признать его единственным представителем еврейского пролетариата и принять построение партии на федеративных началах. На VI своем с‘езде в 1905 г. Бунд выдвигает требование „национально-культурной автономии“, выражающейся в из‘ятии из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.) и передаче их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования“. Вторичное об‘единение Бунда с Р.С.-Д.Р.П. произошло после Стокгольмского „Об‘единительного“ С‘езда в 1906 г. С‘езд не рассмотрел вопроса о национальной программе Бунда, оставив его открытым. Во внутрипартийной борьбе Бунд занимал в большинстве случаев правую позицию, поддерживая меньшевиков, а с 1912 г. вступает в тесные организационные отношения с ликвидаторами. Во время войны Бунд занимает (исключая немногих интернационалистических элементов) определенную оборонческую позицию, а после Февральской революции поддерживает коалиционное правительство и его военную политику, а также ведет борьбу с большевизмом. Октябрьская революция усиливает, однако, интернационалистические элементы в рядах Бунда и постепенно толкает рабочие массы, шедшие за ними, к сближению с Коммунистической партией, и в марте 1921 года, на конференции в Минске, Бунд постановляет войти в РКП. Еще раньше, в 1920 г., на своей XII конференции, Бунд признал официально ненужность главного своего националистического требования, заявив, что „требование культ.-нац. автономии, выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции“.

Литература: 1) Рафес, М.—„Очерки по истории Бунда“; в особ. стр. 41—57, 90—107, 121—126, 173—184, 223—246 и 283—293. 2) Бухбиндер—„Материалы для истории еврейского рабочего движения в России“. Вып. I. ГИЗ 3) В. И. Ленин.—Собрание сочинений, т. IV, стр. 216—225, 192—201, 245—260.

В

„Великая Россия“

В области промышленности за время контр-революции 1907—1914 г. г. народился и сформировался финансовый капитал, создавший синдикаты и тресты, спаявший их с банками, охвативший ряд промышленных отраслей тугим кольцом монополистических об'единений. Крестным отцом российского финансового капитала был финансовый капитал заграницы: французский, немецкий, английский и бельгийский. Вместе с финансовым капитализмом возникла и новая, доселе невиданная, форма—для империалистской буржуазии, политической выразительницей которой стала партия, так называемая „Народной свободы“ (кадеты). Прежняя либеральная оппозиция, опиравшаяся на технически-прогрессивную буржуазию, превратилась в партию воинствующего империализма, защитника великодержавности, почитателя божественной „государственности“ со всеми ее милитаристическими атрибутами. На знамени этой партии красуется „Великая Россия“—лозунг, списанный с немецкого образца (Grösseres Deutschland), при чем под величием в этих случаях разумеется разбойное удушение всех малых, а по возможности и остальных народов, панславистская агитация, усиленная пропаганда создания „национальных культурных ценностей“ (в первую голову армии и флота) и выявление национального лица. Первым апостолом этого неприкрытого разбойничества стал ренегат социал-демократии Петр Струве. Сборник „Вехи“, журнал „Русская Мысль“, тесный союз науки в лице того же Струве с промышленностью в лице московского воротилы и мецената П. Рябушинского стали служить теоретической крепостью российского империализма. Его признанным политическим вождем явился лидер кадетов, небезызвестный профессор Милюков.

Так под крылом бешеной контр-революции нарастала „прогрессивно-капиталистическая“ империалистическая оппозиция, опиравшаяся на „просвещенных“ помещиков и финансовый капитал.

„Вехи“ На известной ступени промышленного развития интересы интеллигенции тесно связаны с интересами капитала. Развитие капиталистического производства в стране знаменует повышение техники-производства, для чего требуется много инженеров, техников, бухгалтеров и тому подобное. Развитие капиталистического производства ведет к возникновению целого ряда интеллигентских профессий, косвенно обслуживающих капитал (судьи, адвокаты и т. п.), и к услужению государственной машины, к сильному развитию бюрократии, что доставляет интеллигенции широкое поле для приложения ее труда. С этой же точки зрения выгодна для интеллигенции завоевательная политика капитала: в покоренных странах интеллигенция находит для себя много выгодных профессий. Немудрено, что русская интеллигенция была поэтому такой яркой сторонницей империалистической войны, завоевания Дарданелл и т. п. До тех пор, пока капитализм идет по восходящей линии развития, интеллигенция стоит на его стороне, является верным „подданным“ капитала.

Развитие капитала плохо мирится с голым, грубым самодержавием. Идеалом буржуазии является конституционный, парламентский строй. Интеллигенция со своей стороны не мирится с самодержавием, полицейским государством, которое грубо душит мысль (а интеллигент—работник в области мысли), которое боится просвещения, стремится держать народ в темноте и этим сокращает область приложения труда интеллигенции.

Не мудрено, что интеллигенция пылко бросается в борьбу против самодержавия. В этом ею руководят групповые интересы. Но сил одной интеллигенции мало для этой борьбы. Для успеха ее она должна найти себе могучих союзников в среде многомиллионных масс трудового населения. Вся история русского революционного движения, поскольку оно питалось интеллигентской средой,—есть стремление найти себе таких союзников в среде то крестьянства, то пролетариата. Но, чтобы увлечь эти слои, интеллигенты-революционеры должны выставить в своих программах требования, идущие гораздо дальше того, что требуется классовыми интересами самой интеллигенции. Крестьянству нужно взять землю у помещика, и интеллигенты пишут на своих знаменах: „Земля и Воля“ и „Черный Передел“; рабочим нужен социализм, и интеллигенты рядятся в красивые, красные одежды революцион-

ного социализма. Для интеллигентов-революционеров, остающихся насквозь буржуазными интеллигентами, важно увлечь в борьбу трудовые массы, а во время революции они, сильные своими знаниями и доверием масс, сумеют обмануть эти массы, сумеют ограничить их революционную энергию, направить ее в русло чисто буржуазной революции. Так было в Западной Европе, так надеялась сделать и наша интеллигенция.

В 1905 году пришла эта революция. Она дала кое-что (хотя и не все) для буржуазии и интеллигенции. С другой стороны, рабочие и крестьянские массы обнаружили во время революции, что они не ограничиваются тем, что нужно буржуазии и интеллигенции, что они „всерьез“ вступают в борьбу за землю и революцию. При таких условиях продолжать дальше революционную борьбу стало делом рискованным для буржуазной интеллигенции. Выгоднее было примириться на том, что дала революция 1905 г., перестать будить к революционной борьбе крестьян и рабочих и на почве завоеванного медленно, постепенно, осторожно расширять права и власть буржуазии.

Раньше всех и яснее всех поняла опасность рабоче-крестьянской революции для буржуазной интеллигенции группа литераторов, раньше выступавших социалистами, а потом перекочевавших в лагерь правых кадетов. Эта группа в 1909 году выпустила сборник под заглавием—„Вехи“. В него входили статьи П. Б. Струве, Бердяева, Булгакова, Гершензона, Б. Костяковского, Изгоева и Франка. Этот сборник произвел в свое время на интеллигенцию глубокое впечатление.

„Перестаньте быть революционерами, перестаньте играть с огнем. Трудовой народ не помирится на вашей революции, он захочет идти дальше. Власти над ним во время революции вы иметь не будете, ибо народ ненавидит вас“. „Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом,—бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одними своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной“ (Фраза из статьи М. О. Гершензона в „Вехах“). Таковы в кратких словах выводы авторов „Вех“.

„Вехи“—это был манифест русской интеллигенции, уходившей от революции и социализма, примиряющейся с царским самодержавием, как только оно сделало буржуазии кое-какие уступки.

Весь сборник „Вехи“ проникнут ярко-буржуазной идеологией.—„Веховцы“—это был авангард русской интеллигенции, открыто переходящей в лагерь буржуазии.

Появление „Вех“ вызвало смятение в рядах русской интеллигенции. „Веховцы“ слишком откровенно и прямо поставили вопрос о переходе в буржуазный лагерь и о примирении с царизмом, и этим слишком рано и слишком откровенно раскрыли карты буржуазной интеллигенции. Не говоря о журнальных статьях, в ответ „Вехам“ были изданы два специальных сборника: один—эс-эрами („Вехи“, как знамение времени“) и другой кадетами („Интеллигенция в России“). Авторы обоих сборников, повидимому, резко опровергали веховцев, но,—как это ясно показали последующие события,—по существу были вполне согласны с веховцами. В самом деле, вся думская деятельность была прямым примирением с самодержавием, прямым отказом от революционных путей, от социализма. Во время войны вся русская интеллигенция, до меньшевиков включительно, энергично поддерживала империалистическую политику самодержавия. Перед Февральской революцией кадеты употребляли все усилия, чтобы предотвратить эту революцию, а с самого начала революции и кадеты, и меньшевики, и эс-эры поставили своей задачей ввести революцию в чисто буржуазные рамки, защитить буржуазную собственность, довести войну „до победного конца“ и помешать трудящимся стать у власти. После Октябрьской революции кадеты, эс-эры и меньшевики дружно об'единились с царскими генералами в борьбе против крестьян и рабочих, комбинируя свою работу с работой этих генералов, входили в состав коалиционных белогвардейских правительств, в которых главной движущей силой были прогнанные из имений помещики, бывшие фабриканты, бывшие царские министры и генералы. Война и революция резко, ребром поставили вопрос о классовой борьбе, толкнули и увлекли всю русскую буржуазную интеллигенцию на тот путь, который за несколько лет до этого указывали авторы „Вех“. По дороге, обставленной этими вехами, прошла вся русская буржуазная интеллигенция—и кадеты, и эс-эры, и меньшевики—лагерь помещичьей буржуазной контр-революции.

Литература: 1) Каменев Л. Б.—Между двумя революциями, стр. 289—319. 2) Интеллигенция и революция.—Сборник статей М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, А. К. Воронского и Вяч. Полон-

ского. 3) Г. Зиновьев.—Интеллигенция и революция. 4) „Вехи"—Сборник статей о русской интеллигенции. 5) Ленин В. И.—Веховцы и национализм. Избр. статьи и речи, т. II, стр. 408—409.

Викжель Викжель—(Всероссийский Исполнительный Комитет союза железнодорожников). Октябрьско-декабрьская железнодорожная забастовка 1905 г. протекала при непосредственном участии и общем руководстве союза железнодорожников.

Карательные экспедиции Римана и Ренненкампфа жестоко расправились с союзом и очистили железные дороги России от всех революционных элементов.

После Февральской революции уцелевшие руководители союза железнодорожников в 1905 году приступили к созданию такого союза в том виде, в каком он существовал в 1905 г. Они сразу же были поддержаны в Москве и Питере железнодорожниками, в результате чего в Петроград приехали представили почти всех дорог России в количестве 250 делегатов от разных групп и организаций железнодорожников, которые открыли заседание железнодорожной конференции 6 апреля 1917 года.

На этой конференции было много политической болтовни, что не могло не отразиться на политических резолюциях конференции. С одной стороны, конференция признала представителями железнодорожников Совет рабочих депутатов, а с другой—они заявили, что доверяют временному правительству, пока оно идет по пути укрепления народовластия в стране и пока оно не пойдет в разрез с Советами рабочих депутатов. Резолюция о форме управления страной ограничивается демократической республикой. О войне было постановлено поддерживать фронт до установления мира. В организационной форме строения и задачах железнодорожного союза была полная неразбериха. Платформа союза была определена, как профессионально-политическая со вхождением в союз всех служащих (высших и низших) и рабочих. Эта конференция наложила отпечаток и на работу учредительного с'езда железнодорожников, который собрался 15-го июля в Москве. На учредительном с'езде были представлены железнодорожники всей России, выборы были произведены по четыреххвостке, но для большевиков они прошли еще менее благоприятно, чем на первой конференции железнодорожников, ибо выборы на с'езд совпали с травлей большевиков после июльских дней. На почти 500 деле-

гатов с решающими голосами были избраны два коммуниста и один сочувствующий. С'езд состоял, главным образом, из с.-р., меньшевиков, народных социалистов и кадетов; только немногочисленная группа делегатов принадлежала к с.-р. интернационалистам.

Военно-Революционный Комитет (1917 г.) Пролетарская революция начала подготовляться большевиками в сентябре 1917 г. на целом ряде совещаний ответственных партийных работников. Настроение организованных рабочих Петроградского Совета, все более и более проникавшегося большевизмом, широких солдатских и крестьянских масс—все сулило победу пролетарскому восстанию. 16 октября (ст. стиля) пленумом Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов был образован, по предложению большевиков, Военно-Революционный Комитет из представителей военной организации большевиков, солдатской секции Совета и военной организации левых эс-эров, стоявших тогда за Октябрьский переворот.

По учету этого Комитета, Петроградский гарнизон был почти целиком за власть Советов.

Глава временного правительства, Керенский, чуя беду для буржуазной власти, отдал приказ об аресте Военно-Революционного Комитета. Ответом на это было восстание в ночь на 25 октября, отдавшее власть в руки происходившего в это время Всероссийского С'езда Советов. С'ездом было образовано Рабоче-Крестьянское правительство.

Литература: Ленин, В. И.—„Избранные статьи и речи“, том III, стр. 154—159, 247—349.

Военно-полевые суды Военно-полевые суды были введены в августе 1906 г. Столыпиным в ответ на целый ряд террористических актов (покушение на Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 года, убийство генерала Мина 13 августа того же года) и экспроприации. Правительственное сообщение о введении этих судов с беспримерным цинизмом говорило так: „Обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено к обстоятельствам нашего времени, поэтому признано необходимым издать временные правила о военно-полевом суде для

осуждения обвиняемых в наиболее тяжких преступлениях в местностях, об'явленных на военном положении и на положении чрезвычайной охраны". Так как вся Россия после 1905 года находилась на положении чрезвычайной и другой охраны, то военно-полевая юстиция действовала во всю. От суда „скорого", но далеко не милостивого, в течение двух ближайших лет погибло несколько тысяч человек.

Литература: Короленко, В. Г.—„Бытовое явление".—„Русское Богатство". 1910. № 3, 4, 7. Его же.—„Черты военного правосудия".—„Русское Богатство". 1910. № 10.

Военно-Промышленный Центральный Комитет Центральный Военно-Промышленный Комитет возник в 1915 г. в результате кампании за милитаризацию промышленности. До августа он существовал, как деловая часть при российской организации локаутчиков, при „Совете С'ездов Представителей Торговли и Промышленности". Основной задачей ЦВП Комитета было получение заказов на армию и распределение их между фабрикантами и заводчиками. Этим путем стремились устранить „недобросовестную" конкуренцию промышленников. Конечно, и помощь армии, стремление обеспечить ее всем необходимым, входили в планы учредителей этих организаций. В июле 1915 г. был с'езд представителей местных и областных военно-промышленных комитетов, который выработал устав. В августе этот устав прошел через Государственную Думу, подписан царем и стал законом в виде „Положения о ВПК". По закону было уделено там место и рабочему представительству. Практики-промышленники были не меньше правительства заинтересованы в борьбе с нарастающим революционным движением и надеялись, путем привлечения рабочих, „самих" рабочих, к колеснице милитаризма не за страх, а за совесть, отвлечь их от „большевистской и пораженческой заразы".

Пробуждение революционной активности рабочего класса, особенно петербургского района, где до самого последнего времени было сосредоточено более половины производства боевых припасов, очень озабочивало буржуазные круги. Наиболее дальновидные „вожди промышленности" находили вмешательство полиции и охранки в рабочее движение крайне вредным, обострявшим отно-

шения между капиталом и трудом, а также видели в этом вмешательстве одну из причин развития на заводах политических протестов, нарушавших нормальное воспроизведение прибыли. Красный призрак не на шутку пугал „Мининых и Пожарских“ того времени. Не веря в способность военной диктатуры разрешить рабочий вопрос, промышленники задумали пристегнуть к этому делу самих рабочих, связав их участием в деле войны, подчинить таким путем все рабочее движение своим видам.

В приглашении к выборам рабочих представителей Центральный В.-П. Комитет так определял задачи рабочих делегатов: „участвуя в трудах Центрального Военно-Промышленного Комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут наилучшему выяснению условий повышения производительности заводского труда и будут содействовать наиболее успешной работе на оборону страны“. Интересы „обороны отечества“ требовали от рабочих ровно столько, сколько было нужно и желательно предпринимателям для наилучшего обеспечения прибыли.

Другими словами: промышленники, допуская представительство рабочих как в Центральном Военно-Промышленном Комитете, так и в местных комитетах, имели целью, главным образом, обеспечить „гражданский мир“, т.-е. застраховать свои предприятия от возможных стачек.

Услужливые лакеи буржуазии, русские социал-патриоты, мобилизовали все свои силы, чтобы убедить рабочих, что их гражданский и революционный долг не только до изнеможения работать на фабриках и заводах, изготовляя все необходимое для войны, не только безропотно умирать на полях сражения, не только жертвовать богу войны свое тело, но и при всем этом делать все это с энтузиазмом, с любовью отдавать свою душу. Надо помнить, говорили они, что у русского рабочего есть родина, и эта родина в опасности. А поэтому, во имя великой идеи спасения родины, ликвидаторы, ставшие, конечно, все самыми ярыми патриотами и и шовинистами, звали рабочих итти и помогать Гучковым, Рябушинским и Нобелям наживать миллионы во имя спасения этой родины. На защиту идеи участия рабочих в военно-промышленных комитетах были мобилизованы все силы, как желтой печати,— „Биржевки“, „Русского Слова“, „Утра России“, всех „Копеек“,—

так и в первую голову все ликвидаторские литературные силы. Меньшевистская газета „Наша Заря“ в цинизме этой проповеди значительно превзошла желтую печать. В ряде статей Череванина, Маслова, Веры Засулич и прочих ренегатов с.-д. убеждают рабочих, что все спасение России в полной победе над Германией, а для этого надо стряхнуть с себя обанкротившийся интернационализм и войти в лоно Гучковых, Пуришкевичей, Милюковых и др.

Несмотря на то, что большевики, оставшиеся во время войны верными старому революционному и интернационалистическому знамени, не имели в это время легально печати и даже, в большинстве случаев, не имели оформленных нелегальных организаций и поэтому, казалось, должны были быть бессильными против всей этой питающейся буржуазным золотом печати,—но тем не менее лозунг, данный Петербургским комитетом партии, о том, чтобы не итти в военно-промышленные комитеты, но широко использовать избирательную кампанию для выборов членов этих комитетов и широко развить на выборах агитацию лозунга „долой войну“, был сразу подхвачен всей широкой массой рабочих. Уполномоченными для выборов „рабочей группы“ прошли преимущественно большевики, убежденные противники войны, которые видели спасение рабочей России в поражении царской России. Они, конечно, вместо выборов „рабочей группы“, вносили соответствующие своим взглядам резолюции. Вот для примера, одна из многих резолюций, принятая на заводе Новый Лесснер:

. . . „Одновременно с об‘явлением войны центральным империям, командующие классы России об‘явили беспощадную войну всему трудящемуся классу—пролетариату. Они задушили рабочие профессиональные союзы и просветительные общества, уничтожили рабочую печать. Они оклеветали и сослали на каторгу представителей пролетариата в Государственной Думе. И теперь, после 13 месяцев войны, после бесчисленных поражений, убедившись в невозможности победить врага внешнего, не расковав страны, они делают попытку привлечь на свою сторону рабочий класс, и только вчера расстрелянных рабочих зовут защищать „отечество“. Наш ответ может быть только один: пролетариат будет бороться за раскрепощение и освобождение трудящихся масс населения, к какой бы они национальности ни принадлежали. Всякую деятельность, связанную с поддержкой международной бойни, с поддержкой

командующих классов, в течение веков давивших и угнетавших трудовое население, мы отвергаем. Мы признаем, что только полное крушение капиталистического, полицейски самодержавного строя в состоянии вывести страну из создавшегося положения. Мы требуем немедленного созыва Всенародного Учредительного Собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права" . . .

Отказ петербургских рабочих принять лозунг „обороны" и сотрудничество с Гучковыми, Рябушинскими, заставил Гучкова с помощью „рабочего" Гвоздева доказать, что собрание выборщиков было незаконно, потому что на нем участвовали нелегальные революционеры. Было собрано 2-ое собрание, после предварительного ареста большинства участников 1-го, т.-е. ареста всех тех, кто высказывался против организации „рабочей группы" при Военно-Промышленном Комитете. И это уже собрание большинством двух голосов послушно приняло предложенный Гучковым список во главе с Гвоздевым. Но даже и на этом втором собрании очень значительная группа высказалась против выборов. Картина выборов стала широко известна рабочим, и, конечно, эти Гучковские назначенцы никаким влиянием в массах не пользовались, их просто считали его хозяйскими приказчиками. Недаром после всего этого меньшевик Потресов с грустью восклицал: „в России все еще нет патриотизма, как массового явления". Ему поддакивал Маслов, который ставил русским рабочим в пример Германию, „где не только германская промышленная буржуазия, но и руководители германского рабочего класса, стали на путь завоевательной политики". Другой видный лидер меньшевиков ставил в пример русским рабочим русских эмигрантов, из которых огромное большинство находившихся в Бельгии и Франции пошло, по его словам, добровольцами под ружье. Наконец, В. Засулич пишет: „самый факт преобладания интернационализма—именно среди русских рабочих, совершенно невероятен после всего того, что произошло среди рабочих Запада".

Конечно, этого явления меньшевистские литераторы понять не могли. Русский забитый, малограмотный или совсем неграмотный рабочий, в эту годину испытания классового самосознания международного пролетариата, оказался почти единственным, выдержавшим это испытание. В то время, как громадные массы его западно-

европейских товарищей слепо шли за своими вожаками в омут империализма и шовинизма, русский рабочий в лице своих передовых элементов остался верен старому интернациональному знамени. Меньшевики, которые всегда подходили к рабочему классу с чисто либеральной точки зрения, совершенно не сумели учесть те классовые испытания, которые получили русские рабочие за весь период их сознательной политической борьбы, т.-е. конца 90 г. г. XIX столетия. „Царское спасибо“ молодцам фанагорийцам, расстрелявшим мирных забастовщиков в Ярославле в 1895 году; первая массовая забастовка в Петербурге во время коронации в 1896 г.,—это были первые политические уроки, полученные широкими массами рабочих в России. Эти уроки сразу определили путь, по которому должно было пойти развитие русского рабочего движения. Для русских рабочих уже после этих забастовок борьба с эксплоататором-хозяином сразу слилась с борьбой с государственным строем. И каждый раз, когда массы эти уроки забывали, жизнь преподносила им новые показательные уроки, в виде бойни в Никополе-Мариуполе (1898 г.), на Уральских заводах (1899 г.), на Обуховском заводе (1901 г.), в Тихорецких мастерских и в Ростове (1902 г.) и, наконец, массовый всероссийский урок 9-го января на Дворцовой площади Петербурга и 4 апреля 1912 г. в далекой лесной тайге. После этих уроков, каждый раз точно, ясно зафиксированных и запечатленных и раз‘ясненных массовой агитацией революционного крыла с.-д. партии, русский рабочий класс был уже раз навсегда застрахован от какого-либо массового заражения идеей защиты своей отечественной буржуазии или своего самодержавного государства. За исключением очень немногих изменников, пошедших вслед за Плехановым, Потресовым и Даном на открытую службу на защиту отечества Николая, Гучкова, Распутина и Милюкова, вся рабочая масса „гражданского“ мира не признала, а молча с озлоблением накапливала силы, чтобы решительно разделаться и с Николаем, и Гучковым, и с их лакеями и приказчиками.

Литература: 1) Шляпников.—Канун семнадцатого года, ч. I, стр. 99—133, ч. II. стр. 67—70.
2) Шляпников А.—Семнадцатый год.

Возникновение социал-демократии

Почти одновременно с группой „Освобождение Труда“ (см. ниже), и совершенно независимо от нее, возникла первая социал-демократическая организация, известная под названием „Партия русских социал-демократов“ и „Группа Благоева“. Возникла она в Петербурге в 1883 году и на первых порах состояла, главным образом, из студентов петербургских высших учебных заведений, руководимых болгарином Д. Благоевым.

Группа вела пропаганду среди рабочих и учащихся. Насколько широко была поставлена работа, видно из того, что в 1884 году группа имела около 15 кружков среди рабочих Петербурга. В конце этого же года удалось поставить нелегальную типографию, в которой печатался первый социал-демократический орган в России—журнал „Рабочий“. Первый номер этого журнала вышел в январе 1885 года, второй—в июле того-же года, третьего номера выпустить не удалось, благодаря разгрому группы.

Во второй половине 1884 года группой был выработан проект программы русских социал-демократов, но она не была опубликована, т. к. не получила одобрения со стороны группы „Освобождение Труда“, нашедшей ее совершенно невыдержанной в марксистском отношении. Организатор „Партии русских социал-демократов“ Дмитрий Благоев впоследствии так характеризировал эту программу: „Не может быть никакого сомнения, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались от современных социал-демократических взглядов и программ. Они представляли собою смесь научного социализма с лассальянством, и, если хотите, с лавризмом“.

В декабре 1885 г. и в январе 1886 г. произошел крупный провал группы. В 1886 году была захвачена типография, а в 1887 г. были арестованы остальные члены группы, после чего „Партия русских социал-демократов“ окончательно прекратила свое существование. Однако работа, проделанная этой организацией, способствовала возникновению в Петербурге новых небольших социал-демократических кружков. Члены разрушенной группы частью были посажены в тюрьмы, частью высланы из Петербурга и оказались разбросанными по разным городам провинции. Это обстоятельство ускорило процесс появления на местах с.-д. кружков и групп.

Литература: 1) „Партия русских социал-демократов в Петрограде 1883—1887 г. г.".—Программа первого в России с.-д. кружка.— Хрестоматия по истории пролетарской революции в России составл. И. С. Антокольским.—Госиздат. Том I, стр. 252—263. 2) История российской социал-демократии под редакцией Л. Мартова, изд. 1918 г., гл. II. 3) Тахтаров.— Очерки Петербургского рабочего движения 90 годов. Госиздат. 1921. ст. 8—9. 4) Батурин.—Очерк истории социал-демократии в России. Изд. Прибой 1924 г., стр. 48—51. 5) Благоевский кружок и газета „Рабочий". Историко-революционная хрестоматия. Т. I, стр. 252—262. 6) Невский В.—Очерки по истории Р.К.П. (большевиков). Т. I, стр. 175—341.

Восьмой с'езд партии

Восьмой с'езд РКП состоялся в Москве 18—23 марта 1919 г. Присутствовало 403 делегата, из них с решающими голосами 305, представлявших 313.766 членов партии. На с'езде были представлены 40 губерний (220.495 членов организации), Красная армия (29.706 членов) и национальные организации: финская, литовская, латышская, белорусская и польская (63.566 чл.)

Главнейшими вопросами порядка дня были: выработка партийной программы, вопросы военной политики и организации и работа в деревне.

После двухлетней подготовки в печати и обсуждения в партийных организациях программных вопросов, с'езд выработал и утвердил новую партийную программу, послужившую образцом для программ иностранных коммунистических партий. Доклад Ленина об отношении к крестьянину-середняку, являющийся образцом марксистского анализа природы крестьянской мелкой буржуазии, послужил основой для резолюции с'езда „о работе в деревне", ликвидировавшей не всегда верный подход к крестьянству местных работников и заложившей прочное основание для длительного союза городского пролетариата и среднего крестьянства, что не замедлило отразиться на дальнейшем развитии революции и ликвидации контр-революционных фронтов.

Во время вечернего заседания с'езда 22 марта было получено радио о советской революции в Венгрии, что вызвало у делегатов взрыв энтузиазма.

С'езд избрал ЦК из 19 членов в следующем составе: Белобородов, Бухарин, Дзержинский, Евдокимов, Зиновьев, Калинин,

Каменев, Крестинский, Ленин, Муранов, Радек, Раковский, Серебряков, Сталин, Стасова, Стучка, Томский, Троцкий.

Литература: 1. Российская Коммунистическая Партия в резолюциях ее с'ездов и конференций, стр. 217—262. 2. Ленин, В. И.—Избранные статьи и речи, т. IV, стр. 27—83.

Вооруженные восстания:

а) в Кронштадте (см. „Кронштадтское восстание“);
б) в Свеаборге (см. „Свеаборгское восстание“);
в) в Севастополе (см. „Севастопольское восстание“).

„Впередовцы“ Партия большевиков, конечно, не могла совершенно избежать разлагающего влияния крушения первой революции и торжества Столыпинской контр-революции. Основное ядро большевиков, во главе с Лениным, быстро ориентировалось в новой обстановке, созданной государственным переворотом 3-го июня 1907 года (см. „Закон 3-го июня“) и, встав на чисто классовую пролетарскую позицию, нашло правильный критерий для оценки совершившихся событий. Однако, далеко не все большевики, единым фронтом и без каких бы то ни было значительных разногласий выступавшие в 1904—1907 годах, смогли также быстро и определенно наметить позицию.

В довольно значительной группе большевиков занятая т. Лениным, немедленно после выяснившегося крушения первой революции, позиция собирания революционных сил пролетариата и использования для этого всех легальных возможностей, в том числе и трибуны Государственной Думы, показалась отступлением от подлинно-революционной политики.

Сказалась „детская болезнь левизны“...

Разногласия начались по поводу участия в выборах в третью Государственную Думу.

На июльской (1907 г.) конференции, которая должна была решить вопрос об участии с.-д. партии в этих выборах, т. Ленин, один из большевиков, голосовал за участие, в то время, как все остальные делегаты-большевики голосовали против участия.

Разногласия получили дальнейшее развитие, когда, в результате Столыпинской политики, руководящие элементы большевистской партии оказались в эмиграции за границей. Бывшие бойкотисты

образовали тогда особую фракцию, именовавшуюся впоследствии „впередовцами“ по имени издававшегося журнала „Вперед“.

Тут сошлись „отзовисты“ (см. „Отзовисты“) и „ультиматисты“ (см. „Ультиматисты“) с рядом „боевистских“ элементов, примкнувших к большевикам в период героической борьбы и с трудом ориентировавшихся в условиях наступившего контр-революционного затишья.

Во главе всей этой группы, называвшей себя „левыми большевиками“, „истинно-революционными“ большевиками и т. п., стояли тогда: Г. Алексинский (ныне врангелевец), А. Богданов, А. Луначарский, М. Лядов, Ст. Вольский и другие.

В июне 1909 года Центральный Комитет, именовавшийся тогда расширенной редакцией „Пролетария“ или „Большевистским Центром“, дал политическую характеристику в следующих словах:

„К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом.

Такие недостаточно проникшиеся пролетарской точкой зрения элементы оказались и в рядах нашей фракции. На почве безвременья эти элементы выказывают все больше свою недостаточную с.-д. выдержанность и становятся во все более резкое противоречие с основами революционно-социал-демократической тактики, создают за последний год течение, пытающееся оформить теорию отзовизма и ультиматизма, а на деле лишь возводящее в принцип и усугубляющее ложное представление о с.-д. парламентаризме и думской с.-д. работе. Эти попытки создать из отзовистского настроения целую систему отзовистской политики приводят к теории, которая по существу выражает идеологию политического индиферентизма, с одной стороны, и анархических блужданий— с другой... В виду всего этого расширенная редакция—„Пролетария“ заявляет, что большевизм, как определенное течение в Р. С.-Д. Р. П., ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом, и что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма“.

За принятием этой резолюции на этом же совещании в июне 1909 г. произошел и организационный разрыв: А. Богданов был исключен из состава „Большевистского Центра“, ряд его политических друзей последовали за ним.

Борьба этой группы против позиции т. Ленина особенно обострилась после того, как во имя борьбы с ликвидаторами-меньшевиками, с группой Ленина стал сотрудничать Г. В. Плеханов, поместивший в редактировавшихся большевиками изданиях ряд резких статей против Потресова, Мартынова и других меньшевиков.

Политическая борьба передовцев против „поправевшего“ Ленина и его группы осложнилась еще одним обстоятельством. Накануне революции 1905 г., уже после раскола партии на большевиков и меньшевиков, к большевикам примкнула группа литераторов, ведшая в то время в легальных журналах решительную идейную борьбу против буржуазного идеализма. Эта группа примкнувших к большевикам литераторов состояла из А. А. Богданова, А. В. Луначарского, В. А. Базарова и других. Примкнувши к большевикам, эта группа сохранила своеобразные взгляды в области философии и примкнувшие к Ленину литераторы, целиком захваченные практической революционной работой в рядах нашей партии, уделяли меньше всего времени на пропаганду своих своеобразных философских теорий.

В эпоху контр-революции у партии оказалось больше досуга для внимания к основным вопросам марксизма. В то же время Богданов, Луначарский, Базаров, отчасти примкнувший к ним Ст. Вольский, начали в ряде сборников и статей („Очерки по философии марксизма“ Богданова, Луначарского, Базарова и др.; книга „Религия и социализм“ Луначарского, „Эмпириомонизм“ Богданова) систематически излагать свои философские взгляды, глубоко расходившиеся с философскими взглядами Маркса и Энгельса.

Положение, занятое в то время Богдановым, Луначарским, Базаровым и партией большевиков, создавало явную опасность, что излагавшиеся ими философские взгляды будут приняты за взгляды самой партии. Между тем, как всегда в эпохи упадка революции, в России обострился поход против материалистических взглядов марксизма, поднялась волна религиозных исканий. Интересы революции и классовой борьбы пролетариата требовали как

широкой идейной борьбы с буржуазным походом против основ марксизма, так и резкого размежевания с тем извращением материализма и марксизма, который широко проповедывался в легальной литературе Богдановым, Базаровым, Луначарским, Вольским и другими. Тов. Ленин, который еще во время близкого политического сотрудничества с Богдановым решительно высказался против его извращений марксизма, открыл наступление своей книгой „Материализм и эмпириокритицизм“. Борьба с Лениным и его группой об‘единила проповедников новых философских взглядов и их сторонников с отзовистами и ультиматистами. Все они оказались в одной политической группе „левых большевиков“.

Эта комбинация была, конечно, совершенно неустойчивой, и естественно распалась, при чем некоторые члены этой группы, как Алексинский и Ст. Вольский, стали подлинными злобными врагами пролетарской революции, другие, как Богданов, заняв политически нейтральную позицию, продолжали свою проповедь антимарксистской идеологии, и, наконец, третьи, как А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и др. стали преданными работниками Октябрьской революции.

(Заимствовано из ст. Каменева Л. Б.—„Ошибки большевиков“. См. „Между двумя революциями“).

Временное правительство (см. „Февральская революция“).

Всероссийская апрельская конференция Р.С.-Д.Р.П. (см. „Конференции“).

Всероссийский Крестьянский Союз (см. „Крестьянский Союз“).

Второй Интернационал (см. „Интернационал“).

Второй Всероссийский С‘езд советов С‘езд был открыт от имени президиума ЦИК первого состава (см. „Соглашательский совет“) меньшевиком Даном в день победы пролетарской революции в Петрограде 25 октября 1917 г. в 10 часов 40 мин. вечера, в то время, когда еще вокруг Зимнего Дворца кипела борьба. Дан, открыв С‘езд, немедленно передал председательствование Л. Б. Каменеву. С‘езд проходил очень бурно. На с‘езде присутствовало 670 делегатов, из них большевиков 390, левых эс-эров 179, с.-д. интернационалистов 35, украинцев 21. Кроме того, мандаты имели

правые эс-эры, Бунд, поалей-цион, анархисты, меньшевики, беспартийные. Президиум был составлен из большевиков и левых эс-эров. Меньшевики и правые эс-эры демонстративно покинули заседание, но многие из их депутатов не подчинились решению своих фракций и остались на С'езде. Число покинувших С'езд депутатов колеблется, по различным подсчетам, от 25 до 51. Заседание 25 октября, продолжавшееся до 6 ч. утра, целиком ушло на декларативные заявления и борьбу с правым крылом.

Второе и последнее заседание 26 октября, продолжавшееся с 9 ч. вечера до 7 ч. утра, было посвящено важнейшим декретам о мире и земле.

В. И. Ленин выступал по обоим вопросам. Декрет о мире был принят единогласно всем С'ездом (при отсутствии меньшевиков и правых эс-эров). Декрет о земле — всеми против одного при 8 воздержавшихся и тех же отсутствующих. Вопрос о власти и организации правительства вызвал большие прения. С.-д. и интернационалисты настаивали на передаче власти в руки „демократии", т.-е. коалиции социалистов. От имени левых эс-эров Карелин дал запутанную мотивировку, в которой заявил, что они считают необходимым поддерживать большевиков, „ибо их гибель будет гибелью революции", но, тем не менее, они голосуют „против образования власти Советов".

С'езд выбрал новый ЦИК в составе 102 человек, составленный пропорционально числу депутатов фракций, оставшихся до конца на С'езде и пожелавших принять участие в выборах, и предоставил право крупным фронтовым частям послать дополнительно своих представителей. В числе избранных были 62 большевика, 20 левых эс-эров, с.-д. интернационалисты и др. мелкие фракции. В Совет Народных Комиссаров первоначально вошли одни большевики, в следующем составе: председатель — В. И. Ульянов (Ленин), народ. комиссар по внутренним делам — А. И. Рыков, земледелия — В. П. Милютин, труда—А. Шляпников, по делам военным и морским—комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Дыбенко, нарком народного просвещения—А. В. Луначарский, финансов—И. И. Скворцов, по делам иностранным—Л. Д. Троцкий, юстиции—Г. И. Оппоков (Ломов), по делам продовольствия—И. А. Теодорович, почт и телеграфов—Н. П. Авилов (Глебов), председателем совета по делам национальностей—И. Б. Джу-

гашвили (Сталин). Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остался незамещенным.

Литература. Ленин В. И.—Избранные статьи и речи, т. III, стр. 349—379.

Вторая Государственная Дума (см. „Государственные Думы“).

Второй С‘езд Р. С.-Д. Р. П. (см. „С‘езды Р. С.-Д. Р. П.“).

Выборгское воззвание Царское правительство, мобилизовав свои силы и набравшись решимости, 8 июля разогнало первую Думу (см. „Государственные Думы“).

С.-д. партия вместе с другими революционными партиями призвала рабочих ко всеобщей забастовке. Но у рабочих, измученных и утомленных, в этот момент не оказалась достаточного под‘ема и энергии, чтобы откликнуться на призыв тех партий, которые были его вождями во всех перипетиях революционной эпопеи. Дело ограничилось частичной забастовкой в Петрограде.

Одновременно с этим часть думских депутатов, по преимуществу кадетов, выпускает так называемое „Выборгское воззвание“, призывавшее к пассивному сопротивлению правительству. Воззвание это никаких реальных результатов не принесло.

Ниже приводится полный текст „Выборского воззвания“, как яркий образец словесной оппозиционности либеральной буржуазии, одной ногой уже стоявшей в стане явных сторонников старого строя.

„Выборгское воззвание“ народу—от народных представителей.

„Граждане всей России. Указом 8-го июля Дума распущена. Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но, прежде всего, мы желали издать закон о наделении землей трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного

отчуждения земель частно-владельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был об'явлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую, через 7 месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет совсем никакой Думы.

Граждане, стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому, теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы в праве не давать ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армии. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане, в этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами".

Под этим воззванием подписались и социал-демократические депутаты, но они с самого начала заявили, что считают его недостаточным и подписываются под ним лишь для того, чтобы не дать возможности увильнуть господам кадетам.

Литература: В. И. Ленин.—„Роспуск Думы и задачи пролетариата". Избранные статьи и речи. Т. II, стр. 117—136. Голубев, В.— „Первая Государственная Дума".—„Былое". 1907. № 2.

Г

„Голос Социал-Демократа“ „Голос Социал-Демократа“—заграничный орган меньшевиков.

Первые номера вышли в начале 1908 г. Постановлением пленума ЦК (январь-февраль 1910 г.) издание его должно быть прекращено. Однако он продолжал выходить до 1913 г.

„Голос Труда“ „Голос Труда“—легальный орган меньшевиков, явившийся на смену закрытому „Курьеру“ (см. ниже); вышло всего 16 номеров.

Государственные Думы „Булыгинская“ законосовещательная Дума, благодаря решительному бойкоту рабочего класса, не была созвана. Наступили месяцы наиболее напряженной борьбы пролетариата с самодержавием, когда стачечное движение росло не по дням, а по часам. Мир сделался свидетелем великой октябрьской всеобщей забастовки, в которой рабочий класс проявил себя крупной организованной силой. К этой силе стихийно тянулась городская беднота, к ней льнула и буржуазия, втайне надеявшаяся использовать ее в своих целях.

Самодержавие, на время покинутое всеми за исключением небольшой кучки от‘явленных реакционеров, принуждено было пойти на уступку революционному народу с рабочим классом во главе. Был издан пресловутый манифест 17 октября. „На манифест 17 октября разные классы и партии реагировали разно. Явно контр-революционные слои дворянства, высшего чиновничества и финансовой плутократии, возроптав на растерявшихся заправил самодержавия, очертя голову бросились в устройство погромов и подготовки активной контр-революционной армии, ряды которой комплектовались из люмпен-пролетариата и т. п. переметных элементов.

Умеренно либеральная буржуазия, „образованное общество“, земцы, интеллигенция, либеральные помещики—эти торжествовали победу конституционных начал и готовились к хозяйничанью при новом „правовом строе“. Крестьянство в массе своей занимало ней-

тральную позицию, а в лучшей передовой своей части сознавало, что бой еще впереди, что складывать оружие еще рано. Один только пролетариат под руководством своей социал-демократической партии сразу и тут занял наступательную позицию. Он не только не сложил оружие, он стал практически готовиться к высшей форме революционной борьбы—к вооруженному восстанию. В ответ на выкинутый гг. Витте и К-о белый флаг, пролетариат России еще выше поднял свое красное знамя, еще громче призвал всю страну на решительную борьбу за окончательное свержение самодержавия и созыв революционным путем всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права". (Г. Зиновьев).

Царское правительство, сумевшее выйти из состояния растерянности, от защиты переходит в наступление. Подавив с неслыханной жестокостью московское восстание и крестьянские волнения, оно украшает свой „либеральный" курс гонениями на рабочие союзы, арестами, ссылками и т. д. Буржуазные либералы отпрянули от революции, которая, по их мнению, пошла слишком далеко. „Буржуазия в целом мстила рабочему классу за пережитый страх массовыми увольнениями и угрозой голода".

При таком настроении должна была собраться первая Дума, возвещенная манифестом 17-го октября.

ПЕРВАЯ ДУМА. Перед рабочим классом и социал-демократической партией встал вопрос о том, как отнестись к новой „Виттевской" Думе, принять ли в ней участие или нет?

В партии с.-д. были на этот вопрос две точки зрения. Большинство ее стояло за активный бойкот, так как считало, что Дума—средство замирить восставшие массы и выиграть время для мобилизации сил, чтобы спасти монархию. Социал-демократия, по мнению большинства, в такой момент должна отказаться от боя на парламентской почве и сосредоточить все свои усилия на агитации за непосредственные боевые выступления. Меньшинство партии стояло на половину за бойкот, т.-е. за неучастие в ней, и только настаивало на участии в первых стадиях избирательной кампании, выдвигая на первый план „общенациональную оппозицию", т.-е. об'единение действий всей оппозиции вплоть до либеральной буржуазии.

Рабочие пошли за большинством партии. Лишь на Кавказе с.-д. с разрешения партийного с'езда приняла участие в выборах и провела несколько социал-демократов в первую Думу. Увлечь крестьянство на путь бойкота не удалось. Приняла участие в выборах также значительная часть городской мелкой буржуазии, а также, разумеется, и высшие слои.

Состав первой Думы не оправдал надежд правительства, хотя принимались все меры к тому, чтобы сделать ее послушной.

Прежде всего крестьянство послало в Думу свыше ста трудовиков, людей без выдержанной программы и тактики, способных часто колебаться, с очень туманными и будто социалистическими идеалами, но в общем выступавших бесусловно за революционно-демократический аграрный переворот и стремившихся в общем, несмотря на все остатки монархических иллюзий в их среде, к революционному разрешению кризиса.

Вопреки решения с.-д. партии, в отдельных местностях центральной России в Думу прошли одиночки социал-демократы, выдвинутые некоторыми слоями рабочих. К ним присоединились социал-демократы, прошедшие на выборах на Кавказе. Таким образом, вначале образовалась рабочая группа, а затем фракция, принявшая название социал-демократической группы и насчитывавшая около 16—17 депутатов.

Подавляющее большинство было за конституционно-демократической партией (кадеты). Ей отдали свои голоса зажиточная часть городского населения, питавшая конституционные иллюзии и мечтавшая о мирной развязке во что бы то ни стало и часть, так называемой, трудовой интеллигенции, голосовавшая за кадетов только потому, что не было более левых партий. Была в Думе также группа явных черносотенцев и группа „мирнообновленцев", недалеко ушедшая от первой. Но эти группы никакого почти значения не имели в деятельности Думы и тонули в кадетском большинстве.

„В деятельности ее следует различать две стороны: деятельность Думы, как целого, как учреждения, в котором большинство имела либеральная предательская буржуазия, и деятельность отдельных фракций ее. В первом отношении, первая Дума безусловно развращала сознание народа: кадеты проводили от имени Думы политику заигрывания со старым правительством, они поль-

зовались революционной позицией социал-демократов и трудовиков, чтобы, пугая старую власть, выторговывать у нее более или менее мелкие уступки. Максимум их требований сводился к назначению старой властью кадетского министерства (хоть бы и смешанного, т.-е. состоявшего из кадетов и безусловных приверженцев старины) и к отчуждению части помещичьих земель за выкуп на „справедливых" для помещиков (а кадеты уверяли, что и для крестьян) условиях".

„Так, лавируя между запугиванием правительства, революционностью масс и увещанием народа сохранить спокойствие, дабы не показаться слишком революционным, думское большинство фактически ослабляло силы революции, фактически играло на руку представителям старого строя.

Правящие круги, видя оторванность думского большинства от широких масс, видя его трусость и готовность каждый день урезывать и без того ничтожные свои политические требования... стали подготовлять ситуацию, при которой они могли бы отделаться еще более жалкими крохами".

„Зато очень некстати для правительства была тактика думского меньшинства. Немногочисленная социал-демократическая группа причиняла ему не мало неприятностей. Они указывали народу, что только сам он, собственными силами, может добиться свободы, они разоблачали антинародную сущность правительственной политики, они указывали на бесправие Государственной Думы, на бессилие ее разрешить сколько-нибудь удовлетворительно для народных масс назревшие его нужды, на единственную возможность разрешить их только революционным путем".

„Рабочие депутаты не ограничивались только выступлениями с думской трибуны, они несколько раз выступали с непосредственными обращениями к крестьянам и рабочим и в них раскрывали глаза широким массам на существующее положение вещей. Они старались сблизиться с петербургскими рабочими, посещая их собрания, устраивая митинги на заводах, организовывая совещания с их заводскими представителями; они входили в сношение с крестьянами и солдатами, с городской беднотой, они ездили для агитации в разные города России и пр. Деятельность рабочей с.-д. группы в Думе все расширялась, и это не могло не внушить опасений правительству.

„С другой стороны, и крестьянская партия в первой Думе; трудовая группа, в общем вела революционную линию“... „Они поддерживали довольно оживленные сношения с деревней, которую звали на революционную борьбу, они вносили элементы организации в среду разрозненного крестьянства, получали от него массу наказов, адресов, пожеланий; к ней являлось очень много ходаков от целых сел, она издавала доступную для крестьян газету. Словом, они, оступаясь и колеблясь, путались между программами и выдвигая реакционные, якобы социалистические утопии, не будучи социалистами, честно представляли борющееся малоземельное и безземельное крестьянство, которому прежде всего нужна земля, а для получения ее необходимо добиться демократической республики“. (Г. Зиновьев).

В виду этого первая Дума для крепостнического самодержавного правительства оказалась слишком „революционной“ и была разогнана после $2^1/_2$-месячного своего существования (27/IV—8/VII—1906 г.).

Большинство бывших депутатов на разгон Думы ответило „Выборгским воззванием“ (см. „Выборгское воззвание“), призывавшим к пассивному сопротивлению правительству, к отказу ему в солдатах и податях.

Социал-демократические депутаты выпустили, вместе с депутатами трудовиками, воззвания к армии и флоту и ко всему народу, в которых они выяснили создавшееся положение и указывали, что победа возможна только в результате вооруженной борьбы рабочих и крестьянских масс.

ВТОРАЯ ДУМА. На осенней партийной конференции (сентябрь 1906 г.), по поводу выборов во вторую Думу, большевики высказались против каких бы то ни было блоков (союзов) с буржуазными партиями и выдвигали идею об‘единения на выборах там, где социал-демократические депутаты не могли рассчитывать на успех, с трудовиками, предсгавителями трудового крестьянства. Утверждения большевиков, что революция продолжается, имели свое основание в ряде крестьянских волнений, вспыхнувших в промежуток времени между первой и второй Думами. Если Выборгское воззвание не встретило в трудовом населении действительного отклика, то голод, возникший вследствие неурожая, вызвал крестьянские волнения в 27 губерниях только в одной России, не считая Кав-

каза, Польши и Прибалтийского края. Рабочий же класс, несмотря на свою усталость оставался грозно враждебным самодержавию.

Во вторую Думу прошло, с одной стороны, довольно много (около 200) представителей крайне левых, по тогдашнему времени, партий, а с другой—благодаря всяким избирательным ухищрениям Столыпина—правых и черносотенных. Партия либеральной буржуазии—кадеты—по сравнению с первой Думой потеряла значительное число мест, около половины. В первой Думе эта партия имела больше 150 мест, а во второй лишь до 90. Эти буржуазные либералы, давно уже растерявшие все остатки былой „революционности", стремились к одному—поддерживать хорошие отношения с правительством Столыпина, установившего после разгона первой Думы кровавый режим военно-полевых судов, отправлявших в „24 часа" тысячи людей на виселицу. Они, буржуазные либералы, бросили лозунг „беречь Думу", хотя было ясно, что эта Дума безвластна и жалка и что, не опираясь на народное движение, она сможет существовать лишь, как послушное орудие правительства.

Социал-демократическая фракция во второй Думе вела борьбу не только против правительства и поддерживавших его правых партий, но и против партии либеральной буржуазии, об'ективно становившейся обоими ногами на почву контр-революции.

Социал-демократы второй Думы, через головы думских депутатов, старались говорить широким массам народа. Они выдвигали прежде всего те вопросы, которые волновали массы пролетариата и крестьянской бедноты: вопрос о государственной помощи голодающим в деревне, о мерах для облегчения ужасов безработицы в городах, о необходимости революционного решения аграрного вопроса, о положении армии и т. д.

В самой Думе значение фракции настолько упрочилось, что она постепенно стала превращаться в центр, к которому тяготели все демократические элементы оппозиции.

Правительство, поэтому, поспешило воспользоваться первым же подходящим случаем, чтобы свести счеты с пугавшей его фракцией. Благодаря содействию политической провокации было создано дело о „военном заговоре", которое дало возможность пред'явить Думе требование о выдаче с.-д. фракции и об аресте 12 депутатов.

Вторая Дума после 103 дней своего существования (20/II—3/VI—1907 г.) была распущена; большинство депутатов с.-д. фракции тотчас же было арестовано и предано верховному уголовному суду, который приговорил часть депутатов к ссылке на поселение, часть в каторжные работы на 4-5 лет.

ТРЕТЬЯ ДУМА. Для продления жизни царизма мало было одного штыка. Нужна была сделка с известными слоями общества, необходимо было приспособиться к буржуазному развитию России, которое стало вполне очевидным фактом. Царское правительство это поняло и в силу этого не могло отказаться от созыва Думы, обжегшись на двух первых. Открытие ее было назначено на первое ноября (1907 г.).

Перед партией с.-д., как представительницей рабочего класса, стал вопрос участия или неучастия в выборах и в самой третьей Думе. Несмотря на то, что она, в силу нового избирательного закона (см. „Закон 3 июня“) была явно контр-революционная, партия решила этот вопрос утвердительно, так как не было налицо об‘ективных данных для противопоставления выборам в Думу непосредственного широкого выступления масс пролетариата. Партия своим участием в выборах и в самой Думе преследовала цель: развернуть массовую агитацию как в момент выборной кампании, так и с думской трибуны.

Не взирая на все ухищрения правительственной клики, на все репрессии и ограничения нового избирательного закона, с.-д. партия провела 18 депутатов.

Само собой понятно, что Дума 3 июня в рабочем законодательстве никакой инициативы не проявляла и не намерена была проявлять. Наоборот, она клала под сукно или гноила в комиссиях даже те немногие „рабочие“ законопроекты, которые вносило правительство.

С.-д. депутаты не упускали ни одного случая разоблачать такое отношение думского большинства к рабочим. Так, в самом начале думской работы, когда зашел вопрос о выборе рабочей комиссии, с.-д. фракция вскрыла антинародный характер 3 Думы. Кузнецов, депутат с.-д., тут же дал оценку думского рабочелюбия.

„Мы знаем,—сказал он, что при теперешнем составе Государственной Думы, если отдать рабочий вопрос в эту комиссию, то

мы устраиваем этим самым торжественные похороны рабочему вопросу".

А когда законопроект о страховании рабочих, как бы в прямое издевательство, то ставился на повестку думских заседаний, то опять снимался, Покровский заявил: „Пролетариат, конечно, не ждет решения рабочего вопроса от 3 Думы, но мы, представители пролетариата, не можем допустить, чтобы вопрос о рабочем законодательстве служил предметом игры для господствующих думских фракций".

Деятельность думской с.-д. фракции как со стороны „большинства" (см. „Отзовисты и Ультиматисты"), так и со стороны „меньшинства" (см. „Ликвидаторство") встретила различную оценку и различное к себе отношение. Но одно несомненно ясно: своими выступлениями в Думе, постоянно подчеркивавшими классовый характер третье-июньского представительства и разоблачавшими все махинации имущих классов, направленных во вред рабочим классам, фракция немало посодействовала политическому воспитанию пролетариата. А своими запросами по каждому, даже мелкому факту грубого произвола, откровенной эксплуатации, нарушению действующего закона или вмешательству администрации в борьбу рабочих, приковывала внимание рабочих масс, и тем самым толкала их на борьбу за отстаивание своих прав.

ЧЕТВЕРТАЯ ДУМА. 3 января 1912 года состоялась за границей конференция партии. На ней была намечена избирательная платформа, которая сводилась к следующим трем основным положениям: 1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день и 3) переход помещичьих земель в руки крестьян без всякого выкупа.

Относительно выборной тактики было решено на той же конференции, что по рабочей курии партийные ни в какие соглашения с ликвидаторами не входят; относительно же соглашений по общегородской курии вопрос был оставлен открытым. Это дало ликвидаторам удобный повод кричать об единстве пролетариата и демагогически агитировать против „раскола" и этим отчасти привлекать на свою сторону рабочих, не разобравшихся в деле. Тем не менее, в конечном счете ликвидаторы потерпели в рабочей курии всех промышленных центров жестокое поражение.

Четвертая Государственная Дума собралась осенью 1912 года. В социал-демократической фракции первоначально оказалось 12 человек. Из них шесть, избранные от шести губерний с обязательными рабочими депутатами (Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская, Харьковская и Ярославская), оказались на стороне партии, связались с партией организационно и решили подчиниться партийным директивам и партийному центру. А остальные шесть депутатов связали себя с августовским блоком (см. „Августовский блок“). Таким образом, в одной парламентской фракции оказались об‘единенными представители двух разных партий, и притом поровну с обоих сторон. Положение невозможное. Произвести раскол, разбиться на две фракции также оказалось невозможным по общеполитическим соображениям. К тому же оба центра были нелегальны, связь с ними депутатов—тоже нелегальная, и потому нельзя было об‘явить истинную причину раскола. А поскольку дело шло о работе внутри Думы, политические разногласия двух половин не могли проявиться с такой яркостью, которая оправдывала разрыв.

Вскоре под‘ехал иркутский депутат, который примкнул к ликвидаторам, и их фракция получила большинство (7 против 6). Они ввели еще в социал-демократическую фракцию варшавского депутата, который был избран, как противник польских социал-демократов, и у ликвидаторов получилось большинство 8 против 6.

Пользуясь этим большинством, ликвидаторская часть фракции вскоре перешла в наступление против рабочих депутатов. Своей первой целью она поставила захват „Правды“, выдвинув лозунг единой газеты. А поводом к наступлению появилось то, что рабочие депутаты—Петровский, Бадаев, Самойлов и Шагов, давшие ради „единства“ свои фамилии в список сотрудников ликвидаторского „Луча“, пожелали снять их с этого списка. Тогда 7 ликвидаторских депутатов напечатали в „Луче“ обвинительный акт против рабочих депутатов, обвиняя их в расколе. Это воззвание 7-ми депутатов было перепечатано в „Правде“, и тут же дан ответ за подписью 6-ти депутатов. В своем ответе рабочие депутаты указывают, что воззвание их товарищей по фракции является „первым нападением одной части думской с.-д. фракции на другую, первым выступлением брата против брата“.

Воззвание семи и ответ шести депутатов сильно взволновали рабочих. Всюду устраивали собрания, посылали резолюции в „Правду“ и в ликвидаторскую газету „Луч“.

Большинство рабочих явно склонялось на сторону шести.

Рабочие депутаты оставались в составе общей фракции до осени 1913 г. Атмосфера во фракции создалась очень тяжелая. Ликвидаторы не стеснялись использовать свое большинство на один голос (иркутский депутат к тому времени был исключен самими ликвидаторами из своей среды).

18-го октября опубликовано было заявление 6-ти депутатов, внесенное во фракцию. В нем указано на трения, происходившие во фракции между 6 и 7 депутатами в течение года совместной работы, на подавление семью шести при непременном признании равенства 7 и 6 с проведением принципа соглашения между ними по всем вопросам думской работы. Семь депутатов не дали в установленный срок никакого ответа. Поэтому 6 депутатов сочли себя вынужденными перенести дело на суд товарищей рабочих.

Началась горячая газетная полемика и обсуждение вопроса на рабочих собраниях, по фабрикам и мастерским.

Сторонники семи опирались в защите своей позиции, главным образом, на ту арифметическую истину, что 7 больше 6. Им возражали, что 6 выбраны от местностей с больше, чем миллион рабочих, а 7—от местностей, где число рабочих не превышает 214 тысяч, далее, что активные и сознательные рабочие в массе своей стоят за направление, выраженное 6 депутатами, а не за ликвидаторов. Последнее выразилось и в поддержке „Правды“, и в переходе на сторону „Правды“ почти всех профессиональных рабочих союзов и в результате выборов в Государственную Думу по рабочей курии.

Резолюции рабочих собраний носили на этот раз более деловой, менее нервный характер, чем при первом выступлении „брата против брата“, 7 против 6.

Результаты обсуждения вопроса рабочими выяснились уже в первую неделю. За эту неделю были получены ответы от рабочих 25-ти заводов в количестве 2211 голосов, которые высказались за позицию 6-ти. Вскоре к ним присоединились четыре собрания уполномоченных (Петербургского, первого городского, Василеостровского и Выборгского районов от десятков заводов). Приняли

аналогичные резолюции правления четырех профессиональных союзов, насчитывающих около 2800 членов.

Вопрос о равноправии 6 и 7 депутатов получил разрешение довольно скоро: 7 ответили категорическим отказом, а 29 октября опубликован был следующий ответ 7 депутатам:

„Уважаемые товарищи. В своем заявлении, врученном нами вам на заседании фракции 16-го октября, мы прямо и категорически заявили о тех условиях для продолжения совместной работы, которые являются для нас единственно приемлемыми. В своем ответе от 26-го октября вы также категорически нам во всех наших требованиях отказали. Мы считаем необходимым довести до вашего сведения, что с сегодняшнего числа мы конституируемся, как самостоятельная с.-д. фракция Государственной Думы, и предлагаем вам всякий раз вступать с нами в переговоры от имени социал-демократии. Е. А. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов“.

Первое время раскол этот переживался тяжело; но в целом рабочим депутатам и партии не пришлось сожалеть о разрыве. В ликвидаторской фракции скоро после этого начался распад: вышел из фракции плехановец Бурьянов, позже был исключен Мальков (иркутский депутат). Из рабочей фракции в мае 1914 г. внезапно вышел Малиновский, сложивший свои полномочия (он впоследствии оказался провокатором). Остальные пять рабочих депутатов (Петровский, Муранов, Бадаев, Самойлов и Шагов) были арестованы осенью 1914 года и сосланы в Сибирь на поселение—официально за принадлежность к социал-демократической партии, а на деле за то, что во время войны остались верны Интернационалу. Из Сибири их вернула только революция 1917 г.

Литература: См. „Большевики и Госуд. Дума“.

Государственное совещание Государственное совещание было созвано Керенским в Москве 12 августа 1917 года с целью укрепить положение правительства, расшатанного июльским выступлением петербургского пролетариата. На совещание были приглашены представители буржуазных „комитетов общественных организаций“, городских дум и земств, кооператоры, представители „обществ“, университетов, купечества и торгово-промышленников, представители генералитета, офицерства, казачества и фронтовых

армейских комитетов, члены Государственных Дум всех четырех созывов и отдельные лица (напр.: Плеханов, Кропоткин, Брешко-Брешковская). Представители столичных и провинциальных Советов допущены не были. От имени Советов фигурировала делегация ЦИК, составленная из меньшевиков и эс-эров и тщательно очищенная от большевиков. Профессиональные союзы получили небольшое представительство, от имени которых Рязанов прочел большевистскую декларацию. Буржуазно-офицерская часть совещания вела себя вызывающе по отношению к „социалистической демократии“, явно направляя свой курс на контр-революционный переворот. Казачий генерал Каледин и главковерх Корнилов были кумирами правой части совещания. „Левая“ ограничилась декларацией обычного социал-соглашательского типа. Совещание не увеличило авторитета Временного правительства, но помогло партийному размежеванию страны и вскрыло контр-революционные замыслы буржуазии.

Рабочие, успевшие оправиться от июльского поражения, отнеслись резко отрицательно к попытке посредством реставрированного „Земского собора“ обмануть страну, подсунув ей суррогат Учредительного Собрания. Московское бюро профессиональных союзов, находившееся к этому времени уже в руках большевиков, призвало рабочих Москвы к однодневной забастовке-протесту. В день открытия Государственного совещания, несмотря на уговоры и призывы меньшевистско-эс-эровского совета не бастовать, бастовала вся рабочая Москва.

Гражданская война

Гражданская война последовала на второй день после социальной революции, так как буржуазия, оглушенная ударом Октябрьской революции и отстраненная от кормила правления, уже на следующий день стала собираться с силами, чтобы нанести смертельный удар еще молодой, не окрепшей пролетарской власти и захватить обратно руль господства в свои руки.

Гражданская война велась на трех главных фронтах контр-революции:

1) На фронте внутренней контр-революции, буржуазной и социал-соглашательской. Коноводом этой конт-революции была крупная буржуазия: бывшие фабриканты и помещики, высшие чины

армии, вербовавшиеся до революции из помещиков и богатеев. Сознавая свою ничтожную силу, они, с одной стороны, опирались на родственное им деревенское кулачество, с другой—увлекали на путь борьбы с Советской властью несознательные элементы деревни вообще, запутавшиеся в сложной обстановке революции.

2) Довольно грозным фронтом для пролетарского государства оказались сепаратистские устремления (стремления к отделению и обособлению) мелко-буржуазных элементов и интеллигенции окраин, переплетавшиеся с контр-революционными моментами, стремлениями окраинной и даже „великорусской буржуазии“. Опасность была не в самом стремлении к самостоятельному национальному существованию. Уже II С'езд советов, поставивший у власти рабоче-крестьянское правительство, провозгласил „право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства“. Опасность заключалась в том, что контр-революционная буржуазия и мелко-буржуазная стихия сделали из этих стремлелений, питавшихся раньше десятилетиями и веками национального угнетения и губительной для народов России великодержавной царской политикой,—орудие разложения фронта трудящихся. Эти стремления не носили в себе ничего освободительного и были по существу стремлением к буржуазной реставрации. И трудящимся России в союзе с трудящимися окраин пришлось положить не мало сил, чтобы разгромить этот фронт контр-революции.

3) Наиболее грозным фронтом был фронт всего капиталистического мира, ополчившегося на русскую революцию. Революционная Россия очутилась лицом к лицу с могущественными капиталистическими державами, не только совершившими на нее бесчисленный ряд нападений и стремившимися удушить ее прекращением притока жизненных средств, но и питавшими и провоцировавшими внутреннюю и окраинную контр-революцию.

Все эти силы буржуазной контр-революции переплетались и соединялись в одном стремлении—удушить пролетарскую революцию, уничтожить пролетарскую власть и взять народ „восставших рабов“ под ярмо буржуазного владычества.

В этой титанической борьбе революции за жизнь бывали моменты, когда, казалось, рабоче-крестьянская страна цепенела в последних судорожных усилиях. Бывали моменты, когда границы

пролетарского государства все суживались и приближались чуть не к самому сердцу революционной России—к Москве и Петербургу, к воротам которого уже подходили враги трудящихся.

Но могучий энтузиазм трудящихся масс не только превозмог все трудности, но и создал вооруженную силу революции—Красную армию и руководящую великой борьбой и строительством партию (РКП). С невиданным в истории порывом трудящиеся массы разбили вооружение капиталистического мира и внутреннюю контр-революцию.

Группа „Освобождения труда“

Первой русской революционной группой, ставшей на почву марксистского научного социализма, была группа „Освобождения труда“, основанная в 1883 г. за границей бывшими чернопередельцами (см. „Черный передел“) Дейчем Л. А., Плехановым Г. В., Засулич В. И., Аксельрод П. Б., Игнатовым В. Н.

Подвергнув жестокой критике народничество и установив устами Плеханова „Наши разногласия“, „Группа освобождения труда“ свои социал-демократические взгляды и задачи формулировала в „проекте программы русских социал-демократов“, изданной в первый раз в 1885 г.

В проекте программы мы читаем: „... Одним из важнейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен взять на себя инициативу (курсив подлинника) борьбы с абсолютизмом.

„Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты с своей стороны должны доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

„Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции.

„...Но цель эта останется не достигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

„...Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязаность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

„...Группа „Освобождения труда“ задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению.

„...Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, „Группа освобождения труда“ в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией „Народной воли“ лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.

„...Группа „Освобождения труда“ ни мало не игнорирует крестьянство, составляющее огромную часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на более развитый слой этого населения, коим являются промышленные рабочие“...

Из цитированного видно, что проект не может быть признан вполне выдержанной социал-демократической программой, так как, во-первых, важное значение отводится „социалистической интеллигенции“, что не согласно с классовой теорией научного социализма и, во-вторых, хотя и с оговорками, признается тактика „Народной воли“ в борьбе „против абсолютного правительства“, совершенно чуждая социал-демократии. „Наконец, в свой программе, группа выставляет два требования (неприведенные в тексте), которые не поддерживаются в настоящее время с.-д. партиями: 1) государственная поддержка производительным ассоциациям и 2) непосредственное народное законодательство“ (Н. Батурин).

Литература: 1) Рязанов, Д.—„Г. В. Плеханов и группа „Освобождения труда“. 2) Плеханов, Г.—„Наши разногласия“, т. II. Статьи 1883—1888 г.г. 3) Батурин, Н.—„Очерк истории социал-демократии в России“. Изд. „Прибой“, 1924 г., стр. 13—36. 4) „Историко-революционная хрестоматия“. т. I, стр. 241—249.

Группа „Самоосвобождение“

Группа „Самоосвождение рабочего класса“ возникла в Петербурге во второй половине 98 года и была интеллигентской по своему составу.

Основные положения группы: „Политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и итти за ней“. „Теперь настает время, когда рабочие должны, наконец, взять в свои руки собственное дело, только тогда рабочее движение могучей волной разольется по всей России. Что это такое самоосвобождение рабочего класса? Это значит, что только активная борьба самих рабочих, только самостоятельная и широкая организация рабочих масс являются залогом освобождения труда от власти капитала“. „Как должна создаваться организация рабочих масс? На почве повседневных реальных интересов рабочего, на почве борьбы за условия его существования и труда“. „Мы не выкидываем политическую агитацию, политическую борьбу за борт, ибо мы слишком твердо помним, что политическая свобода—одно из условий торжества рабочего класса. Но мы не хотим, чтобы политическая агитация висела в воздухе, мы хотим, чтобы она была связана с непосредственными реальными нуждами рабочих масс, чтобы она отвечала уже назревшим вопросам их политического строя“.

Из основных положений группы „Самоосвобождения“ явствует, что она по своей природе близко примыкала к экономистам (см. „Экономизм“).

Группа „Борьба“ Небольшая заграничная группа, образовавшаяся почти одновременно с группой „Искры“ и „Зари“ и занимавшаяся исключительно литературной деятельностью. Ею были изданы: критический этюд Рязанова: „Проект программы „Искры“ и „Задачи русских социал-демократов“; „Социал-демократический календарь 1902 г.“; брошюра Невзорова: „Отказываемся ли мы от наследства“ и несколько популярных брошюр.

Группа „Рабочего Знамени“ Во второй половине 1897 года в Петербурге сформировалась „группа рабочих революционеров“. Она назвала себя русской социал-демократической рабочей партией. Сама „группа рабочих революционеров“ являлась белостокской группой оппозиции Бунду, несогласной с его экономическим направлением.

„Русская социал-демократическая рабочая партия“ выпустила № 1 газеты „Рабочее Знамя“, а затем программную брошюру „Задачи русской рабочей партии“.

В этой брошюре ярко подчеркиваются политические требования.

При условии существования в России самодержавия признается невозможным широкая организация рабочего класса. Главнейшей практической задачей—ставится: выработка из среды рабочих отдельных личностей, которые со временем могли бы стать членами партии.

В январе 1901 г. вышла печатная прокламация, за подписью „Комитета С.-Петербургской группы „Рабочее Знамя“ и рабочей организации „Социалист“.

В феврале того же года „Рабочее Знамя“ и „Социалист“ об‘единяются и в об‘единенной прокламации резко подчеркивают „прежде всего необходимость борьбы за политическую свободу, исходя из убеждения, что рабочий класс в России уже настолько зрел, чтобы понимать свои не только экономические, но и политические интересы, и настолько силен, чтобы в недалеком будущем начать борьбу за те и за другие“.

Тут же заявлялось, что группа партии „Рабочее Знамя“ и рабочая организация „Социалист“ сознательно не входили в состав С.-Петербургского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, видя в официальном органе его „Рабочая Мысль“, с одной стороны, тенденцию приблизиться к направлению умеренного крыла германской социал-демократической партии, почти не считаясь с местными и временными условиями русской жизни; с другой—недоверчивое отношение к росту политического самосознания рабочей массы“.

Итак, мы видим, во-первых, резко выраженное политическое направление, во-вторых, очень определенное отношение к экономизму и, в-третьих, определение задач партии, в виде признания необходимости узкой организации революционеров.

Однако, в той же самой брошюре — „Задачи русской рабочей партии“—мы находим следующие строки: „Что же касается вопросов чисто теоретических, то мы полагаем, что партия без всякого для себя ущерба может в этом отношении предоставить каждому право „сметь свое суждение иметь“.

Только при книжном отношении к революционной деятельности можно усмотреть серьезное препятствие к совместной партийной работе в различном отношении к вопросам о научных осно-

вах нравственности, материалистическом понимании истории, свободе воли и т. д.“.

Это презрение к теории как раз характерно для экономистов и родственных им групп, которые никоим образом не могли уяснить того значения, которое ей придавали Маркс и Энгельс, Ленин и „Искра“.

Как удостоверяет С. Слетов—видный социалист-революционер—„вопрос о боевой тактике решался ими (т. е. „Рабочим Знаменем“ и его группами) одинаково с социалистами-революционерами. Группа „Социалист“ ставила даже вопрос о терроре; есть известия, что в ней обсуждалось покушение на Петербургского градоначальника Клейгельса, прославившегося неслыханно-зверским избиением студенческой демонстрации 4-го марта 1901 года,

В № 1 „Социал-демократической рабочей библиотеки“, который вышел в 1900 году, имеется такое место: „если на Западе политическая свобода была достигнута буржуазной революцией, то у нас ее возможно достигнуть лишь пролетарской революцией. Русские рабочие должны усиленно развивать свою политическую мысль. Экономическая борьба и организация масс должна итти своим чередом, но в нее должен быть внесен живой дух борьбы политической“. Совершенно правильная мысль о „живом духе борьбы политической“ связывается с неправильным пониманием вопроса о завоевании политической свободы только при пролетарской революции, что характерно для целого ряда групп тогдашнего времени.

В национальном вопросе рабочие-знаменцы заслужили также одобрения эс.-эра Слетова. И действительно, название „русской“, вместо российской, говорит о многом. Польскую социалистическую партию рабочие-знаменцы считали партией „руководящей“, с „последовательной программой“, „могущей служить поучительным примером“ и т. д. и т. д. Однако, эта партия являлась примером как раз мелкобуржуазной партии.

Таким, образом у групп и группировок, об‘единившихся под названием „Рабочего Знамени“, была своя левая и своя правая. Один фланг шел неизбежно к „Искре“ и пришел к таковой после последнего провала группы „Рабочего Знамени“ (18-го апреля 1901 г.), другая часть влилась в партию социалистов-революционеров.

Группа „Южный рабочий“ Эта группа образовалась на юге в девятисотых годах. Имела свою газету под тем же названием, которая пользовалась большим успехом среди рабочих. Решением II с‘езда партии группа была распущена, так как деятельность ее по существу не отличалась от деятельности местных комитетов партии.

Д

Девятое января „Кровавое воскресенье“, как называют этот день русские рабочие, произошло 9-го января 1905 года в Петербурге.

Поводом послужило увольнение нескольких рабочих на Путиловском заводе. Требование рабочих о приеме уволенных обратно администрация отклонила, и 3 января на заводе началась забастовка. На другой день к забастовке примкнули другие заводы: Семянниковский, Обуховский, и вскоре бастовал почти весь рабочий Петербург; шестого января бастовало уже 200 тысяч человек. Забастовка сразу же приняла ярко-политический оттенок, хотя и носила мирный характер. В требованиях, пред‘явленных рабочими, стоят не только требования экономические, но и такие пункты, в которых проявляется уже чисто-политическая сторона движения, например, требование Учредительного Собрания. Среди рабочих растет бессознательное стремление пред‘явить эти требования высшей власти, самому царю.

Таким путем возникает мысль отправиться к царю и пред‘явить ему петицию, в которой бы были изложены все нужды рабочих. Рабочие еще верят в царя, они надеются, что царь примет их, выслушает и удовлетворит их просьбы.

Рабочие организуются вокруг районных отделов „собрания русских фабрично-заводских рабочих“, руководимого священником Гапоном. В этих отделах „союза“ рабочие собираются, вырабатывают свои требования и принимают решение двинуться к Зимнему дворцу. Гапон написал письмо царю и министру внутренних дел Святополк-Мирскому, где предупреждал о готовящемся шествии и заявил, что царю бояться нечего.

Правительство молчало, по городу ходили зловещие слухи, но уже 8-го января стало достоверно известно, что рабочих к дворцу не допустят и что центр города занят войсками. Ночью с 8-го

на 9-ое была отправлена депутация к министру Витте от интеллигенции с просьбой предупредить кровопролитие. Депутация успеха не добилась; представители ее были арестованы.

С утра сотня тысяч рабочих потянулась ко дворцу с портретами царя, с иконами, с какими-то надеждами на царя.

Еще у Нарвских триумфальных ворот путиловцы и вообще рабочие нарвского района были встречены пулями. Много было убитых. Гапон, при содействии с.-р. Рутенберга, бежал переодетый. Тем не менее рабочие двинулись в центр, к Зимнему дворцу, и там были встречены выстрелами; начались расстрелы, продолжавшиеся целый день. Погибло несколько тысяч мужчин, женщин, детей.

Народ, шедший безоружным к царю с верой в него, в крови под пулями царских войск потерял веру в царя.

Движение рабочих сразу из мирного превратилось в революционный бурный взрыв и перекинулось на всю страну. Началась первая русская революция.

Литература: 1) Л. Троцкий.—„1905 г.“, стр. 76—86. 2) Гуревич.—„Народное движение в Петербурге 9 января 1905 г.“ „Былое“ № 1. 3) М. Горький.—„9 января“. ГИЗ 1920 г.

Декабрьское восстание (1905 г.)

Царское правительство в конце ноября сознательно становится на путь провокации рабочего класса на борьбу. 27-го ноября был арестован председатель Петербургского совета рабочих депутатов Хрусталев-Носарь, а 3 декабря был окружен военной силой и арестован совет.

На его место петербургским пролетариатом был немедленно избран новый состав совета, который стал энергично готовиться к борьбе и уже 8 декабря призвал все население Петербурга к всеобщей забастовке.

Но это выступление петербургских рабочих оказалось еще более неудачным, чем ноябрьская политическая забастовка (см. „Стачки“).

Наибольшего размаха декабрьские революционные события достигли в Москве, где настроение среди рабочих было особенно приподнятым и где рабочая масса была менее всего обессилена предыдущими выступлениями.

4 декабря Московский совет рабочих депутатов присоединился к „финансовому манифесту“ (см. „Финансовый манифест“). 6 декабря, под влиянием начавшихся крупных волнений в московском гарни-

зоне, совет постановил вместе с революционными партиями об'явить с 7 декабря всеобщую политическую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание. Собравшаяся в это время в Москве конференция делегатов 29 железных дорог присоединилась к постановлению совета; такое же решение вынес и почтово-телеграфный с'езд.

Когда в Москве 7 декабря началась политическая стачка, охватившая почти мгновенно большинство производств, местная администрация во главе с генерал-губернатором Дубасовым совершенно растерялась; имея серьезные основания опасаться революционных вспышек среди гарнизона, она сочла за лучшее сразу же прибегнуть к самым суровым репрессивным мерам, вплоть до артиллерийского обстрела города.

В первые же дни стачки были подвергнуты разгону и обстрелу собрания рабочих в „Аквариуме", „Олимпии", на Страстной площади, сопровождавшиеся многими жертвами, а против собравшихся в доме Фидлера железнодорожников и дружинников была впервые выдвинута артиллерия.

Эти свирепые меры привели к диаметрально противоположным результатам: вместо паники они вызвали всеобщее возбуждение и до крайности накалили и без того революционное настроение рабочих.

Возбужденные репрессиями массы бросились сооружать баррикады, разоружать полицию, стали организовывать партизанские нападения на отряды войск и т. д. Когда же 10 декабря артиллерия получила приказ обстреливать улицы города, эта безумная и ничем не вызванная мера, направленная к тому же не только против забастовавших рабочих, но и против всего московского населения, естественно, вызвала возмущение широких народных масс, до того не принимавших участия в движении. Десятки тысяч москвичей самого различного социального положения примкнули к вооруженному восстанию рабочих и стали оказывать им всякое содействие, главным образом по сооружению баррикад. Благодаря их содействию, вся Москва оказалась быстро опутанной целой сетью довольно прочных сооружений, которые служили охраной для немногочисленных дружин рабочих, продолжавших вести партизанскую борьбу с полицией и войсками.

Это участие широких масс населения в декабрьском восстании московского пролетариата выгодно выделяет московское движение

среди борьбы рабочих в остальной России, где рабочий класс в декабре оказался изолированным.

Но и московское восстание рабочих, будучи оторванным от остальной России, не встретив деятельной поддержки даже со стороны петербургского пролетариата, было осуждено на неудачу. И действительно, как только московская администрация получила подкрепление из Петербурга, она тотчас же перешла в наступление и быстро справилась с рабочими дружинами. Дольше, чем в других местах, восставшие продержались на окраинах Москвы, в особенности на Пресне, где упорно сопротивлялись рабочие Прохоровской мануфактуры. Против них пришлось предпринять правильные военные действия, с артиллерийской подготовкой, обстрелом улиц из пулеметов и последующими атаками созданных рабочими прикрытий.

Пресня представляла в это время особый мир, отгороженный от остальной Москвы густой сетью баррикад и живший вполне самостоятельно. Во главе движения стал местный районный совет рабочих депутатов, в руки которого быстро перешла вся власть, полиция была разоружена, отряды войск вынуждены были покинуть эту часть города, хотя общее число дружинников было не велико— всего около 200 человек.

К 18 декабря, наконец, и Пресня, стиснутая со всех сторон плотным кольцом войск, опутанная заревом пожаров, возникших в результате обстрела, принуждена была сложить оружие, и московское восстание, таким образом, было ликвидировано. Дружинники из Пресни успели благополучно скрыться, смешавшись с общей массой населения. Вообще, надо отметить, что революционные организации рабочих во время московского восстания понесли сравнительно немного жертв, общее же число жертв среди населения убитыми и умершими от ран достигло, по далеко неполным подсчетам, до 1059 человек.

«Если оставить в стороне окраины (Кавказ и Прибалтийский край), декабрьская волна нигде не поднималась до такой высоты, как в Москве. Баррикады, перестрелка с войсками, артиллерийская стрельба имели, однако, место еще в целом ряде городов: в Харькове, Александровске, Нижнем-Новгороде, Ростове, Твери...

„После того, как восстание было всюду сломлено, открылась эра карательных экспедиций. Как показывает это официальное

название, цель их—не борьба с врагами, а месть побежденным. В Прибалтийском крае, где восстание вспыхнуло за две недели до московского, карательные экспедиции разбились на мелкие отряды, которые исполняли кровавые поручения подлой касты остзейских баронов; латышей, рабочих и крестьян, расстреливали, вешали, засекали розгами, забивали палками, гоняли сквозь строй, казнили под звуки царского гимна. Втечение двух месяцев в Прибалтийских губерниях—по крайне неполным сведениям—казнено 649 человек, сожжено до тла более 100 усадеб, засечено плетьми множество людей.

„Так абсолютизм божьей милостью боролся за свое существование“. (Л. Троцкий).

Литература: 1) Л. Троцкий—„1905 г.“, стр. 208—297. 2) „Декабрьское восстание в Москве“. Иллюстр. сборник Изд. Отдела Печати М.С.Р. и К.Д. 1919 г. 3) Ельницкий А.—„История рабочего движения в России“. Изд. ВЦСПС 1923 г., стр. 195—212. 4) Покровский М. Н.—„Русская история в самом сжатом очерке“, ч. III, стр. 188—196. 5) Фриче.—„Очерки истории мирового рабочего движения“, III вып. Рабочее движение в России стр. 47—51.

Демократическое совещание

Демократическое совещание было созвано правительством Керенского в Петербурге с 14 по 22 сентября 1917 г. На совещание были приглашены представители „демократических“ земств и городов, кооператоры, представители некоторых общественных организаций, фронтовых и армейских комитетов, губернских советов, Ц. И. К. и профессиональных союзов. Советская делегация составляла меньшинство. Совещание высказалось против коалиции с кадетами, однако, Керенский прошел мимо его резолюции и вновь организовал коалиционное министерство. Демократическим совещанием был выделен из своего состава „Совет Республики“ (предпарламент), который, будучи пополнен цензовыми элементами, должен был заменить представительный орган до созыва Учредительного Собрания. Большевистская фракция во главе с т. Троцким покинула предпарламент.

Демократическое совещание, не пользовавшееся никаким авторитетом в стране, не достигло своей цели укрепления временного правительства и расширения его базы и способствовало усилению классовой борьбы.

Демократический совет

Демократический совет, выделившийся из демократического совещания, впитал в себя всю беспомощность последнего. Старые советские партии, социалисты-революционеры и меньшевики, создали для себя в этом совете искусственное большинство, но только для того, чтобы тем ярче обнаружить свою политическую прострацию. Церетелли вел за кулисами совета путанные переговоры с Керенским и с представителями „цензовых элементов“, как начали выражаться в совете,—для того, чтобы не употреблять „обидного“ имени буржуазии. Доклад Церетелли о ходе и исходе переговоров был чем-то вроде надгробного слова целому периоду революции. Оказалось, что ни Керенский, ни цензовые элементы не согласились на ответственность перед новым полупредставительным учреждением. С другой стороны, вне пределов кадетской партии не удалось найти так называемых „деловых“ общественных деятелей. Пришлось организаторам предприятия капитулировать по обоим пунктам. Капитуляция вышла тем более красноречивой, что демократическое совещание созывалось ведь именно для того, чтобы установить безответственный режим, при чем совещание формальным голосованием отвергло коалицию с кадетами. На нескольких заседаниях демократического совета, которые состоялись до переворота, царила атмосфера напряженности и полной недееспособности. Совет отражал не движение революции вперед, а разложение партий, отставших от революции.

К тому моменту, когда демократический совет, пополненный цензовыми элементами, превратился в предпарламент, большевики окончательно порвали с этим учреждением.

Литература: **Троцкий, Л. Д.—„Октябрьская революция“, стр. 40—42, 50—56.**

Дискуссия о профессиональных союзах

Дискуссия, сыгравшая крупную роль в истории РКП и служившая симптомом неправильной хозяйственной политики партии (слишком затянувшийся „военный коммунизм“), возникла первоначально среди профессионалистов на V конференции профессиональных союзов (ноябрь 1920 г.) и к началу 1921 г. охватила широкие партийные массы, послужив прелюдией к введению так называемой „новой экономической политики“ (НЭП). Внутри ЦК партии также возник ряд

группировок: „платформа десяти“ (или иначе „восьмерка“, по числу голосов, первоначально поданных за нее на одном из пленумов ЦК), „буферная группа“ Бухарина, на деле близкая к позиции Троцкого, и „группа Троцкого“ (первоначально „семерка“). Точка зрения Троцкого сводилась к необходимости усиления производственной роли союзов и приспособления их для этой цели, путем перевоспитания и „перетряхивания“ сверху. Ленин и Зиновьев (платформа „десяти“) усиленно подчеркивали значение профсоюзов, как первоначальной „школы коммунизма“ и посредствующего звена между партией и массами, не допуская вследствие этого никакого „перетряхивания“. Образовавшаяся, во главе с Шляпниковым, группа „рабочей оппозиции“ выдвинула свои тезисы о профсоюзах, со значительным синдикалистским уклоном. „Группа демократического централизма“ (Осинский, Сапронов) не придавали значения спору о профсоюзах, передвигая центр тяжести вопроса в сторону демократизации партийной жизни и руководства. Был опубликован, кроме указанных, ряд других платформ, не получивших сколько-нибудь значительного числа сторонников. X партийный с‘езд 1921 года разрешил спор о профсоюзах, трактуя последние в духе ленинской „школы коммунизма“ и, по докладу Бухарина, признал необходимым проведение демократизма во внутрипартийной жизни. „Группа демократического централизма“ заявила, что она согласна с указанной резолюцией, и себя поэтому распускает. „Рабочая оппозиция“ осталась неудовлетворенной, и с‘езд счел нужным воспретить в дальнейшем всякие фракционные группировки.

Перипетии и этапы дискуссии подробно изложены Лениным в его статье—„Кризис партии“.

Литература: 1) „Партия и союзы“.—Сбор. статей и материалов под ред. Зиновьева. ГИЗ. 1921 г. 2) Ленин, В. И.—Собрание сочинений, т. 18, ч. I, стр. 7—72.

„Дневник Социал-Демократа“

„Дневник Социал-Демократа“ Г. Плеханова выходил не регулярно, по мере накопления материалов и в моменты особых обострений тактических споров в Р. С.-Д. Р. П., в течение 1905—1910 гг. В 1916 г. вышел № 1 в России.

Е

„Единство“ „Единство“—газета Г. Плеханова, издававшаяся им при участии Алексинского в Петербурге в 1917 году. В годы войны Плеханов скатился на ультра-шовинистическую позицию, отстаивал победу над Германией и призывал во имя ее русских рабочих воздержаться от всяких выступлений против царизма. „Единство“ вело бешеную агитацию против большевиков и отстаивало коалицию с кадетами. Впоследствии группа „Единство“, в блоке с другими буржуазными партиями, участвовала в контр-революционных организациях и работала на Деникина и Колчака.

З

Забастовки см. „Стачки“.

Закон 9 ноября 1906 года Самодержавие поняло, что без сделки с крупным землевладением и крупным капиталом оно существовать не может. Кроме штыка, на который оно опиралось, нужно было пойти по пути известного приспособления, известного лавирования, иначе буржуазное развитие пойдет помимо старой власти и тогда примет революционно-демократический характер.

Первым шагом в этом новом направлении было издание 9 ноября 1906 г. (в период между первой и второй Думой) аграрного закона о выходе из общины, сводящегося к тому, чтобы в деревне создать земельного собственника, „хозяйственного мужика“, который, ограбив при помощи правительства деревенскую голытьбу, стал бы известной опорой контр-революционному правительству в его борьбе против наметившегося революционного решения аграрного вопроса многомиллонным крестьянством в союзе с пролетариатом.

Закон 3-го июня 1907 г. Разгон II Государственной Думы завершился государственным переворотом, который правительство об'явило в форме закона 3 июня. Вопреки „основным“ законам, подписанным самим правительством под давлением народного движения, правительство радикально изменило избирательный закон, установив чрезвычайно сложную систему выборов. Выбирали отдельно рабочие, отдельно крестьяне, отдельно горожане и отдельно помещики. Выборы были двухстепенные и трехстепенные. Но число выборщиков было подогнано так, чтобы большинство было помещиков и это помещичье большинство должно было обя-

зательно выбирать в депутаты нескольких крестьян (более угодных помещикам) и рабочих.

Крестьян в Думу по закону проходило сравнительно много; а обязательных рабочих кандидатур было только шесть на всю Россию,—по одному рабочему от губерний: Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской. Рабочие в каждой губернии выбирали сначала уполномоченных по заводам; уполномоченные на общем собрании избирали выборщиков, а из числа выборщиков уже помещики должны были избрать одного человека в депутаты.

Что явилось причиной издания этого закона? Правительство и союзные ему контр-революционные силы окончательно убедились, что при существовании сколько-нибудь широкого избирательного права для крестьян, рабочих и городской бедноты, им не добиться совершенно ручной Думы, а главное Думы, в которой революционная социал-демократия не имела бы крупного, яркого и наиболее опасного для самодержавия представительства.

Рассчитывая на контр-революционность либеральной буржуазии и зная рабскую „лойяльность“ ее партии (к.-д.) правительство, чтобы обеспечить себе возможность, в случае надобности, опереться иногда на несколько иное большинство (кадетско-октябристское, а не октябрьско-черносотенное), перекроило новый избирательный закон так, чтобы партия к.-д. тоже получила представительство в размере нескольких десятков депутатских мест.

Закон 1 июня 1882 г.
Закон 1885 г.
Закон 24 июня 1890 г.
Закон 2 июня 1897 г.
Закон 1 февраля 1899 г.
Закон 2 июня 1903 г.
Закон 10 июня 1903 г.
Закон 1912 г.

} см. „Фабричное законодательство“.

„Заря“ „Заря“—журнал для разработки теоретических вопросов. Выходил под редакцией Г. Плеханова, П. Аксельрода и В. Засулич. В первый год его существования (1901 г.) было выпущено три номера, в 1902 г. вышел только один номер. Его задачи определились так: „осмысливать каждый шаг в наступательном ходе движения, в процессе полустихийного его нарастания, указывать пути и средства, намечать программу, формировать агитаторов и, ведя беспощадную борьбу с представителями современного „критицизма“, будить теоретическую мысль и

нести в широкие слои читающей массы тот „дух жив“, без которого никогда не окрепнет великое освободительное движение“. (Из обращения „К читателю“).

„Звезда“ „Звезда“ — еженедельная газета, начавшая выходить в Ленинграде (тогда Петербурге) в конце 1910 г. при поддержке думской с.-д. фракции.

В „Звезде“ печатались статьи Ленина и Плеханова. В редакционной статье № 1 („Наша задача“) указывалось на трудные цензурные условия, лишающие возможности давать „полное и яркое освещение русской жизни“. „Но—говорила редакция — мы уверены в одном: газета не возьмет фальшивой ноты ни при каких обстоятельствах. Она всегда останется верной тому миросозерцанию, которое об‘единяет ее сотрудников. Марксизм, как основа жизнепонимания и последовательный социальный и политический демократизм, как очередная программа,—вот те устои, на которых строится наша деятельность... Поэтому мы не можем ни отзывать себя из круга борющихся в России общественных групп, ни ликвидировать себя в чаянии какого-то лучшего будущего“.

Руководили газетой В. Бонч-Бруевич, Н. Иорданский и И. Покровский.

„Звезда“ под этой редакцией просуществовала около шести месяцев (июнь 1911 г.) В июне думские заседания были прерваны, депутаты раз‘ехались, Бонч-Бруевич был арестован. И газета перестала выходить. Это—достаточное доказательство того, что „Звезда“ с первого периода своего существования не успела связать себя тесно с рабочей массой.

Осенью того же года под этим же названием стала выходить газета большевистского направления. Постоянными ее сотрудниками были: Ленин, Каменев, Зиновьев, Н. К. Крупская, жившие тогда за границей, Р. Раскольников, который был секретарем редакции вплоть до своего ареста, и Демьян Бедный, печатавший свои стихотворения за подписью „Е. Придворов“.

Без всякого преувеличения можно сказать, что „Звезда“ сыграла в истории большевизма такую же славную роль, как в свое время „Искра“ (см. ниже) при создании партии.

На этом славном посту ее сменила „Правда“ в 1912 году (см. ниже).

„Земля и Воля“ Опыт хождения в народ привел революционеров к двум выводам: 1) „летучая“ пропаганда совершенно не

достигает цели; необходимо заменить ее установлением более прочных связей с крестьянской массой; установление такой связи возможно через устройство в провинции постоянных поселений, которые явились бы центром пропаганды и 2) разрозненная, несогласованная деятельность отдельных кружков приносит вред; необходимо об‘единить их работу, слив ее в одну организацию, подчиняющуюся директивам центра, направляющего работу отдельных кружков.

Такой центр был создан осенью 1876 года, когда в Петербурге собрались представители ряда провинциальных кружков, положивших начало обществу, получившему позднее название „Земля и Воля“. Основная работа общества сводилась к устройству среди крестьян упомянутых выше, рассчитанных на длительное существование, поселений. Наряду с этим земляевольцы вели деятельную пропаганду среди рабочих.

„Земля и Воля“ выдвигала на первый план борьбу за экономическое освобождение трудящихся масс, оставляя в стороне вопросы политические. Однако, репрессии правительства заставили „Землю и Волю“ вступить на путь борьбы с ним.

В брошюре известного землевольца Кравчинского „Смерть за смерть“, являющейся по своему характеру программной, об этом говорится так: „Мы—социалисты. Цель наша—разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень всех страданий человечества. Поэтому политические формы сами по себе для нас совершенно безразличны. Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всех кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер.

„Убийство—вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишить себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело нас до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему.

„Оно довело нас до этого циничной игрой десятками и сотнями человеческих жизней и тем полным презрением к какому бы то ни было праву, которое оно всегда обнаруживало в отношении к нам...

„Господа правительствующие жандармы, администраторы, вот вам наше последнее слово:

„Вы—представители власти; мы—противники всякого порабощения человека человеком, поэтому вы наши враги и между нами не может быть примирения. Вы должны быть уничтожены и будете уничтожены. Но мы считаем, что не политическое рабство порождает экономическое, а наоборот. Мы убеждены, что с уничтожением экономического неравенства уничтожается народная нищета, а с нею вместе невежество, суеверие и предрассудки, которыми держится всякая власть. Вот почему мы, как нельзя более, склонны оставить в покое вас, правительствующие. Наши настоящие враги—буржуазия, которая теперь прячется за вашей спиной, хотя и ненавидит вас, потому что и ей вы связываете руки. Так посторонитесь же. Не мешайте нам бороться с нашими настоящими врагами, и мы оставим вас в покое. Пока не свалим мы теперешнего экономического строя, вы можете мирно почивать под тенью ваших обильных смоковниц.

„До тех же пор, пока вы будете упорствовать в сохранении теперешнего дикого бесправия, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас...

„Подумайте об этом, господа, выслушайте наши требования:

1) Мы требуем полного прекращения всяких преследований за выражение каких бы то ни было убеждений, как словесно, так и печатно.

2) Мы требуем полного уничтожения всякого административного произвола и полной ненаказуемости за поступки какого бы то ни было характера иначе, как по свободному приговору народного суда присяжных.

3) Мы требуем полной амнистии для всех политических преступников без различия категорий и национальностей,—что логически вытекает из первых двух требований.

Вот чего мы требуем от вас, господа правительствующие. Большего от вас мы и не требуем, потому что большего вы дать

не в силах. Это большее в руках буржуазии, у которой мы и вырвем его вместе с жизнью. Но это уже наши счеты. Не мешайтесь в них. Точно также и мы мешаться не станем в ваши домашние дела.

„До вопроса о разделении власти между вами и буржуазией нам нет решительно никаких дел. Давайте или не давайте конституцию, призывайте выборных или же не призывайте, назначайте их из землевладельцев, попов или жандармов — это нам совершенно безразлично.

„Не нарушайте наших человеческих прав—вот все, чего мы хотим от вас“.

Однако, вопрос о допустимости политической борьбы вызвал горячие разногласия в „Земле и Воле“ и привел к расколу ее осенью 1879 г. на две партии: „Народную Волю“ и „Черный Передел“.

Литература: 1) Дейч.—„Хождение в народ“. Изд. 1919 г. 2) В. Богучарский.—„Активное народничество 70 годов“. 3) Серебряков.—Очерки по истории „Земли и Воли“. 4) Степняк-Кравчинский.—„Подпольная Россия“. Изд. „Светоч“. 1917 г.

Зубатовщина Правительства всех стран всегда старались утихомирить рабочее движение, свести его с революционного пути. Но едва ли в какой-нибудь стране эта правительственная политика принимала такой гнусный провокаторский характер, как российская зубатовщина, получившая свое имя от Зубатова, начальника московского охранного отделения, взявшего на себя выполнение нового рецепта спасения России от рабочего движения.

„Как горячий сторонник“ рабочего дела, Зубатов начинает свою агитацию прежде всего среди политических заключенных, с которыми ему приходится сталкиваться „по делам службы“. Он старается внушить сознательным рабочим, что, борясь за политическую свободу, они только играют в руку буржуазии и не приносят пользы рабочему классу, и что в своей мирной экономической борьбе с капиталистами рабочие найдут поддержку в самодержавном правительстве. При помощи небывалых льгот и обещаний ему удается соблазнить некоторых неопытных запуганных заключенных и привлечь их на свою сторону. Новообращенные зубатовцы после своего освобождения, не за страх, а за

совесть, берутся организовывать всевозможные рабочие союзы под общим руководством охранного отделения и при благосклонном покровительстве высших властей (московск. обер-полицимейстера Трепова, московского генерал-губернатора и, наконец, министра внутренних дел Плеве).

В 1901 году в Минске зубатовцами была основана „независимая рабочая партия“, поставившая целью только „экономическую“ борьбу и об‘явившая войну социал-демократам.

В Москве в этом же году охранным отделением было основано „общество взаимопомощи механических рабочих“ и „общество взаимопомощи ткачей“. На зубатовских собраниях ораторы из охранного отделения, а также убежденные зубатовцы из рабочих распинаются пред темной массой о вреде „политики“ и громят социал-демократию, как „буржуазную“ партию. Само собой разумеется, что наиболее горячие из сознательных рабочих, пытавшихся возражать зубатовцам, попадали потом в тюрьму.

19 февраля 1902 года зубатовцам даже удается привлечь рабочие массы к патриотической манифестации перед памятником Александра II. Рабочий Слепов пред тысячной толпой раскрывает здесь широкие горизонты полицейского социализма: „Правительство обещает вам 8-ми часовой рабочий день. Оно заберет со временем все фабрики в свои руки и отдаст их вам. Для этого не нужно конституции, наоборот, только самодержавное правительство может это сделать, конституция же нужна интеллигенции, а не вам“ и пр. пр.

Эти успехи зубатовской провокации не могли быть прочными и в конечном счете должны были обрушиться на голову самодержавия. Экономическая агитация зубатовцев вызвала ряд забастовок и сообщила, таким образом, толчок рабочему движению, которое неизбежно должно было выйти за пределы, предусмотренные и разрешенные полицией. Озлобленные же московские фабриканты стали угрожать правительству, что в случае дальнейшего вмешательства охранного отделения в дела промышленности, они вынуждены будут добиваться ограждения своих прав конституцией.

Самые тяжелые удары зубатовская провокация нанесла социал-демократическим организациям Москвы. После поразительно

быстрых успехов, которые сделала здесь социал-демократия в середине 90-х годов, со времени основания „Московского рабочего движения“, организованная социал-демократическая работа в конце 90-х годов и начала 900-х годов в Москве сильно отстает даже от второстепенных центров, а временами почти прекращается. При помощи огромной армии шпионов и провокаторов, рассеянных на заводах, Зубатову удавалось выслеживать и подавлять с.-д. организации в самом зародыше. Частые провалы, а также и необыкновенно развившаяся среди социал-демократов осторожность и подозрительность делали совершенно невозможной сколько-нибудь широкую постановку работы, и тем не менее, эта работа, хотя потерявшая планомерность и организованность, никогда совершенно не прекращалась. Попытка же Зубатова одурачить широкие рабочие массы полицейским социализмом, кроме Москвы, Одессы и района деятельности Бунда, нигде не имела даже временного успеха. Вскоре, после московской манифестации 19-го февраля, Зубатов был переведен в Петербург чиновником особых поручений при министре внутренних дел, чтобы и здесь применить свою политику „по рабочему вопросу“,—политику, которую правительство хотело уже возвести в государственную систему. Но благодаря неустанной агитации, которую вели „Искра“ и Петербургский комитет партии, первые же шаги зубатовцев в Петербурге встретили дружный отпор со стороны рабочих.

„Зубатовщина“ пришла слишком поздно, чтобы вывести рабочее движение из революционного русла. Школа стачечной борьбы 90-х годов не прошла даром. Те времена, когда рабочие искали заступничества у начальства и подавали прошения в участок, отошли в область преданий. Зубатовские общества скоро распались или же были закрыты самим правительством, которое обожглось на „рабочем вопросе“. Временный же успех зубатовщины помог даже самой отсталой части социал-демократов освободиться от „экономических“ предрассудков и вступить на путь широкой политической агитации. (Н. Батурин.—Очерк истории социал-демократии в России).

Литература: 1) Айнзафт, С.—„Зубатовщина и гапоновщина“. Изд. ВЦСПС. 1922 г., 2) Зубатовщина.—„Былое“. 1917. № 4. 3) Заявление гр. Гершуни Зубатову. „Былое“. 1918. № 9.

И

Интеллигенция и уход ее из революционного движения

Русская интеллигенция не любила самодержавия. До революции 1905 г. она даже ненавидела его и геройски, не жалея жертв, боролась с ним. В этой борьбе она сближалась с пролетариатом. Интеллигенция воспринимала при этом некоторые черты социалистического миросозерцания. Слово социализм она писала на своем знамени. Но в громадном большинстве случаев она воспринимала социализм чисто по-интеллигентски. Она мечтала о социализме, как о чем-то очень далеком и в своей дали красивом, ослепительно белом, чистом, как издали девственно чистыми кажутся снеговые альпийские вершины. Путь к этому социализму представлялся ей медленным, приятным восхождением в гору, тем более легким, приятным и безболезненным, что проводником при этом выступит она—мудрая, гуманная интеллигенция, которая сумеет стереть все крайности и шероховатости, сумеет примирить и буржуазный либерализм и пролетарский социализм.

Русская интеллигенция не видела и не хотела видеть обострения классовых противоречий, усиления милитаризма, роста финансового капитала, готовящегося превратить весь мир в арену своего насилия. Она не видела, что грозно и неумолимо надвигается революция и что вопросы, связанные с этой революцией, настоятельно ставятся в порядок дня.

Она жаждала уничтожения царского самодержавия, к этому стремилась. Но когда в 1905 году высоко поднялись волны революции, когда рабочие и крестьяне в своих конечных целях пошли дальше, чем мыслила и хотела интеллигенция, она быстро повернулась спиной к революции и отказалась итти с трудящимися массами (см. „Вехи“).

Наступила весна 1914 года. События неумолимо развивались в сторону войны, и интеллигенция, которая мечтала руководить ими, теперь жалко плелась в хвосте их, превращаясь в подголоска воинствующего империализма. Больше того: она мечтала, что после удачной войны откроются самые широчайшие перспективы для службы на разных поприщах; подумать, например, только о взятии Константинополя. И среди представлений о самой войне, о боях, переводах, премированиях и проч. не малую роль играло

представление о возможности легкой наживы, чему не мало в конце концов способствовали как рассказы о поведении наших войск в Восточной Пруссии, так и непрекращающиеся сведения о поведении войск противника в оккупированных областях России и Франции. (В. Б. Станкевич. „Воспоминания“. 1914—1919 г. г. Берлин 1920 г.).

С такими настроениями вступала интеллигенция в войну.

Перейдем теперь к истории ее шатаний в эпоху революции.

С начала войны интеллигенция добросовестно поддерживала правительство, уклоняясь от всякой политики. Об‘яснение этому дает видный деятель керенщины, пропитанный до мозга костей психологией интеллигента, тот же Станкевич, „Воспоминания“ которого выше цитировались. К возможности народного выступления относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное народное массовое движение может попасть в крайнее левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызвал серьезные опасения и убеждения, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды.

Но в феврале революция все-таки победила. Буржуазная интеллигенция поспешила признать ее, хотя и испытывала страх пред ней. Об‘явив революцию „своей революцией“, она стремилась в то же время взять революционную стихию в свои руки, чтобы направить ее по желательному для себя руслу буржуазной революции; война „до победного конца“—вот что характеризует настроение интеллигентских вождей во время начала революции. Для достижения этой цели были хороши и дозволены все средства: цензура, аресты большевиков, карательные экспедиции.

За Февральской революцией быстро, верно, стихийно и неумолимо надвигалась пролетарская революция. Буржуазная интеллигенция мечется в поисках защиты от нее. Став теперь на сторону временного правительства, она деятельно помогает образованию самой настоящей белой гвардии из буржуазии, помещиков и офицеров. Увидев, что и этого недостаточно для спасения себя от революции, она наряду с буржуазией просит об интервенции.

Но Октябрь победоносно идет, несмотря на ярое противодействие интеллигенции, не приемлющей революции. Она, все время

считавшая себя солью земли, рычагом прогресса, двигателем революции, на деле оказалась игрушкой, орудием могучих сил классовой борьбы и—что хуже всего, игрушкой контр-революционных сил.

Это ли не полное банкротство?

Интернационал Тяжелая реакция, наступившая после революции 1848 года, рассеялась к 1860-м годам. Но с этого времени рабочее движение вступило на путь планомерной организации рабочих масс для будущих битв.

В Англии возникли местные, а несколько позднее и более широкие об'единения рабочих союзов (трэд-юнионов).

Во Франции рабочее движение пробудилось под знаменем мутуализма (от латинского слова mutuus—взаимный)—учение Прудона о преобразовании общества на началах взаимности и свободного договора. Взаимодеятельность рабочих должна была, по Прудону, практически сводиться к организации производительных товариществ—в области „комбинированного" (соединенного) труда, т.-е. там, где требуется труд, превосходящий силы одного человека и семьи, и меновых банков, через которые производится взаимный обмен продуктами на основании их трудовой стоимости.

В Германии во главе рабочего движения стал великой трибун и организатор пролетариата Фердинанд Лассаль (1824—1864 г.г.). Он близко подходил к идеям „Коммунистического Манифеста" в понимании развития капиталистического общества, но видел „выход из пустыни" в ассоциациях рабочих производительных товариществ, поддерживаемых государством.

В целях влияния же на государство он рекомендовал пролетариату добиться всеобщего избирательного права. Благодаря своей неутомимой организаторской энергии, он основал в 1863 году „Всеобщий Германский Союз", который впоследствии, соединившись в 1875 г. с „Союзом германских рабочих обществ", дал начало германской социал-демократии.

Классовая борьба пролетариата развилась в духе, предуказанном Марксом, в духе интернациональном. Идея „союза народов" проповедывалась еще в XVI ст., но реальным фактом она стала только с возникновения рабочего движения и строиться она начала на об'единении пролетариев всех стран. И „союз коммунистов"

(общество, состоявшее главным образом из немецких рабочих), и „общество братских демократов“ (в Англии, в 40 годах, общество, в числе членов которого было много чартистов), и „международная ассоциация“ (1850 г.) имели международный характер, но они не выходили из рамок эмигрантских кругов.

Настоящее об‘единение международного рабочего движения осуществилось лишь в I Интернационале. В 1862 году социалистические рабочие и делегации французских рабочих на лондонской выставке вступили в сношения с деятельными представителями английского рабочего движения, уговорившись в будущем поддерживать близкие связи. В 1863 году они вернулись в Лондон, и на собрании для выражения симпатии польскому восстанию они вместе с английскими рабочими образовали комитет, выпустивший воззвание о необходимости об‘единения рабочих стран. Мысль эта была подхвачена парижскими рабочими, и в 1864 году в Лондон была послана для этой цели рабочая делегация.

1-й Интернационал 28 - сентября 1864 года на большом митинге в Мартине-Холле было постановлено организовать „Международное общество рабочих—Интернационал“. Для составления устава и программы был избран комитет, который и принял устав (статут) и программную записку Маркса.

Этот статут провозглашал главнейшие принципы международной борьбы пролетариата в духе „Коммунистического Манифеста“; в програмной его части указывалось, что „освобождение трудящихся классов должно быть делом самих трудящихся классов“, что „борьба рабочих не есть борьба за привилегии и монополии, но... за уничтожение всякого классового господства“, что „освобождение труда не есть местная, национальная задача, а социальная, охватывающая все страны“.

Организация Интернационала была такова: ежегодние международные конгрессы (верховный орган) и постоянно действующий генеральный совет из представителей рабочих разных стран. Интернационал должен был стать осведомленным и руководящим центром между рабочими организациями в разных странах, стремящихся к освобождению рабочего класса. Фактически он стремился сделаться международной партией рабочего класса, так как рабочих партий на местах (если не считать Лассальянского союза, который еще был молод и слаб) не было.

Такие партии возникли впоследствии в результате деятельности Интернационала из секций (местных групп Интернационала) или федераций (об'единение секций внутри одной страны). Духовным руководителем генерального совета, а вместе с тем и душой 1-го Интернационала, сделался Маркс, стремившийся на место социалистических и полусоциалистических сект и группировок в рабочем движении поставить настоящую боевую организацию пролетариата.

Интернационал просуществовал в Европе до 1873 года и имел 5 конгрессов и 2 конференции. Его влияние на рабочие массы было огромное: уже один факт существования международного центра движения поднимал дух рабочих и внушал каждой борющейся рабочей группе уверенность, что за ней стоит мировой пролетариат. Очень много сделал I Интернационал в смысле уяснения положения рабочих в разных странах: рабочая статистика была поставлена им. Ряд вопросов тактики и программы, которые теперь кажутся азбучными, были намечены I Интернационалом и на его конгрессах выяснены и разрешены.

Огромную роль Интернационал сыграл в революционном движении французских рабочих. Грандиозные по тому времени (60-е годы) стачки и рост профессиональных союзов проходили под влиянием французской секции Интернационала, связывшей экономические требования рабочих с политическими стремлениями, направленными против империи Наполеона III.—„Мы должны стремиться, чтобы стать во главе политического движения"—говорили французские интернационалисты. Вооруженное восстание и захват власти революционной частью народа (диктатура) они считали непосредственной целью движения.

В 1870 г. (незадолго до Коммуны) во французской секции Интернационала числилось до 200.000 рабочих (в одном Париже до 70.000)—цифра ошеломляющая по тому времени. Парижская Коммуна 1871 г. прошла под значительным идейным влиянием Интернационала и при активном участии французской секции и ее вождей.

Значительное влияние оказал Интернационал на стачечное движение в разных странах, протекавшее при активном участии генерального совета или секций. Это привлекало к Интернационалу огромные массы.

Чтобы оценить все значение I Интернационала нужно помнить, что более или менее организованное рабочее движение только начиналось, что нигде еще не было сложившихся политических партий пролетариата, что пролетариат в разных странах и в разных исторических обстановках находился под влиянием разных идеологий. И нужно было дать тогдашнему пролетариату единую программу и тактику рабочего движения, сообщить ему уклон в сторону последовательного коммунизма. В значительной мере Интернационал выполнил эту задачу и, главным образом, силами Маркса и его группы, которым это стоило многих усилий.

На первых конгрессах (Женевском в 1861 г. и Лозанском в 1867 г) еще были сильны мелкобуржуазные тенденции и влияние прудонистов, вносивших в формулировку принципов пролетарской борьбы путанность и мелкобуржуазную двойственность. Вопрос о коллективной собственности не был ясно формулирован в виду оппозиции по этому вопросу прудонистов, тянувших к мелкой собственности (их „производительные товарищества“ и „меновые банки“ базировались на мелкой собственности „производителей“).

Затушевывался вопрос о политической борьбе пролетариата даже на втором конгрессе—Лозаннском, на котором влияние прудонистов было меньше, чем на первом, вопрос о „политике“ формулировался в общих и расплывчатых выражениях о „благах политической свободы“, но не указывалось пути пролетариата в современной политической борьбе и цели его политических стремлений (захват власти). Косо смотрели прудонисты на стачечное движение, которое отвлекало, по их мнению, „производителей“ от мероприятий, построенных на „взаимности“.

Только третий конгресс (Брюссельский в 1868 г.) вплотную приблизился к коммунистической позиции, освободившись от мелкобуржуазных предрассудков прудонизма. Главным образом это выразилось в провозглашении коллективной собственности не только на железные дороги и прочие пути сообщения (с чем прудонисты кое-как еще мирились), но и на землю, что вызвало решительные протесты прудонистов, выражавших в этом отношении мелкобуржуазные чувства французских крестьян. Конгресс высказался за стачку, как неизбежное средство борьбы, и рекомендовал повсеместную организацию профессиональных союзов, которые должны стать боевыми организациями рабочего класса. Впервые на этом

конгрессе точно определено отношение к войне: осуждая войну, Интернационал рекомендует пролетариату бороться с ней „всеобщей стачкой“. Прудонисты потерпели крушение; правое их крыло ушло из Интернационала, примкнув к буржуазии, левое же крыло примкнуло скоро к анархистскому течению, руководимому Бакуниным.

На Базельском конгрессе в 1869 году было подтверждено требование о переходе земли в общественную собственность, что было серьезной победой коммунизма. На этом же конгрессе уже появилась грозная тень новой опасности, новый враг, от которого через несколько лет Интернационал погиб. Этим врагом был анархизм, возглавляемый Бакуниным. И он был тем опаснее, что, скрывая в себе реакционную мелкобуржуазную сущность, он по внешности казался крайне революционным и решительно враждебным буржуазному обществу, которое он хотел взять штурмом.

Михаил Александрович Бакунин, русский эмигрант, участник революционных движений 40-х годов в Европе, приговоренный два раза к смертной казни, долгие годы сидевший в русских тюрьмах и ссылке, только что бежал из Сибири и появился на европейском горизонте, как „апостол всемирного разрушения“. Выходец из мелкобуржуазной страны—из крестьянской России, он не понимал значения пролетариата, как класса, он его рассматривал в том же свете, что вообще „угнетенный народ“, он не понимал роли пролетариата, как класса, который должен завоевать власть в целях овладения производством и устройства неклассового коммунистического общества. Он отрицал всякую политическую деятельность пролетариата, в том числе и д и к т а т у р у п р о л е т а р и а т а. Вместо о р г а н и з а ц и и своих сил, к которой Маркс звал пролетариат всех стран, Бакунин звал к бунту, который одним ударом должен разрушить буржуазное общество и государство и поставить на их место вольное общество, федерацию групп и общин.

Бакунин сразу не вошел в Интернационал. Он организовал тайные общества в Италии, входил в буржуазную „лигу мира“, с которой скоро порвал, и основал напоследок „Международный союз социальной демократии“ (или же „Альянс социальных революционеров“). Альянс решительно отрицал политическую борьбу. Большинство членов Альянса было выходцами из среды буржуазных

революционеров, мало участвовавших в рабочем движении. И социальная революция им представлялась не как результат организованной борьбы масс, а как моментальный переворот—результат вспышки бунтов.

Уже на Базельском конгресе бакунисты столкнулись с германскими интернационалистами (Вильгельмом Либкнехтом и друг.) по вопросу об участии пролетариата в законодательстве. Но пока еще бакунисты не выступали открыто и решительно против генерального совета с Марксом во главе. В решительную оппозицию они стали к последним после того, как им стало ясно, что они не могут овладеть генеральным советом. Уже в конце 1868 г. бакунисты повели носившую враждебный характер агитацию против генерального совета и Маркса; после поражения Коммуны в 1871 году эта агитация превратилась в открытую войну.

Главной идейной причиной начавшегося раскола были обострившиеся разногласия по „политическому вопросу“. Марксистам поражение Коммуны выяснило необходимость создания самостоятельной политической партии пролетариата. Поэтому на Лондонской конференции 17-23-го сентября 1871 года, созванной вместо предполагавшегося в 1870 году Парижского конгресса, не состоявшегося из-за войны, марксисты провели резолюцию, требующую от пролетариата образования самостоятельной политической партии, противопоставляющей себя всем партиям имущих классов.

Бакунисты, оставшиеся недовольными этой резолюцией, созвали в Сонвилье с‘езд швейцарских секций анархического направления, на котором постановления Лондонской конференции были признаны недействительными, а политическая резолюция об‘явлена „личной доктриной группы Маркса“, домогающейся диктатуры и т. д Генеральный совет обвинялся в присвоении себе власти, между тем как он должен был, по мнению бакунистов, быть только простым корреспондентско-статическим бюро и т. д. В таком же духе был составлен циркуляр, который был разослан по всем секциям Интернационала.

Результаты этой агитации скоро отозвались в виде назревающего раскола во всех федерациях. Выражая настроение крестьянских масс, разоряемых капитализмом, и люмпен-пролетариата (босяцкого пролетариата), бакунизм привлекал революционеров

экономически отсталых стран (Италии, Испании, России), где капитализм только начинал свое железное шествие. Из экономически развитых стран бакунизм смог навербовать (временно) сторонников только благодаря той реакции, которая наступила после поражения Коммуны (в особенности из среды французских коммунаров-эмигрантов).

Как бы то ни было, но Бакунину удалось поднять поход против генерального совета, привлекши на свою сторону итальянские и испанские секции, бельгийских прудонистов, русских эмигрантов. Собравшийся в 1872 году в Гааге 5-й конгресс постановил исключить Бакунина и Джемса Гильома и принял ряд решений в марксистском духе. Но вместе с Бакуниным из Интернационала вышли французские бланкисты и некоторые секции и представители разных стран.

2-й Интернационал. После падения Парижской Коммуны (1871 г.) и распада 1-го Интернационала попытки к об'единению международного пролетариата не прекращались. За всемирным социалистическим конгрессом в Женеве (в 1877 г.) последовала международная социалистическая конференция в Хуре (1881 г.), международные рабочие конференции в Париже (1883 и 1886 г.г.) и международный конгресс профессиональных союзов в 1888 г.

Однако, восстановление Интернационала, как более прочного об'единения международного пролетариата, произошло только в 1889 году, в Париже во время всемирной выставки. В 1889 году заседали даже два конгресса, организованные двумя французскими социалистическими партиями: „Международный конгресс об'единенных социалистов“ и „Международный конгресс поссибилистов“. На этих конгрессах было постановлено учредить постоянное Международное Социалистическое бюро и сделать день 1-го мая международным праздником пролетариата—днем рабочих манифестаций за основные требования рабочего класса и, главным образом, за 8-ми часовой рабочий день.

От этого международного социалистического рабочего конгресса 1889 г., на котором были представлены 20 государств, и ведет свое начало II Интернационал.

С тех пор международные социалистические конгрессы стали собираться регулярно через каждые 2—3 года. Эти конгрессы

являлись высшими руководителями международного пролетарского движения, и в своих резолюциях, принимавшихся часто после горячих прений, выносили решения по всем вопросам социалистической программы, равно как и тактическим вопросам, которые часто возникали перед отдельными социалистическими партиями в разных странах.

Уже Парижский конгресс 1889 г. признал недостаточной одну экономическую борьбу и высказался за организации во всех странах самостоятельных политических партий пролетариата, не идущих на компромиссы (соглашения) с буржуазными партиями и стремящихся к завоеванию политической власти пролетариатом. В то же время конгресс признал, что насущной задачей политических партий является политическая борьба—еще в рамках буржуазного общества—за улучшение положения рабочего класса. И ходом политической жизни и борьбы пред национальными партиями выдвигались разные вопросы, которые и решали конгрессы.

На Брюссельском конгрессе 1891 года II Интернационал определенно отмежевался от анархистов, не допустив их на заседания конгресса, мотивируя это тем, что анархисты отвергли „необходимость организации рабочих и законодательное вмешательство государства в интересах рабочего класса“. Цюрихский (1893 г.) и Лондонский (1896 г.) конгрессы подтвердили это решение и на Парижский конгресс 1900 года были уже допущены только те политические партии и группы, которые считают необходимым средством к достижению цели (ниспровержение капиталистического строя) участие в законодательстве и парламентской деятельности; из профессиональных организаций допускались только те, которые признавали „необходимость политической и парламентской деятельности“.

Анархисты, таким образом, были изолированы от международного рабочего движения.

На Парижском конгрессе 1900 года, на котором присутствовало уже около 700 делегатов, большое внимание было уделено вопросу о борьбе с оппортунистами (соглашателями) и ревизионистами (стремившимся к „пересмотру Маркса“ с целью лишения международного социализма его революционного характера). Боевым вопросом было отношение к буржуазным партиям и к вхождению в буржуазное министерство Вальдека-Руссо так называемого со-

циалиста Мильерана (министром труда), не погнушавшегося сесть рядом с палачом Коммуны генералом Галифе.

После горячих прений между последовательными сторонниками научного социализма (революционного) и оппортунистами разных стран конгресс принял половинчатую резолюцию. С одной стороны утверждалось, что „классовая борьба запрещает всякого рода союзы с какой бы то ни было фракцией капиталистического класса, но с другой—признавалось, что исключительные обстоятельства делают иногда такого рода союзы необходимыми".

Вступление социалистов в буржуазное министерство конгресс признал „рискованным", но „в известных условиях, могущим дать результаты, выгодные для борющегося пролетариата".

Таким образом, уже на пороге XX столетия в рядах II Интернационала наметился раскол, свидетелями которого мы являемся в годы войны и революции. Но эта трещина, от которой раньше или позже должен был распасться мир вождей II Интернационала, пока замазывалась двухсмысленными, ничего не говорящими и ни к чему не обязывающими резолюциями.

Тем не менее, в вопросах международной и колониальной политики Парижский конгресс стал решительно на борьбу с „алчными стремлениями капитализма—алчного и наглого". Он признавал, что „только установление социалистического строя положит конец милитаризму и утвердит окончательный мир" и призывал все социалистические партии и всех трудящихся решительно протестовать против всяких попыток войн и союзов, ведущих к войнам.

Этим же конгрессом был разработан ряд организационных вопросов и положено начало международному социалистическому бюро, которое должно было составиться из представителей (от 1 до 3) партий разных стран.

На бюро возлагалась обязанность поддерживать связь между различными организациями, собирать и давать справки по рабочему вопросу в разных странах и т. д.

Амстердамский конгресс 1904 года огромным большинством голосов (25 против 5) вождей германского, русского и английского социализма осудил ревизионизм и „участие в правительственной власти в пределах буржуазного общества". По поводу русско-японской войны конгресс призывал социалистов и рабочих всех стран бороться против возможного распространения войны. Этот

же с'езд отклонил идею всеобщей забастовки (предложение анархистски-настроенной группы), как средства социальной революции.

В Европе чувствовалось дыхание войны, и вопрос о способах сопротивления войне ставился на всех последних конгрессах. На Штутгартском конгрессе 1907 года Эрве (теперешний пошлейший социал-патриот) внес предложение о военной забастовке в случае войны. Конгресс под влиянием германских социалистов это предложение отклонил, но принял резолюцию, рекомендующую отказать буржуазным правительствам в военных кредитах.

Копенгагенский конгресс 1910 года рассматривал этот же вопрос и опять отклонил идею „военной забастовки“.

Балканская война 1912 года побудила международное социалистическое бюро организовать во всей Европе международную кампанию в пользу мира. В ноябре 1912 года был созван чрезвычайный Базельский когресс специально по вопросу о грозящей войне; явившись внушительной демонстрацией, конгресс все же оказался неспособным выработать конкретный план борьбы с надвигающейся опасностью мировой войны. Он только опять подчеркнул обязанность пролетариата всех стран бороться против войны.

В 1914 году должен был состояться очередный конгресс в Вене, но вспыхнувшая в июле 1914 года империалистическая война не только сделала невозможным созыв этого конгресса, но разбила II Интернационал: в большинстве стран „социалисты“ в парламентах голосовали за отпуск средств на войну и приняли участие в мероприятиях, направленных к поддержанию той войны, которую они на всех своих конгрессах осуждали.

В состав II Интернационала входили большие и мощные политические партии пролетариата и крупные профессиональные организации. Размах его был гораздо шире, чем размах I Интернационала, он имел под собой и более широкую почву организованного во всех странах пролетариата. И тем не менее I-ый Интернационал выдержал испытание франко-прусской войны, продержался после этого еще несколько лет и погиб, но не пал, не вывалял в грязи буржуазной бойни пролетарского знамени; он погиб, но заветы его (идеи классовой борбы за захват власти пролетариатом и за уничтожение капиталистической системы) остались священными для рабочего класса и по сей день, когда они начинают

осуществляться. Второй же Интернационал бесславно погиб, он пал и развалился при первом грозном испытании. Второй Интернационал не только не оказался способен руководить национальными партиями, но и в грозный момент мировой войны пошел на явную измену всем провозглашенным им раньше лозунгам.

Еще за несколько дней до империалистической бойни вожди, сделавшиеся вскоре изменниками рабочего дела, звали рабочих протестовать против надвигающейся войны. Но когда война вспыхнула, „социалистические“ вожди забыли все свои решения и стали звать рабочий класс и трудовое крестьянство к оружию „за отечество“, и напрягали все свои силы, чтобы установить „гражданский мир“, т.-е. единый фронт с „своей“ буржуазией против „чужой“ (а фактически вели свои трудовые массы резать и убивать трудовые массы другой страны). Они в парламентах голосовали вместе с буржуазными ставленниками и шарлатанами за военный бюджет; они входили в буржуазные „министерства обороны“ (как Вандервельде и др.), словом, делали все, что раньше ими порицалось, как измена пролетарскому делу. Трудно разобраться сейчас во всех причинах этого распада, но главные причины таковы:

1. Верхушки рабочего класса в предшествовавший период расцвета колониальной политики были заражены духом наживы, который буржуазия им старательно прививала. Рабочие Англии, Соединенных Штатов, Германии и других капиталистических стран получали крохи из колониального грабежа, но буржуазия, прикармливая квалифицированные верхи рабочего класса, смогла внушить им, что они заинтересованы в процветании „отечественной“ промышленности.

2. Раз‘единенность рабочего движения в разных странах: отдельные политические партии действительно росли и крепли, но связь между ними была чрезвычайно слаба. Второй Интернационал фактически ограничивался декларациями единства мирового пролетариата, но не только не управлял действиями отдельных „национальных“ партий, но даже не пытался управлять. Международное социалистическое бюро дальше справок, архива и библиотеки, и „Бюллетеня“, который стал выходить только в 1910 г., не шло. Не было организующего центра, не было спайки между многочисленными организациями пролетариата. Это отсутствие живой связи с массами мирового пролетариата лишало интернациональную организацию действенности и живого духа.

3. Проникновение в ряды отдельных партий (как например, в Германии, Франции, Англии и др.) мелкобуржуазных и соглашательских элементов, не извергавшихся оттуда с достаточной решимостью (как бернштейнианцы в германской партии, мильеранисты—во французской и т. д.) разложило революционный и последовательно—пролетарский дух этих партий.

4. В самом Интернационале были представлены самые разнородные партии и организации от крайне революционных, оставшихся на платформе последовательного марксизма, до экономических организаций, чуждавшихся всякой политической борьбы. Эта политика „широких дверей“ привела к тому, что II-ой Интернационал перестал быть выразителем единой воли пролетариата и организатором единого действия.

(Заимств. из „Очерков Обществоведения“ М. Б. Вольфсона §§ 70, 73 и 74).

Подлинным руководителем революционной борьбой мирового пролетариата является III Коммунистический Интернационал (см. ниже „Коммунистический III Интернационал (Коминтерн)“). Он представляет международное об‘единение политических партий пролетариата, стоящих на той же платформе, что РКП, т-е действующих в духе революционной классовой борьбы, насильственного ниспровержения власти буржуазии во всем мире и установления диктатуры пролетариата.

Литература: 1) Стеклов Ю. М.—Интернационал. 2) Вольфсон.—Очерки обществоведения. §§ 55, 70, 71, 72, 73 и 74. 3) Историко-революционная хрестоматия. Т. I., стр. 90—102 и 262—265.

„Искра“ Первый номер газеты „Искра“ вышел из печати в Штутгарте в декабре 1900 года от имени революционной организации „Социал-Демократ“, в которую вошли: группа „Освобождения Труда“ и примыкающие к ней члены „Союза Русских Социал-Демократов“. Главным инициатором „Искры“ был В. И. Ленин, которым еще в Пскове, тотчас же после окончания им сибирской ссылки, была выработана программа этой газеты. До 45 номера „Искра“ издавалась при редакции в составе В. И. Ленина (Н. Ленина), Г. Плеханова, П. Аксельрод, В. Засулич, Мар-

това и Потресова. На втором очередном с‘езде „Искра“ стала Центральным Органом партии, в редакцию ее вошли В. И. Ленин и Г. Плеханов. Под этой редакцией „Искра“ выходила до 51 номера включительно. В 1903 году, когда под видом споров по организационным вопросам начинается спор об основах программы и тактики партии с.-д. и получаются расхождения между большевизмом и меньшевизмом (см. „Большевики и Меньшевики“), Владимир Ильич вышел из редакции, и № 52 был выпущен одним Плехановым. В состав редакции он кооптировал П. Аксельрода, Л. Мартова и Потресова; под этой редакцией „Искра“ выходила с 53 по 101 № включительно. В июне 1905 года Плеханов вышел из редакции „Искры“, будучи несогласным с решениями меньшевистской конференции, и №№ 101—112 издавались без Плеханова. 17-го октября того же года появилось легальное „Начало“ и издание „Искры“ было прекращено.

Июльские дни В первые дни Февральской революции масса была еще слишком доверчива, она надеялась на соглашение с буржуазией, она думала, что „общими силами“ легче разрешить задачи революции. Временное правительство своими действиями постепенно рассеивало эту иллюзию. Оно определенно вело антинародную и анти-революционную политику. Министр иностранных дел Милюков откровенно заявлял, что временное правительство будет продолжать внешнюю политику царизма.

Первое выступление революционных рабочих и солдат против временного правительства имело место 21-го апреля. Лозунгом демонстрации было: „Долой Милюкова“, „Да здравствует мир без аннексий“. Результат демонстрации—первый „кризис власти“. Милюков и военный министр Гучков вынуждены выйти в отставку. Партия большевиков требует разрыва с буржуазией и перехода власти в руки советов, в руки партий меньшевиков и эс-эров. Меньшевики и эс-эры, наоборот, решают теснее связаться с буржуазией: 6-го мая было образовано коалиционное правительство—в его состав, в дополнение к Керенскому, вступили „министры-социалисты“ Церетелли, Чернов и Скобелев.

С момента вступления меньшевиков и эс-эров в состав правительства влияние буржуазии на „революционное правительство“ не только не ослабло, но, наоборот, усилилось. В мае начались

уже гонения на революционных рабочих, солдат и крестьян. Контр-революция стала организовываться. Однако, меньшевики и эс-эры никакого внимания не обращали на поднявшуюся справа опасность. Главную свою задачу они видели в борьбе с „опасностью слева“—в борьбе против революционного рабочего класса и его партии.

3-го июня в Петербурге открылся I всероссийский с‘езд советов. Подавляющее большинство на с‘езде принадлежало меньшевикам и эс-эрам. Партия большевиков предлагала с‘езду разорвать союз с буржуазией и взять власть в свои руки. На 10 июля партия назначила мирную демонстрацию рабочих, солдат и матросов. Однако, меньшевики и эс-эры устройство демонстрации об‘явили изменой и предательством революции. На с‘езде советов малочисленная фракция большевиков была взята в „штыки“. Вожди меньшевиков и эс-эров угрожали большевикам жестокой расправой, если они не отменят демонстрации. Поведение меньшевиков в данном вопросе было настолько гнусно, что даже Мартов должен был бросить в лицо своим политическим друзьям тяжкое обвинение, что они ведут себя, как версальцы.

Демонстрация была отменена. Вопрос о власти на с‘езде был решен в смысле сохранения коалиции с буржуазией.

18-го июня, под давлением Антанты, армия была брошена в наступление. День наступления был об‘явлен великим днем. Церетелли, Дан, Керенский, Чернов на все лады доказывали, что переход в наступление—это великое революционное действие.

2-го июля 3 министра-кадета вышли в отставку и тем создали новый „кризис власти“. Кризис этот послужил сигналом для грандиозного выступления рабочих, солдат и матросов 3-го июля под лозунгом: „Долой министров-капиталистов“, „Вся власть советам“. Представители фабрик и заводов, выступавшие на заседаниях Центрального Исполнительного Комитета, заявляли: „Мы не разойдемся, пока 10 министров-капиталистов не будут арестованы и совет не возьмет власть в свои руки. Мы доверяем совету, но не тем, кому доверяет совет“.

Меньшевики и эс-эры об‘явили, что демонстрация имеет характер заговора, мятежа, восстания. Они решили усмирить демонстрантов. Для этой палаческой работы была образована особая комиссия в составе двух меньшевиков и двух эс-эров.

Непосредственно руководил подавлением „восстания“ известный меньшевик Войтинский. Он вызвал броневые машины для расстрела демонстрантов, организовал отряды—офицеров и юнкеров. Особая комиссия вызвала с фронта „надежные“, т.-е. контр-революционные части. Военная власть была передана ген. Половцеву. Началась расправа.

Белогвардейские провокаторы первые открыли огонь по демонстрантам и тем вызвали перестрелку. Это нужно было для того, чтобы был предлог для усмирения рабочих и солдат. Разнузданные банды юнкеров ворвались в редакцию „Правды“ и разгромили ее до основания. Казаки и юнкера разгромили типографию этой партии, убили рабочего большевика Войнова за то, что он распространял рабочую газету „Правда“.

Контр-революционная печать повела бешеную кампанию против вождей большевиков, обвиняя их в измене в пользу Германии и получении денег от немецкого генерального штаба.

„Революционная“ юстиция—юстиция меньшевиков и эс-эров издала приказ об аресте руководителей большевистской партии, обвиняя их в организации „восстания“ и в получении денег от Германии.

Вожди меньшевиков во главе с Церетелли явились инициаторами разоружения петербургских рабочих. Юнкера и казаки появились в рабочих районах и стали отбирать оружие. Партия большевиков оказалась на полулегальном положении. Часть ее вождей была брошена в тюрьму, другие должны были скрываться, чтобы не разделить участи рабочего Войнова. Оставшиеся на свободе рядовые работники партии подвергались беспощадной, гнуснейшей травле. Одновременно начался поход на революционную часть армии. Дивизии и полки расформировывались. „Непокорных“ солдат бросали в тюрьмы. Все это делалось для того, чтобы сохранить союз с буржуазией.

13-го июля на заседании Цик‘а Керенский грозил большевикам „полным и решительным уничтожением“. От имени меньшевиков и эс-эров Дейч заявил, что они предоставили правительству „полноту власти“. Дейч внес резолюцию, в которой против большевиков было выдвинуто обвинение в организации мятежа и в получении денег из немецких источников. Резолюция ставила вопрос об изгнании большевиков из советов. Вожди меньшевиков и эс-эров

говорили о необходимости провести в жизнь „диктатуру революционной демократии“. „Правительство—говорил Либер—вынуждено наносить удары большевикам. Нам нужна, заявил он, диктатура репрессий, диктатура революционного правительства“. Церетелли говорил: „Железной рукой приходится оборонять революцию от анархии и спасать страну мерой репрессий. Мерами репрессий и даже применением смертной казни должны мы спасать страну и революцию и наносить удары очень близко от демократических организаций революции. Нам нужно бить по анархии“.

Диктатура, репрессии, смертная казнь—все было законно против полулегальной, обескровленной партии пролетариата. Тюрьмы наполнялись политическими заключенными. Военные суды на фронте снова заработали.

Такими мерами меньшевики и эс-эры пытались обуздать революцию и спасти свой бесчестный союз с буржуазией.

Литература: 1) В. И. Ленин.—Собрание сочинений т. XIV, ч. II, статьи: „Где власть и контр-революция“. „Кризис назрел“. „Письмо к товарищам“. „Советы постороннего“.

К

Кадеты Кадеты—сокращенное название конституционно-демократической (к.-д.) партии либеральной буржуазии; она образовалась в октябре 1905 года из: 1) земцев-конституционалистов—либеральных помещиков и 2) членов „Союз Освобождения“—представителей буржуазно-демократической интеллигенции и лиц свободных профессий.

Основные пункты программы: 1) парламентарная монархия; 2) принцип отчуждения части помещечьих земель по справедливой оценке; 3) улучшение быта рабочих с допущением, где возможно, 8-ми часового рабочего дня.

Тактика: обычная для оппортунизма либералов: для „народа“ громкие оппозиционные фразы, особенно в моменты под‘ема революции, на деле постоянное стремление к сделкам со старой властью. Отсюда—Выборгское воззвание после разгона первой Думы и лозунг „беречь Думу“ во что бы то ни стало; во вторых, пресмыкательство перед хозяевами III и IV Дум, шовинизм и поддержка царизма в империалистическую войну.

В Февральскую революцию правительственная партия, быстро вбирающая в себя все контр-революционные буржуазные элементы, поддерживает авантюру Корнилова и все дальнейшие контр-революционные выступления и вооруженную борьбу русской и международной буржуазии против Октябрьской революции. Теперь, в связи с крахом вооруженной контр-революции, к.-д.—в состоянии раскола: левые во главе с Милюковым (Париж) стоят за „демократический“ блок с правыми социалистами-революционерами; правые (Берлин)—за коалицию с монархистами.

Казанская демонстрация

Со второй половины 70 годов прошлого столетия стачечное движение начинает выливаться наружу, проявляясь то спорадически, то, подобно эпидемии, распространяясь на широкие массы рабочих (см. „Стачка“).

Причина рабочих волнений коренилась, с одной стороны, в том, что в то время наша промышленность переживала период застоя, а с другой—развитие капитализма выделяло фабричных рабочих в особый класс, рождало классовое самосознание, повышало интеллигентность рабочих и сообщало борьбе рабочих отдельных фабрик и заводов характер борьбы классовой между пролетариатом и буржуазией.

Этот характер борьбы сознавался не только передовыми рабочими; вся рабочая масса в самом процессе борьбы постепенно приходила к сознанию солидарности своих интересов с интересами всех вообще рабочих и противоположности их (интересов) стремлениям всех эксплоатирующих классов.

Рабочие волнения и стачки из-за заработной платы и штрафов в этот период происходили во многих промышленных центрах: в Орехово-Зуеве на Морозовской фабрике, на табачной фабрике Дурунча в Вильне, на Мышегском чугунно-литейном заводе в Калужской губернии, на Юзовских заводах, на Белостокских ткацких фабриках и т. п.

Сильнее всего, конечно, возбужденное настроение проявилось среди наиболее сознательных петербургских рабочих, уже затронутых революционной пропагандой народников. Еще в конце 1876 года они задумали устроить свою рабочую демонстрацию и притом такую, которая бы своим резко-революционным характером дала простор и выход для нараставшего в их груди чувства протеста против капиталистического гнета. Устроители демонстрации

рассчитывали, что на нее может притти до 2.000 рабочих, но, как потом оказалось, эти предположения не оправдались. Организаторам демонстрации на этот раз не удалось привлечь к своему делу более широкий контингент участников, и на демонстрацию явились почти исключительно одни сознательные рабочие, человек 200—250. Рабочая же масса не пошла на нее просто потому, что для нее оставались все время неясным смысл и значение самой демонстрации, а организаторы демонстрации ограничивались одним призывом, не попытавшись, или, вернее, не сумев соединить идею демонстрации с нараставшим уже чувством протеста.

Как бы там ни было, а демонстрация была устроена 6-го декабря 1876 года: перед Казанским собором (Петербург) собралось несколько сот человек рабочих и учащейся молодежи. Было поднято красное знамя с надписью „Земля и Воля", которое подхватил молодой рабочий Потапов, и, поднятый на руки товарищами, он некоторое время держал его над головами присутствующих. Одним из участников демонстрации, Г. В. Плехановым, была произнесена революционная речь, законченная и подхваченная возгласами: „Да здравствует социальная революция, да здравствует „Земля и Воля".

При первых же словах речи полиция и жандармы, присутствовавшие на Казанской площади и поджидавшие только повода, чтобы накинуться на демонстрантов, бросились протискиваться к оратору, но их сейчас же оттеснили назад.

Когда речь была окончена, демонстранты, чтобы избежать арестов, решили всей толпой двинуться по направлению к Невскому. Но не успели они пройти и нескольких шагов, как последовало новое нападение полиции, которая стала арестовывать шедших в задних рядах.

„Тут общее возбуждение дошло до последней степени. Кто-то скомандовал: „Стой. Наших берут!", и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор, в Казанскую улицу. Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали большее самообладание, то они могли бы отступить без потерь в полном порядке. Но кому из принимавших когда-нибудь участие в подобных столкновениях не известно, как трудно ввести в надлежащие границы раз прорвавшиеся наружу страсти. Публика продолжала пресле-

довать обращенную в бегство полицию". (Плеханов „Русский рабочий в революционном движении").

Полиции все-таки удалось захватить около трех десятков участников демонстрации. С одними из них, а именно с представителями революционной интеллигенции, правительство поспешило свирепо расправиться, осудив их в Сибирь на каторгу и притом на значительные сроки; но зато с рабочими оно решило пока обойтись милостиво, как бы боясь, чтобы суровым осуждением одних не озлобить остальных представителей рабочего класса. Так, например, рабочего Потапова, который нес красное знамя и с ним был потом арестован, суд приговорил к заключению в монастырь „на покаяние". Так же мягки были приговоры и остальным попавшимся рабочим.

Литература: Г. В. Плеханов.—„Русский рабочий в революционном движении".

Кинтальская конференция См. Циммервальдская конференция.

Комиссия Волуева, **Комиссия Игнатьева** См. Фабричное законодательство.

Комиссия Шидловского „Кровавое воскресенье" (9 января 1905 г.) повлекло за собой взрыв широчайшего рабочего движения по всей территории тогдашней Российской империи.

Не осталось ни одного крупного промышленного центра России, где бы рабочие, то в виде непосредственных боевых столкновений с войсками на улицах, то в виде забастовки, не вставали на борьбу в знак солидарности с петербургскими товарищами. Даже глухие углы, где было всего несколько сотен рабочих, и те присоединились к общей борьбе. Везде, начиная от таких крупных промышленных центров, как Лодзь, Рига, Варшава и кончая захудалым уездным городишкой, везде рабочие пред'являли одни и те же требования. Несмотря на различные формы борьбы, главное везде было одно и то же: то, что сказали петербургские рабочие 9 января, повторялось по всей стране.

Правительство чувствовало, что для предотвращения нового взрыва необходимо предпринять определенные шаги.

Прежде всего был сделан нажим на заводчиков и фабрикантов, которые не были склонны пойти даже на частичные уступки ра-

бочим. Такое упорство предпринимателей было признано „несоответствующим положению вещей“ и министру финансов было поручено побудить их к уступчивости. Кроме того, было опубликовано извлечение из журнала комитета министров 24 декабря 1904 г., свидетельствовавшее, что под председательством товарища министра финансов образована комиссия для разработки вопроса о страховании рабочих.

19-го января, по распоряжению вновь назначенного петербургского генерал-губернатора Трепова, от рабочих петербургских фабрик и заводов были вызваны 34 депутата для представления царю.

Эта встреча царя с „народом“ состоялась в Царском Селе, при чем депутатам было указано на преступность „заявлять о своих нуждах мятежной толпой“—и было обещано, что все возможное для улучшения их быта будет предпринято. Так как депутаты эти были избраны не самими рабочими, а фабричной администрацией, то рабочая масса отказывалась их признавать.

Тогда же министр финансов подал царю записку о рабочем вопросе, в которой высказался за предоставление рабочим некоторой свободы в экономической борьбе. Эта записка была рассмотрена комитетом министров 28—31 января, при чем было постановлено:

„Определение отношений между фабрично-заводскими промышленниками и рабочими должно быть производимо в законодательном порядке, вследствие чего никакие организации для урегулирования сих отношений, не предусмотренные в законе, не должны быть допускаемы“. Этим постановлением как бы было внесено окончательное осуждение попыткам насаждения зубатовских организаций.

Кроме того, на этом же заседании комитета министров, министру финансов было поручено „приступить к безотлагательной выработке вопросов: а) об организациях для обсуждения и разрешения возникающих в промышленных заведениях на почве договора-найма вопросов, а также для улучшения фабрично-заводского быта рабочих; б) о возможности дальнейшего, сравнительно с законом 2 июня 1897 г. (см. „Фабричное Законодательство“), сокращения рабочего времени; в) об изменении действующих постановлений о стачках и забастовках и г) об обеспечении рабочих больничной помощью, а равно и других вопросов, кои могут выясниться

при обсуждении вышеозначенных мер, и, в ряду их, вопроса об об'еме прав и обязанностей фабричной инспекции".

Для спешной разработки всех этих вопросов были созданы специальные комиссии, а независимо от них „для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем" 29 января была образована еще особая комиссия под председательством сенатора Шидловского, при чем в ней должны были принять участие, наряду с представителями разных ведомств и фабрикантов, также выборные представители рабочих.

Большевики справедливо рассматривали эту комиссию, как средство, преследующее провокационные цели—расколоть спаянный событиями 9-го января петербургский пролетариат, и требовали бойкота и выборов в комиссию и работ самой комиссии. Меньшевики, всегдашние оппортунисты, наоборот выступали против бойкота выборов в целях якобы организации рабочих масс.

К выборам приступили, согласно установленному порядку выборов; на 208 казенных, общественных, частных и железнодорожных предприятиях Петербурга, с общим количеством 145.295 рабочих, было избрано всего 372 выборщика, которые должны были, разбившись на 9 групп, по производствам, выбрать отдельно установленное для каждой группы число представителей. Но избранные рабочими выборщики решили не ограничиваться общим механическим избранием представителей, а попытались добиться права, предварительно обсудив свои требования, наметить кандидатов и добиться расширения рамок работ комиссии, которые бюрократия стремилась сузить, чуть ли не ограничив одними задачами анкетного характера.

Инициаторами выступили выборщики четвертой группы—металлического производства, пославшие к сенатору Шидловскому 4-х депутатов с следующим заявлением:

„В виду того, что всем депутатам необходимо обсудить сообща нужды рабочих и столковаться о них, мы, депутаты рабочих четвертой группы, заявляем, что до тех пор не можем приступить к выборам депутатов в комиссию, пока нам не дадут возможности собраться всем отделам вместе".

Когда же просимое разрешение было дано, на общем собрании всех выборщиков от имени рабочих всего Петербурга были выра-

ботаны следующие условия для участия рабочих в комиссии: 1) немедленное открытие 11 фабрично-заводских отделов собрания и 2) возможность представить в комиссию „наши нужды правдиво и в полном об'еме, для чего необходимо: а) чтобы депутаты все присутствовали на общих заседаниях комиссии, а не призывались по несколько человек для опроса; б) чтобы депутатам была предоставлена полная свобода слова в заседаниях комиссии; в) чтобы заседания были гласными, т. е. чтобы отчеты о них перепечатывались в газетах без всякой цензуры; 3) гарантия неприкосновенности личности и жилища для всех рабочих и 4) привлечение в комиссию представителей от рабочих мелких производств".

Необходимость открытия отделов собрания выборщики мотивировали тем, что „только с открытием отделов, мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений с рабочими разных фабрик и заводов выработать и об'единить все наши требования и только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям".

Сенатор Шидловский, которому выборщики пред'явили эти условия, заявил, что разрешение их не входит в его компетенцию. Тогда рабочие-выборщики отказались от выборов депутатов и, вернувшись на заводы, прекратили работы по всем мастерским. Кроме того, ими было выпущено заявление, в котором они отдавали отчет своим избирателям.

„Мы требовали,—писали они в этом заявлении,—свободы предвыборной агитации, мы хотели столковаться о наших нуждах, Нам этого не дали. Мы требовали освобождения наших депутатов—этого требования не удовлетворили. Мы хотели прямых и честных выборов—их нам не дали".

В заключение выборщики рекомендовали петербургским рабочим самим добиться осуществления своих требований: введения восьмичасового рабочего дня, учреждения фабричной инспекции из представителей рабочего класса, установления государственного страхования, немедленного прекращения войны, свободы собраний, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и стачек, свободы совести, неприкосновенности личности и жилища, бесплатного всеобщего народного образования и широкого участия народа в управлении.

Ультимативные требования выборщиков от рабочих заставили правительство распустить комиссию. Так она, не успев родиться,

умерла, не оправдав ни в какой мере ни надежд ее создателей, ни надежд меньшевиков, ее поддерживавших.

Комиссия Штакельберга См. Фабричное законодательство.

Комитеты бедноты („Комбеды“) Комитеты бедноты были учреждены декретом ВЦИК весной 1918 г. с целью расслоения деревни, борьбы с кулаками, защиты хлебной монополии и проведения пролетарской диктатуры. Они сыграли крупную роль в развитии революции, освободив беднейшие и средние слои деревни от гнета кулачества. Комбеды были распущены постановлением VI с‘езда советов в ноябре 1918 года и заменены сельскими и волостными советами, избираемыми всем населением, не эксплоатирующим чужого труда.

Коммунистический III Интернационал (Коминтерн) Третий Интернационал представляет международное об‘единение политических партий пролетариата, стоящих на той же платформе, что и РКП, т.-е. действующих в духе революционной классовой борьбы насильственного ниспровержения власти буржуазии во всем мире и установления диктатуры пролетариата.

III Интернационал является таким образом тем органом, который руководит революционной борьбой мирового пролетариата, направленной к захвату власти пролетариатом—как задача современности. Этим III Интернационал резко отличается от II, который тоже не прочь бы поговорить о революционной борьбе, о крушении капитализма и т. д., но который отодвигал все это в туманную даль.

История возникновения и развития III Интернационала красноречиво говорит, что хотя III Интернационал свою судьбу в значительной мере связал с русской революцией, корни его восходят к тому моменту, когда прежнее Интернациональное об‘единение фактически прекратилось—к моменту начала войны.

Уже в сентябре 1914 года—вскоре после начала мировой войны—была организована швейцарско-итальянская конференция, заклеймившая империалистический характер войны и разоблачившая лицемерие возгласов, раздававшихся с обоих воюющих сторон, что бойня предпринята для „освобождения порабощенных народов“. Конференция этим разоблачила и гнусность утверждений „социалистов“ II Интернационала, которые клялись и божились, что „их“

буржуазия затеяла резню „своих“ и „чужих“ рабочих и крестьян только для того, чтобы спасать угнетенных, обиженных и оскорбленных. Однако попытка правления швейцарской партии восстановить международное об‘единение пролетариата не увенчалась успехом.

Попытки об‘единения не прекращались. В июле 1915 г. в Берне состоялось немногочисленное совещание интернационалистов разных стран, постановившее подготовить конференцию из представителей тех партий, которые отвергают „внутренний мир“, т.-е. союз пролетариата и трудящихся масс с империалистической буржуазией в „борьбе за отечество“ и стоят на почве классовой борьбы и прекращения империалистической войны.

Такая конференция была созвана 5—8 сентября 1915 г. в деревне Циммервальд (см. „Циммервальдская конференция“). Конференция образовала постоянную Интернациональную социалистическую комиссию и временный секретариат в Берне.

Циммервальдский союз встретил сочувствие во многих партиях и организациях разных стран, но вызвал против себя бешеный поход со стороны социал-патриотов и международного социалистического бюро—детища II Интернационала. В феврале 1916 г. собралась расширенная Интернациональная социалистическая комиссия и издала воззвание об отказе в военных кредитах, выходе социалистов из буржуазных министерств, неучастии в организациях, работающих на войну, и об открытой борьбе против господствующих классов и их правительств. Комиссией была созвана 24 апреля 1916 г. вторая конференция в деревне Кинталь. Конференция издала манифест „К разоренным и убиваемым народам“ (см. „Кинтальская конференция“).

Циммервальд свидетельствует о стремлении международного пролетариата, ошеломленного войной и изменой вождей,—к интернациональному об‘единению против своих „национальных“ эксплоататоров. Но не все циммервальдцы были достаточно проникнуты революционным духом класса, который они представляли. Они еще действовали в старом русле II Интернационала, не решаясь призвать рабочий класс и армию к вооруженному восстанию против своих капиталистов и правительств, не решались порвать с международным социалистическим бюро. Но работа Циммервальда не прошла бесследно для международного пролетариата: она не в состоянии была создать III Интернационал, но дала толчок к новому международному об‘единению.

Февральская революция в России показала, что все вопросы, выдвинутые Циммервальдом, решаются не парламентским, а революционным путем. И на третьей Циммервальдской конференции (Стокгольм —август 1917 г.) уже значительное число циммервальдцев стало на сторону большевистских представителей России, требовавших уже не только прекращения бойни, но и захвата власти советами. Борьба в России между меньшевиками, поддерживавшими коалицию, и большевиками, требовавшими рабочей власти, была перенесена на международную арену, и Циммервальд распался на 2 лагеря. Тем не менее было принято воззвание об активных революционных выступлениях.

Первым ответом была Октябрьская революция, разделившая Европу и ее социалистов на два враждебных лагеря. Брестский мир показал бессмысленность ожиданий „справедливого мира", которыми питалась правая половина Циммервальда. Для партий или партийных меньшинств, стоявших на почве революционных действий, назрела необходимость отмежеваться от социал-патриотов и II Интернационала и образовать вместо него свое революционное об'единение.

Практическое об'единение таких партий и организаций стало возможным лишь после крушения германского империализма и бури революций, пронесшейся по средней Европе. И после долгих усилий удалось созвать в Москве, 2—8 марта 1919 г., международную конференцию, на которую явились представители такого множества стран, что конференция была превращена в с'езд.

К этому времени во многих странах образовались коммунистические партии, а многие партии, носившие старые названия, сильно двинулись влево. С'езд, решивший окончательно порвать с фактически несуществовавшим II Интернационалом и нерешительным Циммервальдом, образовал новый Интернационал, названный III Коммунистическим Интернационалом (Коминтерн).

В манифесте „К пролетариям всего мира", выпущенном с'ездом Коминтерна, международный пролетариат призывался к свержению капитала во всех странах и к захвату власти. Было намечено создание постоянного органа Коминтерна: Исполнительного Комитета, в который должны войти партии России, Германии, Австрии, Венгрии и т. д. До присылки делегатов было поручено РКП образовать временный исполком.

На первом с‘езде была в общем намечена программа, общее направление деятельности Коминтерна. Организация его определилась на 2 с‘езде, состоявшемся в Москве с 23 июля по 7 августа 1920 г. Принят устав, по которому Коминтерн представляет связанную железной дисциплиной единую международную коммунистическую партию, во главе которой стоит исполком, имеющий право исключать целые партии и группы за нарушение ими дисциплины. Кроме того, было выработано 21 требование, которые должны затруднять доступ в Коминтерн недостаточно устойчивым в революционном и коммунистическом отношении партиям.

Влияние III Интернационала с каждым годом возрастает. Это видно из того, что число коммунистических партий, вступающих в Коминтерн, растет и что теперь нет почти ни одной страны, где бы не было коммунистической партии. К 1921 году в Коминтерн входили 21 партия разных стран.

После 2 с‘езда Коминтерна развал партии II Интернационала продолжал углубляться. На с‘езде в Гилее присоединилось к Коминтерну и слилось с коммунистической партией Германии большинство германской независимой партии. На конгрессе в Туре присоединилась к Коминтерну французская социалистическая партия. Произошел раскол в итальянской социалистической партии. Тяга в Коминтерн революционных элементов, захваченных революционной волной, сказалась во всех странах.

Центристские группы партий, не могущие под давлением рабочих масс оставаться во II Интернационале, вышли из последнего и образовали свой „$2^1/_2$ Интернационал“.

Третий с‘езд Коминтерна собрался в 1921 г. Он признал, что в настоящее время задачей всех партий Коминтерна является организация оборонительной борьбы пролетариата против наступления на него буржуазии, оправившейся после первого испуга и перешедшей в наступление. Третий с‘езд признал также необходимость решительной борьбы с желтым Интернационалом, из-под влияния которого необходимо вырвать возможно скорее рабочие массы, ибо чем это скорее произойдет, тем ближе торжество социалистической революции.

И тем не менее, когда в Европе раздался призыв к единому рабочему фронту, ввиду наступления капитала на труд, Коминтерн не замедлил откликнуться: он был уверен, что ознакомление рабо-

чих масс с действительным положением вещей и деятельностью революционной организации пролетариата вырвет эти массы из-под гипноза, навеянного на них желтыми вождями. Коминтерн поэтому послал своих представителей на об'единенные заседания трех Интернационалов.

Однако представители Второго и Двухсполовинного Интернационалов боялись допущения к мировой рабочей аудитории коминтерновцев, и в конце концов сорвали единый рабочий фронт.

Ныне Двухсполовинный Интернационал бесславно скончался, вернувшись в лоно II Интернационала.

Коминтерн, таким образом, является единственным вождем пролетариата и в тот момент, когда потребуется решительное действие всего международного пролетариата, к этому действию призовет Коминтерн и он же это действие организует.

(Заимствовано из „Очерков обществоведения" М. Б. Вольфсона).

Литература: Н. Ленин и Г. Зиновьев.—О Коминтерне. Статьи и документы. Изд. „Москов. Рабочий", 1924 г.—Особенно страницы 80—107 и 112—129. Вольфсон М. Б. „Очерки обществоведения", стр. 403—412.

Коммунистический манифест Попытки организации социально-революционных сил и трудящихся масс Запада (преимущественно ремесленников) начинаются в 30-х годах прошлого столетия, а в сороковых годах они принимают характер стремления к интернациональной организации рабочих. Первой такой организацией может служить „Союз справедливых", образованный германскими эмигрантами в 1836 г., центром которого по политическим соображениям сделался Лондон.

В Лондоне „Союз справедливых" состоял, главным образом, из немецких рабочих (преимущественно портных), но со временем в него стали входить рабочие других стран и вскоре он сделался международной организацией. Постепенно он освободился от заговорщицких форм и проникся идеями Маркса и Энгельса. В 1847 г. в союз вступили Маркс и Энгельс, при чем Маркс организовал общину союза в Брюсселе, а Энгельс посещал парижские общины. На с'езде, состоявшемся в Лондоне летом 1847 г. была произведена реорганизация союза на началах демократизма и переименование его в „Союз Коммунистов". В ноябре и декабре 1847 г. состоялся второй с'езд, на котором основные положения Маркса

и Энгельса были приняты единогласно. Марксу и Энгельсу было поручено составить манифест, который и был ими скоро составлен и носил название „Коммунистического манифеста“.

„Манифест“—дает теорию революционного рабочего движения, обосновывая ее не на „идеях или принципах, придуманных каким либо изобретателем мирового обновления“ (слова Маркса), а на фактах и законах развития капиталистического хозяйства. Основой развития общества является борьба классов, а в капиталистическом обществе—борьба главных антиподов (противоположных классов)—капиталистической буржуазии и промышленного пролетариата. Развитие капиталистического общества идет в таком направлении, что оно придет к распадению общества на эти два главных класса: средние классы, не выдержав конкуренции крупного производства, неизбежно должны низвергнуться в ряды пролетариата. С другой стороны, буржуазное общество не способно справиться с ростом своих производственных сил: оно становится „неспособным прокормить своих рабов“. Пролетариат в своей классовой борьбе может освободиться от угнетающего его класса, буржуазии, только освободив все общество от эксплоатации, угнетения и классовой борьбы. Создать неклассовое общество пролетариат может только тогда, когда он возьмет в свои руки производство и даст выход бесполезно гибнущим в буржуазном обществе производительным силам. Для этого пролетариат должен захватить государственную власть. Политическая борьба пролетариата является, таким образом, необходимым условием его освобождения. Эта борьба ведет к об‘единению мирового пролетариата в один класс. „Пролетариат не имеет отечества“... Манифест заканчивается призывом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

Идеи „Коммунистического Манифеста“ не были усвоены пролетариатом в эпоху революции 1848 г. Только в 60-х годах—с пробуждением рабочего движения—они вошли в программы политических партий пролетариата во всех странах.

(Заимствовано из „Очерков обществоведения“. М. Б. Вольфсон).

Конференция заграничных с.-д. организаций

Конференция состоялась в июне, а затем в октябре 1901 года. В ней приняли участие представители союза русских социал-демократов, заграничной организации „Искры“ и „Зари“ и революционной организации „Социал-Демократ“.

На июньской конференции произошло принципиальное соглашение названных выше организаций на об'единение в „Заграничный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“. Основанием этого принципиального соглашения послужило: 1) отсутствие таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые бы служили препятствием для совместной работы в пределах единой организации; 2) русская социал-демократия в целом, несмотря на частные разногласия, всегда стояла и продолжает стоять на общей почве основных принципов, впервые формулированных „Группою Освобождения Труда“, и 3) насущные интересы социал-демократического движения настоятельно требуют тесного сплочения всех социал-демократических сил в России и в частности социал-демократических заграничных организаций.

Соглашение должно было состояться на условиях: 1) отказа от какой бы то ни было попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата (экономизм, бернштейнианство, мильеранизм и т. п.), 2) признания ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимого предварительного условия его полного социального освобождения и 3) Р. С.-Д. Р. П., стоящая на почве классового движения пролетариата, ведет борьбу с абсолютизмом во главе всех угнетенных слоев нации.

Октябрьская конференция констатировала, что деятельность „Союза Русских Социал-Демократов“, как она выражалась в его органе „Рабочее Дело“, в очень существенных пунктах резко противоречила главнейшей задаче „Социал Демократа“ и „Искры-Зари“, заключавшейся в организации рабочего класса в самостоятельную политическую партию, тактика которой обеспечила бы за ним гегемонию в борьбе с царизмом.

Ввиду этого конференция признала, что слияние организации „Социал-Демократа“ и заграничного отдела „Зари-Искры“ с „Союзом“ не мыслимо. Однако признавались возможным частичные соглашения с „Союзом“ в практических областях революционной деятельности.

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П.

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. состоялась в Берне в марте 1915 года. В порядке дня были вопросы об отношении революционной с.-д. к империалистической войне и ко II Интернационалу.

Природу мировой бойни конференция определила так: „Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны.

„Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая об'явила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обоих сторон являются сплошным обманом народа“.

Логическим следствием этого определения явился следующий лозунг революционной социал-демократии: превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами“.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну, по решению конференции, должно быть:

1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств, 2) полный разрыв с политикой „национального мира“, 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяет конституционные свободы, 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще, 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Наконец, конференция высказала свое суждение о с.-д. „центре“ и II Интернационале. Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый „центр“

с Каутским во главе на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхами партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительного социалистического империализма без полного организационного размежевания с оппортунистами.

„Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов Интернационала“.

Конференция по вопросу о выборах в Булыгинскую Думу

В начале сентября 1905 года состоялась междупартийная конференция социал-демократических организаций России для выработки общей тактики по отношению к Булыгинской Думе.

На конференции присутствовали представители центральных учреждений: всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд), латышской с.-д. рабочей партии, революционной украинской партии, российской социал-демократической рабочей партии (ОК — меньшевики), российской социал-демократической рабочей партии (ЦК—большевики) и социал-демократической Польши и Литвы.

Конференция по основному вопросу программы дня постановила: 1) использовать предстоящий период избирательной кампании в целях самой широкой агитации.

Устраивать митинги и проникать в возможно большем количестве на все избирательные собрания и, раскрывая на них истинный характер и цели Думы, противопоставлять ей необходимость созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего равного, прямого и тайного голосования.

Призывать все истинно-демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании, как изменников делу народной свободы.

Принимать на всех собраниях соответствующие резолюции об отношении к Думе и о присоединении к революционной борьбе пролетариата.

2) В целях выражения протеста против учреждения Государственной Думы и оказания давления на избирателей и выборщиков, организовать открытые массовые выступления пролетариата.

3) К самому дню конечных выборов в Думу приурочить повсеместные всеобщие политические забастовки, манифестации и демонстрации и употребить все средства к тому, чтобы выборы не состоялись, не останавливаясь в случае нужды и перед насильственным срыванием избирательных собраний.

Конференция в Таммерфорсе (декабрь 1905 г.)

Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и об'явленный ЦК IV с'езд партии. С'езд не мог состояться вследствие железнодорожной забастовки, московского вооруженного восстания и других событий того времени.

Тогда с'ехавшиеся делегаты организовали конференцию „большинства“.

В порядке дня конференции стояли вопросы: о слиянии центров, о реорганизации партии, аграрный вопрос и Государственная Дума.

По первому вопросу была принята резолюция: „В целях практического об'единения и в виде временной меры до об'единительного с'езда, конференция предлагает немедленное и единовременное слияние практических центров и литературных центральных органов на началах равенства, при чем члены редакции могут быть членами практического центра“. Немедленно слившимся ЦК и ОК или об'единенным советом ЦК и ОК, если слияние не произойдет, должно быть об'явлено о созыве об'единительного с'езда Р. С.-Д. Р. П. с тем, чтобы с'езд был возможно скорее открыт. Представительство на об'единительном с'езде должно быть выборное и пропорциональное. В выборах делегатов участвуют все члены организации партии на началах прямого и тайного голосования.

По вопросу о реорганизации партии конференция признала необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выборным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий. В це-

лях об‘единения и оживления работы на местах конференция рекомендовала устраивать областные конференции и союзы с областными органами.

В области аграрной политики конференция заменила пункт об отрезках пунктом о поддержке революционных мероприятий крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной и частновладельческой земли, ставя своей главной и постоянной задачей самостоятельную организацию сельского пролетариата, раз‘яснение ему непримиримой противоположности его интересов и интересов сельской буржуазии, указание конечной цели социализма, единственно способного уничтожить деление общества на части и всякую эксплоатацию человека человеком.

В отношении предстоявших выборов в Государственную Думу, конференция советовала всем партийным организациям широко использовать собрания не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы в Государственную Думу, а для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание.

Конференция первая всероссийская

Конференция Р. С.-Д. Р. П. происходила в начале ноября 1906 года. Характер ее был чисто совещательный. Делегатов было 32: 7 от Бунда, 5 от С.-Д. Польши, 3 от С.-Д.—Латышского края, 1 от Петербурга, 4 от Москвы и всего центрального промышленного района, 1 от Поволжья, 2 от Донецкого бассейна, 1 от северо-западного союза, 1 от Спилки, 1 от Киева, 1 от Одессы, 1 от северного Кавказа, 3 от южного Кавказа и 1 от Средней Азии. Не явились два делегата: 1 от Урала и 1 от Сибири. Члены ЦК и редакции ЦО присутствовали с совещательным голосом.

Порядок дня был принят такой: 1) избирательная кампания; 2) партийный с‘езд, 3) рабочий с‘езд, 4) борьба с черной сотней и погромами, 5) партизанские выступления.

По первому вопросу было 4 докладчика: 2—за блок с кадетами (Абрамович от Бунда и Л. Мартов), 2—против (Варский от с.-д. Польши и В. И. Ленин). После двухдневных прений была

принята 18 (меньшевики и бундовцы) против 14 (большевики, латыши и поляки) резолюция за блок с кадетами.

Делегатами с.-д. Польши, Латышского края, Петербурга, Москвы, центральной промышленной области и Поволжья (большевики) по поводу этой резолюции было внесено особое мнение.

Резолютивная часть этого особого мнения сводится к следующему: „Как классовая партия пролетариата, социал-демократия должна во всей избирательной и думской кампании оставаться безусловно самостоятельной, не сливая и здесь ни в коем случае ни своих лозунгов, ни своей тактики ни с какой другой оппозиционной или революционной партией.

Поэтому на первой ступени избирательной кампании, т.-е. перед массами, она должна по общему правилу выступать безусловно самостоятельно и выставлять только партийные кандидатуры.

Исключения из этого правила допустимы только в случаях крайней необходимости и лишь с партиями, вполне принимающими основные лозунги нашей непосредственной политической борьбы, т.-е. признающими необходимость вооруженного восстания, и борющимися за демократическую республику. При этом такие соглашения могут простираться лишь на выставление общего списка кандидатов, ни в чем не ограничивая самостоятельности политической агитации социал-демократии.

В рабочей курии с.-д. партия выступает безусловно самостоятельно, не вступая в соглашения ни с какой другой партией.

На высших ступенях выборов, т.-е. в собраниях выборщиков в городах, уполномоченных и выборщиков в деревнях, допустимы частные соглашения исключительно для пропорционального распределения мест по числу голосов у партий, заключающих соглашение. При этом социал-демократия различает в отношении демократической последовательности и решительности следующие основные типы буржуазных партий: а) эс-эр, П.П.С. и подобные им республиканские партии, б) н.-с. и трудовика подобного типа, в) к.-д.“.

В дополнение к резолюции о блоках, конференция приняла резолюцию об обязательности резолюции конференции в таком виде: „Конференция выражает свое убеждение, что в пределах

одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все касающиеся избирательной кампании решения, принятые компетентными органами местных организаций, в пределах общих директив ЦК. При чем ЦК может запрещать местным организациям выставлять не чисто социал-демократические списки".

По вопросу о рабочем с'езде конференция признала, что активные шаги по организации созыва рабочего с'езда совершенно недопустимы и являются нарушением партийной дисциплины до тех пор, пока по этому вопросу не состоялось собственного решения партийного с'езда.

Очередной с'езд партии конференция признает желательным не позже 15-го марта.

Конференция вторая общероссийская

Общероссийская конференция состоялась в Выборге в июле 1907 года и была посвящена тактическим вопросам в связи с разгоном II Государственной Думы и переворотом 3-го июня. На конференции отчетливо выявились две тактические мысли:

1) за бойкот III Думы (представленная А. Богдановым) и 2) против бойкота (возглавляемая В. И. Лениным). Была принята резолюция против бойкота.

Конференция третья общероссийская

Третья общероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. состоялась в начале ноября 1907 года в составе 27-ми делегатов с решающим голосом (10 большевиков, 4 меньшевика, 5 бундовцев, 5 поляков и 3 латышей).

В центре внимания конференции стоял вопрос о тактике с.-д. фракции в III Государственной Думе.

Исходной точкой, определившей точку зрения конференции на задачи и тактику с.-д. фракции в Думе и о непролетарских партиях было постановление Лондонского с'езда (см. „С'езды Р. С.-Д. Р. П."). В связи с этим постановлением конференция приняла следующую резолюцию:

1) в III Думе, являющейся результатом государственного переворота 3-го июня, возможны два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое, выражая по преимуществу интересы крепостников-помещиков—контр-революционно, и отстаивает, главным образом, охрану помещичьих интересов и усиление репрессий, доходя до стремления к полному восстано-

влению самодержавия. Второе большинство, выражая интересы, главным образом, крупной буржуазии, тоже безусловно контр-революционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими реформами;

2) такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой „завоевывать" Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контр-революционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контр-революционной политики кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов, в форме ли информационного бюро с участием кадетов, или приспособления своих действий к их политике и т. д. со стороны с.-д.—была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции;

3) отстаивая свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкую и энергичную пропаганду идей Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании;

4) к числу основных задач социал-демократии в III Думе принадлежит разоблачение классовой подкладки правительственных и либеральных предложений и систематическое противопоставление им требований социал-демократической программы-минимум без всяких урезок при особом внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.),—тем более, что состав III Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.;

5) с.-д. фракция должна особенно заботиться о том, чтобы те или иные внешние совпадения голосования с.-д. с черносотенно-октябристским или октябристско-кадетским блоком не могли быть использованы в смысле поддержки того или другого блока;

6) соц.-дем. в Думе необходимо вносить законопроекты и использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее к.-д. без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока. С.-д. фракция должна немедленно предложить левым депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участников, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики;

7) из числа первых конкретных шагов с.-д. фракции в Думе конференция считает нужным особенно подчеркнуть необходимость: 1) выступить с особой декларацией, 2) внести запрос по поводу государственного переворота 3-го июня, 3) поднять в Думе в наиболее целесообразной форме вопрос о суде над с.-д. фракцией II Государственной Думы.

Вторым важным вопросом, обсуждавшимся на конференции, было установление тесных связей между ЦК и местными организациями. Для этого конференция признала необходимым: 1) сделать все возможное для немедленного издания ЦО, 2) организовать сношения с местными организациями путем периодического личного посещения их членами ЦК и его представителями, 3) напомнить всем местным и национальным организациям об их обязанности поддерживать ЦК денежными средствами, 4) напомнить всем местным и национальным организациям о необходимости присылать ЦК ежемесячные подробные отчеты об их деятельности, 5) сделать все возможное для скорейшего об'единения национальных организаций на местах, 6) принять меры к поддержке и укреплению партийной дисциплины.

Наконец, конференция ставит на вид ЦК необходимость положить конец тому расколу, который обнаружился в нескольких партийных организациях на местах и который выразился в образовании местных организационных организаций.

Конференция общерусская в Париже

На конференции, состоявшейся в Париже в декабре 1908 г. были представлены почти все крупнейшие партийные организации: петербургская, московская и центральный район (московский комитет, московский окружной комитет, иваново-вознесенский союз, влади-

мирский окружной комитет, костромской окружной комитет, нижегородский комитет, сормовский, орловский, брянский и др. организации центрального района—всего числом 16), Урал, Юг, Кавказ, Северо-Западный край (Вильна, Двинск), Бунд и социал-демократия ц. Польского и Литвы. Социал-демократия Латышского края не могла принять участия в общепартийной конференции в силу полицейских условий. Петербургская организация была представлена 2 делегатами, избранными расширенным составом Петербургского комитета; Москва и центральный промышленный район избрали на состоявшейся областной конференции 5 делегатов, но трое из них по независящим от них обстоятельствам не могли явиться, так что вся центрально-промышленная область была представлена лишь двумя делегатами. Урал прислал представителя, Юг также одного, от Бунда было 3 делегата, а от польской с.-д.—5. Северо-западный делегат приехал лишь к концу конференции. Кавказ был представлен 3 делегатами. Наконец, в Поволжьи состоялась областная конференция, на которой был избран делегат, не прибывший, однако, по независящим обстоятельствам. Ряд более мелких организаций не мог принять участия в конференции, в силу устава о созыве ее. С совещательным голосом присутствовали на конференции делегат от ЦК с.-д. партии Литвы, представивший проект об‘единения. Из членов ЦК присутствовало больше половины.

На основании отчетов с мест конференция установила, что в ряде мест со стороны некоторой части партийной интеллигенции были попытки ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным об‘единением в рамках легальности во что бы то ни стало хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии. В виду этого конференция признала необходимым самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывала всех истинно-партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам.

Затем конференция остановилась на анализе современного момента и вытекающих отсюда задачах партии. Они (задачи) конференцией были формулированы так:

1) раз‘яснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и роли социалистического про-

 Конференция общерусск. в Париже

летариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и в предстоящей революционной борьбе. Целью этой борьбы является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва Учредительного Собрания и создания демократической республики;

2) всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1906—1907 годах, давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционно-социал-демократической тактики;

3) укрепление Р. С.-Д. Р. П. как она сложилась в революционную эпоху; ведение попрежнему непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма и с укорачиванием лозунгов Р. С.-Д. Р. П., обнаруживающимися с особенной силой в настоящее время среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада;

4) всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса, согласно резолюциям Лондонского и Штуттгартского конгрессов;

5) использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации;

6) на очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задачи, необходимо распространение партийной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, при чем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских элементов в крестьянстве и армии.

Деятельность думско фракции с.-д. за период от III общерусской конференции до конференции парижской подверглась самому тщательному обсуждению. Конференция нашла, что фракция наряду с правильными выступлениями, допустила целый ряд уклонений от политической линии партии. Эти уклонения сказались: а) в отсутствии в программной декларации, с которой фракция выступила в начале первой думской сессии, определенно выражен-

 Конференция общерусск. в Париже

ного классового и социалистического содержания и урезывании и затушевании в ней последовательно-демократических требований программы-минимум;

б) в отсутствии в общих бюджетных речах и формуле социалистической мотивировки голосования соц.-демократии не только против бюджета современного русского государства, но и против всякого бюджета буржуазного государства;

в) в голосовании за $6^1/_2$ миллионов—вместо воздержания—на нужды первоначального образования, в действительности ассигнованные в распоряжение ультра-черносотенного министерства Шварца;

г) в неоднократном не критическом восхвалении I и II Дум, в их целом, как Дум „народных“ и пр., и отсутствие указаний, что и в них голоса представителей рабочих и крестьян подавлялись голосами представителей небольшого меньшинства состоятельных классов;

д) в отсутствии принципиальной мотивировки отказа в разрешении правительству займа на 450 миллионов рублей и отсутствие критики либеральной оппозиции, соглашавшейся на заем в несколько уменьшенном только размере и т. д., что фракция вообще не давала должного освещения буржуазной оппозиции с к.-д. партией во главе, фактически ставшей на путь империализма и явной поддержки контр-революции;

е) в неоднократном неисполнении фракцией постановлений ЦК.

В изжитии указанных уклонений и в дальнейшей своей работе фракция, по решению конференции, должна: 1) служить партии в духе, указанном Лондонским с‘ездом и в согласии с директивами ЦК и 2) основной задачей фракции в контр-революционной III Думе является—служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь так называемого положительного законодательства и погони за мелкими реформами и, не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и с.-д. партию.

По организационным вопросам конференция высказалась за принятие мер со стороны ЦК к проведению об‘единения местных организаций партии согласно постановлению Стокгольмского с‘езда

и необходимость сделать дальнейшие шаги к об'единению СД Польши и Литвы с Р. С.-Д. Р. П. Предложение меньшевиков об об'единении с „левицей" Польской социалистической партии (ППС) конференцией оставлено без рассмотрения.

Конференция всероссийская в Праге

На конференции, происходившей в Праге в январе 1912 года, были представлены все действующие с.-д. организации за чисто единичным исключением. Присутствовало 15 делегатов с решающим голосом следующих организаций: Петербург, Москва и центрально-промышленная область, Киев, Екатеринослав, Николаев, Баку, Тифлис, Саратов, Казань, Вильно, Двинск. Были представители с.-д. фракции III Думы (1 большевик и 1 меньшевик-партиец). С совещательными голосами на конференции присутствовали: делегат Центрального органа („Социал-Демократ"), делегат „Рабочей Газеты", делегат Комитета Заграничных Организаций,—организации незадолго до конференции образованной за границей большевиками, взявшей на себя инициативу сплочения всех партийцев и поддержки из-за границы русского центра, и один член транспортной группы.

Современный момент и задачи партии вылились на конференции в самостоятельный вопрос. По сравнению с постановлением Парижской конференции на этот предмет, конференция в Праге ничего нового не внесла и подтвердила резолюции декабрьской 1908 года, указывая,что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается попрежнему задачей демократического переворота в России.

По вопросу о выборах в IV Государственную Думу конференция признала безусловно необходимым участие Р. С.-Д. Р. П. в избирательной кампании, выставление самостоятельных кандидатов партии и образование в Думе социал-демократической фракции, подчиненной как часть с.-д. партии в целом. Главной задачей партии на выборах, а равно и с.-д. фракции в самой Думе—задачей, которой должны быть подчинены все остальные—является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса.

Главными избирательными лозунгами партии на выборах конференция признала:

1) демократическая республика, 2) 8-ми часовой рабочий день и 3) конфискация всей помещичьей земли. В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны были пропагандироваться все остальные требования с.-д. программы-минимум, как то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т. д.

Конференция определила свое отношение к ликвидаторству и группе ликвидаторов (см. „Ликвидаторство") следующей резолюцией: „Принимая во внимание:

1) что Р. С.-Д. Р. П. уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской 1908 года конференции было определено, как „попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным об'единением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии";

2) что пленум ЦК в январе 1910 года, продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его проявлением влияния буржуазии на пролетариат и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями всех фракций, часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов „Наша Заря" и „Дело Жизни", открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат;

4) что бывшие члены ЦК М.-Л., Юрий и Роман не только отказались войти в ЦК весной 1910 года, но даже отказались явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов и открыто заявили, что считают само существование ЦК партии „вредным";

5) что названные главные издания ликвидаторов „Наша Заря" и „Дело Жизни" именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только „принижая" (вопреки решения пленума) „значение нелегальной партии", но

прямо отрицая ее, об'являя партию „трупом", об'являя партию уже ликвидированной, об'являя „реакционной утопией" восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальных журналов клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее отмершей" и т. д.;

6) что в то время, как по всей России партийцы без различия фракций об'единились над очередным делом созыва партийной конференции, ликвидаторы, выделившись в совершенно независимые группы, откололись на местах также там, где преобладают меньшевики-партийцы (Екатеринослав, Киев) и окончательно отказались от всякой партийной связи с местными организациями Р. С.-Д. Р. П.,—конференция заявляет, что группа „Нашей Зари" и „Дела Жизни" своим поведением окончательно поставила себя вне партии.

Корференция призывает всех партийцев, без различия течения и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, раз'яснить весь его вред для дела освобождения рабочего класса, и напречь все силы для восстановления и укрепления нелегальной Р. С -Д. Р. П.

Конференция всероссийская Р. С.-Д. Р. П. (б) Конференция состоялась в Петрограде 24-29 апреля ст. ст. 1917 года. На конференции присутствовали 133 делегата со всех концов России: Урала, Поволожья, Центральной России, Западной России, Юга и Кавказа. Этими делегатами было представлено 76.597 организованных членов партии. Кроме того, прибыло 18 делегатов с совещательными голосами от организаций, не насчитывающих 30 человек, представляющих 2.627 членов партии. Таким образом, на конференции всего были представлены 79.174 человека.

Из большого количества вопросов, рассмотренных и разрешенных конференцией, особенное внимание останавливают вопросы о войне, коалиционном министерстве, положении в Интернационале и задачах Р. С-Д. Р. П. по аграрному вопросу и о пересмотре партийной программы.

Сущность войны и отношение к ней революционной социал-демократии определились на предшествующей конференции в Берне.

Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) своего мнения на этот счет не изменила, указав, что переход государственой власти в России к временному правительству, правительству по-

 Конференц. всеросс. Р. С.-Д. Р. П. (б)

мещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить характера и значения войны со стороны России. „Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, не разрывая совершенно с интернационализмом, т.-е. братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала".

По вопросу о коалиционном министерстве конференция высказалась: „широкие народные массы—особенно солдаты, начинают разочаровываться во временном правительстве, разувериваются в правильности соглашения с ними, в политике доверия к нему. Но они питают еще иллюзии, будто можно исправить еще дело привлечением в министерство вождей мелкобуржуазной демократии—иллюзии, которые партия пролетариата обязана со всей энергией рассеивать.

„Вожди Петроградского совета, стоявшие на стороне народничества и меньшевизма, вступив в соглашение с временным правительством, приняв империалистическую войну, высказавшись за заем и создав для себя всей своей политикой положение министров без портфеля,—вынуждены брать на себя все большую формальную ответственность за правительства капиталистов.

„В силу всех этих обстоятельств вопрос о коалиционном министерстве стал вопросом дня.

„Партия пролетариата заявляет: всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну, независимо от своих добрых желаний, станет соучастником империалистической политики капиталистов.

„Партия пролетариата, на основании всего этого, высказывается самым решительным образом против посылки советами рабочих и солдатских депутатов своих представителей в коалиционное министерство.

„Партия предостерегает народ против попыток сосредоточить внимание населения на вопросе о замене в министерстве одного лица другим, или одной группы буржуазных политиков другой. Беспринципной борьбе парламентских клик революционная социал-демократия противопоставит борьбу классов и, в особенности, вопрос о коренной перемене всей политики Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и о переходе всей власти к ним".

Положение в Интернационале и задачи Р. С.-Д. Р. П. конференцией определялись так:

„Во время войны во всем мировом рабочем движении сложилось три основных направления:

1) „Оборонцы“ всех стран порвали с социализмом, став орудием своих империалистических правительств, помогая капиталистическим правительствам затянуть войну, став на деле классовым противником пролетариата:

2) „Центр“ заменил революционный социализм социал-пассифизмом. „Центр“ не призывает рабочих к свержению капиталистических правительств: он уговаривает современные империалистические правительства заключить демократический мир. Колеблясь между интернационализмом и оборончеством, не выступая во время войны за революционную борьбу рабочих против своих правительств, „Центр“ отстаивает единство с оборонцами в международном масштабе, не делая необходимых выводов даже из состоявшегося уже в Германии раскола с.-д. партии;

3) „Революционные интернационалисты“, которые начали борьбу против войны во всех странах, несмотря на военное положение и каторжный режим... Это единственное направление, оставшееся верным социализму. Ему одному принадлежит социалистическое будущее“.

. . . . . „Задачей нашей партии, действующей в стране, где революция началась раньше, чем в других странах, является— взять на себя инициативу по созданию третьего Интернационала, окончательно разрывающего с „оборонцами“ и решительно борющегося также против промежуточной политики „Центра“.

„Конференция высказалась против так называемого „восстановления Интернационала“ путем взаимной амнистии вождей „оборонческих“ партий и предостерегает против устройства международных конгрессов с участием социал-шовинистов.

„Наша партия остается в Циммервальдском блоке, ставя себе задачей отстаивать там тактику Циммервальдской левой и поручая ЦК приступить немедленно к шагам по основанию третьего Интернационала.

„Новый социалистический Интернационал может быть создан только самими рабочими массами, их революционной борьбой в собственных странах“.

П о а г р а р н о м у в о п р о с у. „Исходя из классового положения и соотношения сил, конференция постановляет:

 Конферен. Всеросс. Р. С.-Д. Р. П. (б)

1) Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.);

2) Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы Крестьянских Депутатов и другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3) Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве: означенная передача права собственности на все земли в руки государства, национализация, передает право распределения земли в руки местных демократических учреждений.

4) Партия должна решительно бороться как против Временного Правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам „добровольное соглашение с помещиками", т.-е. на деле помещичий характер реформ, и грозит крестьянам карами за „самоуправство", т.-е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства,—так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков с.-д., советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного Собрания.

5) Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

6) Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т.-е. с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху, местном самоуправлении.

7) Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата, как в виде „Советов депутатов от сельско-хозяйственных рабочих (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в Общих Советах крестьянских депутатов во всех органах местного и общегородского управления и т. д.

 Конферен. Всеросс. Р. С.-Д. Р. П. (б)

8) Партия должна поддерживать почин тех Крестьянских Комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в руки организованного в эти Комитеты крестьянства для общественно-регулированного использования по обработке всех земель.

9) Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельско-хозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств".

По вопросу о пересмотре партийной программы конференция высказалась о необходимости пересмотра ее в следующем направлении:

1) Оценка империализма и эпохи империалистических войн в связи с надвигающейся социалистической революцией; борьба с извращением марксизма так называемыми „оборонцами", забывшими лозунг Маркса „рабочие не имеют отечества".

2) Исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики (т.-е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества).

3) Удаление или исправление устаревших частей политической программы.

4) Переделка ряда пунктов политической программы-минимум в смысле более точного указания на более последовательные демократические требования.

5) Полная переделка в очень многих местах устаревшей экономической части программы-минимум и пунктов, относящихся к народному образованию.

6) Переделка аграрной программы сообразно принятой резолюции по аграрному вопросу.

7) Вставка требования национализации ряда наиболее подготовленных к тому синдикатов и т. п.

8) Добавление характеристики основных течений социализма.

Литература: Российская Коммунистическая Партия в резолюциях ее с'ездов и конференций." Стр. 11—17, 43—53, 65—75, 85—105, 127—143, 171—191.

Конгрессы Коминтерна Первый Конгресс Коммунистического Интернационала происходил в Москве 2—6 марта 1919 г. в Кремле, в здании ВЦИК, в так называемом „Митрофаньевском“ зале. Начало международной организации коммунистических (тогда „лево-социалистических“) элементов было положено на международных социалистических конференциях в Циммервальде 9—12 сентября 1915 года и в Кинтале 24—30 апреля 1916 г. путем образования так называемой „Циммервальдской левой“. 26 января 1919 г. восемь коммунистических и лево-социалистических партий и групп выпустили воззвание с предложением образовать III Коммунистический Интернационал.

На его I конгрессе были представлены следующие 19 организаций с решающими голосами: коммунистическая партия Германии, Российская коммунистическая партия, коммунистическая партия Немецкой Австрии, коммунистическая партия Венгрии, Шведская левая социал-демократическая партия, Норвежская социал-демократическая партия, Швейцарская с.-д. партия (оппозиция), Американская социалистическая рабочая партия, Балканская революционная федерация (болгарские „тесняки“ и Румынская коммун. партия), коммунистическая партия Польши, коммунистическая партия Финляндии, коммунистическая партия Украины, коммунистическая партия Латвии, коммунистическая партия Литвы и Белоруссии, коммунистическая партия Эстонии, армянская коммунистическая партия, коммунистическая партия немецких колоний России, об‘единенная группа восточных народов России, циммервальдское левое крыло Франции и с совещательными голосами 15 организаций.

На Конгрессе были приняты: „Платформа Коммунистического Интернационала“ по докладам Бухарина и германского делегата Альберта (псевдоним); тезисы В. И. Ленина „о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре“; резолюция об отношении к „социалистическим“ течениям и Бернской конференции“, разоблачающая желтый Интернационал; тезисы Осинского „о международном положении и о политике Антанты“ и следующее постановление о конституировании Коммунистического Интернационала: „Интернациональная Коммунистическая Конференция постановляет конституироваться, как Третий Интернационал и принять наименование Коммунистического Интернационала“.

Второй Конгресс Коммунистического Интернационала заседал 21 июля—6 августа 1920 г. в Москве в тронном зале Большого дворца (первое заседание 19 июля происходило в Петрограде). На конгрессе было представлено 39 стран, присутствовало с решающими голосами 169 делегатов и 49 с совещательными, из них было коммунистов 152, остальные голоса принадлежали „братским" и сочувствующим партиям и группировкам.

Порядок дня был утвержден следующий: 1) роль и состав коммунистической партии до и после завоевания власти рабочими; 2) профессиональные союзы и заводские комитеты; 3) вопрос о парламентаризме; 4) национальный и колониальный вопросы; 5) аграрный вопрос; 6) позиция по отношению к новым течениям „центра" и условия вхождения их в Интернационал; 7) устав Коммунистического Интернационала; 8) организационные вопросы, легальные и нелегальные организации, женские организации и т. п.; 9) коммунистическое движение молодежи; 10) выборы.

В промежуток между I Конгрессом и II ряд социалистических партий „центристского направления" (английские независимые, франц. соц. партия, независимая с.-д. партия Германии) вышли из II Интернационала и, под давлением рабочих, принуждены были заявить о своем желании присоединиться к Коминтерну, прислав на конгресс своих делегатов. Конгресс выработал—„21 условие вступления в Коминтерн", которые ограждали его от наплыва колеблющихся и ненадежных элементов и вызвали раскол в „центристских" партиях различных стран (Италия, Франция, Германия), отколов от них все действительно революционные элементы. В принятых резолюциях Конгресс заложил прочный фундамент мировому коммунистическому движению, об'единил его под единым идейным руководством и, в лице избранного на Конгрессе Исполкома, создал единый центр.

Третий Конгресс Коминтерна состоялся в июне 1921 года. На нем было представлено около 60 секций, располагавших 700 газетами, об'единяющих около трех миллионов членов. Конгресс обсудил международное положение и наметил новую тактику борьбы. Не забывая и не отказываясь от основных целей борьбы—борьбы за установление диктатуры пролетариата и советской власти, компартии должны центр тяжести своей работы

перенести на воспитание и подготовку широких масс, на завоевание большинства рабочего класса для будущих боев за пролетарскую диктатуру. Авангард должен подтянуть к себе отстающие массы рабочего класса. Коммунисты должны втянуться в повседневную работу за улучшение положения рабочего класса, завоевав в них большинство. Формулируя требования масс, организовывая их в повседневной работе за ближайшие требования,—сплачивать вокруг себя большинство как организованных, так и неорганизованных рабочих. Под этим углом зрения были подробно рассмотрены вновь вопросы работы в профсоюзах, вопросы женского движения и работы среди молодежи.

Конгрессу пришлось уделить много внимания положению в отдельных странах, и в частности в Германии. Поражение мартовского выступления германской компартии вызвало в ее рядах некоторые, неизбежные в подобных случаях, колебания. Решения Конгресса, в частности исключение из партии одного из колеблющихся вождей,—Леви,—оздоровили положение.

С'езд заслушал также доклад тов. Ленина о НЭП'е и одобрил политику РКП.

Одновременно с III Конгрессом Коминтерна заседал и I Конгресс Профинтерна. Основным вопросом был вопрос о взаимоотношениях между Коминтерном и Профинтерном. В последнем участвуют и не коммунисты: революционные синдикалисты и анархисты. Почва для соглашения нашлась. Был разработан вопрос о тактике Профинтерна, об отношении к союзам, не входящим в Профинтерн.

Четвертый Конгресс Коминтерна. Конец 1921 года и начало 1922 года отличаются новым под'емом борьбы рабочего класса. Наступление буржуазии, развитие фашизма, понесенные поражения создают в рабочих массах непреодолимую потребность в единстве для повседневной борьбы с капиталом. Сторонники II Интернационала пользуются стремлением рабочих к единству, чтобы выставить Коминтерн виновником раскола и разброда среди рабочих. Против попытки 2 и $2^1/_2$ Интернационалов создать совместно единый фронт соглашателей, Коминтерн выдвигает лозунг единого фронта, формулируя его следующим образом:

„Под единым фронтом рабочих следует понимать единство всех рабочих, готовых бороться против капитала, и наибольшее еди-

нение всех рабочих организаций в каждом непосредственном выступлении против фронта капиталистов".

Расширенный пленум Коминтерна в феврале 1922 года, на котором участвовало свыше 100 делегатов от 36 стран, одобрил тактику единого фронта, несмотря на колебания в этом вопросе некоторых партий и возражения меньшинства.

Весной 1921 г. в Берлине состоялась конференция всех трех Интернационалов по вопросу о едином фронте. Делегация Коминтерна проделала там большую работу разоблачения истинной сущности оппортунистических Интернационалов. Конференция оставила после себя „коммиссию девяти"—по три от каждой делегации. Работа этой комиссии была сорвана отказом социал-предателей от созыва всемирного рабочего конгресса для проведения в жизнь принципов единого фронта. Секции Коммунистического Интернационала в своей агитации сумели значительным слоям пролетариата, шедшим за соглашателями, открыть глаза на истинную сущность 2 и $2^1/_2$ Интернационалов.

Летом 1922 г. в Германии обстановка борьбы заставила германских товарищей дополнить лозунг „единого фронта" лозунгом „рабочего правительства". Назрела необходимость подвести итоги тактики единого фронта, наметившееся слияние 2 и $2^1/_2$ Интернационалов настойчиво требовало обсуждения изменившейся ситуации. Эту задачу выполнил IV Конгресс Коминтерна. После всесторонней дискуссии, тактика единого фронта и для ряда стран лозунг „рабочего правительства", как лозунг мобилизации масс на борьбу за свержение буржуазии, были одобрены Конгрессом.

Тесно связанный с задачей единого фронта был вопрос о работе компартии в профессиональном движении. В Германии компартия одерживала большие успехи в ее работе среди заводских комитетов. Там наблюдалось значительное по размаху движение за всегерманский с'езд фабзавкомов. Конгресс еще раз обсудил вопрос о работе коммунистов в профсоюзах и фабрично-заводских комитетах и вновь формулировал задачи завоевания большинства профсоюзов.

Опыт русской революции, в частности опыт смычки между городом и деревней, опыт борьбы в Польше, Германии и Болгарии выдвигал на очередь вопрос об отношении коммунистов к крестьянству. В связи с этим Конгрессом был обсужден аграрный

вопрос. Задача создания союза беднейшего и среднего крестьянства с рабочим классом под руководством последнего была поставлена перед всеми партиями Коминтерна.

События на Востоке, в частности кемалистское движение в Турции и греко-турецкая война, требовали обсуждения вопроса о работе среди народов Востока. Опыт РКП в разрешении национального вопроса был обобщен в международном масштабе. Задача работы на Востоке была поставлена, как задача смычки пролетариата Запада с угнетенным крестьянством народов Востока.

Необходимость выработки программ для отдельных партий, входящих в Коминтерн, потребовала постановки на IV Конгрессе вопроса о программе Коминтерна, как общей части для программы всех партий, входящих в Коминтерн. После обсуждения общих основ программы Конгресс создал особую программную комиссию. Опыт русской революции и РКП ложится краеугольным камнем в программу Коминтерна.

Крестьянский Союз

Решающие события революции 1905 года разыгрывались в городах. Но и деревня не молчала. Крестьянское движение распространилось по всей России. В основе его лежала экономическая подкладка. Это было, как определяет проф. М. Н. Покровский, восстание мелкого сельского производителя против крупного землевладения, стоявшего ему поперек дороги. Главнейшими моментами действий восставших крестьян были: удаление помещиков с семьей из усадьбы; разбор и дележ хлеба и продуктов, а иногда и домашней живности; выведение скота; расчет батраков и домашней прислуги, и часто поджог экономических построек. Одновременно с разгромом экономий крестьяне в принципе решают передачу с весны помещичьей земли миру в уравнительное пользование, о чем составляются во многих местах общественные приговоры. Урядники, стражники скрываются, а по местам и арестованы крестьянами. Во главе крестьян, нападающих на помещичьи усадьбы, стоит обыкновенно вооруженная дружина; дележом хлеба и продуктов и деньгами заведуют комитеты или братства из местных крестьян. Захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках или у сборщиков питейных доходов суммы обращаются в общественную собственность. Поджог владельческих построек мотивируется крестьянами двумя сообра-

жениями: а) если постройки будут сожжены, то помещики не будут в состоянии скоро вернуться в деревню, и, следовательно, легче упрочится новый порядок землевладения; б) если постройки останутся целы, то они послужат удобным помещением для казаков, к которым у крестьян ненависть.

Движение приняло очень революционные формы. Но насколько мало оно было революционным по существу, насколько оно мало угрожало, пока что, не только крупному землевладению, но и созданному последним политическому порядку, показывает деятельность центральной крестьянской организации, созданной усилиями эс-эров, Крестьянского Союза.

Зачатки этого Союза относятся к весне 1905 года. Оформление же идеи Всероссийского Крестьянского Союза произошло на первом с‘езде крестьян, состоявшемся в августе того же года под Москвою. Свыше ста представителей от 22 губерний заседали двое суток в большом сарае, укромно расположенном в стороне от дороги.

Второй с‘езд состоялся гласно и открыто в Москве после манифеста 17 октября (6 ноября 1905 г.), присутствовало 187 делегатов от 27 губерний, из коих 105 привезли с собой полномочия от волостных и сельских сходов, остальные — от губернских и уездных комитетов и местных групп Союза. В составе делегатов было 145 крестьян, остальные—из интеллигенции, близкой к крестьянству: народные учителя и учительницы, земские служащие, врачи и проч.

В центре обсуждения стояли вопросы тактики. Одни делегаты защищали мирную борьбу: митинги, приговоры, „мирный“ бойкот властей, „мирную“запашку помещичьих земель и „мирный“ отказ платить подати и давать рекрутов. Другие призывали к вооруженной борьбе, к немедленной поддержке начавшегося восстания на местах. „Прекратить бедствия народа, проистекающие из недостатка земли,—гласила резолюция — может только переход всей земли в общую собственность всего народа, с тем, чтобы ею пользовались только те, кто трудится на земле сам своей семьей или в товариществе“. Установление справедливого земельного устройства поручалось далее Учредительному Собранию, которое должно быть созвано на самых демократических началах—„не позднее февраля будущего года“. Чтобы достигнуть этого, „Крестьянский Союз войдет в соглашение с братьями-рабочими, городскими, за-

водскими, фабричными, железнодорожными и другими союзами, а также организациями, защищающими интересы трудящегося народа... В случае, если требования народа не будут исполнены, Крестьянский Союз прибегнет ко всеобщей земельной забастовке, а именно: откажет владельцам хозяйств всех наименований в рабочей силе и тем закроет их. Для организации же всеобщей забастовки войдет в соглашение с рабочим классом".

3 ноября, т.-е. за несколько дней до с'езда, правительство опубликовало манифест о постепенной отмене выкупных платежей за надельные земли и о расширении средств крестьянского банка. Манифест выражал надежду, что правительству удастся в союзе с Думою удовлетворить насущные нужды крестьянства „без всякой обиды для прочих землевладельцев". Резолюция с'езда худо согласовывалась с этими надеждами. Еще хуже обстояло с практикой на местах. Не только разгромы и поджоги, но и „мирная" запашка помещичьих земель вместе с самовольным установлением заработной платы и арендных цен продолжались. Помещики в силу этого делают ожесточенный натиск на правительство. Отовсюду летели требования о присылке войск. Правительство встряхнулось и перешло от сантиментальных излияний к крутым мерам.

12 ноября закрылся крестьянский с'езд, а 14 было уже арестовано московское бюро Крестьянского Союза.

Слабо связанный с крестьянскими массами, много правее их, Крестьянский Союз прошел мало заметным явлением в первой революции и погиб в „дни свобод", не дожив до декабрьского восстания.

Литература: М. Н. Покровский.—Русская история в самом сжатом очерке, ч. III. в. I, стр. 213—217. Его же.—Очерки по истории революционного движения, курс лекций, стр. 108—112. Троцкий, Л. Д.—„1905 г.".—„Мужик бунтует", стр., 178—187.

Кронштадтское восстание

Кронштадтское восстание (26—28 октября 1905 года). 26-го октября вспыхнуло военное восстание в Кронштадте; сознательная часть матросов удерживала революционно-возбужденную массу от преждевременного выступления, но ей пришлось подчиниться силе стихийного движения.

27-го октября к движению примкнули организованные полицией хулиганы, начался разгром винных лавок и обыкновенный погром;

28-го восстание было подавлено и матросы преданы военно-полевому суду. В знак протеста Петербургский Совет Рабочих Депутатов провел пятидневную ноябрьскую стачку (2—5 ноября), под давлением которой правительство Витте отказалось от применения полевого суда.

Кронштадтский мятеж Кронштадтский мятеж имел место 2—17 марта 1921 года среди матросов фортов и кораблей и явился стихийным (отчасти использованным и подготовленным анархистами и контр-революционерами) отголоском недовольства, охватившего некоторые слои крестьянства, вследствие истощения страны после 4 лет империалистической и 3 лет гражданской войны. Захвативший в Кронштадте власть матросский ревком, оставаясь по почве советской власти, выдвинул демагогически-реакционные лозунги, которые сводились к общему принципу: „советы без коммунистов". Одновременно было выдвинуто требование политической свободы для „социалистов" и снятия заградительных отрядов. Ревком передал командование полковнику царской службы Козловскому. Кронштадтские форты и броненосцы были взяты штурмом Красной армией и коммунистическими отрядами, наступавшими по льду от форта—Красная Горка на южном берегу Финского залива. Командный состав, поддержавший мятеж, и большинство членов ревкома бежали в Финляндию. Заграничная эмиграция встретила кронштадтский мятеж радостным воем. Капиталисты, кадеты и эс-эры, во главе с Черновым, который по сему случаю прибыл в Ревель, в экстренном порядке собирали пожертвования и готовили продовольственную помощь мятежникам. Милюков, учитывая политическую ситуацию, выдвинул спекулятивный лозунг „советов без коммунистов" в парижских „Последних Новостях", рассчитывая на дальнейшее развитие кулацко-кронштадтских восстаний; однако волнения, имевшие кое-где место весной 1921 года, после Кронштадта исчерпали себя и завершились ликвидацией „антоновщины" и одиночных бандитских шаек на Украине. Переход к новой экономической политике отнял всякую почву у контр-революционеров для агитации в деревне, несмотря на неурожай 1921 года.

Красная армия Начало Красной армии положила Красная гвардия, возникшая вскоре после Февральской революции 1917 г.

Обостренная классовая борьба, вспыхнувшая сейчас же после революции, побуждала не доверявшую армии буржуазию, в лице временного правительства, спешно организовать свою классовую вооруженную силу—ударные отряды, отряды юнкеров, части георгиевских кавалеров и т. д., а пролетариат—создать свою Красную гвардию. Красная гвардия—организация вооруженных рабочих, возникшая неделю спустя после революции. Военная организация при ЦК Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) занималась формированием боевых рабочих отрядов. И в то время, как царская армия разлагалась, формирование пролетарских отрядов шло крайне быстро: во всех крупных рабочих центрах организовывались явочным порядком отряды под видом рабочей милиции, вооруженной охраны фабрик и заводов.

Так как царская армия, измученная долголетней войной и совершенно разложенная, демобилизовалась, то вооруженную борьбу с контр-революцией вела Красная гвардия. И на внутреннем фронте она всюду побеждала, несмотря на то, что ее отряды часто были кое-как составлены, пестро вооружены и слабо снабжены. Так, красногвардейцы 12 января 1918 года разбили пятитысячный отряд корниловцев в Курской губ., заняли 16 января Киев; уральские красногвардейцы взяли Оренбург—оплот белого дутовского казачества; 24 февраля донецкие шахтеры, при помощи петербургских и московских рабочих, взяли Ростов—центр контр-революции на Дону.

Но пока Красная гвардия сталкивалась с внутренними контрреволюционными образованиями, столь же мало организованными, как и она, перевес ей давал ее могучий классовый энтузиазм. Но выдержать столкновения с регулярными иностранными войсками она не могла. Это обнаружилось при наступлении германских войск в начале 1918 года.

Это побудило Рабоче-Крестьянское Правительство приняться за организацию правильно действующей Красной армии. Первую попытку в этом направлении сделал Петроградский Совет, приступивший 29 декабря 1917 г. к сформированию Красной армии на основе добровольчества, выборности командного состава и широких полномочий армейских комитетов. Этому примеру последовали и другие советы. 15 января 1918 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет об организации Красной армии во

всероссийском масштабе, а 4 марта того же года для об'единения всей работы создается Высший Военный Совет, во главе которого становится тов. Троцкий. Армия начала строиться на основе строгой подчиненности низших военных ячеек высшим.

Для правильной организации армии потребовалось привлечение специалистов военного дела—бывших офицеров, но в виду ненадежности последних в политическом отношении был введен институт военно-политических комиссаров.

Все эти меры потребовали упразднения выборности командного состава и отказа от добровольчества. Вначале принцип неограниченного добровольчества, т.-е. когда можно было в любой момент вступить в армию и выступить из нее—был ограничен подпиской об обязательной службе не менее 6 месяцев. Когда же в первую половину 1918 г. Антанта, не об'явив войны, стала фактически организовывать наступление на Советскую Россию (чехо-словацкое выступление, английские операции на севере, японские захваты на Дальнем Востоке и т. д.), выяснилась угроза гибели для революции, если она не создаст правильной и организованной вооруженной силы, способной защищать рабоче-крестьянскую страну и отбить нападение хищников всего мира. И 29 мая 1918 г. ВЦИК-ом декретируется „переход от добровольчества к принудительной мобилизации рабочих и беднейших крестьян", а 12 июня об'является первая мобилизация рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда.

С этого времени Красная армия стала расти как количественно, так и качественно: не только увеличивались беспрерывно во все время войны ее кадры, но и повышались ее боевые качества, улучшалась ее организация, поднималась дисциплина.

Красная армия после некоторого периода неудач начала брать перевес над вооруженными бандами врагов пролетарской революции. В мае красные воины потрепали Колчака, а к осени окончательно добили его; такая же участь постигла и Юденича; на опаснейшем, южном фронте силы Деникина были разгромлены в два с половиной месяца (24 октября 1919 взят Орел, а 9 января следующего года—Ростов/на-Дону).

С победой Красной армии советская власть решила обратить все свои силы на фронт экономической разрухи и к этой борьбе привлечь Красную армию. Ряд воинских частей и даже целые

армии стали перебрасываться на фронт труда—на самую разнообразную хозяйственную работу. Результаты этого „перековывания мечей своих в орала и копьев своих на серпы“ сказались быстро и плодотворно: дело восстановления хозяйства получило дисциплинированные кадры работников.

К концу 1920 г. все почти фронты были очищены. Советская власть сразу же выдвигает вопрос о сокращении армии и переводе ее на мирное положение. В декабре 1920 года VIII с‘езд советов постановил произвести частичную демобилизацию, доведя численность Красной армии до 2.700.000 (высшая цифра была 5.300.000); затем последовал ряд других демобилизаций, доведших численность Красной армии до 800.000.

Красная армия перешла на мирное положение. Сокращение ее количественного состава возмещается качественным улучшением: лучшей учебой, более планомерной организацией частей и, главным образом, усилением политической и просветительной работы среди армии. Можно смело сказать, что Красная армия теперь—самый верный очаг народного просвещения.

Литература: 1) Троцкий, Л. Д.—„Как вооружалась революция“ (пока вышли 2 тома). 2) Вольфсон, М. Б.—Очерки обществоведения, стр. 354—374.

Кредо (Credo) „Кредо“ (Credo)—символ веры оппортунистической системы, известной под именем „Экономизма“ (см. ниже), захватившей почти все социал-демократические организации в 98—900 г. Авторами этого документа были г-жа Кускова и г-н Прокопович, ранее причислявшие себя к партии с.-д. ныне стоящие в первых рядах воинствующей белой эмиграции.

Вся сущность „Credo“ („Кредо“) сводится к тому, что пролетариату политическая свобода не нужна и „для русского марксизма исход один“—участие, т.-е. помощь, в экономической борьбе пролетариата и участие в либеральной оппозиции“.

Прокопович эту мысль обосновывает так: можно ли рабочий класс, глубоко тонущий в общенародном варварстве и невежестве, стоящий на низкой ступени интеллектуального развития, не имеющий политических знаний и опыта, звать на борьбу с абсолютизмом.—„Мы не должны допускать попыток безпочвенной агитации так же, как мы избегаем провокаторов“ (курсив

подлинника). Кускова к этому добавляет, что „говорит теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия—значит подвергать их величайшей опасности, которая была только возможна в истории“. Революция рисуется ей „кровавым морем, которое надолго затопит нарождающееся движение“.

Семнадцать политических ссыльных Сибири, во главе с тов. Лениным и другими „стариками“ петербургской с.-д. организации, опубликовали этот документ, который не предназначался авторами для печати и этим самым вызвали бурю негодования в среде „экономистов“ (или „молодых“), упорно утверждавших, что у них нет никаких принципиальных разногласий со „стариками“. Опубликование „Credo“ и его критика срывали маску с тех „вождей рабочего движения, которые, идя официально под флагом революционной партии, на деле старались навязать рабочим даже не буржуазный либерализм, а только прислужничество этому либерализму.

В рукописном виде протест семнадцати рассылался по многим городам России и стал первой платформой враждебного „экономизму“ революционного крыла русских социал-демократов. В 1900 году этот протест был впервые напечатан в брошюре Г. В. Плеханова „Vademecum“ (путеводитель) для редакции „Рабочего Дела“.

Литература: 1) Хрестоматия по истории пролетарской революции в России, т. I, стр. 405—418. 2) Ленин, В. И.—Сборник „За 12 лет“. Изд. Петросовета, 1919, г., стр. 217—223. 3) Историко-Революционная хрестоматия. т. I, стр. 327—339. 4) В. Астров.—„Экономисты“—предтечи меньшевиков. Изд. „Красная Новь“ 1923 года, стр. 88—100.

„Курьер“ „Курьер“—легальный орган меньшевиков в мае—июне 1906 года: вышли все 25 номеров.

Л

„Легальный“ марксизм Широко развернувшееся рабочее движение (начало 90 годов прошлого столетия) привлекает к себе внимание передовой русской интеллигенции. Присматриваясь к русской действительности, эта интеллигенция скоро должна была порвать с традициями народничества, которое было совершенно

бессильно об‘яснить новые явления русской экономической жизни и согласовать с ними свои прогрессивные стремления. Бьющие в глаза успехи капитализма и широко распространившееся рабочее движение сделали то, чего не могла достигнуть литературная пропаганда группы „Освобождения Труда“ в 80-годы. Те самые мысли, которые высказывались в „Наших разногласиях“ и приобрели в свое время лишь единичных сторонников, теперь быстро усваивались передовой русской интеллигенцией, так как находили блестящее оправдание в русской экономической и общественной жизни. Спор о значении капитализма и развитии его в России скоро перешел на страницы легальной печати и стал предметом ожесточенной борьбы между отживающим свои дни народничеством и сторонниками учения Маркса. В 1894 году появляются в печати „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“ П. Струве, это первое крупное произведение русского легального марксизма. Огромную роль в распространении новых взглядов сыграла книга Плеханова, изданная легально, под псевдонимом Бельтова, в 1895 году: „К вопросу о монистическом понимании истории“. Она сводила окончательные счеты с народничеством в лице его самого популярного представителя Н. Михайловского. С 1894 года марксистами стал издаваться журнал „Новое Слово“, который с большим успехом продолжал начавшийся в легальной литературе поход против народников. Эта марксистская критика развенчала народничество, как „передовое направление“ русской интеллигенции, в котором видели продолжение „славных традиций Народной Воли“ и привела к тому, что к концу 90 годов марксизм стал господствующим направлением в среде революционной молодежи.

Впоследствии обнаружилось, что далеко не все представители этого „легального“ марксизма остались в то же время сторонниками русской социал-демократии. В то время по цензурным условиям, в легальной печати было невозможно изложить учение Маркса во всей полноте. Пока дело шло о значении капитализма, о роли внутреннего и внешнего рынков и т. п., в среде „легальных“ марксистов, дружно боровшихся против народников, не замечалось никаких разногласий. Научные взгляды народничества в этих вопросах не выдерживали критики даже с точки зрения современной буржуазной политической экономии. Не удивительно

поэтому, что в лагере „легального“ марксизма, под которым понимали все то, что боролось против народнических теорий, не замедлили обнаружиться крупные разногласия, как только споры с народниками приходили к концу. По мере того, как даже сквозь цензурные перегородки все яснее выступало революционное содержание марксизма, как теоретического обоснования современной социал-демократии, многие из прежних его сторонников стали один за другим перебегать в лагерь либеральной буржуазии. Это случилось прежде всего с тремя наиболее популярными из „легальных“ марксистов—С т р у в е, Т у г а н-Б а р а н о в с к и м и Б у л г а к о в ы м,—выступившими с критикой „ортодоксального“, т.-е. революционного, марксизма. В этом и заключается пресловутый „кризис марксизма“, который доставил столько удовольствия и утешения нашим народникам, потерпевшим полное поражение от марксистов.

Массовое увлечение марксизмом русской интеллегенции, т.-е. демократической и либеральной буржуазии, не могло, конечно, создать из этой буржуазии социал-демократических кадров. Но учению Маркса суждено было сыграть у нас ту роль, какую оно не играло, кажется, ни в какой другой стране. Оно помогло русской интеллигенции освободиться от тяготевших над нею традиций народничества, которое, при данном уровне производительных сил, становилось все более реакционным. В учении Маркса прогрессивная буржуазия нашла то орудие, с помощью которого она с успехом боролась против реакционной мелкобуржуазной идеологии. Подобно тому, как „Северный союз русских рабочих“ сумел значительно переработать народнические теории в духе социал-демократии, так и русская буржуазная демократия, воспользовавшись для своих целей революционной социал-демократической теорией, сумела переработать эту теорию „критикой“ и приспособить ее к своим либеральным идеалам.

Но, если революционный характер „ортодоксального“ марксизма оттолкнул от него широкие слои „интеллигенции“, то тем более крепко стала держаться этого учения революционная часть интеллигенции, которая теперь быстро стала пополнять ряды социал-демократии.

„Рост рабочего движения и широкое распространение учения Маркса среди интеллигенции впервые создают у нас благоприят-

ные условия для развития социал-демократии“ (П. Батурин.— Очерк истории социал-демократии в России).

Литература: 1) Хрестоматия по истории пролетарской революции в России т. 1, стр. 397—404.
2) В. И. Ленин.—„За 12 лет“.

Левые большевики } см. „Впередовцы“.

Левый блок см. „Большевики“ и „II Госуд. Дума“.

Левые социалисты-революционеры Партия левых эс-эров откололась от партии социалистов-революционеров накануне Октябрьского переворота. Активного участия в перевороте она не принимала и в первые дни революции соблюдала благожелательный к большевикам нейтралитет. В ноябре 1917 г., после недолгих колебаний и попыток добиться создания коалиционного „общесоциалистического“ министерства, левые эс-эры приняли предложение большевиков вступить в блок и вошли в Совет Народных Комиссаров. Штейнберг получил портфель народного комиссара юстиции, Калегаев—земледелия, Прошьян—почт и телеграфов, Спиридонова стала во главе крестьянской секции ЦИК. Основанием для коалиции послужил „декрет о земле“, принятый II С‘ездом Советов 26 октября 1917 г. и признавший общие положения эс-эровской „социализации“ земли. Левые социалисты-революционеры состояли в рабоче-крестьянском правительстве вплоть до подписания Брестского мира, когда они, в виде протеста против последнего, разорвали коалицию и вышли из Совнаркома. Во время V С‘езда Советов, в июне 1918 г. левые эс-эры, желая сорвать „похабный мир“ и втянуть Советскую Россию в войну с Германией, произвели авантюристическую попытку восстания, быстро ликвидированную Советской властью. После восстания партия стала распадаться. Из нее ушли народники-коммунисты“ и спустя некоторое время вошли в состав РКП. Далее выделились из партии „революционные коммунисты“ и в 1920 году также влились в РКП. В том же году партия раскололась на непримиримое активистское „меньшинство“ (Спиридонова, Камков) и на „соглашательское большинство“ (Штейнберг, Чужиков). „Меньшинство“ постепенно и программно и тактически дошло до самого бесшабашного анархизма. „Большинство“ существовало легально и издавало журнал „Знамя“. Влияние левых

эс-эров на массы ничтожно. Доказательством служат выборы в Московский Совет весной 1922 г., когда левым эс-эрам с большим трудом удалось провести трех депутатов.

Ленский расстрел В далекой тайге Олекминско-Бодайбинской системы на Ленских приисках раскинулся на сотни верст Ленский златопромышленный район. Капитал здесь царил безраздельно и напоминал то „доброе старое время“, время крепостного права, когда всякие чиновные мерзавцы располагали по своему произволу женами и дочерьми рабочих. „Ленское златопромышленное товарищество“, самодержец над всем районом, систематически ухудшало положение рабочих, уменьшало заработок, увеличивало штрафы, поднимало цены на с‘естные припасы, обеспечивало, расплачивалось талонами вместо денег, ухудшало рабочие жилища и оборудование шахт.

Вспыхнула забастовка. Рабочие пред‘явили ряд требований экономического характера. На это жандармерия ответила арестами рабочих. Когда 4-го апреля (1911 г.) рабочие отправились на Надеждинский прииск для переговоров с прокурором по поводу этих арестов, без всякого повода и предупреждения на узкой лесной дороге, свернуть с которой было некуда, началась стрельба по рабочим. При первом же выстреле безоружные рабочие бросились на землю; солдаты продолжали расстреливать лежачих. По первым сведениям убито было 150 человек, ранено около 250-ти. На самом деле жертв оказалось больше. Помощи раненым не оказывалось и они умирали десятками. На следующий день рабочие с женами и детьми окружили кучу убитых, сваленную у ледников, и искали своих родных и близких. Страшное возмущение овладело рабочими, когда они убедились, что вместо оказания медицинской помощи раненых сваливали в сани, как бревна, и развозили по трем больницам, находящимся на расстоянии 23-х верст. Умерло от ран, благодаря этому, более 100 человек. 8-го апреля похоронено 250 человек, а 9-го еще свыше 100.

Ленские расстрелы вызвали бурю во всей стране и всколыхнули рабочие массы от далекой холодной Сибири до знойного Кавказа. На беззастенчивый вызов министра внутренних дел Макарова, бросившего в Государственной Думе свое крылатое „так было и так будет“, пролетариат ответил рядом внушительных

забастовок, напоминавших январские дни 1905 г. Оживилась и революционная работа среди рабочих масс. Рабочее движение возрождалось. Центром оживившейся революционной пропаганды сделались большевистские газеты „Звезда“ и „Правда“. Рабочее движение продолжало развиваться и крепнуть до 1914 года.

Вспыхнувшая в июле 1914 года бойня народов на некоторое, очень короткое, время приостановила революционное движение русского пролетариата.

Лига революционной соц.-демократии

Раскол, образовавшийся на Втором С‘езде партии по поводу § 1-го устава (см. „Второй С‘езд партии“)—по вопросу организационному,—стал все более и более давать себя знать, особенно за границей.

Меньшинство С‘езда фактически слилось с рабоче-дельцами (см. „Рабочее Дело“) и прочими оппортунистами, и впоследствии образовало самостоятельную фракцию (меньшевики). Заграницей оно вылилось в особую организацию „Лигу революционной демократии“, состоящую из заграничных, оторванных от российской практической работы эмигрантов, отошедших, в конце концов, от революционной деятельности старой „Искры“.

Эта Лига начинает бешеный поход против решений С‘езда, против только что избранных на С‘езде партийных центров. Чтобы окончательно дискредитировать II С‘езд партии, созывается С‘езд „Заграничной Лиги революционной социал-демократии“.

Если на Втором партийном С‘езде у тов. Ленина оказалось большинство, преимущественно из русских партийных работников-практиков, т.-е. профессиональных революционеров, то в заграничных организациях, за вычетом верхушки крупнейших и крупных работников партии, большинство состояло как раз из мелкобуржуазной интеллигенции, из тех, которые, выражаясь словами т. Ленина, „готовы были отдавать партии и партийной работе лишь свободные вечера“.

Поэтому у меньшевиков оказалось на С‘езде „Заграничной Лиги революционной социал-демократии“ значительное большинство.

Постановления Второго С‘езда партии были не только отвергнуты, но осмеяны.

Попытка представителя ЦК партии распустить С‘езд Лиги, как не подчиняющийся высшему партийному органу, партийному

С'езду,—вызвала резкий протест со стороны Мартова и его друзей, к которым теперь примкнули и бывшие экономисты: Мартынов, Кричевский и другие.

Г. В. Плеханов, первоначально стоявший за Центральный Комитет партии, вдруг переменил свою позицию, испугавшись „общественного мнения" заграничных эмигрантов, и примкнул к мартовцам.

Тов. Ленин вынужден был уйти из редакции „Искры" и с № 52-го „Искра" оказалась исключительно в руках меньшевиков во главе с Мартовым, Потресовым, Аксельродом, Засулич, Даном, Мартыновым, Кричевским и друг.

Вскоре и Центральный Комитет оказался в руках меньшевиков.

Высший орган партии—совет из пяти лиц с председателем Плехановым во главе, в виду перехода Плеханова в лагерь меньшевиков, также оказался в руках последних.

Так, вопреки воли С'езда, меньшевики завоевали партийные центры, захватили весь партийный аппарат. Большинство организаций в России настраивалось в это время отнюдь не в пользу меньшевиков. Партийный С'езд, созванный в 1905 г., показал, что если не четыре пятых, то две трети партийных организаций в России идут за тов. Лениным (см. „III С'езд партии").

Литература: В. И. Ленин.—„Почему я вышел из редакции „Искры".— Избранные статьи и речи т. I, стр. 220—226.

Ликвидаторство Партия меньшевиков в 1905—1907 г.г. кое-как плелась в хвосте революции. В 1908 году, когда рабочий класс был раздавлен торжествующим царизмом, меньшевики поплелись в хвосте контр-революции. В 1908 году, после некоторых предварительных работ, русский меньшевизм выступил с платформой ликвидаторства.

Ликвидаторство означало отказ от „мертвых", „устаревших", „окаменелых" форм подполья и перенесение всей „революционной" деятельности на легальную арену, отречение от старой программы, старых основных лозунгов, старой революционной традиции, старых боевых целей. Политически ликвидаторство означало отказ от признания руководящей роли пролетариата в революционной борьбе, примирение и согласие на гегемонию буржуазии. Ликвида-

торство являлось олицетворением отреченства и ренегатства, оно пыталось убить в пролетариате дух революционной борьбы, оно хотело, чтобы рабочий класс отказался от „бессмысленных мечтаний“ на счет нового выступления в роли вождя революции. Эта роль принадлежит буржуазии,—рабочий класс пусть занимается „своими делами“, время от времени поддерживая „революционную“ буржуазию в ее борьбе с царизмом.

Эта „философия“ меньшевизма целиком совпадала с планами правительства и буржуазии. Блок буржуазно-помещичьей контр-революции кулаком старался внушить пролетариату мысль о тщетности и бесполезности борьбы. Меньшевики ту же мысль пытались внушить рабочему классу под сладким соусом поддельного „марксизма“.

Борьбу против „подполья“, против партии, борьбу за открытую рабочую—столыпинскую, как тогда говорили—партию, ликвидаторство вело со страниц легальных журналов „Наша Заря“, „Дело Жизни“, „Возрождение“ и т. д. Партия большевиков за партию, за революцию, против ренегатства и отреченства боролась в глубоком подполье. Легально можно было обливать партию революции помоями—жандармы и полицейские в этом случае меньшевикам не мешали—но легально в то время нельзя было защищать эту партию.

Наконец, эта возможность представилась. В 1912 году вышла большевистская газета „Правда“ (см. „Правда“). Революционное рабочее движение раздвинуло рамки „царской“ легальности и законности и вручило партии большевиков такое мощное орудие— печатное слово. На страницах „Правды“ стало возможно более или менее прозрачно защищать „подполье“, защищать партию.

Выход большевистской „Правды“ был жестоким поражением ликвидаторов. С ее выходом большевики вылезли на легальную или полулегальную арену. Подполье бесповоротно было в их руках. Началась борьба на страницах рабочей прессы.

Эта борьба шла вокруг вопросов—где именно партия, где центр, какова роль подполья и надполья, какие взаимоотношения существуют между ними.

Ликвидаторы отвечали: партия на легальной арене, здесь центр. Думская фракция, социал-демократические группы профсоюзов, клубов, страховых касс, отдельные „деятели“ рабочего движения,— вся эта пестрая, околопартийная работа и составляет „открытую рабочую партию“. Подполье, если оно вообще нужно, играет под-

чиненную служебную роль; открытая, с подпольным аппаратом—таков был лозунг ликвидаторов.

Большевики—„правдисты", как они чаще тогда назывались—отвечали на поставленные выше вопросы иначе:

Партия в „подполье"—там центр. Думская фракция целиком подчиняется и работает под руководством подполья. Надполье в отношении подполья играет подчиненную, служебную роль. Открытая деятельность подпольной партии—таков был лозунг большевиков-правдистов.

И в этом решительном бою ликвидаторы на голову были разбиты. Шаг за шагом большевики вытесняли их из профсоюзов, клубов, страховых касс, неуклонно „снимали" с „постов", как тогда говорили, т.-е. изгоняли из руководящих органов именно открытых, т.-е. „богом" для ликвидаторов предназначенных, рабочих организаций.

К лету 1914 года ликвидаторы представляли собой генералов без армии. Рабочие отвернулись от них, союзники поспешно стали покидать тонувший корабль.

Большевизм—„правдистское поветрие", как ворчали тогда ликвидаторы,—победил на легальной арене под руководством и во имя подпольной партии (Меницкий. Русское рабочее движение и Р.С.-Д.Р.П. накануне войны).

Литература: 1) Каменев Л. Б.—„Между двумя революциями" изд. „Нов. Москва" 1923 г., стр. 582—592.
2) Ленин Н. (В. Ульянов).—Собрание сочинений, т. IX, ч. I.

Лондонский (II) с'езд Р. С.-Д. Р. П. } см. „С'езды Р. С.-Д. Р. П."

М

Манифест 17-го октября Накануне 17 октября 1905 года бастовали не только железные дороги, фабрики и заводы, бастовали средние учебные заведения и банки, адвокаты и судьи, служащие городских управ и чиновники контрольной палаты. Забастовочное настроение разносилось всюду, куда доходила рельсовая колея и телеграфная проволока. Шли телеграммы о всеобщей забастовке из Сосновиц на германской границе и из Асхабада Закаспийской области, из Одессы и Юрьева-Эстляндского, из Тифлиса и из Казани, из Кургана за Уралом и из Новочеркасска Донской области.

Развитие забастовки шло рука об руку, день в день с топтаньем Николая II пред уступкой народу.

Надо было найти выход, и Николаем был приглашен Витте—человек с биржи, где кучами предлагались русские ценные бумаги и их никто не брал.

Витте поставил пред Николаем провокаторский вопрос: или подавить все это, об‘явив военную диктатуру, или уступить, дав конституцию. Николай, конечно, от всей души желал первого. Но люди, которым он не мог не доверять — знаменитый Трепов, только что издавший свой приказ „патронов не жалеть“, и не менее знаменитый, впоследствии, Николай Николаевич, будущий главнокомандующий империалистской войны — единогласно свидетельствовали, что патронов-то сколько угодно, но что при их помощи нельзя сдвинуть ни одного остановленного забастовщиками поезда. На совещании с Витте „военный министр и генерал Трепов“, которому был подчинен петербургский гарнизон, заявили, что в Петербурге достаточно войск для того, чтобы подавить вооруженное восстание, если таковое появится в Петербурге и в ближайших резиденциях государя, но что в Петербурге нет соответствующих частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа, где жил тогда Николай. В силу этого брошена была мысль, нельзя ли при помощи „конституции“ перевести на мирные рельсы рабочее движение.

Перед Октябрьскими днями Николай Николаевич Романов свел знакомство с крайним правым гапоновцем Ушаковым, почти таким же провокатором, как и сам Гапон. Этот рабочий из экспедиции заготовления государственных бумаг, и раньше водившийся с начальством и даже министрами—ходил „поздравлять“ Витте, когда тот вернулся после заключения портсмутского мира,—теперь взялся быть политическим советчиком великих князей. Он рассказал Николаю Николаевичу, что „благонамеренные“ рабочие всячески борются с революционерами в рабочей среде, но тщетно, ибо рабочие, не имея никаких прав и никаких других способов действия, кроме нелегальных, естественно, идут за революционерами, которые этими нелегальными действиями руководят. Но стоит дать рабочим возможность действовать легально, и они, будто бы, пойдут за Ушаковым и его товарищами. На Николая Николаевича слова Ушакова произвели сильное впечатление—у него, что называ-

ется, глаза открылись, и он окончательно укрепился в мысли, что нужно немедленно „даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов“. Был издан манифест 17 октября 1905 года, автором которого является Витте.

И Ушаков и его высокопоставленные ученики скоро должны были жестоко разочароваться в успехе этой новой зубатовщины: рабочие и не думали использовать „незыблемых основ“ для „мирной“ работы. Совет Ушакова, может быть, имел бы свой смысл до 9 января, но теперь, когда у рабочих уже существовали организации, возникшие явочным порядком, они шли совсем не к „мирной“ деятельности в рамках самодержавной монархии; они начали уже строить свое временное революционное правительство (см. „Советы рабочих депутатов“).

Литература: 1) Л. Троцкий. — „1905 г.“, стр. 105—129. 2) М. Б. Вольфсон. — „Очерки обществоведения“, стр. 307 — 312. 3) Д. Сверчков.—„На заре революции“. ГИЗ. 1924., стр. 120—156, 162— 66. 4) Лавринович.—„Итоги 17 октября“—„Образование“, 1906 г. № 11.

Международный Крестьянский Совет

Мысль о создании Крестьянского Интернационала возникла в последние годы до империалистической войны и во время ее начала.

Интересно отметить, что инициативу в этом направлении проявили реакционные деятели. Они прекрасно поняли значение крестьянского вопроса и старались прибрать к рукам эту могучую по своей численности силу, каковой является крестьянство, и направить ее против растущего революционного рабочего движения. Инициаторы этого „Черного Крестьянского Интернационала“ происходили, главным образом, из партии „Центра“ Германии и из партий стран средней Европы, находящихся под влиянием преимущественно католического духовенства. Эти намерения не удалось осуществить. Реакция испугалась возможных последствий, которые принес бы ей даже такой Крестьянский Интернационал. Она испугалась именно того, что крестьяне, будучи организованы и выведены за пределы своих стран на арену международной политики, под лозунгом солидарности и братства крестьян всего мира

могут пойти по пути совершенно нежелательному их непрошенным опекунам.

После войны мысль эту поднимает болгарский крестьянский диктатор Стамболийский, но попытки его создать „Зеленый Крестьянский Интернационал“, сделанные им в мае 1922 г., остались безрезультатны, хотя и наделали много шуму. Стамболийский не мог найти программы для продолжительного, прочного сотрудничества между крестьянами разных стран.

Российская революция показала огромное значение крестьянского вопроса, и III Интернационал Коммунистический, созданный под влиянием Великой Российской Революции, начал посвящать все больше внимания аграрному и крестьянскому вопросам. В июне 1923 г., когда пленум Исполнительного Комитета III Интернационала совещался по вопросу лозунга рабоче-крестьянского правительства, тов. Домбаль (крестьянский депутат польского Конституционного Сейма) выступил в печати не только с инициативой созыва Международной Крестьянской Конференции, но и в своей статье „Крестьянский Интернационал“ ясно указал на существующую необходимость немедленного создания международной крестьянской организации, имеющей быть выражением рабоче-крестьянского союза в международном масштабе. Мысль эта оказалась чрезвычайно жизненной и своевременной. В крестьянской и рабочей печати разных стран эта идея горячо приветствовалась. Условия же для созыва конференции сложились чрезвычайно благоприятно. В это время как раз открылась Всесоюзная Сельско-Хозяйственная Выставка, привлекшая к себе своими размерами и значением внимание крестьянства Запада.

Кроме того, Главный Выставочный Комитет обратился с воззванием к крестьянам всего мира, приглашая их на выставку, как гостей. Крестьянские представители ряда стран постановили использовать Всесоюзную Сельско-хозяйственную Выставку в Москве для обсуждения вопроса о создании международной крестьянской организации. Они сговорились между собою и прибыли в Москву на выставку. Здесь произошли предварительные информационные совещания, в результате которых выделилась инициативная крестьянская группа, которую прибывшие крестьянские делегации разных стран света уполномочили созвать от их имени Первый Международный Крестьянский С‘езд.

Благодаря энергичной деятельности этой инициативной группы крестьян, конференция состоялась, и на ней был избран **Международный Крестьянский Совет.** Эта первая международная крестьянская организация имеет прекрасное и великое будущее и, несомненно, с течением времени станет огромной силой в международной политике, так как первый Международный Крестьянский Конгресс создал прочный фундамент, выработал жизненную программу и платформу для политического и экономического сотрудничества крестьянства с рабочим классом всех стран света.

В первой Международной Крестьянской Конференции участвовали представители крестьянства свыше 40 национальностей, среди которых были вожди разных крестьянских партий, председатели крестьянских союзов, крестьянских лиг, синдикатов, крестьянские депутаты разных парламентов, редакторы крестьянских газет, крестьяне—члены разных правительств и т. д. и т. д. Всего было 122 крестьянских делегата с решающим голосом и 36 делегатов с совещательным.

Были представлены следующие страны и национальности: Россия, Украина, Грузия, Дагестан, Киргизская республика, Карелия, Якутия, Аджаристан, Белоруссия, Бухара, Хива, Китай, Монголия, Армения, Туркестан, Бразилия, Индонезия, Испания, Германия (Бавария, Пруссия, Саксония, Вюртенберг, Баден, Ганновер, Рейнская область, Вестфалия, Тюрингия, Верхняя Силезия, Данциг), Болгария, Голландия, Австралия, Канада, Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, Италия, Япония, Венгрия, Швеция, Норвегия, Польша, Юго-Славия, Франция, Чехо-Словакия, Северо-Американские Соединенные Штаты, Мексика и др.

Конференция открылась 10 октября и закончилась 15 октября. В порядок дня работ Конференции были включены следующие вопросы: 1) обеспечение мира и борьба против милитаризма, 2) положение крестьянства в капиталистических странах, 3) результаты аграрной революции в России и положение крестьянства в советских республиках, 4) сельско-хозяйственная кооперация в капиталистических странах, 5) сельско-хозяйственная кооперация в Советской России, 6) взаимоотношения крестьянства и рабочего класса и 7) международная связь.

Первая Международная Крестьянская Конференция, признав, что в интересах успешной борьбы за свое освобождение крестьяне

всего мира должны сомкнуть свои ряды как в экономическом, так и в политически-организационном отношении, положила начало Международному Крестьянскому Совету и поставила перед ним следующие задачи: 1) усиление борьбы за освобождение крестьянства всего мира от многовекового ига и гнета помещиков и капиталистов; 2) защита интересов широчайших масс крестьян всего мира и поднятие крестьянского хозяйства; 3) установление и укрепление теснейшей связи с экономическими, политическими и кооперативными крестьянскими организациями всего мира; 4) смычка деревни с городом, связь крестьянства с рабочим классом—национальная, как и международная—для совместной работы и совместной борьбы против помещиков и капиталистов; 5) установление братских отношений со всеми рабочими организациями всего мира, поддерживающими программу и деятельность Международного Крестьянского Совета; 6) об'единение всех крестьянских организаций и течений для осуществления во всех странах лозунга: „Рабоче-Крестьянское Правительство“.

Лозунгом своим, помещаемым на всех своих изданиях и формулярах, Первая Международная Крестьянская Конференция избрала: „Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь“.

Литература: „Первая Международная Крестьянская Конференция“. Речи, тезисы, воззвания. Изд. „Новая Деревня“. М. 1921.

Международный Совет профессиональных союзов („Профинтерн“) Подобно тому, как Коминтерн является организацией, об'единяющей деятельность политических партий пролетариата, стоящих на точке зрения социальной революции и классовой борьбы пролетариата, так и Профинтерн представляет организацию, об'единяющую в мировом масштабе деятельность всех профессиональных об'единений, руководящихся теми же требованиями.

Начало красному международному об'единению профдвижения было положено в 1920 г. в Москве „Временным Международным Советом профсоюзов“, поставившим себе целью борьбу с соглашательскими об'единениями и об'единение всех профорганизаций, порвавших с тактикой сотрудничества с буржуазией.

„Временный Международный Совет профсоюзов“ (Межсовпроф) подготовил международный конгресс всех революционных профсоюзов (380 делегатов из 41 страны), который был созван в Мо-

скве в июле 1921 года и который создал Красный Интернационал профсоюзов в противовес желтому, соглашательскому Амстердамскому об'единению, называвшему себя Амстердамским Интернационалом.

Конгресс рекомендовал всем организациям, стоящим на точке зрения классовой борьбы и диктатуры пролетариата, организовать по профессиям и производствам „Международные Комитеты пропаганды", которые бы агитировали рабочие массы во всех странах в духе программы Профинтерна.

Вопреки бешеной травле соглашателей-амстердамцев, предпринятой ими во всех странах против профинтерновских рабочих и коммунистов, влияние Профинтерна возрастало, и он скоро превратился в значительную об'единяющую силу международного революционного рабочего движения.

По постановлению с'езда только такая местная профорганизация может стать членом Профинтерна, которая признает следующие положения:

1) Признание принципов революционно-классовой борьбы.

2) Проведение этих принципов в жизнь в практической и повседневной деятельности.

3) Признание необходимости социальной революции и диктатуры пролетариата.

4) Признание международной пролетарской дисциплины.

5) Признание и проведение в жизнь всех решений учредительного конгресса.

6) Разрыв с желтым Амстердамским Интернационалом.

7) Единство действий с коммунистическими и революционными организациями во всех оборонительных и наступательных действиях против буржуазии.

Верховным органом Профинтерна являются с'езды, которые должны собираться не меньше, чем один раз в год, в промежутках между с'ездами—избираемый ими Центральный Совет, который собирается не реже двух раз в год; текущую работу ведет исполнительное бюро, избираемое Советом.

Для тесной связи с Коммунистическим Интернационалом Центральный Совет посылает своих представителей в Исполком Коминтерна, а в составе Центрального Совета имеются три представителя от Коминтерна; Центральный Совет в важнейших случаях

заседает вместе с Исполкомом Коминтерна и выпускает с ним совместные воззвания.

Литература: 1) Лозовский А.—„Москва или Амстердам?" Сборник статей, изд. ВЦСПС. 1924 г.
2) Его же—Основные моменты в развитии международного профессионального движения. Изд. ВЦСПС.
3) И. Юзефович.—Интернационал профсоюзов.

Международное социалбюро } см. „II Интернационал".

„Межрайонцы" „Межрайонная организация об'единенных социал-демократов" возникла в Петербурге до войны и существовала до VI С'езда партии в июле 1917 года, когда она об'единилась с петербургским комитетом Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), целиком войдя в партию. Организация носила неофициальный характер, сплотив бывших троцкистов, плехановцев-партийцев и частью впередовцев; до Февральской революции насчитывала около 200 организованных рабочих, печатала листовки и выпустила два номера нелегальной газеты „Вперед". По отношению к войне межрайонцы стояли на интернационалистской позиции и по своей тактике были близки к большевикам. Летом 1917 г. к организации межрайонцев принадлежали Троцкий, Луначарский, Володарский, Урицкий и др.

Меньшевики Партия меньшевиков возникла в августе 1903 года на втором с'езде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, как фракция последней (см. „Большевики и Меньшевики"). На этом с'езде сплоченное до того революционное „искровское" большинство с'езда по организационным вопросам разделилось на „большинство", во главе с Лениным, и „меньшинство", во главе с Мартовым. До весны 1905 г. большевики и меньшевики работали в одной организации. В мае меньшевики ушли с третьего с'езда партии, где большинство оказалось на стороне большевиков, и собрались на свою фракционную конференцию. Осенью 1905 г., под влиянием революционных событий, было достигнуто соглашение и составлен об'единенный Центральный Комитет. В апреле 1906 г. на Стокгольмском с'езде (см. „IV С'езд Партии"), где большинство принадлежало меньшевикам, об'единение было подтверждено и с'езд получил название „об'единительного".

Считая революцию 1905 г. „буржуазной“, партия меньшевиков полагала, что руководящую роль в ней должна играть буржуазия, которую рабочий класс должен поддерживать, входя с ней в соглашение. Меньшевики решительно высказались против гегемонии пролетариата в революции, предостерегали его от вооруженного восстания и т. д. Осенью 1905 г. значительная часть меньшевиков была увлечена революционной стихией, но как только восстание потерпело неудачу, меньшевики стали поучать революционеров, что, мол, не надо было браться за оружие, а следовало создавать профсоюзы.

Во всех Государственных Думах социал-демократические фракции имели меньшевистское большинство. В своей парламентской деятельности меньшевики проводили тактику соглашения с партией кадетов, которая якобы представляла собой революционное крыло буржуазии.

На пятом Лондонском с‘езде большинство принадлежало большевикам, но большинство это не было устойчивым. Деятельность фракции второй Государственной Думы, руководимой Церетелли, подверглась на с‘езде резкой критике. Резолюция одобрения была снята с обсуждения самими меньшевиками. Резолюция осуждения была провалена нефракционной частью с‘езда.

Победа реакции вызывает резкое поправение меньшевиков. В период 1908—1914 г. г. меньшевики выступают в качестве ликвидаторов (см. „Ликвидаторство“) старой партии. Они выдвигают лозунг „открытой рабочей партии“, они добиваются легальности во что бы то ни стало. Они отказываются от старой программы, выбрасывают вон основные лозунги революции. В годы реакции меньшевики выступают как представители ренегатства, отреченства, приспособленчества. Но к середине 1914 г. меньшевизм терпит решительное поражение: именно на легальной арене—в профсоюзах, клубах, страховых кассах, в рабочей печати—господствующее положение занимает партия большевиков, все время защищавшая подпольную партию от меньшевиков-ликвидаторов и одновременно умело использовавшая, в целях революционизирования масс, все открывшиеся легальные возможности.

Во время мировой бойни большинство меньшевиков стало на точку зрения „защиты отечества“. Меньшинство—меньшевики-

интернационалисты, в лице Мартова и Аксельрода, принимали участие в Циммервальдской конференции.

В период от Февраля до Октября особенно ярко сказалось полное банкротство меньшевистской партии. Оно выразилось в том, что эта партия ничего решительно не смогла сделать для проведения в жизнь собственной программы в вопросах о земле, мире и учредилке. Земля оставалась в руках помещика, война продолжалась „до победного конца" и созыв Учредительного Собрания откладывался из месяца в месяц. Вот это неумение провести в жизнь собственную программу, т. е. передать землю крестьянам, заключить мир „без аннексий и контрибуций", созвать учредилку—„хозяина русской земли", это топтание на одном месте, соглашательство, торги и переторжки с буржуазией выбили почву из-под партии меньшевиков.

В Октябре партия большевиков, получившая подавляющее большинство в Советах, пришла к власти. Но борьба против большевиков продолжалась. Меньшевики, вступившие в блок с кадетами и эс-эрами, вели непрерывные и разнообразные атаки против новой пролетарской власти. Восстания, саботаж, заговоры, стачки, взрывы, убийства и покушения, бесчисленные фронты— вот те средства, которые применялись кадетско-эс-эро-меньшевистским блоком против Советской власти.

Литература: 1) В. И. Ленин.—„За 12 лет". Сборн. статей.
2) Его же.—„Две тактики". Собр. сочинений. т. VI.
3) Ленин и Зиновьев.—„Против течения".
4) Ленин, Зиновьев, Каменев.—„Марксизм и ликвидаторство.
5) Каменев.—„Меньшевики в первой русской революции".
6) Шляпников.—„Накануне 17 года".

Московское вооруженное восстание } см. „Декабрьское восстание".

Н

Народная Воля

Народная Воля—партия революционного народничества, выделилась в 1879 г. после Липецко-Воронежского с'ездов из недр организации „Земля и Воля". Прежнее аполитическое бунтарство народников сменилось у наро-

довольцев политическим реализмом: бороться с самодержавием и его агентами при помощи террора. Исполнительный комитет Народной Воли—строго законспирированный революционный центр—подготовлял террористические акты, вел пропаганду среди рабочих, учащейся молодежи и в войсках. По приговору Исполнительного Комитета был убит первого марта 1881 года Александр II. Вслед затем Исполнительный Комитет обратился к Александру III с письмом, где требовал амнистии, политической свободы и Учредительного Собрания. К половине 80-х годов правительство, с помощью провокаторов, разгромило „народовольцев“, как активных революционеров; но народовольческая организация пережила своих творцов и послужила образцом для создания новых революционных союзов в начале XX века.

Литература: 1) Тун.—„История революционного движения в России“. 2) Богучарский.—„Партия Народной Воли“. 3) „1 марта 1881 года“ (документы). ГИЗ, 1920.

„Народное Право“

Партия „Народного Права“ была основана в 1893 году по инициативе бывших землевольцев и народовольцев — Натансона, Н. Тютчева, О. Аптекмана и др. Деятельное участие в ней принимал А. Богданович (впоследствии редактор журнала „Русское Богатство“); близко к ней стояли Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. Эта партия была предшественницей „Союза Освобождения“ и ставила себе ту же задачу: об'единение всей оппозиции, либеральной и революционной, для борьбы с самодержавием. Воззвание партии „Народного Права“, являющееся ее программой, указанную выше задачу проявляет так: „Есть моменты в жизни государства, когда один вопрос занимает первенствующее место, отодвигая на задний план все другие интересы, как бы существенны они ни были сами по себе,—один вопрос, от разрешения которого в ту или другую сторону зависит будущность народа. Такой момент Россия переживает в настоящее время и такой вопрос ее судьбы—есть вопрос политической свободы. Самодержавие, получив самое яркое выражение и олицетворение в царствование Александра III, доказало с неоспоримой ясностью свою полную неспособность создать такой порядок вещей, который обеспечил бы стране наиболее полное и правильное развитие всех ее духовных и материальных сил“..

„Люди, сознающие всю опасность положения, не видят другого исхода его, кроме решительного поворота в направлении интересов масс, что возможно лишь при немедленном участии страны в укреплении, т.-е. при замене самодержавия представительными учреждениями. Так как нет и не может быть надежды, чтобы правительство добровольно вступило на указанный путь, то народу остается одно—противопоставить силу организованного общественного мнения неподвижности правительства и узким династическим интересам самодержавия. Партия „Народного Права“ имеет в виду создание такой силы“... Партия ставит себе задачею: соединить все оппозиционные элементы страны и организовать деятельную силу, которая добивалась бы, при помощи всех нравственных и моральных средств, какими она располагает, уничтожения самодержавия и обеспечения каждому прав гражданина и человека.

„Народное Право“, будучи партией буржуазной интеллигенции, включало в свой состав так называемый „третий элемент“: врачей, адвокатов, литераторов, земских служащих и т. д.

Партия имела в Смоленске тайную типографию. Ею была выпущена брошюра Богдановича „Насущный вопрос“.

Литература: Историко-революционная хрестоматия, т. I, стр. 465—467.

Народно-социалистическая партия

Народно-социалистическая партия, или сокращенно эн-эсы (н. с.), была организована оппортунистическим кружком литераторов-народников, группировавшихся около журнала „Русское Богатство“. Партия считала легализацию непременным условием своей деятельности, и ради этого шла на крупные программные и тактические компромиссы, выбрасывала республику, признавала выкуп за отчуждаемые помещичьи земли, стояла за избирательные блоки с либералами.

Особой политической роли народные-социалисты никогда не играли.

„Новая Жизнь“

„Новая Жизнь“—легальный орган социал-демократов, представлявший точку зрения „большинства“, выходил в Петербурге с 27-го октября 1905 года, был закрыт в декабре того же года за напечатание „Манифеста

С. Р. Д. и революционных организаций“. Издателем газеты была московская артистка М. Ф. Андреева, редактор—поэт Н. М. Минский, сотрудники—участники нелегального женевского „Пролетария“ (см. „Пролетарий“): П. Румянцев, А. Луначарский, В. И. Ленин, А. Богданов, Ю. Каменев, Н. Рожков, М. Горький, а также ряд беллетристов и поэтов, стоявших до тех пор в стороне от социализма.

„Новая Жизнь“ была задушена еще до октябрьской стачки, как орган, в котором под прикрытием легальных беллетристов и публицистов могли бы сотрудничать также руководители большевизма, не имевшие тогда возможности выступать в легальной прессе. Октябрьские события сделали возможным открытое выступление большевиков в „Новой Жизни“. Взгляд большевиков на задачи легальной газеты того времени и на сотрудничество с непартийными элементами изложен в статье В. И. Ленина: „Партийная организация и партийная литература“. Она явилась ответом на нападки Плеханова, касавшиеся состава сотрудников „Новой Жизни“.

О

Образование рабочего класса Восемнадцатый век отмечен зарождением и развитием первоначальных форм капиталистической промышленности в России. Стремление капитала явно направляется на то, чтобы установить свое господство не только в торговле, но и в области производства. Купечество добивается права владеть крепостными крестьянами, чтобы пользоваться их трудом на фабриках, приносит жалобы на то, что крестьяне составляют им конкуренцию не только в торговле, но и в промышленной деятельности. Эти купеческие жалобы вскрывают картину широкого распространения среди крестьян промыслов с обслуживанием рыночного спроса и с применением наемного труда. К половине XVIII века заметно увеличивается и число дворянских фабрик. Очевидно, расширяющийся внутренний рынок определяет спрос на промышленные изделия, а накопление в дворянских, купеческих и даже крестьянских карманах создает обстановку, благоприятную для развития промышленности.

Промышленный строй крепостной России не может считаться отсталым по сравнению с Западом Европы, за исключением Англии,

опередившей в своем промышленном развитии континент. Россия в этом отношении шла нога в ногу с Францией, где при незначительном количестве фабрик широко была развита домашняя промышленность, с Германией и Австрией, где феодальный порядок остается господствующим вплоть до тридцатых и сороковых годов прошлого столетия.

Статистика крепостного времени,—правда, далеко не совершенная,—с несомненностью убеждает нас в промышленном развитии России, которое строится на капиталистических началах, и крупная фабрика—одна из производственных форм тогдашней промышленности. Крупные предприятия с сотнями рабочих, машинами и большими оборотами совсем не были редкой случайностью в крепостной России и уже по тому времени играли крупную роль в экономической жизни страны. Иллюстрируем это несколькими примерами. В начале XIX века существовала так называемая Яковлевская мануфактура, обнимавшая мануфактуру Ярославскую, Рыбинскую и Крапивенскую. На всех этих мануфактурах имелось 862 станка, 3976 рабочих. „Обращающийся" капитал равнялся 515000 р., а чистая прибыль достигала 50.000 руб., что составляло 10%. В тридцатых годах прошлого столетия в Тамбовской губ. была фабрика Лион, имевшая 552 станка и свыше 3000 рабочих. Мануфактура бр. Прохоровых работала на 400 набивных столах при 800 рабоч.; Вознесенская мануфактура имела 40000 веретен и около 1000 рабочих; Горенская мануфактура насчитывала свыше 15000 веретен и 600 рабочих; фабрика Мальцева имела 35000 веретен и 792 рабочих и применяла машины новейшего типа.

Откуда же брались эти многие сотни и тысячи рабочих? На фабриках дворян и государственных заводах широко применялся труд крепостных и казенных крестьян. На фабриках купечества и других лиц не-дворянского происхождения вопрос о рабочей силе осложнялся, так как они не имели права владеть деревнями и крестьянами, а прибегать к труду вольнонаемному было крайне невыгодно при даровом крепостном труде на помещичьих фабриках, дающем безграничный простор эксплоатации. Вот почему правительство того времени было засыпано просьбами купцов о „воспособлении" не деньгами, а мастерами, подмастерьями, учениками и „работными людьми".

Правительство, поощряя частную инициативу в промышленности, шло навстречу этим мольбам:

1) Оно узаконило (в 1736 г.) за купцами право приема беглых крепостных, бежавших от помещиков, от рабства в поисках вольной жизни; таких фабриканты, в погоне за дешевым трудом, принимали охотно на работу.

2) Помимо беглых крестьян к услугам капитала была предоставлена и другая рабочая сила, которую черпали из бесправного и беззащитного населения. Так, указом 7-го июля 1744 г., Сенат приказал из солдатских детей, „которые матерей и родственников и свойственников у себя не имеют, или хотя и имеют, да пропитания своего у них нет; таковых для воспитания и дабы они вовсе без призрения и пропитания пропасть не могли, отдавать *всякого чина людям* (курс. наш. П. К.), имеющим деревни, также на фабрики и заводы", при чем „быть оным у них вечно, равно как купленным и крепостным их людям". В 1762 г. последовало приказание „праздношатающихся и по миру бродящих солдатских, матросских и других служилых людей женок", если у них мужья умерли, находятся в походах или „других дальних посылках", отдавать на фабрики и мануфактуры, с тем, однако, что, если мужья их найдутся и жен своих потребуют, то их „в самое короткое время отдавать".

3) Государство предоставляло в распоряжение фабрикантов на определенных условиях находящуюся в его распоряжении рабочую силу путем приписки к предприятиям казенных крестьян. Такие крестьяне назывались приписными.

4) Указ 18-го января 1721 г. разрешил „купецким людям" покупать к своим заводам деревни с крестьянами. Однако, при этом непременным условием ставилось, чтобы купленные деревни „всегда были уже при тех заводах неотлучно", и заводчики не имели права деревень „особо без заводов" продавать или отдавать на выкуп. Таким образом, фабриканты получили над купленными крестьянами право условий ограниченной собственности. Крестьяне принадлежали „к фабрике", но не фабриканту, который имел право пользоваться их трудом, но не мог их продавать отдельно от фабрики.

Помимо перечисленных источников рабочей силы фабрик и заводов нужно указать на так называемых кабальных рабочих.

Дворяне могли от себя отдавать на чужие фабрики своих крепостных, получая за это определенную плату; фабрикант заключал договор не с крепостным, а с помещиком, к которому поступала плата за рабочих.

Наряду с крепостным трудом фабриканты пользовались также вольнонаемным трудом, как до разрешения покупки ими крестьян, так и после такого разрешения. Вольных работников поставляло главным образом тоже крестьянство, и прежде всего государственные крестьяне. Последние, хотя и находились в полном распоряжении государства, которое могло в любую минуту уравнять их с помещичьими крестьянами припиской к заводу или раздачей вместе с землей частным лицам, но существенно отличались от крестьян, принадлежавших помещикам: они не были обязаны государству постоянной работой, не отбывали в этом смысле барщины, не платили оброка и податей. Благодаря этому они располагали фактически относительно большей свободой и, будучи на оброке, могли уходить на заработки в промыслы, на фабрики, заводы и т. д. С другой стороны, вольных работников могли поставлять и помещичьи крестьяне. С развитием денежного оборота помещики стали отпускать своих крестьян в отходные заработки, а те в поисках работы шли также на фабрики, чтобы на заработную плату жить и вносить помещику оброк. Такие наемные рабочие не были, конечно, свободными рабочими. Они принадлежали помещику, и самая возможность отхода их на заработки находилась всецело в зависимости от воли помещика. Но по отношению к фабриканту они были людьми вольными, от него в крепостной зависимости не стоявшими. Существенно отличались они и от кабальных рабочих, которых отдавали на работу помещики: оброчные крестьяне становились сами на фабричную работу, без участия помещика. Фабрикант вступал с ними в договорные отношения, и фабричный режим более или менее приближался к режиму, основанному на договоре найма. С другой стороны, и работа таких наемных людей приближалась к свободному труду, так как она протекала вне внешнего принуждения, основываясь на заинтересованности самого рабочего, почему и представляла несомненные преимущества пред крепостным трудом.

Литература: М. Балабанов.—„Очерки по истории рабочего класса в России". Изд. Сорабкопа, Киев. 1923 г. Ч. I, стр. 23—53. Туган-

Барановский—„Русская фабрика“. III изд., стр. 76, 77 и 82. Проф. Семевский.—„Крестьяне в царствование Екатерины“ II. Т. I, СПБ, стр. 31, 36. Проф. Тарле—„Запад и Россия.“ Статья: „Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной?“ П. 1918 г., стр. 135.

Об'единительный (IV) С'езд Р.С.-Д. Р. П. см. „С'езды Российской Соц.-Дем. Раб. Партии“.

Октябристы „Союз 17 октября“ (день издания царского манифеста о свободах) возник в ноябре 1905 года. Он об'единил крупных и средних аграриев, крупную промышленную и торговую буржуазию и высшую бюрократию. Поддерживая некоторые политические реформы, союз решительно восставал против социальных требований масс и целиком поддерживал правительство в его усмирительной работе. Изменение избирательного закона дало октябристам большинство в третьей Государ. Думе, где они поддерживали правительство „русского Бисмарка“, палача революции Столыпина. В четвертой Думе октябристы раскололись на три группы. „Левые“ сблизились с кадетами. Правые перешли в лагерь националистов—незначительной группы „умеренных“ манархистов. Центр принял новое название „земцев-октябристов“, чем подчеркивалась его тесная связь с помещиками. Во главе „Союза“ стояли Гучков, Родзянко, Шипов, Хомяков, гр. Гейден и др.

Февральская революция легализовала все революционные и оппозиционные партии. Наоборот, реакционные партии в первый период были загнаны в подполье. Но вскоре они перестроили свои ряды, изменили внешне программы, переменили название и снова появились на арене. К таким перелицованным группам и политическим течениям относились: „Союз земельных собственников“, „Прогрессивные националисты“, „Национально-демократическая республиканская партия“ и др. Октябристы после Февральской революции рассосались между этими группами и партиями, после же Октябрьской революции они, в значительной своей части, эмигрировали за границу.

Отзовисты Бойкотистское настроение, которое господствовало среди большевиков перед выборами в III Госуд. Думу (см. „Большевики и III Госуд. Дума“), не было изжито. Поведение дум-

ской фракции, ее упорное нежелание подчиняться партийным решениям и руководству ЦК, ее стремление беречь Думу вызвало среди большевиков разногласия. На почве этих разногласий среди „большинства“ партии создалось три самостоятельных течения: „отзовисты“, требовавшие отозвания социал-демократических депутатов из Госуд. Думы; „ультиматисты“ („скрытые отзовисты“ и ничем по существу от „отзовистов“ не отличавшиеся), заявлявшие, что думская фракция должна или подчиниться ЦК партии, или сложить свои полномочия; наконец, третье течение, во главе с Лениным, высказалось за сохранение рабочего представительства в Думе.

„Отзовисты“ свою точку зрения обосновывали так: „Наша Государственная Дума не может быть рассматриваема как парламент, работающий в рамках политической свободы и при известной свободе классовой борьбы пролетариата, а является лишь сделкой между царизмом и крупной буржуазией и попыткой при помощи этой подделки под парламент сохранить основы самодержавно-бюрократического режима“.

Что касается самой социал-демократии, то она, по мнению „отзовистов“, „не может использовать Думу для агитационной и организационной целей путем думской трибуны“ и „главная работа с.-д. депутатов свелась к разработке законопроектов, к заседанию в комиссиях, о которых никто ничего не знает, к внесению мелких поправок“.

И „отзовизм“ и „ультиматизм“ нашли справедливую оценку со стороны подлинного революционного крыла большевистской партии. На совещании расширенной редакции „Пролетария“ (июнь 1909 г.) отзовистско-ультиматистская агитация признана несомненно вредной для рабочего движения. „При дальнейшем ее продолжении она может стать угрозой единству партии, ибо эта агитация приводила уже к таким уродливым явлениям, как об‘единение отзовистов и эс-эров для проведения отказа в помощи нашему партийному думскому представительству, а также к некоторым публичным выступлениям перед рабочими совместно с определенными синдикалистами. В виду всего этого расширенная редакция „Пролетария“ заявляет, что большевизм, как определенное течение в Р. С.-Д. Р. П., ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом, и что большевистская фракция должна вести са-

мую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма“.

Наряду с этим названное совещание, усматривая значительные дефекты в работе думской фракции, признало необходимым „установление тесной связи между думской фракцией и передовыми рабочими, всесторонняя помощь ей и организационный контроль и давление на нее всей партии, между прочим, и путем открытого раз‘яснения ее ошибки, фактическое осуществление руководства партией деятельностью фракции, как партийного органа, и вообще проведения большевиками в жизнь решений последней общепартийной конференции на этот счет (см. „Конференция Парижская, 1908 г.“ П. К.), ибо только усиление внимания рабочих кругов к деятельности думской с.-д. фракции и их организованное участие в думской деятельности с.-д. способно на деле выпрямить тактику нашей думской фракции.

Литература: 1) Н. Александров.—„Работа фракции в Ш Думе (Из сборника „25 лет РКП (б)“, стр. 143—152. 2) „Российская Коммунистическая Партия в резолюциях ее с‘ездов и конференций“, стр. 107—109. 3) Лядов, М. Н.—„25 лет Российской Ком. Партии“, стр. 56—58. 4) В. И. Ленин.—„На дорогу“.—Избранные статьи и речи—т. II, стр. 374—381.

Отрезки —это те земли, которые в 1861 году были отрезаны от надельной крестьянской земли в пользу помещиков. Так как реформу проводили сами помещики, то они не только себя не обидели площадью, но и взяли самые необходимые для крестьянства земли, как-то сенокос, луга, выпас и т. п. Кабальная зависимость крестьянина от помещика особенно закреплялась существованием этих отрезков. Особенно если принять во внимание ту чересполосицу, которую создавали отрезки, когда помещичья земля вклинивалась в земли крестьянские, сплошь и рядом разрывая поля и участки крестьян.

П

Парижская конференция см. „Конференция в Париже“.

„Партийные Известия“ „Партийные Известия“ издавались в 1906 г. Об‘единенным ЦК. Вышло всего два номера.

Первая Госуд. Дума см. „Государ. Думы“.

Первое мая Начало празднования дня первого мая в России относится к 1890 году. В этот день только рабочие Варшавы выразили свою солидарность с рабочим классом всего мира.

На следующий год, по мнению тогдашних вождей пролетариата, должна была повториться та же мертвечина. Г. В. Плеханов в изданной им тогда брошюре: „Ежегодный всемирный праздник рабочих" выразил скромное желание: „Очень полезно было бы русским рабочим принимать участие во всемирном рабочем празднике"...

Это скромное пожелание Плеханова не сбылось: рабочие в день 18 апреля (1-го мая) пошли на работу; но зато в другом отношении рабочие превзошли все ожидания тогдашних руководителей. В первое воскресенье после 1-го мая в Ленинграде (Петербурге) состоялось тайное собрание, на которое явились представители рабочих кружков со всех концов города. На этом собрании самими рабочими были произнесены речи, свидетельствовавшие о том, что уже не за горами то время, когда озаренный классовым сознанием пролетариат России выступит на арену политической деятельности. „Речи, произнесенные на этом собрании рабочими ораторами,—говорит Плеханов,—составят эпоху в истории русского революционного движения"... „и нашему брату революционеру-„интеллигенту" остается лишь принять их к сведению и руководству, навсегда прекратив свои многолетние искания самой лучшей из всех возможных программ"...

В этом 1891 году участие русского пролетариата в первомайском празднестве ограничилось только этим собранием. Зато гораздо внушительнее, чем в предыдущем году, выступили рабочие Польши. „Пролетариатом" и „Союзом польских рабочих" издана была брошюра под заглавием: „1-ое мая—международный рабочий праздник". Обе партии развили буквально бешеную агитацию. Результаты оказались блестящими. В Варшаве бастовало около 8000 рабочих. В Лодзи забастовала ф-ка Познанского. И в Варшаве, и в Лодзи забастовка проходила мирно. Серьезные столкновения произошли в Жирардове. Забастовавшие в числе 8—9 тыс. рабочие решили использовать это солидарное выступление для того, чтобы добиться увеличения заработной платы и не прекращать забастовки до удовлетворения этого требования. На следу-

ющий день никто не явился на работу. Было вызвано войско, явилась жандармерия и началась ловля забастовщиков, которых тут же избивали нагайками. Забастовка, несмотря на это, продолжалась четыре дня, но в конце концов после массовых арестов рабочие сдались.

В 1892 году первомайские празднества были устроены в Петербурге, Варшаве, Туле, Вильне, в Лодзи с прилегающими к ней фабричными городками Згерис и Пабианцы. В Лодзи первомайская забастовка длилась 5 дней, став к концу своему всеобщей.

Первомайское движение разливается широкой волной по всей России. В 1893 и 1894 гг. в движении принимают участие все новые и новые города.

В 1895 году в первомайском движении приняла участие Москва. В следующем году она не смогла принять участие в праздновании 1-го мая, несмотря на то, что в 1895 году было принято постановление: „ежегодно устраивать собрания в день 1-го мая". Но то был год коронации последнего Романова, и Москва кишмя кишела полицией, жандармами и шпионами. В других городах: Петербурге, Киеве, Нижнем-Новгороде, Саратове, Иваново-Вознесенске, Минске, Холме, Вильне, Белостоке и во всех крупных центрах царства Польского как в 1896 году, так и в 1897 году происходили собрания в связи с первым маем, при чем в 1896 г. впервые появляется первомайская прокламация на русском языке, а в следующем году появились и еврейские прокламации, распространенные во многих городах Польши и Литвы.

Подводя итоги первому десятилетию празднования 1-го мая, должно сказать: в то время, как в Западной Европе день 1-го мая из праздника борьбы постепенно превращался в убаюкивающее рабочий класс церемониальное шествие,—в России первоначальные робкие выступления с каждым годом становились многочисленее и смелее, и к концу этого периода стали уже первоначальными боевыми схватками, предвещавшими в недалеком будущем кровавые бои с самодержавием.

Рабочее движение охватывало все новые и новые слои пролетариата, и эти слои шли по пути, намеченному Ленинской „Искрой". Рабочий класс поворачивал от „экономизма" к „политике". Это стало особенно заметным в 1902 году.

В марте этого года состоялась в Белостоке конференция представителей комитетов и организаций Росс. С.-Д. Партии, принявшая решение создать организационный комитет для созыва 2-го с‘езда партии и выпустить общую для всей России майскую прокламацию. В этой прокламации исчезает прежняя недоговореность: „станем дружно и сплоченно в день 1-го мая и заявим протест рабочего класса против бесправия“.

На этот призыв откликнулась почти вся рабочая Россия. Движение стало всероссийским. Установлено, что в празднике 1-го мая принимало участие около 40 городов. В глухих заводских углах, в далеких сибирских мастерских—всюду громко раздавался первомайский благовест. Правительство напрягало все силы, чтобы предотвратить приближающуюся грозу, заблаговременно производило массовые аресты, наводняло города полицией, жандармами, войсками, но все это не приводило и не могло приводить к цели. „Искра“ сделала свое дело.

Первомайское движение 1905 г. внешне было гораздо слабее, чем в предшествующие годы. Иначе и быть не могло, так как после 9-го января, после целого ряда формальных уступок, когда уже для всех становилось очевидно, что самодержавие зашаталось, обычная, хотя бы самая грандиозная, демонстрация не имела смысла, раз она не вела непосредственно к вооруженному восстанию. В первомайской прокламации этого года говорилось: „1-го мая не может быть, конечно, днем всеобщего вооруженного восстания. Вооруженное восстание нельзя заранее назначать. Пойти 1-го мая на улицу было бы безумно: довольно уже полосовали наши спины нагайками и шашками; выйти же вооруженным преждевременно“.

События развивались с неимоверной быстротой. „Булыгинская Дума“, октябрьская забастовка, сопровождаемая во многих местах баррикадными боями, пресловутый „конституционный“ манифест 17 октября, Совет рабочих депутатов, декабрьское восстание, созыв Государственной Думы—все это совершилось в промежуток времени между 1-м мая 1905 года и 1-м мая 1906 года. В вихре этих событий рабочему классу более всего нужна была сплоченность, сознательность, выдержанность.

День 1-го мая 1906 г. красноречиво доказал это. Пролетарские массы, всего за несколько месяцев до этого пережившие

репрессии, какие только могли придумать озверевшие царские холопы, на зов партии выступили на улицы. В Петербурге 100 тыс., в обескровленной Москве—60 тыс. Этим выступлением как бы заявлялось пред всем миром, что никакие поражения, никакие репрессии не в состоянии сломить воли пролетариата в войне до победного конца.

1-е мая 1906 года важно еще в одном отношении: „От города,—как сообщала большевистская „Волна“,—первые нити стали перекидываться и в деревню“. В Полоцке, Пензе, Волковицах и Оренбурге в первомайском движении в этом году приняло участие и крестьянство. Залог грядущей победы—союз рабочих и крестьян—впервые начал осуществляться.

В годы реакции (1907—1911 гг.) первомайское движение пошло на убыль. Оно в эти годы было загнано в подполье. Но опыт прошлого не пропал даром. В течение всего этого кошмарного времени неуклонно ведется борьба за укрепление организации и систематическую подготовку к новой борьбе.

Первые раскаты этой новой борьбы раздались в 1912 г. Событием, с которого начался новый период рабочего движения в России, был получивший широкую огласку расстрел рабочих на Андреевском прииске в Бодайбо, в Сибири, в конце февраля 1912 года. На этот расстрел дружным протестом ответил весь пролетариат России. В связи с этим, 1-ое мая приняло повсюду боевой характер. Рабочие покидали фабрики и заводы с пением революционных песен, устраивали демонстрации, выкидывали красные флаги. Даже черносотенное „Новое Время“ оценило демонстрацию 1-го мая: „Громадную демонстрацию 1-го мая следует признать удавшейся. Она показала присутствие в столице огромной революционно-настроенной массы, показала, что рабочий пролетариат Петербурга сорганизовался для некоторых совместных действий“.

Первомайское движение в 1913—14 гг. по своим размерам превзошло то, что было в 1912 году. Забастовки, демонстрации, красные флаги, кровавые стычки с полицией и войском.

Самодержавие отдавало себе отчет в возросшей силе революционного движения, оно чувствовало, что близится новый 1905 год, и, чтобы предотвратить революцию, оно вновь попыталось использовать,—но на этот раз более умело,—то средство, каким оно неудачно предотвратило первую революцию. Оно впуталось в

войну, надеясь на то, что, раздувая пламя шовинизма, избавится от своего врага.

Когда вспыхнула война, соглашатели II Интернационала, „контрабандно торговавшие гнилым товаром оппортунизма“, ни на секунду не поколебались продать буржуазии свою гнилую совесть.

Отпраздновав в 1914 году двадцатипятилетие 1-го мая и ознаменовав несколько месяцев спустя этот четверть-вековой юбилей призывом рабочих всех стран резать друг друга в интересах своего классового врага, лидеры социал-демократических партий, входящих с состав II Интернационала, накануне 1-го мая 1915 г. призывали рабочих отказаться не от взаимной резни в этот день, а от празднования этого дня.

На милитаризированных фабриках и заводах в годы войны (1915—1916 гг.) день 1-го мая прошел не так воодушевленно, как было раньше. „Только сознательная часть пролетариата не сошла с того пути, по которому вела его Ленинская партия. Лозунги: „Долой войну“, „Долой самодержавие“, „Да здравствует вторая российская революция“—были лозунгами в день 1-го мая у этой части пролетариата.

27 февраля 1917 г. (ст. стиля) под бурным революционным натиском рабочих и солдат сгнившее до основания самодержавие рухнуло. Власть очутилась в руках помещиков и капиталистов, в руках врагов рабочего класса и крестьянства, в руках тех, которые признавали веденную царем войну, в руках тех, в чьих классовых интересах эта война велась. Новая власть немедленно же заявила о необходимости вести эту войну „до победного конца“.

Стремясь удержать рабочий класс в капиталистическом рабстве, его классовые враги пытались соблазнить малосознательные массы фейерверками звучных лозунгов: республиканизма, демократизма, парламентаризма и т. д. и т. п.,—всем тем, что в мрачные времена царизма могло действительно увлекать массы.

Не удивительно поэтому, что день 1-го мая 1917 г. из пролетарского праздника, из демонстрации против классового врага пролетариата, соглашатели старались превратить в „общенародный“ праздник, в котором приняли участие не только самые разношерстные элементы, но даже лидеры всех буржуазных партий.

Прошли июльские дни, дан отпор корниловщине, наступили великие Октябрьские дни, с которых началась новая великая эра. Соответственно этому и день 1-го мая 1918 года носил иной характер. Это был праздник величайшей из побед трудящихся, занесенных в летописи истории, и в то же время—боевое выступление, об'являвшее капиталистическому миру о непреклонной воле и готовности рабочего класса лечь костьми за свое социалистическое отечество, за все завоевания революции. Это был ответ на крестовый поход буржуазного мира против рабоче-крестьянской России. Под алыми знаменами победоносного пролетариата уже не шли ни Милюковы, ни Керенские. Но зато под стягом революции шли плечом к плечу рабочий и крестьянин.

С этого момента пролетариат России празднует свой праздник под знаком серпа, молота и винтовки.

(Заимствовано из брошюры Ф. Кон: „1-ое Мая“).

Первый Интернационал см. „Интернационал“.

Первый с'езд Р.С.-Д.Р.П. см. „С'езды“.

Полицейский социализм см. „Зубатовщина“.

Польская Социалистическая Партия Польская Социалистическая Партия (P.P.S.) образовалась в 1893 году в период реакции против так называемого „варшавского позитивизма“—идеологии польского капитализма с программой „органического труда“. Социализм P. P. S. был окрашен в ярко националистические цвета, отражая стремление профессиональной интеллигенции в наиболее революционной части мелкой буржуазии. Центральный пункт программы — восстановление национального польского государства, основной тактический путь—подготовка национального восстания. После революции 1905 г. P.P.S. распалась на две фракции: 1) „левицу“—социалистическую (в декабре 1918 г. слилась с с.-д. Польши и Литвы в Польскую Коммунистическую Партию) и 2) „правицу“—националистическую, которая теперь стоит фактически у власти в Польше.

Пораженчество Среди русских революционных эмигрантов заграницей с самого начала империалистической войны сразу наметились три основных группировки.

Плеханов, подобно всем творцам и лидерам II Интернационала, сразу забыв про социализм и интернационализм, завопил о спасении родины, о необходимости окончательно уничтожить противника. Под стяг издаваемой им газеты „Призыв“, издаваемой при содействии французского правительства, стали собираться все примазавшиеся к движению рабочих, когда-то расчитывавшие на их плечах сделать свою политическую карьеру, вроде Алексинского, Дана и эс-эров Брешко-Брешковской, Авксентьева, Бунакова, Савинкова и др. Им удалось своим именем, своим революционным прошлым увлечь часть неопытной и незрелой эмигрантской молодежи и погнать их добровольцами на убой во французские легионы. Совратив русских эмигрантов, Плеханов в архибуржуазных „Русских Ведомостях“ пытается использовать свой бывший авторитет, чтобы убедить русских рабочих, во имя их интересов и для спасения родины, совершенно прекратить борьбу с самодержавием, прекратить всякую борьбу с капиталистами и помочь царю окончательно разбить Германию, ту самую Германию, в которой накануне войны насчитывалось до 4 миллионов социал-демократов.

Часть меньшевиков-партийцев, впередовцев, большевиков, отколовшихся от ЦК, заняла определенную позицию по отношению к войне. Она сохранила верность революционному прошлому и идеям Интернационала; ее не заразило повальное увлечение патриотизмом. Эта часть долго не решалась окончательно отмежеваться от социал-шовинистов. Она была против войны, но все еще рассчитывала, что временное заблуждение социал-предателей пройдет, они одумаются и могут благополучно вернуться в лоно Интернационала и тогда продолжение войны станет невозможным. Кроме того, у этой группы была уверенность, что революция в России будет возможна и без поражения России на фронте, поэтому она не принадлежала к числу „пораженцев“.

Этот эпитет был приклеен к большевистскому ЦК, во главе с Лениным и Зиновьевым, который в противоположность шатаниям и колебаниям во всех слоях русской эмиграции, сразу занял ярко определенную точку зрения как по отношению к войне, так и по отношению ко всем изменникам социал-демократам. ЦК сразу ре-

шительно и бесповоротно признал полное банкротство II Интернационала, заклеймил настоящим именем предателей поведение не только господ Плехановых, Вандервельде и Шейдеманов и всех тех, кто занял оборонческую позицию и вступил в ряды буржуазных правительств,—но и всех колеблющихся, пытающихся примирить и оправдать это предательство. ЦК дал также определенный, ясный лозунг борьбы: „Чтоб покончить войну, надо не проповедывать мир, не убеждать, а стараться превратить эту мировую империалистическую войну в мировую гражданскую войну“. Надо определенно направить пролетариев всех стран против своей буржуазии, против своего классового правительства. Только восстанием можно покончить эту бойню.

В этом направлении еще в сентябре 1914 г. т. Ленин составил манифест, который, после одобрения его русскими членами ЦК, был отпечатан и распространен.

Литература: В. И. Ленин.—„Крах II Интернационала“. Избранные статьи и речи, стр. 438—484.

„Правда“ В 1911 году при наличии пролетарской газеты „Звезда“ среди петербургских рабочих начал усиленно обсуждаться вопрос о рабочей газете. Этот же вопрос был предметом дискуссии на Пражской конференции, заложившей прочные основы большевистской тактики на весь предреволюционный период.

Несмотря на отсутствие средств, на недостаточность литературных сил в Петербурге, на сколько-нибудь серьезную уверенность в том, что царское правительство потерпит существование чисто рабочей газеты, таковую решено было издавать, и 12 апреля 1912 года появилось об‘явление о подписке на ежедневную газету „Правда“, а 23 апреля вышел первый ее номер.

Непосредственное и самое живое участие в издании печатного органа рабочих принял заграничный центр большевиков, переселившийся к тому времени из Франции в Галицию. Владимир Ильич, тов. Крупская и тов. Зиновьев заполняли добрую половину „Правды“ своими статьями, а тов. Каменев нелегально жил в Ленинграде специально для работы в „Правде“.

Газета „Правда“ пользовалась беспримерным сочувствием рабочих. В этом отношении особенно показательны цифры подписчиков на газету „Правду“ и на издания ликвидаторов. В то

время, как последние имели в течение полугода 15 групп рабочих, из‘явивших желание поддерживать их издания, на газету „Правду“ в тот же срок подписалось 504 рабочих группы, не считая большого количества одиночек-рабочих. Если остановиться на подписной плате, то она дала в первые три недели об‘явления 4.288 руб. 84 коп. при цене 2 копейки за номер.

„Правда“ в 1912—14 гг. была поистине главным штабом русского рабочего движения и главной лабораторией партийной мысли.

Конечно, на нее сыпались все скорпионы тогдашней полицейской цензуры в виде штрафов, конфискаций отдельных номеров, отсидок под арестом редакторов и даже закрытия. Но „Правда“ мужественно выходила из всех правительственных преследований. Ей, оставаясь „правдой“ рабочей, не раз приходилось менять свои названия. Вот путь ее до революции:

„ПРАВДА“. Основана 23 апреля 1912 года. Закрыта 3 июня 1913 г.

„РАБОЧАЯ ПРАВДА“ С 13 июля по 1 августа 1913 г.

„СЕВЕРНАЯ ПРАВДА“. С 1 августа по 7 сентября 1913 г.

„ПРАВДА ТРУДА“. С 11 сентября по 1 октября 1913 г.

„ЗА ПРАВДУ“. С 1 октября по 5 декабря 1913 г.

„ПРОЛЕТАРСКАЯ ПРАВДА“. С 7 декабря 1913 г. по 21 января 1914 г.

„ПУТЬ ПРАВДЫ“. С 22 января по 21 мая 1914 года.

„ТРУДОВАЯ ПРАВДА“. С 23 мая по 8 июля 1914 года.

Окончательно закрытая накануне империалистической бойни, „Правда“ вышла только в 1917 году, став осью всей партийной деятельности.

Литература: 1) М. Ольминский.—Из эпохи „Звезды и Правды“, стр. 29—45.
2) Зиновьев, Г.—„Газета Правда“ и заграничный большевистский центр.
3) „Ко дню печати“. 25 лет РКП (большевиков), стр. 179—182.

Пражская Конференция см. „Конференция в Праге“.

Предпарламент см. „Демократический Совет“.

Программа Р.С.-Д.Р.П. Проект программы был составлен т. Лениным и Г. Плехановым и опубликован 1 июня 1902 г. в № 21 „Искры", как проект, выработанный редакцией „Искры" и „Зари".

II с'езд партии принял проект с самыми несущественными поправками, если не считать вставок к п. 7-му и введения п. 8-го о праве населения получать образование на родном языке, что собственно явилось уступкой оппортунизму и националистическому уклону Бунда (см. „Бунд") и в то же время показало шаткость с'езда.

Программа Р.С.-Д.Р.П.: 1) удостоверяла, что движение пролетариата стало международным; 2) рассматривала Р.С.-Д.Р.П., как один из отрядов всемирной армии пролетариата, преследующий одинаковую с социал-демократами всех других стран конечную цель; 3) конечная цель определялась характером современного буржуазного общества и ходом его развития; 4) далее давалась характеристика развития капиталистического общества, приводящего к обострению классовых противоречий, с одной стороны, и с другой стороны, все быстрее создающему „материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими". Отсюда—социальная революция представляла собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата; 5) необходимое условие социальной революции —диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров; 6) международная социал-демократия ставит себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, а для этого организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям; 7) партия: а) руководит всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, б) разоблачает непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых, в) выясняет пролетариату историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции, г) вместе с тем обнаруживает пред всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее

собственного освобождения от гнета капитала, д) зовет в свои ряды все слои трудящегося, эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

Эта часть программы являлась программой-максимум, т. е. преследующей конечные цели Р.С.-Д.Р.П.

Вторая часть программы выдвигала минимум (программа-минимум), или ближайшие задачи партии.

Так как капитализм развит не в одинаковой степени, то социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи. Развитие капитализма при этом в разных странах совершается в различной социал-политической обстановке. В России капитализм уже стал господствующим способом производства. Но сохранились многочисленные остатки старого докапиталистического порядка. Они в сильнейшей степени припятствуют экономическому прогрессу, не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ. Самым значительным пережитком и самым могучим оплотом варварства является царское самодержавие, по самой природе враждебное всякому общественному движению и злейший противник всех освободительных стремлений пролетариата.

Отсюда партия ставила своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой.

Законы этой республики должны были обеспечивать целый ряд требований, которые к ней пред‘являла социал-демократия.

Требования Р.С.-Д.Р.П. к демократической республике были— самодержавие народа, т. е. верховная власть в руках законодательного собрания из представителей народа и одной палаты; всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, широкое местное самоуправление, свобода совести, слова, печати, собраний, стачек, союзов, передвижений и промыслов; неприкосновенность личности и жилища; уничтожение сословий и полная равноправность независимо от пола, религии, рас и национальностей; самоопределение за всеми нациями; выборность судей народом; всеобщее вооружение народа вместо постоянного войска; отделение

церкви от государства, школы от церкви; даровое народное образование; отмена всех косвенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследства и т. д. и т. п.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия от демократической республики требовала: 8-часового рабочего дня, 42-часового еженедельного отдыха; запрещения сверхурочных работ, ночного труда, за исключением случаев, где он необходим, запрещения детского труда; ограничения рабочего времени подростков и женщин; запрещения женского труда в отраслях, вредных для женского организма; охраны материнства; государственного страхования и т. д.

Последняя часть программы заключала в себе аграрную программу Р.С.-Д.Р.П. Она начиналась: „в целях устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия будет добиваться“...

Далее шли требования: 1) отмена выкупных и оброчных платежей, 2) отмена податных крестьянских повинностей, 3) возвращение крестьянам выкупных и оброчных платежей, 4) конфискация с этой целью монастырских и удельных земель, 5) обложение особым налогом земель крупных землевладельцев и дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой, 6) обращение сумм этих в особый народный фонд, 7) образование крестьянских комитетов для возвращения крестьянам тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для закабаления крестьян, 8) устранение остатков крепостных отношений там, где они уцелели, 9) предоставление судам права понижать непомерно высокие аренды и об‘являть недействительными сделки, носящие кабальный характер.

Такова была программа Р.С.-Д.Р.П., принятая вторым с‘ездом партии.

„Программа-максимум“
„Программа-минимум“ } см. „Программа Р.С.-Д.Р.П“.

„Пролетарий“ „Пролетарий“—официальный нелегальный орган большевиков. Начал выходить 26-го августа 1906 года в Финляндии. В конце 1907 года № 21 перенесен сначала в Же-

неву, а потом в Париж, где издавался до начала 1910 г. Всего вышло 50 номеров. Кроме Владимира Ильича в редакцию „Пролетария“ входили: И. Дубровский, Л. Каменев, Г. Зиновьев.

„Пролетариат“ Между 1877—1882 гг. в революционное движение в Польше было вовлечено несколько тысяч рабочих. Хотя к началу 80-х годов большинство этих кружков было разгромлено, но на их развалинах стала складываться настоящая классовая социалистическая партия—„Пролетариат“.

Выставив на своем знамени принципы классовой борьбы, она повела широкую агитацию среди рабочих во всех крупных промышленных центрах Польши, создавая повсюду довольно прочные организации рабочих, руководя стачечной борьбой польского пролетариата и возбуждая рабочих на путь активного протеста при попытках администрации посягнуть на права рабочих.

Деятельность „Пролетариата“ хотя и была вскоре прервана крупными арестами 1883—1884 гг., выхватившими из рядов более 200 человек наиболее активных ее членов, но останется одной из наиболее ярких страниц польского революционного рабочего движения.

Партия „Пролетариат“ не была уничтожена этими репрессиями правительства; она вскоре восстановила свою организацию и, несколько сузив свою деятельность, продолжала руководить борьбой польских рабочих вплоть до конца десятилетия и даже несколько далее. В 1889 году в Польше возник ряд новых рабочих кружков, не сочувствовавших резко политическому направлению „Пролетариата“. Они положили начало „Союзу польских рабочих“, который хотя и исповедывал принципы международной социал-демократии, но на практике стремился не вносить в свою деятельность элементов политической борьбы, ограничиваясь, главным образом, организацией стачечных боевых касс.

Начавшиеся аресты сильно отразились на деятельности „Союза“, и он вскоре сошел со сцены в качестве самостоятельной политической организации.

В следующем году началось об‘единение различных уцелевших социалистических групп Польши в одну политическую партию, которое и завершилось в 1893 году образованием „Польской Социалистической Партии (П.П.С.)“.

Профдвижение Профессиональное об‘единение рабочих выросло из разного рода обществ взаимопомощи, братств и касс, учреждаемых как для посильного удовлетворения повседневных нужд рабочих, так и на случай стачек.

Впервые такие организации возникли среди еврейских рабочих Северо-Западного края, а затем в царстве Польском и в Прибалтийском крае.

В начале кассы взаимопомощи, общества, братства и т. п. об‘единили только одних передовых рабочих, но вскоре стали охватывать от 20-ти до 40 и даже 60% всех занятых в профессии рабочих. С каждым годом число касс и сорганизованных вокруг них рабочих растет, и ко второй половине 90-х годов мы имеем довольно внушительные по тому времени цифры. Так, в 1895 году в Вильне насчитывалось 850 сорганизованных вокруг 23-х касс рабочих, а в г. Минске—870.

Постепенно отдельные кассы начали об‘единяться между собою, создавая организации рабочих целого производства. Как на красноречивый пример в этом отношении, можно указать на „Всеобщий союз рабочих щетинников в Польше и Литве“, выросший из этих касс и созданный для более успешного проведения борьбы за сокращение рабочего дня. За союзом щетинников нарождается «Союз еврейских рабочих кожевников», который руководил стачкой кожевников местечка Сморгони и его окрестностей, длившейся около двух месяцев.

С первого же момента своего существования кассы преследуют не только цели экономические, но и становятся политическими организациями. Они легли в основу „Всеобщего Еврейского Рабочего Союза России, Польши и Литвы“ (см. „Бунд“). „Главное назначение касс,—писал заграничный комитет Бунда в своем докладе Международному Социалистическому Конгрессу в Париже в 1900 году,—способствовать улучшению экономического положения рабочих“.

Кассы являются также центрами, из которых расходится в широкой массе пропаганда социал-демократических идей и служат сильным орудием для развития классового и политического сознания рабочих. Таким образом, открывая двери всякому рабочему, желающему принять участие в экономической борьбе за повседневные насущные интересы, кассы с другой стороны—стремятся выра-

ботать из него социал-демократа и подготовить его к пониманию тех политических задач, которые ставит перед российским пролетариатом русская жизнь.

В остальной России развитие различных обществ взаимопомощи и касс шло медленно; однако, к началу XX столетия в коренной России уже насчитывается одних обществ взаимопомощи приказчиков—74 и около 15-ти вспомогательных касс типографских рабочих. Кроме того, среди горнорабочих Урала и Кавказа существовало до 40 таких обществ и 13 на разных фабриках и заводах, не считая многочисленных обязательных касс с принудительным вычетом из заработной платы определенного процента, созданных по железным дорогам.

Число членов таких касс часто достигало значительных размеров. У приказчиков, например, в среднем на одну кассу приходилось 275 человек, при чем на 8 человек действительных членов приходился один почетный член или член-соревнователь, так как элемент благотворительности в этих учреждениях взаимопомощи играл видную роль. В кассе белостокских суконщиков в 1885 году состояло свыше 1000 человек; в 15 горнозаводских кассах Урала, Кавказа и Олонецкой губернии насчитывалось в 1891 г. около 8.000 человек.

Обществам взаимопомощи приказчиков удалось даже об‘единиться и устраивать общие с‘езды (Н.-Новгород в 1896 г.), на которых наряду с вопросами взаимопомощи обсуждались и вопросы чисто профессионального характера, главным образом, о регулировании рабочего времени, но в общем ходе развития рабочего движения роль всех этих обществ была совершенно ничтожна.

Будучи связано узкими рамками полицейских уставов, большинство обществ ограничило свою деятельность узким кругом своих членов, а участие во многих из них хозяев-предпринимателей в качестве почетных членов или членов соревнователей накладывало на их деятельность особую печать благотворительности и препятствовало им даже в годы расцвета рабочего движения превратиться в профессиональные организации с боевыми задачами.

Одним из редких исключений в этой области является деятельность „Харьковского общества взаимопомощи лицам, занимающимся ремесленным трудом“. Возникнув в 1898 году, это общество

благодаря тому, что во главе его стояла группа рабочих, глубоко преданных рабочему движению, а утвержденный устав гарантировал от вмешательства полиции, быстро развилось и завоевало широкие симпатии в рабочих массах. Своей целью оно ставило развивать деятельность не только в области взаимопомощи, но и в деле борьбы за улучшение условий труда всех рабочих вообще. В 1904—1905 гг. Общество приняло живое участие в освободительной борьбе рабочего класса, руководило массовой экономической борьбой харьковского пролетариата и выступило инициатором созыва всероссийского рабочего с'езда.

События 9-го января 1905 года в Петербурге ускорили превращение обществ взаимопомощи, касс и других подобных им организаций, в большинстве случаев подпольных, в широкие и открытые организации—профессиональные союзы. Разбуженные ружейными залпами 9-го января широкие слои рабочей массы начинают просыпаться. Почти одновременное выступление более полумиллиона рабочих во всех концах России не могло не внушить самой рабочей массе уважения к собственным силам, не могло не убедить в огромном значении для собственных интересов планомерности выступлений, товарищеской солидарности и дисциплины.

Эти новые для России формы организации возникают раньше всего в столицах, где более высокий уровень культурности и сознательности рабочей массы давал возможность ей выделить из своей собственной среды достаточное число руководителей и тем обеспечить работоспособность новых организаций.

В Петербурге первым складывается союз рабочих печатного дела. Его возникновение связано неразрывно с событиями 9-го января. Типографии забастовали 7-го января, а 8-го января в „собрании русских фабрично-заводских рабочих" на Пряжке был выработан тариф на типографские работы. Этот тариф был отвергнут хозяевами; рабочие решили поддержать его забастовкой. С 26-го февраля по 1-ое марта произошло несколько частичных забастовок во многих типографиях. Рабочие добились повышения расценок на всех газетах и во многих книжных типографиях.

Приблизительно одновременно с возникновением союза рабочих печатного дела зарождается в Петербурге второй профессиональный союз—союз конторщиков и бухгалтеров.

Наряду с этими, открыто существовавшими профессиональными союзами: рабочих печатного дела и конторщиков и бухгалтеров, почти в то же время начинают функционировать полулегально два других профессиональных союза: союз приказчиков и союз фармацевтов.

Не всем союзам удалось в этот период добиться даже тех минимальных прав открытого существования, которое завоевали себе перечисленные выше союзы. Ремесленники, среди которых после 9-го января проявилось сильное стремление к организации, не могли благодаря многим обстоятельствам вывести свои союзы из подполья вплоть до самых дней „свободы". Помимо обычных препятствий ремесленникам пришлось считаться еще и со специфической организованностью хозяев. Ремесленные управы, предназначенные законом для охраны ремесла и ремесленников, превратились в организации хозяев-мастеров. Первые же попытки ремесленников-подмастерьев сплотиться для защиты своих интересов встретили в ремесленной управе сильный отпор и вызвали административные преследования.

24-го мая 1905 года было созвано первое тайное собрание подмастерьев и приказчиков часового ремесла. После ряда речей, выяснивших экономическое положение собравшихся, эксплоатацию хозяев и необходимость для борьбы с нею организации, собрание тут же решило организовать союз. Было выбрано временное бюро из 4-х лиц, которому было поручено выработать устав и основать фонд. С первых же своих шагов бюро наталкивается при организации союза на непреодолимые препятствия. Не было возможности созвать общее собрание, пришлось устраивать тайные, на которых разрешаются технические организационные вопросы, и постепенно сплачивается ядро союза.

Такую же судьбу испытали и два других союза, возникших в первой половине 1905 года: союз рабочих портных, портних и скорняков и союз рабочих сапожного и башмачного дела. Как и союзу часовщиков, им пришлось до самых октябрьских дней 1905 года влачить подпольное существование.

В Москве возникновение профессиональных союзов относится, как и в Петербурге, к весне 1905 года. И здесь, как и в Петербурге, на первом месте стоит профессиональный союз рабочих

печатного „союза московских типо-литографских рабочих для борьбы за улучшение условий труда“. Возникший в непосредственной связи со стачкой московских типографских рабочих в сентябре 1903 года, этот союз сначала выставлял исключительно экономическую программу, затем принял программу Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии, и наконец вступил в нее, как организованная единица.

Весною же 1905 года в Москве делается попытка образовать союз приказчиков, по преимуществу, торгующих с‘естными припасами (в союз входили и мануфактуристы). Весеннее движение среди московских приказчиков в пользу раннего закрытия лавок и воскресного отдыха толкнуло их на мысль образовать союз для достижения этих целей. Сразу возникло несколько инициативных групп (молочники, мануфактуристы, торгующие лесным товаром, в писчебумажных магазинах и т. д.). Одна из них, убив на выработку устава несколько месяцев, распалась. Другая оказалась более счастливой. При содействии Московской группы Р. С.-Д. Р. Партии она в июне положила начало союзу торгово-промышленных служащих.

Среди булочников союз возник, как непосредственный результат из весенней стачки. Он был организован при ближайшем содействии комитета С.-Д. Партии (большевиков). Ему удалось сплотить небольшое, но очень активное ядро булочников, которое впоследствии легло в основу их широкого профессионального союза.

Летом 1905 года местная группа (меньшевиков) С.-Д. Партии делает еще попытки образования союзов среди ткачей, столяров, но неудачно.

Из провинциальных городов можно отметить Харьков, где профессиональное движение делает попытки выйти из подполья еще до дней „свободы“. В этом отношении сыграло большую роль „Общество взаимопомощи лицам, занимающимся ремесленным трудом“, о котором упоминалось выше.

Широкое развитие профессионального движения в России начинается только со времени осенних событий 1905 года, в которых возникшие до того профессиональные организации сыграли не маловажную роль.

К середине 1907 года, по далеко не полному обследованию, профессиональных союзов по всей России, кроме Сибири и Прибалтийского края, насчитывалось 652 с 246.272 членами. При этом, в Московской области существуют 98 союзов с 60.942 членами, в Северной с Петербургом—81 союз с 12.345 членами, в Приуральской области—18 союзов с 3.775 членами, в Приволжской—69 союзов с 12.345 членами, в средне-земледельческой (Харьков)—24 с 5.020 членами, на Украине—49 союзов с 11.309 членами, в Юго-Западной (Киев)—24 союза с 4.395 членами, в Приморской (Одесса)—103 с 15.498 членами, в Северо-Западном крае—101 союз с 14.553 членами, в царстве Польском—62 союза с 47.712 членами и на Кавказе—43 союза с 15.172 членами.

По профессиям, по тому же обследованию, разделялись так: самые многочисленные союзы рабочих: по обработке металла—81 союз с 54.173 членами, текстильной промышленности—25 союзов с 37.214 членами, потом союзы торговых служащих—101 с 72.475, за ним следуют союзы печатников (72 с 28.654 членами), портных, кожевников и проч.

С роспуском II-й Государственной Думы не только прекратилось дальнейшее развитие строительства профессиональных союзов, но и многое из созданного рабочими за период 1905—1907 г.г. так основательно оказалось разрушенным наступившей реакцией, что можно было ожидать почти полного прекращения профессионального движения.

Но этого, однако, не произошло. Несмотря на всю свирепость реакции, на самое грубое нарушение закона 4-го марта, отнять у рабочих завоеванное право коалиций торжествующая реакция оказалась не в силах.

Самые жестокие удары по профессиональному движению не оторвали уцелевшие союзы от классового движения пролетариата, не угасили духа борьбы и братской солидарности среди уцелевших участников союзов и не принизили последних до миролюбивых обществ взаимопомощи.

Все последующее десятилетие наполнено непрекращающейся борьбой самодержавия с уцелевшими профессиональными союзами. Оно систематически преследовало каждую ячейку профессиональных организаций, стремилось систематически разрушать их, но на обломках разрушенного тотчас возникали новые ячейки; на место

арестованных и сосланных работников профессионального движения становились их уцелевшие товарищи и вновь воссоздавали разрушенную организацию.

Наряду с реакцией надвинулся на рабочих и жестокий промышленный кризис со всеми ужасами массовой безработицы и с одновременным стремлением промышленной буржуазии окончательно ликвидировать все завоевания рабочего класса в 1905 году.

Прежде всего реакция свирепо набросилась на существующие рабочие организации.

В 1907 году было закрыто 159 профессиональных союзов; в следующем году погиб еще 101 союз; в 1909 году—95 союзов; в 1910 году еще 88 союзов. Кроме того, за пять лет реакции было отказано в регистрации 604 рабочим союзам. Помимо профессиональных союзов за эти же годы погибли все рабочие клубы и большинство просветительных обществ и кружков самообразования рабочих. Та же участь постигла и профессиональную печать: за пять лет было уничтожено и закрыто 100 рабочих изданий.

Некоторый перелом в сторону более решительного отстаивания рабочими своих профессиональных организаций наступил в 1911 году. Перелом этот совпал с окончанием промышленного кризиса, который сменился под'емом и оживлением промышленности, а это позволило и рабочим снова от обороны перейти к нападению и начать прежнюю борьбу за улучшение своего положения. С другой стороны, развернулось во всю ширь локаутное движение среди работодателей. Об'единенные в боевые организации, промышленники обсуждали „план кампаний“, вырабатывали „меры борьбы“ с растущим рабочим движением и в особенности ополчились против стачек рабочих по чисто-политическим поводам, не только угрожая, но и отвечая на них штрафами и массовыми расчетами рабочих.

То обстоятельство, что подобные меры борьбы не ограничивались отдельными фабриками или даже районами, а охватывали буквально всю Россию, ясно говорило рабочим, что в данном случае они имеют дело со всероссийским об'единением капитала, и заставило их самих все серьезнее думать об упрочении собственных организаций.

Однако, рабочим не только затрудняли открытие новых союзов, но на каждом шагу мешали деятельности сложившихся профес-

сиональных союзов, не останавливаясь пред их закрытием и как раз именно в моменты наибольшего напряжения борьбы между трудом и капиталом.

В результате этой политики число профессиональных союзов сокращалось. В Петербурге, например, в 1914 г. число рабочих, об‘единенных в профсоюзы, не превышало 25.000; да, кроме того, из этих 25.000 чел., числившихся в 18 профессиональных организациях, регулярно платили взносы всего лишь 45—50% общего числа записавшихся; таким образом, цифра действительно организованных рабочих для всего Петербурга должна быть еще более понижена и едва ли превышала 15.000.

В связи с гонением, обрушившимся на рабочий класс с началом империалистической войны, число профессиональных организаций еще более сократилось и к началу Февральской революции по всей России уцелело два-три десятка союзов, насчитывавших в своих рядах десятки, в лучшем случае сотни, членов.

К моменту Октябрьской революции профессиональные союзы, несмотря на ожесточенную гражданскую войну, развертываются и крепнут с исключительной быстротой и силой.

За время с 3-ей конференции профсоюзов (июль 1917 г.) по I Всероссийский с‘езд (январь 1918 г.), т.-е. в течение 6 месяцев, число членов союзов возрастает с 1.475.729 членов до 2.638.612. На с‘езде были представлены 19 всероссийских об‘единений, 20 областных, 48 местных советов профессиональных союзов и 162 местных союза.

В самый момент Октябрьской революции союзы идут в первых рядах в борьбе против Временного Правительства, исключая лишь торговых и банковских служащих, печатников, а также конторский персонал и высших служащих таких союзов, как железнодорожники, почтель-работники и т. д. Союзы и фабрично-заводские комитеты формируют Красную гвардию, поставляют вооруженные отряды, как для борьбы с правительственными войсками, так и для охраны фабрик и заводов, а в дальнейшем предоставляют в распоряжение Советской власти весь свой технический аппарат для управления государством.

Когда власть буржуазии была свергнута и ее заменила власть рабоче-крестьянских советов, самым коренным образом изменились условия и смысл существования профессиональных союзов. Дело,

конечно, не только в том, что в борьбе с капиталистами за улучшение экономического положения рабочих профсоюзы отныне опираются на помощь государства и его органов. Нет, Октябрьский переворот был революцией не только политической, но и экономической, подорвавшей самые основы экономической власти буржуазии и открывшей эпоху социалистического строительства. Профессиональные союзы превращаются в становой хребет Советского Рабоче-Крестьянского Государства и на I Всероссийском с‘езде так определяют свои задачи:

. . . „6) Профессиональные Союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных сил страны. Самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности—таковы задачи дня.

. . . 7) В развитом виде профессиональные профсоюзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти, работающими, как таковые, в соподчинении с другими организациями по проведению в жизнь новых начал организации хозяйственной жизни.

. . . 8) Переходными мерами к превращению профессиональных союзов в такие органы и слиянию всех, вообще, экономических организаций рабочего класса являются: теснейшее сотрудничество и неразрывная организационная связь профессиональных союзов с пролетарскими политическими организациями и, в первую очередь, с Советами Рабочих и Солдатских Депутатов“.

Другими словами: в течение 1918 года происходит практическое врастание профессиональных союзов в систему советской государственности. Соответственно этому сами союзы, с одной стороны, Коммунистическая партия—с другой, проделывают теоретическую работу по обоснованию новой исторической роли и новых задач профессиональных союзов. Принятая VIII С‘ездом РКП (в марте 1919 г.) программа партии в той своей части, которая является изложением конкретных задач пролетарской диктатуры, подробно

указывает на те задачи хозяйственного строительства, которые не могут быть осуществлены иначе, как через посредство профессиональных союзов. Исходным положением является то, что советское строительство в целом, в том числе и экономическое, должно быть делом самих трудящихся и, следовательно, проводиться через широкие массовые организации, каковыми являются профсоюзы. „Участие союзов в управлении народным хозяйством и привлечение ими к этому широких масс должно,—говорит программа,—обеспечить неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и широкими массами трудящихся и служить вместе с тем главным средством борьбы с бюрократическими приемами экономического строительства.

Если, как мы видим, VIII с‘езд РКП признал возможным ограничиться в программе партии чисто деловой постановкой вопроса о той доле работы, которая падает на профессиональные союзы в общем процессе социалистического строительства, то это потому, конечно, что предварительный вопрос об отношении самих профсоюзов к пролетарской диктатуре в целом и к Коммунистической партии был совершенно ясно разрешен Всероссийскими с‘ездами союзов. Мы уже приводили выше резолюцию 1-го с‘езда. II-й с‘езд, происходивший за два месяца до VIII-го с‘езда РКП, категорически требует от профсоюзов „деятельного и энергичного участия в работе Советской власти“... „совместной, теснейшей и согласованной работы и подготовки профсоюзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами“. II-ой с‘езд отверг идею нейтрализма, как в ее чистом виде, так и в том соусе „независимости союзов от государственной власти“, в каком ее подносили меньшевики, и признал обязательной платформой российского профдвижения „признание революционной классовой борьбы за осуществление социализма путем диктатуры пролетариата.“

В дальнейшем партийные с‘езды и конференции все вновь ставят на очередь вопросы о профсоюзах и их задачах. Это вызывается необходимостью то более точно и подробно определить функции и положение профсоюзов в государстве, то отмежеваться от проявившихся в партийной и профессиональной среде уклонов, дать практические указания для организационной работы партии в союзах, то, наконец, наметить новые задачи профсоюзов в связи

с общим изменением экономической политики Советской власти. При всем этом разнообразии в постановке вопроса о профсоюзах основной и принципиальный взгляд партии на историческую роль профорганизаций остается. Профессиональные союзы—школа коммунизма и звено, связывающее массы пролетариата с его авангардом,—такова основная мысль, из которой исходит Коммунистическая партия при выработке всех относящихся к профсоюзам общих положений и практических директив.

Впервые мысль эта формулирована в резолюции IX с‘езда партии (март—апрель 1920 г.) „о профессиональных союзах и их организации“.

Весь IX с‘езд прошел под знаком перехода с военного фронта на трудовой; резолюция его „об очередных задачах хозяйственного строительства“ выдвигает на первую очередь проведение единого хозяйственного плана, приближение управления промышленностью к социалистическому централизму и перенесение в область экономической работы наиболее ценных и оправдавших себя методов и приемов военного управления (единоличие управления, массовые трудовые мобилизации, использование специалистов и т. п.). Наряду с этим та же резолюция подчеркивает необходимость постоянного привлечения масс к управлению промышленностью и важное значение *трудового соревнования*, как способа производственного воспитания масс. Вот это-то и подводит с‘езд к теоретическому выяснению роли профсоюзов, как массовых пролетарских организаций, и к практическому формулированию форм участия союзов в советском хозяйственном аппарате. Самым решительным образом отвергается какое бы то ни было противопоставление профсоюзов и советского государства, так как именно Советская власть практически осуществляет работу по строительству коммунизма. В эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы имеют перед собою не класс работодателей, опирающийся на мощь буржуазного государства, а государство трудящихся, тесная спайка с которым рабочих масс является залогом его успешной борьбы и работы в области как политической, так и экономической. Производственное и культурное воспитание масс, подготовка их к роли творцов коммунистического строя—вот историческая задача профсоюзов, при выполнении которой профсоюзы должны утрачивать постепенно самодовлеющее значение и превращаться в вспомогательные органы пролетарского государства.

Из этих общих положений следует ряд практических выводов прежде всего необходимости превращения союзов в организации коммунистические по существу и проводящие политику Коммунистической партии. Но это достигается не формальным включением союзов в партию, а созданием сильного коммунистического влияния внутри союзов.

Далее, впервые со времени Октябрьской революции, дается конкретный план участия профессиональных союзов в организации производства и управления промышленностью: обрисовывается роль низовой союзной ячейки—завкома и определяется обязательное участие союзов в формировании заводоуправлений и высших хозяйственных органов, вплоть до ВСНХ. Наконец, с‘езд пред‘являет и самим союзам определенное требование—приспособить свой аппарат и свои методы работы к задачам борьбы на трудовом фронте за хозяйственное возрождение страны, проявить „величайшую точность“, исполнительность, ответственность, беззаветность и самопожертвование. В частности, на союзы возлагается задача раз‘яснения широким массам основ и приемов хозяйственного строительства Советской власти и создание трудового под‘ема в рабочих массах.

Этот призыв Коммунистической партии встретил полный и живейший отклик в профессионально-организованном пролетариате. III Всероссийский с‘езд профсоюзов, созванный непосредственно после IX с‘езда партии (апрель 1920 г.), в первой же своей резолюции констатирует, что „профсоюзы Советской России практически стали неразрывной частью Советского строя... единственным организатором труда в процессе производства и главнейшим орудием экономического строительства“.

Несмотря на то, что IX с‘езд партии дал как будто исчерпывающий ответ по вопросу о роли профсоюзов и возлагаемой на них работе, зимой 1920—21 г. в партийных кругах вновь стал на очередь этот вопрос в форме дискуссии, продолжавшейся около трех месяцев, захватившей партию целиком от руководящих центров до низовых ячеек и исчерпанной постановлением на этот предмет X с‘езда партии (см. „Дискуссия о профессиональных союзах“).

X с'езд РКП был одновременно и поворотным моментом экономического строительства Советской власти: во имя восстановления народного хозяйства, во имя смычки пролетариата с крестьянством, во имя поднятия производительных сил страны партия решилась перевести Советскую Республику на рельсы новой экономической политики.

При новой экономической политике наряду с государственным производством возникает не государственное: частновладельческое, арендное, концессионное. Там рабочий имеет дело с частным предпринимателем, который, поднимая уровень производства, стремится не к улучшению положения рабочего (как пролетарское государство), а к прибыли и наживе, т.-е. эксплоатации рабочих. Тут классовая борьба делается неизбежной.

С другой стороны, возможны случаи игнорирования интересов рабочих в государственных предприятиях, в особенности тех, которые переходят на хозяйственный расчет (т.-е. должны, пользуясь предоставленными государством единовременными ссудами и оборудованием, организовать производство так, чтобы оно окупалось и развивалось без постоянной помощи государства). Вследствие неумелого управления или недобросовестного отношения к делу со стороны администрации возможно, что дело не будет окупаться или даже давать прибыль, что оно, следовательно, не сможет конкурировать на рынке с более умелым и преданным своему делу предпринимателем. Такая администрация может стремиться отыграться на спине рабочих... Как тогда? Могут ли и должны ли профсоюзы устраивать стачки или поддерживать их? Должны ли они, иначе говоря, превратиться опять в пролетарском государстве в боевые классовые организации?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно уяснить разницу между положением рабочего класса до революции и его положением теперь. В капиталистическом обществе в своей борьбе с предпринимателем рабочий встречал сопротивление всего класса капиталистов, прибегавшего к методам классового подавления рабочих „притязаний“—к локаутам, черным спискам и т. д.

В пролетарском государстве рабочий в своей борьбе с предпринимателем встретит помощь государства и его готовность подавить всякое организованное классовое нападение только терпимых в силу необходимостей предпринимателей.

Теперь мы можем сказать, что профсоюзы не являются боевыми организациями по отношению к государству и его промышленности. Если могут возникнуть какие-нибудь столкновения между рабочими и государственными предприятиями, то не на почве эксплоатации государством рабочих, а на почве неумелого управления тех или иных лиц, на почве „бюрократических извращений". Если бы столкновение вылилось в форму стачки, то это была бы стачка против „приказчиков Советской власти", т.-е. против своих приказчиков. Так как всякая приостановка производства в условиях оскудения производительных сил наносит ущерб рабочему классу, то его организации должны принимать все меры к предотвращению стачек и к улажению конфликтов путем разрешения недоразумений: для этой цели создаются примирительные камеры и т. п. Государство заинтересовано так же, как и рабочие организации, в устранении бюрократических извращений, в укрощении зарвавшихся неумелых, а подчас и недобросовестных „приказчиков", в улажении всяких конфликтов путем, устраняющим возможность приостановки производства. И между государственной властью и профсоюзами тут только общая почва для одной работы и для достижения одних и тех же целей—поднятия производительных сил и улучшения положения рабочих.

Таким образом, и при новой экономической политике профсоюзы являются ближайшими сотрудниками государственной власти. Выполняя ряд функций по охране труда, установлению тарифов, выработке коллективных договоров и т. д., они в то же время участвуют во всех плановых органах пролетарского государства, в выработке производительных программ и т. д.—словом, в сфере государственно-хозяйственного управления.

Рост профессионального движения шел рядом с ростом его политической партии. Профессиональное движение в России всегда находилось в тесной связи с партией пролетариата. В моменты революционного под'ема поднималась и волна профдвижения, в моменты революционного упадка—она падала. Но в общем масса рабочих, об'единенных профсоюзами, сильно росла: в 1906 г. на II Всероссийской конференции было представлено 200.000 организованных рабочих, на III конференции 1917 г.—1.475.429 чел. С этого момента число членов профсоюзов стихийно возрастало,

и в 1921 г. достигло около 7.000.000. Такой быстрый рост не мог не привести к засорению союзов ненадежными элементами. В 1922 г. была предпринята чистка, которая была достигнута путем добровольного членства: в союзах остались только те, кто действительно стремился к организации своих сил или кто, по крайней мере, ожидал от профорганизации защиты своих интересов.

Мелкобуржуазные элементы ушли. Число членов профсоюзов сократилось до 5.100.000 чел., но зато состав их оказался более надежным в классовом отношении.

Верховным органом профдвижения являются Всероссийские с‘езды, которые созываются из представителей как РСФСР, так и других советских республик, а в промежуток между с‘ездами— Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), избираемый с‘ездом. Каждый профсоюз имеет во всероссийском масштабе свой центральный комитет, избираемый с‘ездом, в губернии губсовет профсоюзов (ГСПС), в уезде—уездное бюро (упрофбюро) на отдельных предприятиях—фабзавкомы (фабрично-заводские комитеты) или месткомы. Фабзавкомы и месткомы являются первичными ячейками союза.

Во всех органах профдвижения имеются коммунистические фракции, т.-е. коллективы коммунистов - профработников; через эти фракции РКП руководит профдвижением.

Тесная связь профсоюзов с Советской властью и партией оставляет их школой коммунизма и мощным проводником политики пролетарского государства, что было брошено, как лозунг, еще IX партийным с‘ездом.

Российским профессиональным союзам принадлежит почетная инициатива и выполнение первых практических шагов по созданию международного центра революционных профессиональных союзов в противовес соглашательскому желтому Амстердаму. Еще 3-й конференцией, I и II Всероссийскими с‘ездами профессиональных союзов делались попытки завязать сношения с революционной частью западно-европейского пролетариата, но безуспешные. В октябре 1919 г. ВЦСПС выступает с знаменитым протестом против Вашингтонского „маскарада“ и обращается к рабочим всех стран с призывом создать международный революционный профессиональный центр. Однако, лишь в 1920 году, в июле на совещании

представителей ВЦСПС с прибывшими в Россию представителями левой части английского рабочего движения и представителями итальянских профессиональных союзов, а затем с представителями Болгарии, Юго-Славии, Франции, Грузии и Испании удается положить начало организации Межсовпрофа—ядра будущего Красного Интернационала профессиональных союзов.

В своей декларации от 15 июля 1920 года Межсовпроф выставляет лозунг: „Не мир, но меч несем мы буржуазному миру" и проводит идею необходимости насильственного низвержения существующего капиталистического строя и установления—для переходного к коммунизму периода—диктатуры пролетариата.

В дальнейшем, российские профессиональные союзы являются основным фундаментом работы Красного Профинтерна (см. „Международный Совет Профессиональных Союзов").

Литература: 1) Д. Антошкин.—„Профессиональное движение в России", изд. ВЦСПС. 1923 г.
2) Пожитков.—„Положение рабочего класса в России", изд. 1907 г., ч. I.
3) В. Святловский.—„Профессиональное движение в России".
4) Вл. Ильин.—„Развитие капитализма в России" (Н. Ленин. Собр. сочинений, т. II).

Пятый (Лондонский) с'езд Р.С.-Д.Р.П. см. „С'езды Р.С.-Д.Р.П".

Пятый С'езд Советов С'езд происходил 4—10 июля 1918 года в Москве. На с'езде присутствовало 1.164 депутата, из них 66% большевиков; почти вся остальная масса депутатов принадлежала к левым эс-эрам. С самого начала с'езда чувствовалась тревожная атмосфера и попытки противопоставить лево-эс-эровских крестьян большевикам. В первый день с'езда Камков выдвинул заведомо ложное обвинение, заявив, что большевики искусственно увеличили свое представительство. Лево-эс-эровский делегат с Украины, оккупированной немцами, в демагогической речи призывал рабочих и крестьян России возобновить войну с Германией, но встретил отпор от украинца Скрыпника, заявившего, что украинские рабочие, терпя величайшую тяжесть оккупации и скоропадчины, понимают, что только развитие революции в Германии приобщит их к Советской федерации. Речь Троцкого о необходимости дисциплиниро-

вания пограничных партизанских отрядов, произведших повальный обыск членов Советской миссии, ехавших на Украину, и своими стычками с немцами на нейтральной полосе угрожавших срывом мирного договора, была встречена свистом левых эс-эров, составлявших третью часть всего с'езда. Камков в своей речи призывал партизанские отряды не подчиняться революционной дисциплине и поддерживать столкновения с германцами. Когда же с'езд принял резолюцию по этому вопросу, предложенную Троцким, эс-эры демонстративно покинули заседание.

На другой день в своем двухчасовом докладе от имени крестьянской секции ВЦИК Спиридонова упрекала большевиков за игнорирование интересов крестьянства, приводя ложные факты, документально опровергнутые Лениным, и совершенно ложно утверждала, что Совнарком тайно от народа отправляет золото, хлеб и мануфактуру в Германию. Провоцируемые лево-эсеровским Ц. К. рядовые лево-эсеровские депутаты неоднократно прерывали шумом речь Ленина, мешая ему говорить, что вызвало необходимость неоднократного вмешательства председателя Свердлова.

7 июля левые эс-эры Блюмкин и Андреев явились в особняк в Денежном переулке, занимаемый германским посольством, добились личного свидания с германским послом, гр. Мирбах, бросили в него бомбу, убили и скрылись в отряд В.Ч.К., находившийся под командой левого эс-эра Попова и расположенный в Трехсвятительском переулке, куда одновременно перекочевал весь лево-эсеровский Ц.К. Явившись туда для ареста убийц, председатель В.Ч.К. Дзержинский сам подвергся аресту. Одновременно отряд Попова разослал по ближайшим к нему улицам патрули, которые арестовали председателя Московского Совета Смидовича, наркома почт и телеграфов Подбельского, члена коллегии В.Ч.К. Лациса, захватили почту и телеграф. Лево-эсеровский Ц.К. разослал по России и на чехо-словацкий фронт сообщение о восстании в Москве, призывая к войне с Германией. Вследствие предпринятых левыми эс-эрами военных действий, Совет Народных Комиссаров открыл в свою очередь военные действия против отряда Попова, насчитывавшего около 2.000 человек пехоты, 8 орудий и броневик. 8 июля утром Трехсвятительский переулок был окружен со всех сторон и подвергнут артиллерийскому обстрелу. Эс-эры пытались ответить обстрелом Кремля; несколько

снарядов попало на его двор. После недолгого сопротивления отряд Попова отступил и вскоре рассеялся.

5-й С‘езд Советов, вынужденный вследствие мятежа прервать на два дня заседания, возобновив 9 июля свои заседания, рассмотрел вопрос об организации Красной армии и утвердил Советскую Конституцию.

Р

„Рабочая Газета“

„Рабочая Газета“—первая общерусская политическая рабочая газета, издававшаяся в Киеве в 1897 г. Всего было выпущено два номера; первый номер вышел 22 августа. Члены группы этой газеты входили в состав Киевского Союза Борьбы. (См. „С‘езды Р.С.-Д.Р.П.“).

„Рабочая Газета“

„Рабочая Газета“ — издавалась за границей (Вена) и первый ее номер вышел в конце 1910 г. „Она начинается по инициативе группы товарищей и выходит под редакцией большевиков“... „но в „Р. Г.“ будут принимать деятельное участие и т. т. меньшевики-партийцы“ (из ред. статьи № 1). Постановлением Пражской конференции газета стала органом большевиков.

„Рабочая Мысль“

„Рабочая Мысль“ — социал - демократическая газета—возникла в Петербурге в 1897 г. (первые 2 №№), 3—11 и 16 (последний в декабре 1902 г.) вышли за границей; виднейшие ее работники К. Тахтарев, Н. Лохов-Ольхин. „Рабочая Мысль“—самая яркая выразительница „экономизма“. Программа газеты: „борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы,—вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, закаляет силы и сплачивает рабочих, в ней каждый шаг вперед есть улучшение жизни, есть средство к дальнейшим победам... Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для самих себя и для своих детей“... „Рабочая Мысль“ не только отстаивала необходимость сосредоточить все силы на профессионально-экономической борьбе, но и противопоставляла эту борьбу политической, непосредственно направленной против самодер-

жавия, как движение «чисто рабочее», классовое — движению революционно-демократическому, не входящему в задачи рабочей партии. С увеличением чисто экономической агитации соединялось отвращение к централистической организации партии, необходимой для широких политических задач, преклонение пред стихийностью рабочего движения, приспособленчество к неоформленным рабочим союзам, недоверие к интеллигентным, сознательным вождям, к социал-демократической теории.

Горячую борьбу с „Рабочей Мыслью“ вела „Искра“, во главе с В. И. Лениным, отстаивая во всей полноте задачи и тактику революционнной социал-демократии.

Рабочая оппозиция „Рабочая оппозиция“—внутрипартийная группировка весны 1921 г., выступавшая на X партийном с‘езде во главе с Шляпниковым, Медведевым, Киселевым, Игнатовым, Колонтай и др. Во время споров о профсоюзах „рабочая оппозиция“ выдвинула синдикалистскую платформу, настаивая на передаче профсоюзам дела управления промышленностью; по вопросам партийного строительства, критикуя бюрократизм и „назначенство“ и отстаивая „демократизацию“ партийного управления, группа одновременно обнаружила сильный „махаевский“ уклон, резко противополагая внутри партии рабочих интеллигенции. X партийный с‘езд распустил группу и запретил ее дальнейшее существование.

„Рабочее Дело“ „Союз русских социал-демократов“ за границей издавал с апреля 1899 года по март 1902 года свой орган «Рабочее Дело». Редактировали его Б. Кричевский и Мартов. «Рабочее Дело»—разновидность оппортунистических течений среди русских социал-демократов“. Рабочедельцы постоянно срывались в плоскость экономизма (см. „Экономизм“). В общем их „срывы“ сводились к следующему:

1) пропаганда „экономистов“ и „искровцев“—различные, но необходимые стадии одного и того же процесса; 2) С.-Д. должна считаться со стихийным движением рабочих масс и ступенями их развития — отсюда, так называемый, „хвостизм“ „Рабочего Дела“; 3) переход к политике обусловливается лишь прямой невозможностью, при самодержавии, вести стачечную борьбу и т. п.

III С‘езд Союза Русских С.-Д. происходил 4—5 октября 1901 г. Попытка Ленина, Плеханова и других наладить с Союзом деловые отношения кончились неудачей. Организации „Зари—Искры“ и „Социал-Демократ“ покинули С‘езд, заклеймив поведение на нем представителей Союза, как явно враждебное интересам пролетариата.

„Рабочий“ „Рабочий“ — журнал, издаваемый нелегально в России „Партией русских социал-демократов“. (См. „Возникновение социал-демократии“).

Первый номер журнала вышел в январе 1885 года; в его составлении участвовали Г. Плеханов и П. Аксельрод. Второй номер вышел в июле того же года. Прекратился вследствие провала в январе 1886 года группы во главе с создателем „Партии русских социал-демократов“.

Радикал-демократы Радикал-демократы — партия, существовавшая очень короткое время (конец 1905—начало 1906 г. г.). Эта партия стояла за демократическую республику, последовательное проведение принципа федерации вплоть до организации „соединенных российских штатов“. В рабочем вопросе партия „глубоко сочувственно относилась к программам социалистических партий“, считала необходимым „вмешательство общества в отношения между работодателями и работающими»; аграрный вопрос радикал-демократы решали „путем экспроприации за минимальное вознаграждение частно-владельческих земель“.

Ревизионизм Ревизионизм — та разновидность германской социал-демократии, которая под влиянием бурно влившейся в ряды социал-демократической партии мещанской массы, приспособляясь к ее интересам, вкусам и привычкам, старалась сгладить „резкости“ ортодоксального (настоящего) марксизма.

Ревизионизм нашел себе место в русской социал-демократии. Его предшественником был так называемый „легальный марксизм“, сводившийся к попытке со стороны русской интеллигенции, заполнившей молодую с.-д. партию, приспособить учение Маркса к своим запросам и потребностям. Марксизм учил, что освобожде-

ние рабочего класса есть дело самого рабочего класса, что оно свершится в форме массового рабочего восстания, в форме революции. Интеллигенция революцию признавала или не признавала в зависимости от своего темперамента (натуры). Но во всяком случае она признавала только интеллигентскую, организуемую и управляемую интеллигентами, революцию, и власть оставила бы, разумеется, за интеллигенцией. Кроме того, в учении Маркса была еще более неприятная для интеллигента подробность: вся не пролетарская часть капиталистического мира, по этому учению, живет на прибавочную стоимость, живет эксплоатацией пролетариата. То привилегированное положение, которое занимает в промышленности интеллигент, покупается за счет этой эксплоатации. На этом представлении об эксплоатации зиждется учение марксизма о непримиримой классовой борьбе между пролетариями и капиталистами. В отношении к классовой борьбе установилось полное единодушие между старой, народнической, и новой, „марксисткой", интеллигенцией; классовой борьбы быть не должно. Общество должно быть едино, так так, подразумевалось, оно должно управляться единой интеллигенцией.

Вожди „легального марксизма", если они хотели оставаться „на высоте требований" своей публики (интеллигенции), должны были искать выхода в этом направлении.

На выручку им пришел ревизионизм. В стремлении сгладить „резкости" ортодоксального марксизма они пришли к счастливой для них мысли, что теория прибавочной стоимости, т.-е. идея эксплоатации, как основы всего капиталистического строя, подлежит „пересмотру" (ревизии), а то и вовсе устранению; что классовая борьба вовсе не обязательна, возможен и социальный мир. Что, наконец, и необходимость социалистической революции вовсе „не доказана". В результате—признание возможности существования „надклассового государства".

Апостолом и апологетом (защитником) ревизионизма в России явился Струве, рано ушедший из рядов социал-демократии и в 1905 г. об'явивший революционное движение болезнью, свойственной только молодежи.

С

Свеаборгское восстание Свеаборгское восстание (17—20 июля 1906 г.) было организовано под непосредственным руководством офицеров с.-д. Емельянова и Коханского. Восстание началось возмущением роты; 18-го восставшие овладели почти всей крепостью, арестовали офицеров и начали бой с судами, стоявшими на рейде. Получив помощь от финляндской „красной гвардии", 19-го заняли ряд укрепленных островков и оттеснили 6 рот пехоты.

Появление учебного отряда судов Балтийского флота с дальнобойными орудиями вынудило крепость 20-го в полдень сдаться; восставшие частью успели скрыться на лодках из крепости и затем эмигрировать в Швецию, частью были преданы военно-полевому суду и казнены.

„Свобода" „Свобода"—группа, издававшая революционно-социалистическое обозрение „Свобода", соединявшая содействие рабочему движению с проповедью для поднятия рабочего движения не устрашающего, но „экситативного" (возбуждающего) террора. „Свобода" хотела заменить агитацию террором, признаваясь, что „раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах, экситативная роль террора сыграна".

Севастопольское восстание Севастопольское восстание 11—16 ноября 1905 г. вспыхнуло как бы в ответ на политическую забастовку в Петербурге. Восстали матросы, на броненосце „Очаков" было поднято красное знамя и командование над восставшей частью Черноморского флота принял лейтенант Шмидт. К восставшим матросам примкнули рабочие Севастопольского порта и солдаты местного гарнизона.

14 ноября Петербургский Совет Рабочих Депутатов послал восставшим севастопольцам следующую телеграмму: „Совет Рабочих Депутатов от имени петербургского пролетариата шлет горячий привет севастопольским солдатам и матросам, решившимся, следуя славному примеру потемкинцев, стать на борьбу за свободу в братском союзе с рабочими. Да будут севастопольские события примером для солдат всей России, как забастовка петер-

бургских рабочих в защиту кронштадтских матросов,— примером для рабочих всей России. Тогда союз революционного пролетариата и революционного войска положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на развалинах его свободный демократический строй“.

Восстание было жестоко подавлено адмиралом Чухниным.

Шмидт был захвачен в плен и казнен. Ликвидация севастопольского восстания развязала руки правительству Витте-Дурново, которое открыто начинает готовиться к решительному бою с пролетариатом.

Северный Союз Русских Рабочих

Северный Союз Русских Рабочих возник в Петербурге в конце 1878 года. Организаторами его были рабочие Степан Халтурин и Виктор Обнорский. Основание Союза было попыткой создания чисто-рабочей революционной организации, противопоставленной организациям интеллигентским.

„Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программой:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого;

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права;

3) Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением;

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраний и сходок;

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям;

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ;

4) Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях;

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением;

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления;

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения;

8) Отмена косвенных налогов, и установление прямого сообразно доходу и наследству;

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда;

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам". (Из программы „Союза").

Если обратить внимание на первый абзац приведенной выдержки из программы „Союза", то здесь еще видна народническая вера в общину, в русское обычное право, словом здесь еще царит вполне старая народническая идеология. Но уже в следующем абзаце программы звучат необычайные ноты для народнической эпохи и народнического символа веры. Борьба за политическую свободу, как ближайшую цель, достижение которой облегчает борьбу за социализм—вот та задача, разрешить которую по мысли „Союза" должна и может классовая организация пролетариата.

„Союз" имел значительный успех. За короткое время число членов его дошло до 200 человек. Однако предательство в среде „Союза" привело к аресту налаженной им подпольной типографии и ряда активных работников. От этого удара „Союз" оказался не в силах оправиться. Руководитель его Халтурин, под влиянием разочарования, ушел в террор, организовав знаменитый взрыв Зимнего Дворца.

При помощи „Земли и Воли" „Союзом" была издана программа, а также прокламация „Рабочим". Помимо этого в типографии самого „Союза" в феврале 1880 г. был напечатан первый номер первого в России рабочего органа „Рабочая Заря", не получивший широкого распространения вследствие ареста типографии.

Литература: 1) Варенцова О.—Северный рабочий Союз. „Прол. Рев." 1922 г., кн. 9. 2) Ельницкий Е.—Северный Союз Русских рабочих. 3) Стеклов, Ю.—Степан Халтурин. 4) Невский, В. —Очерки по истории РКП, т. I, стр. 166—172.

Седьмой с'езд Р. К. партии С'езд партии собрался в чрезвычайно тяжелой обстановке (6—8 марта 1918 г.), когда наступление австро-германского империализма угрожало самому существованию созданного Октябрьской революцией Советского Государства. По вопросу о мире в самой партии возникли значительные разногласия. Этому вопросу и было посвящено почти все внимание 7 с'езда.

На с'езд с'ехались 46 делегатов с решающим голосом, представлявших 148.000 членов партии. Небольшое число участников с'езда и представленных на нем (к началу Октябрьского переворота партия насчитывала 240.000 членов) об'ясняется чрезвычайным, спешным характером, который он носил; кроме того, от России к тому времени были отрезаны Западный Край, Прибалтийский, Украина и даже часть Великороссии (Псковская губ.).

Кроме вопроса о мире, с'езд принял решение о переименовании партии и изменении ее программы в соответствии с изменившимися после революции условиями.

Резолюции VII с'езда партии: I) О ратификации Брестского мирного договора: „С'езд большинством 30 голосов против 12 при 4 воздержавшихся решил мирный договор ратифицировать".

II. Об изменении названия партии и партийной программы:

1) „С'езд постановляет именовать впредь нашу партию Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) Российской Коммунистической Партией с добавлением в скобках „большевиков".

2) „С'езд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнить ее характеристикой империализма и начавшейся эры международной революции" и т. д.

Изменение и составление новой программы с'езд поручил особо избранной комиссии из 7 членов, в которую вошли т. т. Ленин, Бухарин, Зиновьев, Троцкий, Сталин, Сокольников и В. Смирнов.

Литература: „Российская Коммунистическая Партия (бол.) в резолюциях ее с'ездов и конференций", стр. 213.

Советская конституция Конституция есть основной закон государства, который в сознании граждан (или скорее—в классовом обществе—в сознании господствующего класса) выше и

прочнее всех других законов. Между тем, как отмена или изменение других законов производятся сравнительно легко законодательным учреждением, на то уполномоченным, для изменения или отмены конституции требуется преодоление ряда искусственных препятствий, заранее установленных, или же революция, опрокидывающая тот класс, который установил конституцию, и ставящая у власти новый класс, устанавливающий новую конституцию.

Конституция есть государственный закон и представляет силу не как клочек бумаги, а как словесное выражение воли господствующего класса; воля же его определяется классовыми интересами. Отсюда ясно, что все буржуазные конституции (монархические или республиканские) отличались только оттенками, но по существу выражали волю и интересы буржуазии, т.-е. узаконяли угнетение трудящихся масс—извлечением из их труда прибавочной ценности. Ясно также, что советская конституция, как основной закон рабочего-крестьянского государства, должна выражать и выражает—в момент диктатуры пролетариата—волю и интересы класса, поставленного революцией у власти. Воля же пролетариата, его интересы—уничтожение эксплоатации и установление неклассового общества, как осуществляемой цели, и сокрушение буржуазии—ее сопротивления—как неизбежное средство в момент перехода, в момент диктатуры класса.

Советская конституция целиком проникнута этими началами. Особенно это сказывается в понимании того, кто является суб‘ектом государства, т.-е., кто может являться носителем политических прав, прав по управлению государством. Буржуазные конституции предоставляют эти права имущим: имущество, ценз, является источником силы для класса владельцев орудий и средств производства; советская конституция предоставляет эти права трудящимся и лишает их—нетрудовые элементы.

Конституция 10 июля 1918 г., принятая V С‘ездом Советов, состоит из шести разделов:

Раздел первый, заключающий „декларацию прав трудящихся и эксплоатируемого народа“, принятую еще 14 января 1918 г. III С‘ездом Советов, и раздел второй (общие положения и т. д.) определяют интересы трудящихся в экономической и политической областях, составляющих основу государственного права при диктатуре пролетариата.

Пролетарское государство имеет характер временный—до полного уничтожения эксплоатации и установления неклассового общества, ибо в обществе, не разделенном на классы, нет господства и нет надобности в организации подавления—государства. Целью пролетарского государства, выходит, является самоуничтожение. Но пока существует надобность в подавлении буржуазии (ее сопротивления осуществлению неклассового общества)—пролетарское государство организует политическую власть господствующего класса—пролетариата—и охраняет его интересы.

Раздел третий посвящен организации власти центральной и местной.

А. Центральная власть представлена: 1) созываемым не менее двух раз (теперь раз) в год Всероссийским С'ездом Советов из представителей городских Советов и губернских с'ездов Советов—высшею властью РСФСР, пред которой ответственны избираемые с'ездом ВЦИК и Совнарком; 2) Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом—ВЦИК—высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом, направляющим деятельность рабоче-крестьянского правительства (Совнаркома) и центральных органов Советской власти. ВЦИК образует Совнарком и отделы для руководства отдельными отраслями управления; 3) Советом народных комиссаров—Совнарком,—состоящим из 17 народных комиссаров, стоящих во главе отдельных комиссариатов. Совнаркому принадлежит общее управление делами РСФСР и соответственное право издания инструкций, декретов, распоряжений и т. д., принятия мер, необходимых для правильного и быстрого течения жизни. Совнарком ответствен перед ВЦИК и С'ездом Советов. Таким образом, верховной властью государства является С'езд Советов труда, представительное собрание труда; исполнителями и проводниками воли труда в жизнь являются ВЦИК и Совнарком.

Б. Местная власть, или власть на местах, осуществляется с'ездами советов: областными (из представителей городских советов и уездных советов), губернскими или окружными (из представителей городских советов и волостных с'ездов), уездными (из представителей сельских советов волости). С'езды выбирают исполкомы, которые ответственны перед с'ездом, как высшей властью, в границах своего ведения (области, губернии, уезда или волости).

Замечательной чертой организации Советской власти является участие представителей местных трудовых „низов“ во всех учреждениях и органах власти, снизу до верху. Любители буржуазного парламентаризма любят бахвалиться известной „четыреххвосткой“ (всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом), но на практике эти собрания (парламенты) превращаются в кучки профессиональных политиков, отрывающихся от народных масс и попадающих в сферу влияния господствующего класса. Проделав избирательную комедию, население на несколько лет забывает о своих „избранниках“. При советской же системе во всех органах власти,—законодательных, исполнительных и распорядительных,—трудовое население участвует и участвует постоянно.

Раздел четвертый предоставляет избирательные права (активное, т.-е. право избирать и пассивное—быть избираемым) всем гражданам РСФСР, добывающим себе средства к существованию трудом производственным и общественно-полезным, без всяких ограничений. Резкое отличие в этом отношении нашей конституции от всех буржуазных в том, что паразитические группы (т.-е. эксплоатирующие чужой труд), сидевшие в буржуазном государстве на „первых стульях“, лишаются политических прав, а ряд групп, не имевших никаких прав в буржуазном обществе, советской конституцией наделяется этими правами: разительным примером этого могут служить „солдаты советской армии и флота“. Женщины-работницы призваны управлять государством наравне с их отцами, братьями, мужьями. Ценз оседлости (т.-е. требование, чтобы избиратель жил более или менее значительный срок времени в местности, где происходят выборы), устранявший при выборах в буржуазный парламент наиболее подвижной элемент—рабочих и маломощных крестьян, ищущих заработка на стороне—совершенно отсутствует. „Иностранцы“, т.-е. пролетарии других стран, проживающие в России и находящиеся за одним станком со своими русскими братьями по труду, пользуются наравне с ними избирательным правом, т.-е. правом управлять государством. Советская конституция в этом отношении осуществила лозунг французских коммунаров: „Знамя коммуны есть знамя всего мира“ (только надо прибавить „трудящегося мира“). Этот настоящий, пролетарский демократизм проникает насквозь всю нашу избирательную систему.

Раздел пятый излагает основы финансового хозяйства Советской Республики. Наше бюджетное право целиком построено на основном принципе пролетарского государства в переходный момент диктатуры пролетариата—„способствовании основной цели экспроприации буржуазии и подготовления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств“.

Раздел шестой и последний говорит о гербе РСФСР: серп и молот—символ союза трудового крестьянства с промышленным пролетариатом—окружены венцом из колосьев, с надписью РСФСР и „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“,—лозунгом, брошенным великими учителями борющегося пролетариата—Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

(Вольфсон М. Б.—„Очерки обществоведения“, стр. 381—386).

Литература: 1) Крупская.—„Конституция РСФСР“.
2) Стучка.—„Конституция РСФСР в вопросах и ответах“.
3) Коваленко.—„Что такое РСФСР“.

Советы Рабочих Депутатов

Стачечное движение рабочих 1905 года, имевшее преимущественно политический характер, ширилось и росло с небывалой до того времени быстротой. Параллельно с этим возрастала потребность рабочих масс в организации. Уже к середине этого года самые отсталые слои рабочих начали сознавать необходимость собственных организаций и приступили к устройству профессиональных союзов или выбирали делегатов для руководства своей борьбой. Так было, напр., в Иваново-Вознесенске, Одессе, Саратове, Харькове и многих других городах. Во время октябрьской стачки типографских рабочих в Москве был сделан дальнейший шаг в этом направлении в смысле создания более правильного представительства и придания самой организации большей определенности.

Наконец, в Петербурге новый тип широкой революционной организации рабочего класса получил свое завершение. Социал-демократия, только что выглянувшая из подполья, не могшая еще включить в рамки своей организации всех восставших на борьбу рабочих, пред началом всеобщей забастовки обратилась с призывом образовать путем всеобщих выборов по заводам революционный рабочий комитет. Этот призыв нашел горячий отклик в рабочей

среде и 13 октября в Петербурге образовался первый Совет Рабочих Депутатов. За Петербургом последовали Одесса, Харьков, Ростов, Екатеринослав, Иваново-Вознесенск и многие другие города.

Формам борьбы и формам организации рабочих стали все больше подражать другие слои населения. Среди крестьян все больше рос и укреплялся Крестьянский Союз—организация, сравнительно свободная, не оформленная, но тем не менее имевшая очень большое значение. В армии брожение все увеличивалось. В нескольких местах России, и в особенности на окраинах, образовались Советы Солдатских Депутатов и т. д. В дни борьбы сильно подвинулось вперед дело организационного строительства среди мелких служащих, почтово-телеграфных чиновников, торгово-промышленного наемного люда и т. д. И все это льнуло к Советам Рабочих Депутатов, все это отдавало себя под защиту этих Советов.

Советы Рабочих Депутатов формально были беспартийные, но на деле состояли в огромном подавляющем большинстве из рабочих социал-демократов. Так, в главном Совете Рабочих Депутатов в Петербурге социал-демократов было не меньше 90%, президиум и все другие органы этого Совета состояли из с.-д. Еще более благоприятно было положение с.-д. в Московском Совете Рабочих Депутатов. Там социал-демократы составляли чуть ли не 99% общего числа депутатов. Так же безраздельно господствовала с.-д. в советах других городов.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОВЕТ. В момент своего образования (13 октября) Петербургский Совет имел представителей от 40 фабрик и заводов. На следующий день представители в Совет были избраны уже от 90 фабричных учреждений, а затем к нему примкнулись все промышленные заведения, значительное число торговых заведений и профессиональные союзы, так что общее число рабочих депутатов в середине ноября достигло 562 человек и в Совете были представлены 147 фабрик и заводов, 34 мастерские и 16 профессиональных союзов. По производствам состав Совета распадался в это время на следующие группы: от рабочих, занятых обработкой металлов—351 деп., по обработке волокнистых веществ—57 чел., рабочих бумажного и печатного производства—32 человека, по обработке дерева—23 чел., резинового, сапожного

и кожевенного производства—15 чел., табачного—13 чел., приказчиков и служащих в экспедиции газет—12 чел., рабочих производства взрывчатых веществ—11 чел., рабочих, обслуживающих пути и средства сообщения—11 чел., рабочих по обработке химических продуктов—9 чел., конфектных фабрик—7 чел., осветительных предприятий—7 чел., лиц, занятых в конторах и аптеках—7 чел., рабочих стекольного производства—3 чел., изготовляющих белье и платье—2 чел., рабочих часового и ювелирного производства—2 человека.

Первым актом, коим Совет Рабочих Депутатов об‘явил о своем существовании, было обращение к петербургской городской думе с шестью требованиями: 1) немедленно принять меры для урегулирования продовольствия многотысячной рабочей массы, 2) отвести помещение для собраний, 3) прекратить всякое довольствие, отвод помещений и ассигновки на полицию и жандармерию, 4) указать куда израсходованы 15.000 рублей, поступившие в думу для рабочих Нарвского района, 5) выдать из имеющихся в распоряжении думы народных средств суммы необходимые для вооружения борющегося за народную свободу петербургского пролетариата и студентов, перешедших на сторону пролетариата; руководство этой частью народной революционной армии должно находиться в руках самого пролетариата; суммы должны быть переданы общему Рабочему Совету и 6) Рабочий Совет, находя, что закрытие водопровода может вредно отразиться на здоровье населения, требует от городской думы немедленного принятия мер к удалению войск из здания городского водопровода и предоставлению его в распоряжение рабочих. В противном случае Совет предупреждает о возможности закрытия водопровода.

Эти требования пролетариата были пред‘явлены в „частном совещании“ гласных думы, и в результате их обсуждения дума отказала рабочим.

17-го октября Совет Рабочих Депутатов решил выбросить лозунг осуществления свободы печати явочным порядком. В резолюции, принятой им по этому поводу, говорилось: „только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылая своих номеров в цензуру, вообще поступают так, как Совет Депутатов при издании своей газеты“. Типографским рабочим было разрешено приступить к работе

лишь в тех издательствах, которые согласятся осуществлять явочным порядком свободу печати. Эта резолюция Совета была тотчас проведена в жизнь, и к ней примкнули даже такие реакционные газеты, как „Новое Время и „Свет“.

В этот же день вышел первый номер „Известий Совета Рабочих Депутатов“.

18-го октября, когда все население Петербурга праздновало победу народа над самодержавием и заполнило манифестациями все улицы столицы, Совет Рабочих Депутатов решил стать во главе уличных выступлений и вести народ к тюрьме с требованием освобождения политических заключенных. 21-го октября был издан указ об амнистии, но многие категории политических заключенных были обойдены этим указом.

19-го октября Советом была принята резолюция: „считаясь с необходимостью для рабочего класса, опираясь на достигнутые победы, организоваться лучшим образом и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для достижения полного народовластия, Совет Рабочих Депутатов постановляет прекратить 21-го октября в 12 часов дня всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря по ходу событий, по первому же призыву Совета возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор, за наши требования“. В полдень 21-го октября все конторы и учреждения были открыты, рабочие фабрик и заводов стали на работу. Исключением явились некоторые заводы, на которых шла экономическая забастовка. Постановление Совета о прекращении стачки на них не распространилось.

На 23-е октября были назначены торжественные похороны жертв революции, но когда правительство, в лице петербургского генерал-губернатора Трепова, решило прибегнуть к решительным мерам для противодействия демонстрации, Совет отменил свое решение, заявив, что „петербургский пролетариат даст правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату“.

В конце октября в Кронштадте произошло восстание отдельных частей солдат и матросов на почве неудовлетворения их мате-

риальных нужд. Правительство подавило восстание и предало „зачинщиков“ военно-полевому суду. 30-го октября в Польше было об‘явлено военное положение. На многочисленных заводских собраниях решено было реагировать на это и итти на все лишь бы спасти кронштадских солдат и матросов от расстрела. Было собрано экстренное собрание Совета, постановившее об‘явить с 12 часов дня 2-го ноября всеобщую забастовку с требованиями отмены военно-полевой расправы над кронштадтцами и снятия военного положения с Польши. Ноябрьская забастовка, начавшаяся точно в указанное Советом время, охватила все предприятия и прошла очень единодушно.

Вечером в день возникновения всеобщей ноябрьской забастовки состоялось заседание адмиралтейств-совета, на котором решено было отменить назначенный над кронштадтцами военно-полевой суд и предать их обыкновенному военному суду „за буйство в пьяном виде“. Формулируя так обвинение, власти желали показать этим сразу, что ни о каких смертных приговорах со стороны военного суда не может быть и речи. Через несколько дней было об‘явлено, что военное положение в Польше будет снято.

В связи с достигнутым успехом, Совет Рабочих Депутатов постановил прекратить забастовку в 12 часов дня 7-го ноября.

На ряду с этими политическими выступлениями Совет Рабочих Депутатов взял на себя и руководство экономической борьбой рабочих, которая продолжалась и после окончания всеобщей забастовки и даже расширялась, захватывая все новые и новые слои рабочих. Он помогал рабочим организовать профессиональные союзы, частью же заменил таковые, приняв на себя миссию примирительной камеры в столкновениях между трудом и капиталом, содействовал открытию заводов и обратному приему рабочих и стремился обслуживать целый ряд повседневных нужд рабочей массы. Для более быстрого удовлетворения этих нужд организация Совета была разбита на районы, соответственно естественным группировкам рабочей массы, а также при нем вскоре был организован ряд отделов и комиссий по специальным отраслям деятельности. Одной из таких крупных отраслей явилась борьба с безработицей, вскоре принявшей грозные размеры. Для организованной поддержки армии безработных Советом была учреждена специальная комиссия, организованы сборы в пользу голодающих

рабочих и устроены в разных районах города столовые для рабочих.

Совет также взял на себя задачу содействовать всероссийскому об'единению рабочего класса и с этой целью им был разослан ряд делегатов по крупным промышленным центрам для пропаганды такого об'единения и подготовки его осуществления; он поддерживал живые связи с другими однородными организациями рабочего класса России. Всероссийского об'единения, однако, Совету Рабочих Депутатов не удалось достигнуть, и его деятельность в этом направлении ограничилась лишь первыми шагами в смысле пропаганды идеи такого об'единения и установления прочных связей с наиболее крупными промышленными центрами.

В дни под'ема, в дни расцвета, Совет руководил фактически всем. Правительственный орган „Новое Время“ так оценивает момент:

„Россия не повинуется законному правительству, а повинуется правительству самозванному, правильнее, правительству, избранному союзами. Оно могло бы назваться союзным русским правительством. Его учреждения существуют по всей России, во всех уголках. Оно не теряет своей связи ни при каких забастовках— ни политических ни почтово-телеграфных. В то время, когда законное правительство остается без железных дорог, почты, телеграфов, союзное правительство всем этим пользуется. В то время, когда законное правительство не знает, что делается в России, союзное правительство все знает и все свои распоряжения публикует. Когда законное правительство рассылает секретные циркуляры или печатает секретные документы, союзное правительство опубликовывает их в своих революционных органах“.

Все это верно для короткого периода. Вскоре правительство оправилось. Оно усиленно готовилось нанести решительный удар, выбирая лишь более удачный момент.

Совет тоже готовился. Он понимал неизбежность решительной схватки, понимал необходимость вооруженного восстания, но совершить не дано ему было...

Сила оказалась на стороне царского правительства. 26-го ноября был арестован председатель Совета Г. С. Носарь (Хрусталев). Совет не призвал массы к активному выступлению. Царским войскам могли быть противопоставлены вооруженные рабочие массы,

а вооружения не было. Революционными до конца были только рабочие, а их было мало, они были безоружны. Совет ответил:

„Председатель Совета Рабочих Депутатов взят в плен правительством. Совет избирает нового председателя и продолжает готовиться к восстанию".

Вместо председателя был избран президиум из трех. Не долго пришлось ему работать. 3-го декабря было оцеплено помещение, где заседал Совет. Все члены Совета были арестованы. Впоследствии многие из них были освобождены из боязни слишком большого процесса. Пятьдесят два человека преданы были суду и обвинялись в том, что „вступили участниками в сообщество, заведомо для них поставившее целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления и замену его демократической республикой".

Суд состоялся в сентябре месяце 1906 года. По просьбе посаженных на скамью подсудимых депутатов Совета рабочие петербургских фабрик и заводов отказались демонстрировать свою солидарность с ними, путем забастовки в день суда. Но они избрали другой способ, еще невиданный нигде и никогда до тех пор. Они требовали, чтоб судебная палата судила их всех наравне с выбранными ими депутатами и свои требования излагали в резолюциях, направляемых в суд. Одна из них, как образец, приводится полностью:

„Мы, рабочие С.-Петербургского вагоностроительного завода, узнав, что депутаты Буров и Стогов привлечены к суду по делу Совета Рабочих Депутатов, горячо протестуем против стремлений правительства свести дело Совета Рабочих Депутатов на дело кучки заговорщиков, а потому заявляем:

1) что организация Совета Рабочих Депутатов была делом всего петербургского пролетариата;

2) что избранные члены в Совет Рабочих Депутатов действовали в пределах строго указанной нами программы;

3) что отступление от данных указаний неминуемо повлекло бы за собой отзыв депутата, не оправдавшего доверия рабочих;

4) творя исключительно волю пославших их, члены Совета Рабочих Депутатов виновны перед царским правительством не более каждого из нас;

5) что выхватывание отдельных лиц из среды рабочих и стремление сделать их ответственными за общее рабочее дело есть умышленное и несправедливое извращение дела. Протестуя против привлечения к ответственности одних только членов Совета Рабочих депутатов, мы заявляем, что, будучи с точки зрения правительства не менее виновны, чем привлеченные,—требуем предать всех нас суду вместе с членами Совета Рабочих Депутатов".

Резолюции, подобные приведенной, были представлены суду: 1) от Обуховского завода, 2) от завода общества спальных вагонов, 3) от Невского судостроительного завода—свыше 6.000 подписей, 4) от Александровского завода, 5) от Путиловского завода, 6) от союза часовщиков и ювелиров, 7) от металлического завода (Выборгская сторона), 8) от чугунно-литейного завода, 9) от орудийного завода, 10) от Сестрорецкого завода, 11) от завода Тильманса, 12) от Ситенского завода, 13) от союза фармацевтов, 14) от союза конторщиков, 15) от союза рабочих печатного дела и „многих других", как сообщали в отчетах о суде ежедневно газеты.

Суд закончился через месяц, по которому 14 человек были осуждены в ссылку на поселение с лишением всех прав состояния и двое в крепость на разные сроки.

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ. Подробных сведений об организации первого Московского Совета Рабочих Депутатов пока нет. Это об'ясняется кратковременностью его существования, так как образовался он во второй половине ноября 1905 года, а уже 7-го декабря началось вооруженное восстание, лишившее возможности Совет собираться и активно работать. Не осталось значительных следов и в московской „охранке". Растерявшаяся от нахлынувших на нее неожиданных, с полицейской точки зрения, „происшествий" 1905 года,—она „просмотрела" новую пролетарскую организацию.

В № 1 „Известий Московского Совета Рабочих Депутатов", вышедшем 7-го декабря, в первый день стачки, сообщается следующее об организации Совета: „134 фабрики и завода—около ста тысяч рабочих—представлены теперь в Совете 204 депутатами. На всех крупных фабриках они выбирались всеобщим и прямым голосованием и с полной уверенностью можно сказать, что это лучшие представители московских рабочих: они близко знают рабочие нужды; они умеют разобраться, куда нужно итти

рабочему; их решения есть голос всей рабочей Москвы, и Московский Совет Рабочих Депутатов внимательно и серьезно, с полным сознанием огромной ответственности, которая лежит на нем, принимает каждое постановление. И во всех своих решениях он дружно идет вместе с революционными социалистическими партиями, лишний раз показывая этим, что рабочий сознал, где его друзья, и прямой дорогой идет к социализму".

О первом собрании Совета в деле московской охранки имеются следующие сведения, почерпнутые ею из легальной прессы того времени:

„22-го ноября состоялось первое заседание только что организовавшегося в Москве Совета Рабочих Депутатов. На собрании было до 180 депутатов, избранных от свыше 80.000 московских рабочих. Эта цифра делегатов должна еще значительнее увеличиться, так как в некоторых районах еще не было широко оповещено о предварительных районных собраниях рабочих.

„Собрание открылось приветом делегата от Петербургского Совета Рабочих Депутатов, сделавшего обстоятельный доклад о рабочем движении в Петербурге в период с 9-го января до последней политической забастовки.

„Собрание ответило на привет резолюцией с выражением признательности и благодарности „старшему брату"—Петербургскому Совету Рабочих Депутатов.

„Затем собранию сообщены были сведения о московском стачечном движении, о массовых расчетах служащих, увольнении депутатов и других репрессивных мерах, принимаемых администрациями заводов и фабрик.

. . . . . „Для скорейшего сплочения рабочих в других крупных городах решено немедленно командировать делегатов во все значительные города России для агитации и установления постоянных организационных связей с образующимся Советом Депутатов".

Следующее заседание состоялось, повидимому, 27-го ноября. В этом заседании были приняты постановления относительно окончательного устройства Совета Рабочих Депутатов. Помимо этого Московский Совет принял резолюцию в связи с разраставшимся движением в армии; в этой резолюции говорится: „Уже недалек этот день, когда пролетариат и лучшая часть армии опрокинут ненавистное царское правительство . . . . . М.С.Р.Д. призывает

московский пролетариат с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием и кончиться полным освобождением всего угнетенного народа“.

4-го декабря состоялось новое пленарное собрание Совета. Рассмотрев ряд организационных вопросов, оно остановилось на аресте Исполнительного Комитета Петербургского Совета. Был поднят вопрос о всеобщей забастовке и вооруженном восстании. Большинство депутатов высказалось в том смысле, что дальше ждать нечего, что эта стачка уже не репетиция, а генеральный бой с самодержавием. Эта стачка должна перейти во всенародное вооруженное восстание. После продолжительных прений было постановлено: 5-го декабря утром поставить этот вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы и на следующем собрании С.Р.Д. принять в зависимости от решения пролетариата г. Москвы то или иное решение относительно призыва от имени Московского Совета к всеобщей забастовке.

6-го декабря состоялось последнее перед восстанием пленарное собрание Московского Совета, которое постановило вместе с революционными партиями об‘явить 7-го декабря всеобщую политическую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание.

Последнее пленарное собрание Первого Московского Совета состоялось в самый разгар трагической борьбы на улицах Москвы 15 декабря. На этот раз инициатором этого собрания явились меньшевики, еще 13-го декабря поднявшие вопрос о прекращении забастовки. На собрании присутствовали представители Лефортовского и Сокольнического районов, из других районов не явилось много депутатов. Было всего 85—90 чел. Собрание не признало возможным принять окончательное решение о забастовке, передав его на рассмотрение районных советов. Окончательное решение было предоставлено Исполнительному Комитету Совета. Настроение докладчиков на собрании было боевое. Впрочем некоторые докладчики отмечали, что настроение масс падает. Определенно за прекращение забастовки не говорил никто. Характерно, что даже меньшевики молчали...

Железнодорожники потребовали продолжения забастовки во что бы то ни стало. Представитель Московского Комитета С.-Д.

Партии огласил резолюции о продолжении забастовки и вооруженной борьбы дружин. Решено было забастовку продолжать.

С подавлением московского вооруженного восстания (см. „Вооруженное восстание“), Московский Совет Рабочих Депутатов прекратил свое славное существование.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ СОВЕТ. Стачка, начавшаяся в Иваново-Вознесенске вслед за 9 января, к концу весны достигла своего наибольшего расцвета. Вскоре после мая забастовало до 60.000 рабочих, что составляло почти все 100% их общего числа. Для руководства стачкой, а также для переговоров от имени всех бастующих с хозяевами и представителями власти между 13—15 мая 1905 года была создана организация из рабочих, которая по уверению историков Иваново-Вознесенского рабочего движения, тов. Подвойского и тов. Самойлова Ф. Н. уже тогда носила название Совета Рабочих Депутатов и послужила, следовательно, прообразом Петербургского и Московского Советов в 1905 г. и прообразом пролетарского правительства 25 октября 1917 года.

С первого же момента своего существования Иваново-Вознесенский Совет стал чрезвычайно популярен в глазах рабочих, так как в него входили представители всех фабрик и заводов, и действовал как орган власти.

Умело руководя стачкой Совет, руководимый организацией большевиков, поставил пред собой другую задачу: подготовить и создать на опыте своей организационной работы кадры революционных работников. После собраний и во всякую свободную минуту Совет становился на положение партийной школы. Читались систематические лекции по вопросам марксизма и рабочего движения.

27-го июля окончилась стачка, принесшая незначительные экономические достижения бастующим. С этого времени Совет, так сказать, юридически уже не существовал. Хотя рабочие и продолжали считать всех руководителей стачки — депутатов — своими уполномоченными и всегда при конфликтах с фабрично-заводской администрацией обращались к ним и вели переговоры только через них,—но Совет, как таковой, уже никогда больше не собирался и никаких официальных выступлений, как таковой, от имени рабочих уже не делал; а С.-Д. организация с окончания летней стачки руководила движением через свои обычные органы,

используя, конечно, всемерно популярность бывших членов Совета, как руководителей движения“ (Ф. Н. Самойлов).

К жизни он снова был призван в Октябрьские дни, став руководителем рабочих и действительной властью, на короткий срок, приказывавшей городской думе и распоряжавшейся полицией и фабрикантами.

СОВЕТЫ ДРУГИХ ГОРОДОВ. На юге России в Новороссийске, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Николаеве, Луганске и по всей Екатерининской жел. дороге были организованы Советы Рабочих Депутатов, одни еще в октябре—ноябре, другие перед самой декабрьской всероссийской забастовкой. Эти организации всюду становились во главе движения и придавали ему стройный и выдержанный характер. Во всех местах создавались немедленно боевые дружины, которые брали в свои руки охрану города. В Николаеве и Новороссийске Советам удалось оказать серьезное воздействие на городские думы и принудить их ассигновать средства для оказания помощи безработным. На короткий промежуток времени вся власть в городе переходила в руки Советов, которые пытались установить контроль над частной торговлей, боролись с черносотенной агитацией, организовали народный суд и т. д.

Местами революционными организациями предпринимались некоторые шаги для организационного об‘единения. Так было, напр., на группе минеральных вод, где Пятигорской организации удалось прочно связаться с организациями в Кисловодске, Железноводске, Ессентуках, Минеральных Водах и др., и приходить в случае нужды на помощь друг другу.

Совет Рабочих Депутатов в Ростове-на-Дону успешно руководил вооруженным восстанием в прилегающем к Ростову Темернике, который оказался во власти рабочих и их немногочисленных дружин. В течение нескольких дней рабочие успешно отражали натиск войск и налеты казаков, захватывая последних в плен.

В Харькове, Сормове, Одессе, Костроме, Смоленске по призыву социал-демократических организаций и Советов Рабочих Депутатов рабочие прекращали работы, устраивая митинги и демонстрации, а иногда, как в Харькове на заводе Гальферих-Саде и в Сормове, забастовки в самом начале превращались в вооруженные столкновения рабочих с войсками.

В наиболее крупных железнодорожных пунктах Сибири—Чите, Харбине, Иркутске, Красноярске и др.—уже с ноября месяца успешно действовали Советы Рабочих Депутатов и др. рабочие организации, включившие в свой состав также и представителей от солдат, а в Чите в декабре месяце образовался даже особый „Совет Солдатских и Казацких Депутатов".

„Из двух течений социал-демократической рабочей партии большевиков (ныне коммунистическая партия) и меньшевиков, первые правильнее оценили значение Советов. Меньшевики придавали Совету, главным образом, значение органа, об'единяющего широкие пролетарские массы при боевых выступлениях, представляющих интересы этих масс пред остальным населением. Большевики же видели в Советах зародыши органов власти". („Раб.-Кр. Календарь" за 1922 г.).

Литература: 1) Л. Троцкий.—„1905 год", стр. 105 и след. 2) Зиновьев, Г.—„Советы Рабочих Депутатов". Т. I., стр. 22. 3) „25 лет РКП (большевиков"). „Первые Советы Рабочих Депутатов", стр. 76—87. 4) А. Ельницкий.—„История рабочего движения в России". Изд. ВЦСПС. 1923 г., стр. 195—211. 5) Д. Сверчков.—„На заре революции", стр. 133—199, 209—247. 6) В. И. Горев.—„Из партийного прошлого", стр. 71—84. 7) Ф. Н. Самойлов.—„Воспоминание об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1903—1905 гг."

Соглашательский совет рабочих и солдатских депутатов (1917 г.)

Его с'езд был открыт в Петербурге 3-го июня 1917 года и продолжался несколько недель. Всего присутствовало 790 делегатов, большая часть которых принадлежала к меньшевикам, меньшая—к социалистам-революционерам. Большевиков было только 103 депутата, что составляло 13% общего числа участников с'езда. Работа с'езда прошла целиком под руководством меньшевиков-оборонцев (Церетелли, Дан) и эс-эров (Гоц), при чем были одобрены участие социалистов во временном правительстве, „оборона отечества", военный „заем свободы" и наступление на фронте по требованию Антанты. С'езд воспретил большевистскую демонстрацию 8-го июня в Петербурге, но демонстрация, назначенная самим с'ездом на 18 июня, прошла целиком под большевистскими лозунгами. Двукратное выступление на с'езде т. Ленина не встретило сочувствия депутатов. С'езд выбрал цик из меньшевиков и эс-

эров, просуществовавший до II с‘езда Советов и принужденный, против воли, сложить полномочия по требованию последнего.

„Социал-Демократ“ „Социал-Демократ“ — „Литературно - Политическое Обозрение“. На протяжении двух лет (1890—1892 г.г.) выпущено четыре книги журнала.

„Социал-Демократ“ „Социал-Демократ“ — Ц.О. Р.С.-Д.Р.П. начал выходить на основании постановления Пленума Ц.К. (15 января 1910 г.) вместо „Пролетария“ и „Голоса Социал-Демократа“ (см. выше). К концу 1911 г. он переходит в руки большевиков и издается до Февральской революции 1917 г. Последний номер—58 от 31 января 1917 года.

Социал-революционеры Переломные годы конца XIX и начала XX в. в связи с ростом рабочего движения вызвали к жизни ряд интеллигентских групп, отличавшихся крайней пестротой в программных и тактических вопросах в их революционной работе.

Одни сочетали рабочее движение с террором и не признавали за крестьянством значения боевой силы („Группа старых народовольцев“), другие тянули к народоправству, отказываясь от социализма, как очередной задачи („Рабочая партия освобождения России“ во главе с Гершуни), третьи настаивали на необходимости об‘единения рабочего движения с крестьянством („Союз с.-р.“) и т. д.

За границей имела влияние „Аграрно-социалистическая лига“, выдвигавшая приоритет крестьянского движения и пропагандировавшая своеобразный социализм из старого народничества и западно-европейского ревизионизма. Такую же эклектическую оппортунистическую линию пропагандировали легальные народники в „Русском Богатстве“.

Наряду с партией пролетариата—Р. С.-Д. Р. П.—в начале нашего столетия организовалась партия социалистов-революционеров (эс-эров). Составными частями ее были южные группы с.-р., северный „Союз С.-Р.“, „Рабочая партия политического освобождения России“ и заграничные группировки с.-р., об‘единившиеся в „Партию социалистов-революционеров“ в 1901—1902 гг.

Центральным органом об‘единенных с.-р. стала „Революционная Россия“ (под редакцией Гоца и Чернова), а теоретическим—„Вестник русской революции“.

В основу своей программы партия с.-р. положила мешанину из идей старого народничества и новаго пролетарского социализма. На место народнического „социалистического крестьянства“ и революционного пролетариата теоретики с.-р. выдвигают, так называемый, „трудовой народ“—социальную категорию, об‘единяющую большинство крестьянства и пролетариат. Поэтому программа с.-р—ов была в общем повторением программы Исполнительного Комитета Народной Воли с некоторыми изменениями. В области практической работы (тактики) и организации эс-эры стремились одинаково захватить и крестьянство, и рабочих, и интеллигенцию. „Социалистическая интеллигенция и передовая часть фабричного пролетариата—вот наши главные, но не исключительные силы“—так говорят „Основные положения программы Союза социалистов-революционеров“.

Из старого арсенала народовольцев они приняли систематический террор, как средство борьбы. „Террористические действия оказывались не то что просто „нужными“ и „целесообразными“, а необходимыми, неизбежными (курсив подлинника. П. К.). Прежде чем перейти к ним революционеры всегда—перед эпохой народовольчества не менее, чем перед последними событиями—пытались воздержаться от них, и только неумолимой логикой событий неизбежно приводились к иному практическому выводу“. „Самый характер террористической борьбы, связанной прежде всего с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств. И теперь, в то время, как „книжники“ вели чернильную баталию по вопросу о том, можно ли терроризму придавать только „экситативное“, т.-е. попросту говоря, агитационное, возбуждающее значение, или же надо допустить также значение устрашающее и дезорганизующее—жизнь выдвинула на первый план такого рода потребность в террористических средствах, пред которой должны были умолкнуть все прежние возражения. Террористические акты сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве оружия необходимой самообороны, без которой разгул ничем несдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым“. (Из „Теоретического элемента нашей программы“, см. Историко-революционную хрестоматию, т. I, стр. 437).

Подлинную природу партии с.-р., как партии мелкобуржуазного революционного авантюризма, раскрыл В. И. Ленин в двух своих статьях, помещенных в „Искре“ в момент образования эс-эровской партии (1902 г.).

„Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах, и что поэтому те доводы, которые русские социал-демократы опровергали (и на долгое время опровергли), целесообразность такого приема борьбы к ним не относится. Тут повторяется история, очень похожая на их отношение к „критике“. Мы не оппортунисты—кричат соц.-рев. и в то время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. „Мы не повторяем ошибок террористов, мы не отвлекаемся от работы в массах“,—уверяют соц.-рев.; и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Болмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершившие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем актом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса“.

В другой своей статье раскрыв отношение соц.-рев. к крестьянскому движению и блестяще доказав, что в аграрном вопросе, в котором они считали себя особенно сильными, дело ограничивалось вытаскиванием „на свет божий народнической ветоши“, Владимир Ильич окончательно устанавливает их вообще безыдейность и беспринципность: „Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводят безыдейность и беспринципность, называемые некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось на лицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о

конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ведет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили... Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием кооперации... Знаменитая троица, выражавшая их теоретические взгляды—интеллигенция, пролетариат и крестьянство,—дополнилась не менее знаменитой „программной троицей“: социализация земли, кооперация, прикрепление к наделу“ („Историко-Революционная хрестоматия“, т. I, стр. 450—462).

Первый с‘езд партии состоялся в конце 1905 года. В массовой революционной борьбе 1905—1906 гг. партия принимала слабое участие.

В рабочем классе руководящую роль играли большевики и меньшевики; крестьянство же, с которым больше всего имелось связей у эс-эров, слабо поддавалось на революционную агитацию. В тех же случаях, где крестьянство выступало активно (Прибалтийский край, Грузия), руководство принадлежало социал-демократам. Главные силы эс-эров уходили на индивидуальный террор, который с точки зрения эффекта был очень соблазнительным, но с точки зрения практического успеха революционного дела—давал очень мало.

Первую Государственную Думу эс-эры бойкотировали и поэтому в ней собственной фракции не имели. Они пытались руководить создавшейся в Думе фракцией трудовиков. Во второй Думе эс-эровская фракция колебалась между социал-демократами и кадетами и почти никакой роли не играла. В третьей Думе эс-эровской фракции не было, в четвертой Думе эс-эр Керенский входил в трудовую фракцию. В годы реакции эс-эры почти совершенно сошли с политической арены. В период под‘ема 1912—1914 гг. эс-эры несколько оживились, но на массы влияние их было ничтожно. Во время войны эс-эры разделились на социал-патриотов и интернационалистов. Последние во главе с Черновым принимали участие в Кинтальской конференции.

В период от февраля до октября 1917 года партия эс-эров численно являлась самой крупной партией в стране. Вместе с меньшевиками руководила Советами, могла иметь решающее влия-

ние на политику правительства. Сначала отдала власть буржуазии почти целиком, затем вошла с ней (вместе с меньшевиками) в коалицию. Союз с буржуазией требовал от них борьбы налево—против „анархии“, против большевизма, против недовольных рабочих, солдат и крестьян. Блок эс-эров и меньшевиков с мая месяца начал систематический поход против партии большевиков, после демонстрации 3—5 июля разгромив ее основательно.

При решении основных вопросов революции (мир, земля, Учредительное Собрание) партия эс-эров проявила поразительную трусость и нерешительность. Она не находила в себе достаточно мужества взяться за осуществление своей собственной программы.

В течение 1918—1919 гг. партия эс-эров заявляет о своем „нейтралитете“ между черной и красной диктатурой, что впрочем не мешало ей энергично помогать на юге Деникину, на севере Юденичу, на востоке Колчаку. В 1920—1921 гг. она открыто становится во главе ряда кулацких восстаний, создает антантовский фронт, участвует в Кронштадтском мятеже. Резолюция X с‘езда П.С.Р. (август 1921 г.) открыто заявляет: „10-ый с‘езд партии, собравшийся в момент обнаружившегося со всей очевидностью полного идейного и политического банкротства большевистской власти... заявляет, что вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии“.

Литература: 1) Стеклов Ю.—„Партия с.-р.“ Изд. Г.П.П. 1922. 2) Мещеряков.—„Партия социалистов-революционеров“. Изд. Г.П.П. 1922. 3) Покровский.—„Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров“. Изд. „Красная Новь“ 1922. 4) Луначарский.—„Бывшие люди“. Изд. 1922. Попов Н.И.—„Мелкобуржуазные антисоветские партии“. Изд. „Кр. Н.“ 1924.

„Союзы Борьбы“

За время с 1895 г. по 1897 г. разрозненные рабочие кружки пытаются в крупнейших центрах России создать более крупные централизованные об‘единения.

Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“.—В 1895 году в Петербурге планомерную работу среди питерского пролетариата вела группа социал-демо-

кратов, в которую входили: Ленин, Кржижановский, Старков, Ванеев, Крупская, Цедербаум (Л. Мартов), Ляховский, Степан Радченко и другие.

Каждый работал в определенном районе и имел свой кружок рабочих. Тов. Ленин работал за Невской заставой, и в его кружок входили: Бабушкин, Грибакин, Арсений Бодров и другие. Также приходилось ему иметь дело с Шелгуновым, работавшим в то время на Обуховском заводе.

До 15 декабря 1895 года название „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ группа еще не приняла. Это название было принято по предложению Мартова в середине декабря для того, чтобы отмежеваться от другой социал-демократической группы так называемых „молодых“ (группа вокруг тов. Ленина называлась „стариками“), во главе которой стоял Тахтарев.

Уже осенью 1895 года совместное собрание центральной организации группы „стариков“ и центральной рабочей группы (была при центральной организационной группе) решило немедленно приступить к массовой агитации.

По поводу стачки на фабрике Торнтон было выпущено два листка к рабочим. Дальнейший выпуск листков продолжался, и было уже решено в целях политической агитации и пропаганды, наряду с агитацией на почве насущных нужд рабочего класса, издавать журнал „Рабочее Дело“.

Но дело погубили аресты 8-го декабря 1895 года, когда было арестовано более 100 человек и в том числе почти вся центральная организационная группа, так называемые „старики“—социал-демократы: Ленин, Кржижановский, Запорожец и Молченко.

Вслед за провалом во главе организации „стариков“ стал Л. Мартов, по предложению которого организация приняла название „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса“.

С 15 декабря листки „Союза“, из которых некоторые пишет рабочий И. В. Бабушкин, подписываются официально именем „Союза Борьбы“.

К 1-му мая 1896 года Союз выпускает первомайский листок, который был написан в тюрьме т. Лениным и переслан оттуда для печати.

Значение этого листка было так велико, что, как удостоверяет в своем „Очерке Петербургского рабочего движения“ К. Тахтарев (сам руководитель кружка „молодых“, державшихся от „стариков“ в стороне и развивавших иные взгляды), „многие рабочие порою говорили, что если бы не майский листок, то, может быть, и не было бы летних стачек“.

4-го января 1896 года были арестованы Мартов и Ляховский; 12 августа того же года были арестованы все „старики“ за исключением Радченко.

Таким образом, хотя „Союз борьбы“ в Питере и остался, ибо к осени 1896 года слились остатки старого союза с „молодыми“, т.-е. с группой Тахтарева и еще другой группой Чернышева, но уже „Союз“ оказался целиком в руках „молодых“.

Несогласие же „молодых“ со „стариками“, главным образом, выражалось в вопросе о том, как от пропаганды переходить к массовой агитации.

В то время, как „старики“, прошедшие долгую и основательную школу марксизма, усвоившие все его революционное содержание, понимали задачи перехода от пропаганды к агитации в том смысле, что экономическая агитация неотделима от политической агитации, что каждым случаем насилия хозяев над рабочими надо пользоваться для внесения в рабочую массу политического сознания, связывая произвол хозяина с произволом самодержавного правительства, на которое опирался хозяин— „молодые“ работники явно шли по дороге понимания брошюры „Об агитации“ так, как поняли ее виленские социал-демократы.

Впоследствии Тахтарев и Чернышев вполне это доказали, создав газету „Рабочая Мысль“ и сделавшись самыми правоверными „экономистами“ (см. „Экономизм“), отбросившими далеко от себя и от рабочего класса задачи политической борьбы.

Создание „Союзов Борьбы“ и одновременно смена старого поколения социал-демократов поколением молодых (отчасти вследствие правительственных арестов и ссылок)—происходит на пространстве почти всей России в период 1895—1897 г.г.

Московский Рабочий Союз.—В Москве примерно также в 1895 г. возникает „Московский Рабочий Союз“, который окончательно оформляется в начале 1896 года.

1-го мая 1896 года в Москве была устроена маевка, собравшая до 250 рабочих. 25 мая 1895 года в Москве, в Сокольниках, происходит собрание представителей рабочих кружков, на котором говорится о необходимости организации рабочего союза. В конце 1895 года две социал-демократические организации одновременно именуют себя „рабочим союзом“, т.-е. центром, уже пользовавшимся в то время авторитетом в глазах московских рабочих.

В январе 1896 года слияние нескольких групп образует центральную газету „Московского Рабочего Союза“.

При этом связи с рабочими настолько уже сильны, что под адресом московских рабочих французским рабочим по поводу двадцатипятилетия Коммуны было собрано 605 подписей с 28-ми фабрик и заводов, и лишь краткость срока не позволила собрать большего количества подписей.

К весне 1896 года число членов значительно увеличилось. Образовались новые стачечные кассы, делались попытки слияния мелких стачечных касс.

„Насколько поднялось боевое настроение рабочих, можно судить,—говорит товарищ Владимирский в сборнике „На заре рабочего движения в Москве“, — по следующему факту: рабочие газового завода постановили прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля в день коронации Николая“. Аресты и высылки в мае и крупный провал в июле 1896 года были так же, как и в Петербурге, серьезным ударом для „Союза“.

„Союзы“ по России.—Подобным же образом складываются социал-демократические рабочие Союзы в Екатеринославе и Киеве. Возникает основанный тов. Троцким „Южно-Русский Рабочий Союз“ в г. Николаеве в 1897 г. и в то же время вместе с стремлением к об‘единению на местах возникает у целого ряда организаций стремление заложить фундамент для всероссийского об‘единения, т.-е. созвать первый социал-демократический с‘езд.

Литература: 1) Тахтарев.—„Очерки петербургского рабочего движения в 90-х годах“. 2) Стеклов, Ю.—Историч. подготовление с.-дем. в России“. 3) Невский, В.—„Южно-русский рабочий союз в Николаеве в 1897 г.“ 4) „От группы Благоева к союзу борьбы“. ГИЗ 1921.

„Союз Освобождения“ Грандиозная политическая забастовка протеста после Кровавого Воскресения (см. „Девятое января“) широкой волной прокатилась по всей России. Она ясно показала всему миру, что в России родилась не просто революция, по типу революции 1848 года, а рабочая революция, к которой должны будут приспособиться все остальные классы русского общества. Правительство, напуганное этим, пытается пойти на переговоры с рабочим классом (см. „Комиссия Шидловского“), пытается путем уступок успокоить движение. Оно торжественным манифестом возвещает, что Булыгину поручено разработать проект Думы, в которую царь призовет избранников народа, чтобы от них выслушать нужды всего народа, чтобы совещаться с этими избранниками о государственных делах.

Большевики на попытку переговоров правительства с рабочими отвечают агитацией за вооруженную борьбу с правительством, за революционный созыв учредительного собрания. Благодаря им Булыгинская дума сорвана, не успевши родиться.

Либералы же готовы приветствовать победу, готовы торжествовать. Они лихорадочно организуются. Каждая интеллигентская профессия организует свой союз, который называется профессиональным союзом адвокатов, инженеров, писателей, учителей, профессоров, железнодорожников и т. д. В эти беспартийные, как они сами называли себя, союзы должны были входить и инженеры-хозяева заводов и мелкие инженеры и техники, служащие у них, и адвокаты с стотысячной практикой и мелкие юристики, переписывающие у них бумаги, и хозяева-издатели газет и мелкие репортеры. Союзы поставили своей задачей об‘единить всю интеллигенцию без различия партий и общественного положения на одной общей, об‘единяющей всех, платформе — борьбы с самодержавием. Фактически, все эти союзы в своей тактике оказались филиальными отделениями кадетского „Освобождения“. Фактически это была попытка организовать всю буржуазную интеллигенцию, чтобы влияние этой умеренной соглашательской организации противопоставить все растущему влиянию социал-демократической партии.

Меньшевики и эс-эры, конечно, приветствуют это движение. Они все еще надеются на мирный сговор организованной буржуазии с правительством. Они все еще надеются, что революции можно избежать.

В Октябрьские дни 1905 года „Союз Освобождения“ вошел составной частью в конституционно-демократическую партию (см. „Кадеты“).

Союз 17 октября Союз 17 октября сложился из: 1) правого меньшинства земских с‘ездов 1904—1905 г. г.; 2) реакционной буржуазии и 3) разных элементов „порядка“, организованных бюрократией в противовес революции 1905—1906 г. г. Его вожди— Д. Шипов, М. Стахович и А. Гучков. Члены союза сокращенно звались октябристами.

Союз сразу же занял контр-революционную позицию, выступил в защиту усмирительной политики Витте-Дурново, военно-полевой юстиции Столыпина. Ни в I ни во II Думе союз никакой роли не играл, расцвел только в третьеиюньской Думе, где стал „правительственной“ партией, при чем и там скоро оказался черезчур левым для растущей реакции. В империалистическую войну занял позицию „войны до полной победы“ с конфискацией и контрибуцией. Февральская революция сразу же отбросила октябристов в черный стан монархической контр-революции.

Союз Советских Социалистических Республик В первое время после Октябрьской революции между Советскими Республиками не было никаких письменных договоров: тесное единение предполагалось само собой. Такие договоры возникли лишь впоследствии во время бешеного натиска вооруженных сил Антанты на Советскую Республику. Постановление Всероссийского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов от 1 июня 1919 г., резолюция Украинского Центрального Исполнительного Комитета от 18 мая 1919 г. и присоединившиеся к ним Латвия, Литва и Белоруссия—Советские Республики, возникшие к тому времени,—выражали стремление к об‘единению в интересах, главным образом, борьбы с нападавшими капиталистическими врагами.

Постановление ВЦИК гласило: „Отпор попытке международного капитализма вновь ввергнуть в рабство миллионы русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них теснейшего об‘единения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе на жизнь и

смерть. Военный союз должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс, ВЦИК признает необходимым провести тесное об‘единение: 1) военной организации и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) финансов и 4) комиссаров труда“.

Процесс формального об‘единения советских образований, равно как и возникновение и оформление Советских республик в период 1919 и 1920 годов замедлились или совсем прекратились: некоторые из Советских республик попали под ярмо буржуазных хищников, а в оставшихся в руках пролетарской власти областях все силы были направлены на одну цель—отбиться. Но в конце 1920 г., после заключения мира с Польшей и разгрома Врангеля, Советские Республики смогли уже вернуться к делу строительства Советской власти и пролетарского хозяйства, и, с одной стороны, в течение 1921 и 1922 г. г. из входящих в состав РСФСР национальностей образуется ряд автономных республик, областей и коммун, а с другой—идет процесс об‘единения в крепкое целое РСФСР—и об‘единение последней с самостоятельными республиками—Украинской, Белорусской и Закавказской Федерацией (Грузия, Азербейджан и Армения). С другой стороны, в состав РСФСР вошла Дальне-восточная республика, дольше всех подвергавшаяся натиску империалистических сил.

Таким образом весь советский социалистический мир представляется теперь в следующем виде:

Союз Советских Социалистических Республик (СССР)—союзное государство, об‘единяющее след. главные группы социалистических советских образований—РСФСР, Украинскую Советскую Социалистическую Республику, Белорусскую Советскую Социалистическую Республику, Туркменскую Советскую Социалистическую Республику, Узбекскую Советскую Социалистическую Республику и Закавказскую Федерацию Советских Социалистических Республик. Верховными органами Союза являются Союзный С‘езд Советов и Центральный Исполнительный Комитет Союза, избираемый С‘ездом. Это об‘единение—вполне добровольное и равноправное, так как каждая из входящих в Союз Республик сохраняет право свободного выхода из Союза и полное обеспечение интересов национального развития народов договаривавшихся республик.

Каждая из республик Союза и в частности РСФСР построены, с одной стороны, на принципе об'единения самоуправления (но действующих в рамках директив центральной власти)—Советов труда, а, с другой—на принципе полного и безоговорочного самоопределения национальностей.

Эта форма об'единения обеспечивает единство строительной работы всех частей великого об'единения и в то же время дает полную свободу развития трудящихся масс и самоопределения народов бывшей России.

Литература: 1) Раковский.—„Союз Советских Социалистических Республик". Новый этап советского союзного строительства. 2) Крыленко.—Союз Совет. Соц. Республик. 3) Трайнин.—СССР и национальные проблемы. 4) Попов.—Национальная политика Сов. Власти.

Союз русских социал - демократов Союз возник в 1895 г. по инициативе „Группы Освобождения Труда". Очень скоро Союз, заполнившийся молодежью, отошел от строго революционной позиции Группы, стал склоняться к „экономизму". В ноябре 1898 г. Группа была вынуждена отказаться от редактирования издания Союза; тогда в Союз вошли новые члены, был создан журнал „Рабочее Дело". На апрельском с'езде 1900 года Группа окончательно вышла из союза, решительно вступившего на путь оппортунизма бернштейнианства. Об'единительные попытки в 1901 г. между революционными и оппортунистическими крыльями заграничной социал-демократии окончились ничем по вине Союза. „Группа Освобождения Труда" и „Искра" ведут с ними ожесточенную войну. Значение Союза за границей и в России все падает, и на II С'езде Р. С.-Д. Р. П. Союз был об'явлен распущенным.

Стачки Массовые проявления недовольства рабочих своим положением и попытки добиться его изменения относятся к очень отдаленному времени. Так, уже в июне 1824 года наблюдается довольно организованное выступление мастеровых Кирицкого чугунно-плавильного и зеркального завода бр. Генике в Рязанской губернии. Они подали жалобу в земский суд на то, что владелец притесняет их: делает вычеты по 20 коп. из платы,

не отпускает им леса из заводской дачи и кирпича. Очевидно земский суд не спешил рассмотрением этой жалобы, и мастеровые, бросив работу, явились большой толпой в суд и потребовали удовлетворения. Чтобы „остановить их от своеволия и уклонения от работы“, пришлось прибегнуть к помощи военной команды, т. к. слова „увещания“ земского исправника оказались бессильны. 12-го августа 1826 года Рязанская Уголовная Палата, рассмотрев „дело об ослушании“, приговорила: восемь человек подвергнуть наказанию при полиции батожьем и семь—к тюремному содержанию. Наказания не устрашили мастеровых завода. Наоборот: когда владелец, воспользовавшись разрешением Горного Управления, отдал четырех человек, замеченных „в ослушании и подстрекательстве“, в рекруты и когда их отводили в город, то по дороге их отбили и разыскать их не удалось. По распоряжению губернатора был образован на месте военный суд, который вынес приговор 6-ти мастеровым, как зачинщикам: наказать шпицрутенами сквозь строй 500 человек, каждого один раз, а затем сослать в Сибирь на отдаленные казенные рудники; двое было наказано полицейским надзором на жительстве „в страх другим“ с отдачей в ведение заводской конторы, 31 человек от наказания были освобождены. Будучи на заводе, губернатор успел обнаружить, между прочим, что мастеровые „питают скрытое единодушие, утвержденное между ними клятвою, чтобы всем распоряжениям начальства, ежели оно приступит к отдаче кого-либо из них в рекруты, противиться даже при самых наказаниях“.

1-го сентября 1826 года по донесению Омского областного начальника бежало неизвестно куда 13 крестьян, принадлежащих Колывано-Воскресенским горным заводам. В дальнейшем выяснилось, что в два раза бежало всего 41 человек.

В 1828 году в записке на имя шефа жандармов графа Бенкендорфа „О положении заводов Уральского Хребта“ говорилось, что среди „сибирского народа есть много ума хитрого, напитанного духом своеволия и неповиновения к начальству“.

В 1829 году происходили большие волнения среди заводских крестьян княгини Белосельской в Оренбургской губернии. Крестьяне Юрзень-Ивановского завода, собравшись толпой в 300 человек, избили мастера Сурина и посадили его под караул при заводской полиции. Причины этого волнения изложены в поданной

заводскими крестьянами записке, в которой содержались жалобы и претензии: 1) на малую против других заводов плату, 2) на дороговизну хлеба, 3) на то, что контора не делает с ними надлежащего расчета в долгах их и несвоевременно выдает заработные деньги, 4) на несоразмерность возлагаемых на них работ и т. д.. Волнения были подавлены вооруженной силой.

Следя в таком направлении вплоть до периода так называемого „свободного“ труда, т.-е. до 60-х годов прошлого столетия, можно безошибочно констатировать: 1) не проходит ни одного года, чтобы не было открытого выступления работающих на фабриках и заводах, 2) центром волнения является, по преимуществу, Поволжье и Урал, 3) в стачечном движении этого времени преобладали крестьянские интересы рабочей массы, еще тесно связанной с крестьянством; отношения помещика к крестьянину преобладали над отношением капитала к труду, 4) способ ликвидации этих выступлений всюду один и тот же: вооруженная сила воинских команд, шпицрутены, батожье, тюрьма и ссылка, 5) причины, вызывавшие волнения—исключительно экономического порядка: низкая заработная плата, дороговизна с‘естных припасов, несвоевременная выплата заработных денег, ничем неограниченный рабочий день и т. п. Наряду с последними встречаются, правда, как редкое исключение, попытки организации тайных обществ для борьбы за свободу от крепостной зависимости. Так, весной 1836 г. на заводе Лазаревых Пермской губ. возник небольшой кружок из числа служащих и учеников местной горно-заводской школы; выработан был устав организации для „приверженцев свободы“, т.-е. противников крепостного права, и кружок выпустил соответствующее воззвание. „Во всех известных странах света—говорится в этом воззвании—не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неот‘емлемое владение таковым же, как они, людям. Но у нас, в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей . . . . с неограниченной властью не только от самих господ, но и от равных крепостных людей“. Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих под игом обязательного труда в пользу господ, доказывается неосновательность санкционирования этого порядка авторитетом священного писания и, наконец, де-

лается ссылка на пример „граждан“ образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя несносное иго насильничества, сделавшись свободными гражданами... „Иго рабства в России от времени становится несносней, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим“. Воззвание заканчивается: „благородные граждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства“. Нечего говорить, что воззвание это попало в руки начальства, а затем, как следствие, девять человек отданы были в рядовые различных полков, а остальные под секретный надзор.

Развитие промышленности, последовавшее за освобождением крестьян, неминуемо должно было дать могучий толчок развитию стачечного движения. Еще не успел как следует капитализм пустить корни в русскую почву, как в разных местах начинают вспыхивать крупные и серьезные стачки. О первых стачках середины 60-х годов следов сохранилось немного; они говорят, что рабочие восстают то тут, то там, пытаясь хоть отчасти сбросить с своих плеч лежащий на них непосильный гнет. Прежде и сильнее всего это движение стихийно появляется в той части нашей промышленности, где этот гнет был наиболее чувствительным, где предложение рабочих рук значительно превышало спрос и где конкуренция между ручным (кустарным) трудом и машинным (фабричным) всей своей тяжестью, главным образом, ложилась на заинтересованных рабочих. Мы говорим здесь о текстильной промышленности. В этой отрасли производства рабочие находились в таких условиях, которые трудно себе представить. Рабочее время на механических ткацких фабриках колебалось между 12—16 часами, а на ручных между 16 и 20. Без прогула на бумагопрядильных фабриках мужчина в среднем зарабатывал 10 руб. 18 коп. в месяц (25 дней), женщина—8 руб. 33 коп. Из этого нищенского заработка рабочим в среднем приходилось уплачивать от 5 до 6 руб. штрафов, а затем шли вычеты за баню, за лекарства, за челноки и другие инструменты, на лампадное масло, на архиерейские молебны и т. п. и т. д. Но и жалкий остаток после всех этих вычетов уплачивался не наличными, а принудительным забором продуктов в лавке, принадлежащей фабриканту или его родственнику.

Наряду с этим причиной рабочего движения были и чисто крестьянские интересы, направленные в сторону вопроса о земле, о земельном наделе. Характерным примером в этом отношении могут служить волнения на Сунсунских и Демидовских заводах, где до двух тысяч мастеровых лишились бесплатного пользования лугами. Считая это притеснением заводского управления для удержания их в зависимости, они отказались от заключения условий на производство в 1865 году.

Таким образом, движение шестидесятых годов мало отличалось от крепостного времени, хотя уже пробиваются и чисто рабочие требования, вызванные капиталистическими отношениями.

В чистом своем виде, без примеси крепостнических отношений, стачка, как орудие борьбы рабочих—продавцов рабочей силы—обнаруживается в самом начале 70-х годов.

Такой первой стачкой была стачка на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге в мае 1870 года. Эта стачка, закончившаяся судебным разбирательством, сыграла в некоторых отношениях историческую роль. В связи с ней русская печать впервые заговорила о „рабочем вопросе“ в России.

Внешняя история этой стачки крайне несложна. По донесению Петербургского обер-полицмейстера Трепова дело представлялось в таком виде:

22 мая 1870 года рабочие в числе 63-х человек прекратили работы, так как контора отказала в повышении сдельной платы, согласно представленному ими в контору расчета. Вместе с тем, рабочие не брали платы с 1-го по 22-е мая, требуя уплаты им денег, которые контора выдала на руки подручным мальчикам. Вследствие такого отказа рабочих, между которыми замечено шесть человек руководителей, приостановилось производство фабрики, на которой работало 800 человек.

Стачка произошла 22 мая, а 13-го июня Петербургский окружной суд уже слушал дело 62-х рабочих Невской фабрики, из числа которых 5 человек были выделены в качестве руководителей стачки. Дело кончилось тем, что окружной суд присудил обвиняемых к краткосрочному аресту, а судебная палата, куда был обжалован приговор, их совсем оправдала. Пришлось в силу этого вмешаться полиции, которая в административном порядке выслала пять человек, обвиняемых ею в подстрекательстве к стачке.

При таких же обстоятельствах—с лучшим или с худшим для рабочих исходом—протекают стачки в последующие годы:—в 1872 году на Кренгольмской мануфактуре, в 1874 году на фабрике купца Шабаева около Богородска, в 1875 году на бумагопрядильной фабрике Коншина, в 1876 году на чугунно-плавильном заводе Агаревой-Хрущевой (Калужской губернии), в том же году на Никольской мануфактуре Саввы Морозова, в 1878 году на Новой бумагопрядильной фабрике, в 1879 году на фабрике Зубкова в селе Иванове, на Догматовской мануфактуре Миндовского и Кокорева и т. д. и т. д. Список можно удлинить без конца. Но важно отметить то исключительное место среди стачек 70-х годов, которое заняли забастовки в Петербурге во второй половине этого десятилетия.

Как и все стачки этого времени, они носят, по преимуществу, оборонительный характер, протестуя против ухудшения условий работы фабрикантами; как и в других местах, рабочие, бросая работу, не отказываются еще итти к начальству. Вместе с тем в этих стачках впервые начинает проявляться более широкая солидарность рабочих, охватывающая не одну, а несколько фабрик, и делаются попытки производить стачки организованно. На этих стачках впервые вполне отчетливо сказывается влияние революционного движения (см. „Казанская демонстрация“), как и на это последнее, в свою очередь, оказывает свое влияние движение среди рабочих. Такой характер петербургских стачек отвлекает правительство с пути „попечения“ (см. „Фабричное законодательство“) о рабочих на путь репрессий, намечая новую полосу правительственной политики, получившей полное развитие позже.

Промышленность в России в 80-е годы развивалась, несмотря на временные кризисы. Но все выгоды целиком доставались классу капиталистов, рабочий же класс, численность которого к тому времени значительно возросла и непрерывно продолжала увеличиваться, продолжал испытывать на себе все тяготы политического и экономического гнета.

Правительство попрежнему преследовало все попытки рабочих создать организации для борьбы за улучшение своего положения; достаточно было рабочим только заикнуться об улучшении условий труда, как на них сыпались всякого рода преследования: десятками и сотнями арестовывали, сажали в тюрьмы и высылали по этапу;

когда же рабочие решались об'явить стачку, для усмирения их к услугам капиталистов были полиция и вооруженная сила войска. История борьбы рабочих за эти годы знает не мало случаев, когда их настойчивость в отстаивании выставленных требований обагрялась кровью участников.

Но ничто не могло сломить упорства рабочих. На борьбу их толкали безотрадные условия жизни. Высылки и аресты заставляли их только еще теснее сплачиваться в борьбе, крепче держаться друг за друга, открывали глаза рабочей массе на несправедливое отношение к ней правительства и заставляли многих задуматься над своим положением. Высылки рабочих, принимавших более видное участие в борьбе, только содействовали развитию и распространению рабочего движения, так как высланные, попадая в новые места, приносили с собой туда семена протеста против гнета капиталистов и делились с товарищами своим опытом в борьбе.

Это десятилетие открывается крупной стачкой на Ярцевской мануфактуре Хлудова в Смоленской губернии. Хлудовская фабрика славилась исключительно тяжелым положением рабочих и жестокой их эксплоатацией, благодаря чему 9-го сентября 1880 года рабочие, собравшись большой толпой, на работу итти отказались.

Единодушие рабочих в отстаивании своих требований было настолько велико, что уговорами начальства ничего нельзя было поделать, и губернатор выслал 500 солдат, которые заняли фабрику. Как водится, зачинщики были арестованы и 8 из них отправлены в Смоленск. Недовольные рабочие в числе 800 человек, были отправлены по месту жительства в Московскую губернию. Власти старались создать громкое судебное дело и раздуть преступление рабочих до „бунта“, но, в конце концов, должны были удовлетвориться судом мирового судьи. Судья трех оправдал, двух приговорил к месяцу тюрьмы и двух к аресту при полиции.

В этом же году забастовали рабочие Кренгольмской мануфактуры. В июле 1882-го года произошла крупная забастовка в Ревеле, охватившая несколько тысяч человек. Были вызваны войска, появление которых содействовало „мирному“ исходу стачки. В 1882—1887 гг. бастовали, противодействуя понижению заработной платы и усилению штрафов, рабочие фабрики Дербенева в Иваново-Вознесенске, заводов Бромлея и Дависона в Москве, брестских

железнодорожных мастерских в Москве, железнодорожных мастерских в Борисоглебске, фабрики Щербаковых в Коломенском уезде, фабрики Брянкина в Нижегородской губернии, фабрики Кноп в Петербурге, Третьяковской горенской мануфактуры, Вознесенской мануфактуры, механического завода Москвеля в Петербурге, Путиловского завода и т. д. и т. д. В 1885 году возникла знаменитая Морозовская стачка в Орехове-Зуеве и явилась блестящим примером мужественной, упорной и солидарной борьбы рабочего класса. В стачке участвовало до 8000 рабочих. Чтобы сломить упорство рабочих, пришлось вызвать губернатора, прокурора, войска всех родов оружия. Стачкой руководили высланные ранее из Петербурга рабочие. Орехово-Зуевская стачка послужила толчком к другой стачке рабочих в Иваново-Вознесенске. Под влиянием этих стачек был издан закон 3-го июня 1885 года—„Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры“ и „Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих“ (см. „Фабричное законодательство“).

Перечислять далее забастовки этого времени не представляется возможным. Отметим только, что в результате борьбы рабочие добились издания целого ряда законов, которыми сильно были ограничены работы в ночное время, была упорядочена работа на фабриках женщин, детей и подростков, были, наконец, установлены регулярные сроки выдачи заработной платы, отменен произвол фабриканта в назначении штрафов, запрещена расплата товарами и купонами и установлен надзор за соблюдением новых законов в лице фабричных инспекторов. Для того времени—все это были крупные завоевания, значительно улучшившие прежнее бесправное положение рабочих.

В 80-е годы русские рабочие в своей борьбе не встретили поддержки со стороны революционных организаций.

Самая могущественная из этих организаций—„Народная Воля“, мечтавшая осуществить социалистический переворот в России посредством захвата политической власти заговорщицким путем, сама оказалась разгромленной правительством в самом начале 80-х годов. Другая организация народников, относившаяся отрицательно к политической борьбе—„Партия Черного Передела“—также пришла в упадок, так как потеряла веру в возможность вызвать широкое народное восстание для осуществления социалистических

идеалов. Задумываясь над причинами неуспеха революционного движения в России, чернопередельцы вскоре пришли к убеждению, что все прежние их представления о возможности быстрого перехода крестьянской России непосредственно к социализму в корне ошибочны.

Иную картину представляет рабочее движение 90-х годов. К этому времени сложилась Р.С.-Д.Р. партия. В программе этой партии пролетариат рассматривается не как придаток к общей народной массе, а как главное ядро народа, каким оно на деле становится благодаря развитию капитализма, превращающего большинство населения в пролетариев. Расширившиеся кадры организованных в подпольных группах социал-демократов вступили в соприкосновение с широкими рабочими низами, ищущими выхода из невыносимого положения.

Девяностые годы—эпоха массового пролетарского движения под знаменем социал-демократии.

В 1892 году произошли рабочие беспорядки в Юзовке, перешедшие в погромное движение. Оно было подавлено военным судом и смертными казнями. В 1893 г. бурная забастовка произошла на Хлудовской мануфактуре, упорно бастовали железнодорожные мастерские в Ростове на Дону, были забастовки в Петербурге и Харькове. В 1894 году забастовки и конфликты происходят в Петербурге, Москве, в Шуе, в Минске, Вильне, Тифлисе. В 1895 году в Петербурге бастуют и на Путиловском заводе, и на сапожной фабрике, и на фабрике Торнтона и на табачных фабриках; в Москве—на Прохоровской мануфактуре, у чаеразвесочников и на некоторых других фабриках; кроме того, в Иваново-Вознесенске, в Ярославле, в Самаре, Орле, Одессе, Минске, Ковно, Белостоке, Вильно, Сморгоне и других городах. В этом году число бастовавших доходило, по умеренным расчетам, до 40 тысяч.

К весне 1896 года стачечное движение захватило всю массу петербургского прядильно-ткацкого производства. Стачка длилась больше месяца и отличалась как стойкостью рабочих, так и удивительной сдержанностью и спокойствием, не покидавшими стачечников, несмотря на провокаторские действия полиции, жандармов и фабричной инспекции.

Небывалая по своим размерам стачка, привлекла к себе всеобщее внимание. Не только рабочие России, но и рабочие других стран выразили свое сочувствие к ней. Из Англии и Германии рабочим были присланы пожертвования в пользу стачечников. Европейская печать заговорила о небывалом явлении в русской жизни, о начале русского рабочего движения.

В дальнейшем изложении стачечного движения ограничимся приведением цифровой таблицы, указав одновременно на характер его:

Год.	Число участников в экономических забастовках.	Число участников в забастовках политическ.	Общее число забастовавших.
1895	31.195	—	31.195
1896	29.288	239	29.527
1897	59.353	517	59.870
1898	41.590	1.560	43.150
1899	54.375	3.123	57.498
1900	25.210	4.779	29 989
1901	31.698	520	32.218
1902	31.629	5.042	36.671
1903	67.810	19.022	86.832
1904	24.403	501	24.904

В дополнение и пояснение приведенных цифр должно сказать:

1) экономические забастовки в 1897—1899 гг. делают быстрый скачок в сторону повышения. Это об'ясняется тем, что в этот период шла ожесточенная борьба рабочих за сокращение рабочего дня и использование бешеного промышленного под'ема для улучшения вообще своего материального положения; 2) в 1903 году, на почве промышленного кризиса, особенно захватившего всю металлургическую промышленность России, политические забастовки становятся крупным фактором и 3) война (1904 г.) с Японией, в связи с застоем промышленности, свела движение к минимуму. Это была как бы минутная летаргия рабочего класса, проснувшись от которой, после расстрела 9-го января 1905 года, он дал поистине беспримерную картину в истории движения не только русского, но и мирового.

Стачечное движение 1905 года уже с первого взгляда открывает нам свой революционный характер—своими колоссальными

размерами, самым количеством затронутых и двинутых в дело сил.

Прежде борьба увлекала или одни только передовые элементы рабочего класса, или если и массы,—то лишь в некоторых наиболее развитых центрах промышленной жизни; теперь освободительные идеи захватывают уже и самые низы, увлекая даже наиболее отсталые и трудно подвижные слои. Движение обходит по всем уголкам России как в центре, так и по отдаленным окраинам, из стихийного превращается в организованное и своим упорством и грандиозностью заставляет поверить и неверующих в героическую мощь пролетариата.

Прологом революции послужило январское выступление петербургских рабочих (см. „Девятое января“). Январские события нашли себе отклик не только в пролетариате петербургском, но и в сердцах рабочих всей страны. 13-го января стачечное движение поднимается в Польше, охватив Варшавскую, Петроковскую, Калишскую, Люблинскую, Полоцкую, Радомскую, Сувалкскую и Седлецкую губернии. Не менее дружно отозвался Прибалтийский край. 11-го января в Риге, по получении известий о событиях в Петербурге, вопрос о всеобщей стачке был решен единодушно. Одновременно с Ригой началась всеобщая забастовка в Ревеле, Митаве, Либаве, Виндаво и Юрьеве. В общем за январь месяц бастовало здесь более 100.000 рабочих. В Западном крае забастовка началась в Вильне, а затем перекинулась в Ковно, Минск, Могилев, Белосток, Гомель. В Финляндии 11—12 января происходили повсеместные уличные демонстрации по городам, в Гельсингфорсе, например, принимало участие более 10.000 человек.

Что касается внутренней России и прежде всего центрального района, то здесь на первых порах отклик был несравненно более слабым. В Москве забастовка началась на другой день после кровавых дней в Петербурге на механических заводах Вейхельта и Бромлея; в типографии рабочие ушли, не пред'явив никаких требований и заявив, что они бастуют из сочувствия к петербургским товарищам. 13-го января число забастовавших достигло 25—30.000 человек. С 10 по 14 января работы в Москве были прекращены в 118 заведениях и общее число стачечников составляло 40 тысяч слишком. На большинстве фабрик и заводов пред'являлись экономические требования, на некоторых совсем никаких.

В Поволжье движение захватило Царицын, Саратов, Самару, Казань и Ярославль. На юге России 12-го января была кратковременная стачка на Днепровском заводе, затем в Юзовке, на заводе Новороссийского общества. 17-го января началась забастовка в Екатеринославе и продолжалась неделю. Бросили работу фармацевты, приказчики, шляпочницы и др., не говоря уже о заводских и типографских рабочих.

Стачки вспыхивали и еще во многих пунктах—то здесь, то там. В общем за один лишь месяц борьбы число забастовавших было более, чем за целые годы до того: не будет преувеличением сказать, что январская стачечная волна увлекла за собой более 600.000 человек.

„Вся Россия бастует"—вот как можно определить степень стачечного движения в последующие за январем месяцы. И действительно: в феврале месяце бастует почти весь юг России, насчитывающий одних горнозаводских рабочих до 150.000 кроме фабричных, ремесленных, строительных, портовых и друг. В этом же месяце стачка охватывает Орехово-Зуево с его 30.000 рабочих, Ригу, Либаву, Митаву, Виндаву. В апреле в связи с 1 мая по новому стилю на несколько дней замирает жизнь в Варшаве, Лодзи, Риге, Либаве. Закрыты рестораны, магазины, кондитерские, движение трамваев и извозчиков приостановлено, газеты не вышли. На улицах демонстрации с красными флагами. В мае поднимается русский Манчестер—Иваново-Вознесенск. Стачка началась 12-го мая, 14-го не работало уже 40.000 человек, а 16-го около 60.000 человек. „Масса бросала работу добровольно в сознании необходимости поддержать общие интересы",—сообщает „Русское Слово". 17-го присоединилась прислуга. С 18-го мая прекратились работы повсеместно и в г. Шуе. В июне забастовочное движение еще более нарастает по сравнению с прошлыми месяцами. Замирает весь Домбровский горнозаводский район, всеобщая стачка снова возникает в Либаве, грозно ворчит Урал. В июле начинается общая стачка в Костроме (15.000 рабочих), захватившая и фабрику Кашиных. К ним присоединяется Петербург, Нижний-Новгород, Сормово, железнодорожные мастерские в Чите. За Читой в августе поднялись Иркутск, Красноярск, Тайга, Омск, Петропавловск, Челябинск, ст. Оловянная, Иннокентьевская, Елань, Зима, Хилка, Борлая.

Следует оговориться, что приведенный список бастовавших городов далеко не полон.

Особенностью этого момента является то, что теперь в движении принимали участие ремесленники, служащие в торгово-промышленных заведениях, строительные рабочие, железнодорожный персонал, т. е. те именно слои, которых не было заметно еще так недавно. Становясь общепролетарским, движение принимает вместе с тем всероссийский характер; под руководством социал-демократии оно отливается в форму классовой борьбы.

Не мало сделано было завоеваний за этот промежуток времени в деле улучшения положения рабочего класса,—на заводах морского министерства и казенных железных дорогах введен 9-ти часовой рабочий день, служащие в торгово-промышленных заведениях добились урегулирования рабочего времени и воскресного отдыха, вместо 12-ти часовых смен на сахарных заводах стали практиковаться три смены по 8-и часов, уничтожались обыски, повышалась заработная плата, вместо 11—11½-часов. рабочего дня вводился 10-и часовой и т. д. и т. д.

Но не в жалких поправках и починках, а в коренном обновлении нуждалась рабочая жизнь. Движение развивалось, и логика его неудержимо толкала массы вперед. Прежде чем воздвигать новый фундамент, нужно было снести старый.

Всеобщая политическая забастовка в октябре месяце была тем штурмом цитадели самодержавия, который завещан был январским выступлением петербургских рабочих.

Поднялась Москва. 23—24-го сентября начинается общая забастовка типографских рабочих: не вышли все газеты, стали трамваи, табачные фабрики, булочные. В знак своей солидарности с московскими петербургские типографщики провозгласили 3-х дневную забастовку; едва успела она окончиться, как началась 8—10 октября стачка на железных дорогах. 12-го октября первый делегатский с‘езд об‘явил всероссийскую железнодорожную забастовку, по телеграфу рассылались общие лозунги: 8-и часовой рабочий день, гражданские свободы, амнистия и учредительное собрание. Движение поездов прекратилось по всем направлениям в московском и петербургском узлах; внутренняя Россия и окраины не отставали. Нижний-Новгород, Казань, Симбирск, Саратов, Калуга, Вязьма, Киев, Полтава, Симферополь, Воронеж, Курск, Харь-

ков, Екатеринослав, Елисаветград, Варшавский узел, Рига, Виндава, Гельсингфорс, Кавказ, Средняя Азия (Асхабад). Сибирь (Челябинск, Томск, Красноярск) оказались отрезанными, разобщенными. Во всеобщую стачку в Москве были втянуты с 10 по 17-е октября большинство фабрик и заводов, аптеки, почтамт, винные склады, телеграфы и телефоны, канализация, водопровод, бойня, газовый завод, городские и земские служащие, приказчики, адвокаты, конторы государственного банка, все кредитные и ссудные учреждения.

В Петербурге 11-го забастовали Обуховский, Семянниковский и Александровский заводы, 12-го стеклянный и фарфоровый и целый ряд других, а 13-го октября работы прекратились почти на всех без исключения заводах и фабриках. Адвокаты, служащие в банках и конторах постановили присоединиться к политической забастовке. Как здесь, так и в Москве все учебные заведения от низших до высших прекратили свои занятия.

Всеобщая политическая забастовка распространилась на Саратов, Харьков, Екатеринослав, Тифлис, Гельсингфорс и Казань.

Самодержавие, окруженное этой бушевавшей стихией и лишенное всяких возможностей сноситься с внешним миром, пошло на уступки, в результате которых была брошена „куцая" конституция в виде манифеста 17 октября.

Общее число бастовавших в 1905 году равняется—2.863.173 человека, из них в политических забастовках участвовало 1.842.662,—в экономических—1.020.511.

1905 год закончился вооруженным восстанием пролетариата в декабре месяце (см. „Декабрьское восстание").

Разгром революции 1905 года дал нам эпоху разгула черносотенной контр-революции. Все надежды рушились. Революция была разбита. Сотни и тысячи лучших людей из рабочего класса погибли на виселицах, в расстрелах, гибли в Сибири, в тайге, на каторге. Организация была раздавлена. Наступили дни либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников катастрофически пало, доходя до 60.000 в 1909 году и до 50.000 в 1910 г.

Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. Демонстрация в связи со смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение ясно показали, что повеяло иным

ветром, что наступил известный поворот в настроении демократических масс. Вскоре дал о себе знать и рабочий класс. Медленно собирая свои силы, он опять перешел в наступление. Число стачек начинает снова расти. Первыми ласточками возрождающегося пролетарского движения были летние экономические стачки 1910 г.

Этот под'ем, как и следовало ожидать, совпал с экономическим под'емом страны, отличавшимся в эти годы интенсивностью и в то же время почти всеобщим характером. Кроме того, под'ем в промышленности шел рука об руку с под'емом в земледелии.

Нижеприводимая таблица с наглядностью убеждает в поступательном движении стачек, вплоть до об'явления войны 1914 г.

Годы.	Число участников в экономических забастовках.	Число участников в политических забастовках.	Общее число участников.
1910	42.846	3.777	46.623
1911	96.730	8.380	105.110
1912	175.677	549.813	725.490
1913	348.654	502.442	887.096
1914	278.347	1.050.111	1.337.458

Об'явление войны на время прервало, но не задержало дальнейшего развития забастовочного движения. Прерванное в августе 1914 г., оно со средины 1915 г. опять начинается рядом забастовок протеста против войны (Иваново-Вознесенск—25 тысяч рабочих). В сентябре происходили также крупные политические забастовки (88 тысяч участников).

В 1916 году в связи с резким ухудшением материального положения рабочих резко повышается число участников экономических забастовок, хотя и число принимающих участие в политических забастовках вырастает в 2 раза. Вообще же в 1916 году число бастующих равняется 951.695 человек, из них участников экономических забастовок 641.395, политических забастовок — 310.300.

В феврале 1917 г. забастовка вызывает приостановку почти во всех предприятиях Петрограда и Москвы. Политические стачки февраля достигают 413 тысяч участников рабочих.

В феврале самодержавие пало, у власти буржуазия. Рабочий класс, видя, что дивиденды акционерных компаний и вообще барыши металлургических, текстильных и других королей стоят выше его интересов и выше насущных интересов страны, опять начинает бороться за свое материальное улучшение, которое в связи с ростом дороговизны жизненных продуктов катастрофически ухудшалось. Сведения, касающиеся только 15—25 губерний за март—сентябрь, показывают только 30,7% политических забастовок, а 69,3% экономических. Свергнув самодержавие, пролетариат повел борьбу с своим прямым врагом—буржуазией. Март—сентябрь—это своего рода подготовительный период перед Октябрем.

Литература: 1) „Архив Истории труда в России", кн. 1,2 и 6,7.
2) Ельницкий.—История рабочего движения в России, стр. 26-76, 129 и сл.
3) Пажитнов.—Положение рабочего класса в России, стр. 271 и след.
4) Меницкий.—Русское рабочее движение и Р.С.-Д.Р.П. накануне войны.
5) Сидоров.—Забастовочное движение в России.
6) Гриневич.—Профессиональное движение рабочих в России, стр. 109—181.

Стокгольмский (об'единительный) с'езд Р.С.-Д. Р. П. см. „С'езды Р.С.-Д.Р.П.".

Страховые товарищества Страховые товарищества установлены законом 1912 г. о страховании рабочих (см. „Фабричное законодательство"). Участниками этих товариществ состоят владельцы предприятий.

Застрахованию подлежат по этому закону все, без различия пола и возраста, лица, которые служат в предприятиях по найму и получают содержание, включая сюда и продовольствие натурой, не свыше 1500 руб. в год. Это страхование осуществляется за счет владельцев предприятий, которые несут круговую ответственность по обязательствам страхового товарищества.

В случае утраты трудоспособности от несчастного случая, происшедшего при работе предприятия, рабочий или служащий предприятия получает от страхового товарищества: а) при временной потере трудоспособности—пособие в размере $^2/_3$ среднего поденного заработка и б) при постоянной—пенсию в размере $^2/_3$ годового содержания при полной утрате трудоспособности, а при

неполной—в уменьшенном размере, соответственно степени утраты способности к труду. В случаях сумасшествия, полной слепоты, лишения обоих ног или рук—размер пенсии повышается до полного годового содержания потерпевшего.

Если последствием несчастного случая была смерть пострадавшего, последовавшая не позднее 2-х лет со дня происшествия, или же и позднее, если лечение продолжалось непрерывно, страховое товарищество обязано: 1) возместить издержки по погребению умершего в пределах норм об обеспечении рабочих на случай болезни и 2) назначить пенсии членам семейства умершего в следующих размерах: вдове—в размере $1/3$ заработка пожизненно; законным, усыновленным и внебрачным детям, а также воспитанникам и приемышам, до достижения ими 15-летнего возраста, каждому в размере $1/6$ при жизни другого родителя и $1/4$—круглым сиротам; родственники по прямой и восходящей линии—пожизненно, а также братья и сестры—круглые сироты—до достижения 15 лет получают также пенсии в размере $1/6$ заработка. Однако, общая совокупность пенсий, выдаваемых в случае смерти рабочего, не должна превышать $2/3$ его заработка.

Этот закон отразил на себе то реальное соотношение общественных сил, которое сложилось в России к моменту его издания. Правительство, с одной стороны, не могло забыть роли и значения рабочего класса в годы революции и опубликованием этого закона стремилось обеспечить себя от повторения взрывов недовольства пролетариата, но, с другой стороны, самодержавная бюрократия, бросая рабочему классу подачку в виде этого закона, стремилась опутать его своей опекой и не обижать при этом класса капиталистов.

Студенческое движение

Мелкобуржуазная интеллигенция, параллельно с рабочим движением, переживала и понижение и повышение своего политического под'ема, она не имела в политической борьбе своего угла. Ее передовым отрядом, уже с конца 80-х годов решавшимся выходить на улицу и открыто вызывать начальство на бой, было студенчество. Но до конца 90-х годов студенческое движение было очень узко по своим политическим задачам. Сначала это был просто протест против устава 1884 г. и введенной им в жизнь высшей школы невиданной даже при Николае I полицейщины. Потом к этому отрицательному ло-

зунгу присоединились положительные, но не шедшие дальше узкостуденческих интересов. Движение шло под флагом землячества, студенческих кружков взаимопомощи, где группировались уроженцы одной губернии; студенчество боролось в сущности, за право иметь свою организацию (устав 1884 г. гласил: „студенты суть отдельные посетители университета“) и, не получая этого права, самоорганизовалось явочным порядком, тайно. Так из московских землячеств вырос много шумевший в середине 90-х годов в Москве союзный совет землячеств. Полиция тщательно разыскивала это учреждение, арестовывала и высылала один его состав за другим, вызывая тем все новые и новые студенческие волнения. Лучшие студенческие силы проходили через „землячества“ и „советы“, как через школу, где они обучались элементарным приемам подпольной революционной борьбы, но затем уходили туда, где шла эта борьба уже в настоящем виде, не в виде пробы—уходили к рабочим.

Идеологией студенческих кружков середины 90-х годов был марксизм—„Капитал“ был настольной книгой среди руководителей московских землячеств с 1887 г. Но русский революционный марксизм, т.-е. пропаганда „Группы Освобождения Труда“, доходил в эти кружки, как и вообще в Россию, очень плохо. Гораздо популярнее в студенческой массе было то, что впоследствии окрестили „легальным марксизмом“—в сущности пересказ плехановских идей журналистами, писавшими в России открыто и, благодаря чисто теоретической форме своих писаний, успевавшими проводить их через царскую цензуру. Но, как очень скоро должно было обнаружиться, сутью легального марксизма было вовсе не это умение придавать цензурную форму революционным взглядам: смысл его был глубже. То была попытка приспособить учение Маркса к запросам и потребностям массы русской интеллигенции.

К концу 90-х годов студенческое движение достигло крайней степени остроты. Подталкиваемое и поощряемое массовой рабочей борьбой, оно усвоило ее формы и вылилось, после избиения петербургских студентов полицией в феврале 1899 г., во всероссийскую студенческую забастовку, охватившую до 25 тысяч студентов разных городов. Начальство, давно заметившее роль студенческих организаций, как рассадника, откуда выходили органи-

заторы революционного движения, решило принять крутые меры: в июле того же года были опубликованы знаменитые временные правила, угрожавшие отдачей в солдаты участников „беспорядков“ на будущее время. Попытка применить эти правила (в Киеве осенью 1900 г.) немедленно же вызвала новый взрыв, нашедший себе на этот раз выход в весенних демонстрациях 1901 г., которые приобрели огромное политическое значение благодаря всколыхнутой ими рабочей массе, но застрельщиками которых являлись по большей части студенты.

Демонстрации окончательно слили узкое первоначально „академическое“ течение с широким революционным потоком, но лишь меньшинство студенчества усвоило себе при этом идеологию рабочего движения. Большинство оставалось „ревизионистами“, т.-е. не верило в революционность пролетариата, а социалистическую революцию представляло себе по народнически, а не по марксистски. Для отдельных, наиболее революционно настроенных, единиц выходом был террор.

Первой его ласточкой было убийство студентом Карповичем министра просвещения Боголепова после издания „временных правил“ о сдаче студентов в солдаты.

С'езд земских и городских деятелей

Под напором растущего движения (1904 г.) правительство пытается пойти по некоторой линии „правительственного либерализма“. На пост министра внутренних дел назначается бывший шеф жандармов князь Святополк-Мирской. С его вступлением в должность наступает время, так называемой, „правительственной весны“, с которой, между прочим, связывались у кое-каких либеральных кругов надежды на „перемену“.

Во время этой кратковременной „весны“ состоялся, хотя и неразрешенный, „С'езд земских и городских деятелей“ (Петербург 6—8 ноября 1904 г.). С'езд собрался на частной квартире в количестве свыше 100 человек, выработал достаточное количество „демократических требований“, как-то: неприкосновенность личности и жилища, свобода совести и вероисповеданий, свобода слова и печати, свобода собраний и союзов, уравнение в политических правах всех граждан России, уравнение крестьян в личных правах с другими сословиями и освобождение их от админи-

стративной опеки, организация земства не на сословных началах и привлечение к земскому и городскому самоуправлениям „по возможности“ всех наличных сил населения.

Однако на вопросе народного представительства С‘езд разделился . . . . . 71 голос высказался за народное представительство, как особое выборное учреждение, с осуществлением законодательной власти; 27 голосов высказались по сути дела не за законодательное, а за законосовещательное народное представительство.

Совершенно естественно, что даже и во мнении более „левого“ большинства не было ни слова о прямых, всеобщих, равных и тайных выборах. Зато пункт 11-й резолюции говорил: „в виду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выражает надежду, что верховная власть призовет свободно-избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа“.

Между прочим: 1) о крестьянской земле не было сказано ни слова, 2) о положении рабочих вовсе не говорилось.

А если посмотреть на фамилии участников совещания: председатель Д. Шипов, товарищи председателя Ив. Петрункевич, кн. Львов, секретари: Ф. Кокошкин, Л. Брюхатов, В. Головин и участники: С. Муромцев, гр. Гейден, Львов, Ф. Родичев, В. Кузьмин-Караваев и т. д., то мы увидим всех будущих светил кадетской партии по преимуществу и партии, так называемых, октябристов, увидим будущих заправил в Государственных Думах всех созывов и даже будущих министров Временного Правительства 1917 года.

С‘езд 6-8 ноября документально доказал: 1) каковы требования буржуазного либерализма, 2) на чем либералы были готовы в то время столковаться и примириться с самодержавным правительством.

Дела, последовавшие за речами, были таковы:

1) С‘езд земских и городских деятелей 6-8 ноября решил довести вынесенное им постановление до сведения царя и с этой целью отправил делегацию из пяти лиц к министру внутренних дел кн. Святополк-Мирскому. Однако Святополк-Мирский принял

лишь, как частное лицо, одного Шипова и не дал ему никакого ответа, 2) с этого времени по всей России прокатывается волна, так называемых, банкетов.

С'езды Российской социал-демократической рабочей партии

ПЕРВЫЙ С'ЕЗД. Со второй половины 90-х годов прошлого столетия наблюдается быстрый рост социал-демократических организаций. Эти организации по решению Киевской конференции, которая была первой неудачной попыткой I с'езда, именовались „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Их мы видим почти во всех крупных городах: в Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Одессе, Харькове, Нижнем-Новгороде, Николаеве, Вильне. Одни из них были слабы в силу частых провалов, другие настолько упрочились, что никакие аресты не могли уже остановить работу. Из числа последних особенно выделялись Виленская областная организация (Бунд) и Киевская, группировавшаяся вокруг „Рабочей Газеты". Ею и был решительно выдвинут лозунг „об'единение в одну с.-д. партию" всех существовавших тогда с.-д. организаций, ей принадлежит инициатива по созыву I с'езда с.-д. партии. Об этом передовая статья второго номера „Рабочей Газеты" (ноябрь 1897 г.) говорит так: „в железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и издании законов,—мы никогда не сбросим с себя гнетущих цепей экономического рабства. Вот почему борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского народа".

„Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать победу над царским правительством, русское рабочее движение должно еще вырасти и окрепнуть. И не только армия борющихся русских рабочих должна увеличиться в количестве, но каждый солдат этой армии должен яснее понять цели и средства своей борьбы и научиться итти дружно в ногу со своими товарищами. Но этого мало опять-таки. Подобно тому, как тысяча солдат, об'единенных в один полк, имеющих одного вождя и одно знамя, проявляет в войне гораздо большую силу, чем десять

тысяч разрозненных, лишенных предводителя и потерявших знамя,—точно так же и русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое целое с общим именем и стройной организацией. (Курсив подлинника. П. К.). Уже недостаточно того, что русские рабочие сочувствуют друг другу,—нужно, чтобы они содействовали. Мало того, что они понимают значение и пользу единения,—нужно, чтобы они действительно об'единились. Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию. (Курсив подлинника). Эта партия будет способствовать об'единению русских рабочих и росту русского рабочего движения; она будет направлять силы и средства оттуда, где они в избытке, и туда, где в них нуждаются; она будет руководить борьбой русских рабочих, будет стремиться к тому, чтобы сделать эту борьбу стройной и организованной. Русское рабочее движение, пока незаметное и скрытое, проявится наружу во всей своей силе"... „Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих, Маркс и Энгельс, начертали слова: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь",—то знамя—под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы. Это красное знамя международной социал-демократии.

„Русская рабочая партия будет партией социал-демократической". (Курсив подлинника).

Первый с'езд состоялся 1-го марта 1898 года в г. Минске. На с'езде были представлены следующие организации: Петербургский, Киевский, Екатеринославский и Московский „Союзы Борьбы", группа, издававшая „Рабочую Газету" и „Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России и Польше" (Бунд).

Положив основание партии и дав ей название—Российская социал-демократическая партия, с'езд партийной программы не разработал, а ограничился опубликованием „Манифеста", в котором определялись цели и средства социал-демократии и указывалось на ближайшую задачу партии. „Ставя главнейшей и ближайшей задачей партии в ее целом завоевание политической сво-

боды, социал-демократия идет к цели ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли". Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс". („Манифест партии").

Этот с'езд имел большое значение для социал-демократии в будущем. Он, выразив основные взгляды партии, как партии рабочего класса, укрепил идейную связь между отдельными организациями, возникавшими до этого почти независимо друг от друга.

Для руководства и об'единения деятельности всех отдельных с.-д. организаций, переименованных в комитеты партии, с'ездом был выбран ЦК в составе трех членов (Кремер А.—от Бунда, Радченко С. И.—от Петербургского союза, и Эйдельман Б.—от „Рабочей Газеты").

Центральным органом партии была об'явлена Киевская „Рабочая Газета".

Второй с'езд партии постановлено было созвать через 6 месяцев, но массовый разгром, произведенный жандармами тотчасже после первого с'езда, разрушил общепартийную организацию в зародыше и только через 5 лет (1903 г.) состоялся второй (Брюссельский) с'езд партии.

Литература: Н. Батурин.—„Очерк истории социал-демократии в России". Изд. „Прибой" 1924 г., стр. 53—74. „Хрестоматия по истории пролетарской революции в России" т. I, стр. 376—392. „Историко-революционная хрестоматия". Изд. „Новая. Москва" 1923 г., т. I, стр. 306—326. „История Российской социал-демократии под редакцией Мартова" изд. 1918 г., стр. 43 и след.

ВТОРОЙ С'ЕЗД. Революционное настроение рабочих к началу 900-х годов непрерывно растет. Вырываясь из подполья, оно находило для себя выход в целом ряде демонстраций, обошедших все крупные центры рабочего движения: Петербург, Москву, Одессу, Харьков, Ростов-на-Дону, Сормово (Нижний-Новгород), Екатеринослав. На знаменах, вокруг которых группировались демонстранты, алели лозунги: „8-ми часовой рабочий день", „Свобода", „Долой самодержавие".

Стачки, перестав быть единичными фактами, охватывают целое производство, распространяются на целые области. Так, летом

1903 года почти накануне созыва второго с'езда с.-д. партии, весь промышленный юг России был охвачен всеобщей политической стачкой. Начавшись на производствах Одессы и Баку, она перекинулась в целый ряд южных промышленных городов: Киев, Николаев, Керчь, Екатеринослав, Тифлис, Батум, Елисаветград. Бастовали рабочие решительно всех профессий и общее количество всех бастовавших достигало небывалых до того времени размеров 225.000 человек. Можно согласиться, что 1903 год в этом отношении был настоящим предтечей 1905 года.

Одновременно с нарастанием рабочего движения, росла и с.-д. партия. После первого с'езда партии насчитывалось 6 комитетов (Петербургский, Московский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский и Иваново-Вознесенский) и три группы (Одесская, Николаевская и Саратовская). К 1903 году число местных организаций возросло до 36. Из крупных промышленных центров социал-демократическое движение распространилось на второстепенные; из Европейской России проникло в Сибирь и на Кавказ.

Идейным руководителем этих организаций, придававшим возможную планомерность всему социал-демократическому движению в целом, была „Искра". Но сознательные социал-демократические деятели считали это недостаточным. В извещении об образовании „Организационного Комитета" они говорят... „До сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как 4 года тому назад (тотчас же после первого с'езда. Примеч. наше. П. К.).

„А между тем жизнь пред'являет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили своей задачей пробуждение дремлющих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача,—направить пробуждающиеся силы труда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня, завтра услышать призывный клич: „Ведите нас, куда вы нас звали". И страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы преувеличиваем серьезность момента. Кто способен заглядывать дальше поверхности ряби, кто способен распознавать совершающийся в глубине процесс, тот не заподозрит нас в преувеличении.

„Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни вызвало к деятельности различные общественные слои; с общей или меньшей сознательностью они стремятся сорганизоваться, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с отжившим режимом. В добрый час! Социал-демократия может только приветствовать всякого, примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы подобные союзники не сделали ее молотом в своих руках, не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили бы руководящей роли в борьбе с самодержавием и, главное, не повредили бы наступательному ходу революционной борьбы, отклонив ее от правильного пути. Что подобная опасность не призрак воображения—ясно для всякого, внимательно следившего за революционной борьбой последних лет.

„Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну централизованную, дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу об‘единения?“.

Эту задачу взялся выполнить „Организационный Комитет“, составленный из представителей Петербургского Союза борьбы, организации „Искры“ и группы „Южного Рабочего“. Ему надлежало подготовить условия для созыва партийного с‘езда.

II с‘езд Р. С.-Д. Р. П. состоялся в августе 1903 года. Первоначально с‘езд собрался было в Брюсселе (Бельгия), но вскоре вынужден был переехать в Лондон. Участвовало 43 делегата с решающим голосом, от 26 следующих организаций—заграничных: 1) „Группа Освобождения Труда“, 2) Организация „Искры“, 3) Заграничный Ком. Бунда, 4) Ц. К. Бунда, 5) Лига Революционной Социал-Демократии, 6) Заграничные Союзы Русских С.-Д. и местных; 7) группа „Южный Рабочий“, 8) Петербургский Комитет, 9) Петербургская Рабочая организация, 10) Московский Комитет, 11) Харьковский Комитет, 12) Киевский Комитет, 13) Одесский Комитет, 14) Николаевский Комитет, 15) Крымский Союз,

16) Донской Комитет, 17) Союз Горнозаводских рабочих, 18) Екатеринославский Комитет, 19) Саратовский Комитет, 20) Тифлисский Комитет, 21) Бакинский Комитет, 22) Батумский Комитет, 23) Уфимский Комитет, 24) Северный Союз, 25) Сибирский Союз 26) Тульский Комитет.

Кроме того участвовало 14 делегатов с совещательным голосом.

Задолго до с‘езда группы „Искры“ и „Зари“ выработали проект партийной программы, который был внесен на обсуждение Второго с‘езда партии. „Экономисты“ (см. ниже) всячески боролись против принятия „ортодоксальной“ редакции программы. Однако, после долгих прений, с‘езд утвердил в качестве партийной программы проект „Искры“ с некоторыми незначительными поправками. Этим самым Российская социал-демократия дала полную и точную формулировку своих конечных целей и ближайших требований. Она выставила требование демократической республики и созыва учредительного собрания, как единственного пути к полному осуществлению ближайших политических и социальных преобразований.

После принятия программы с‘езд перешел к организационному строительству партии. В интересах об‘единения партийной работы на местах решено было распустить все организации, существование которых, наряду с официально признанными партийными органами, становилось излишним. Так, были распущены заграницей: „Группа Освобождения Труда“, „Союз русских социал-демократов“ и группа „Борьба“. Единственным партийным органом за границей была признана „Лига революционной русской социал-демократии“, в которую должны были войти члены распущенных организаций. В России была распущена группа „Южного Рабочего“, деятельность которой по существу не отличалась от деятельности местных комитетов партии. Для об‘единения и руководства всех местных партийных организаций были созданы два самостоятельных учреждения: Центральный Комитет и Центральный Орган партии, которым была признана „Искра“. Согласовать деятельность этих обоих органов должен был „Совет Партии“ из 5 членов, при чем два члена должны выбираться Ц. К., два—Ц. О. и один—с‘ездом, который является высшей инстанцией партии. В состав „Совета“ вошли В. И. Ленин, Г. Плеханов, Ленгник, Мартов и П. Аксельрод.

Если программа партии была принята в общем единодушно. то вопросы организационные вызвали упорную борьбу различных группировок и течений. Прежде всего произошел раскол между искровцами по организационному вопросу—§ 1 устава партии. Из внесенных 2 формулировок этого параграфа—Ленина и Мартова—формулировка последнего получила большинство голосов, но зато по ряду других вопросов большинство делегатов голосовало вместе с Лениным, а меньшинство возглавлялось Мартовым. Вскоре после с‘езда расхождение между меньшинством—„меньшевиками“ и большинством—„большевиками“ стало выявляться по целому ряду вопросов, при чем все оппортунистические, колеблющиеся элементы примкнули к меньшинству, все же революционные устойчивые — к большинству (см. „Большевики и меньшевики“).

Совершенно особую позицию заняли на с‘езде делегаты „Бунда“ (см. выше), в котором ко времени с‘езда уже резко определились националистические стремления.

Они не соглашались на признание Бунда автономной частью партии (по решению 1-го с‘езда) и требовали, чтобы Второй с езд признал его единственным представителем еврейского пролетариата, и чтобы Бунд был об‘единен с партией лишь на федеративных началах. Когда с‘езд не согласился на это требование, делегаты Бунда ушли со с‘езда и, таким образом, Бунд откололся от партии.

Наконец, в целом ряде резолюций (о либералах, о социалистах-революционерах, о профессиональной борьбе и проч.) Второй с‘езд выработал руководящие указания для всей партии по вопросам партийной тактики.

Литература: 1) „25 лет РКП (б.)“. Второй с‘езд, стр. 35—44.
2) Батурин, Н.—„Очерк истории социал-демократии в России“. Изд. „Прибой“ 1924 г., стр. 75—100.
3) В. И. Ленин.—„Шаг вперед—два назад“.
4) „История Российской социал-демократии“, под редакцией Мартова, стр. 79—93.

ТРЕТИЙ С‘ЕЗД. Раскол, начавшийся на Втором с‘езде партии, все более углублялся, и весь 1904 год прошел в ожесточенной борьбе фракций, как в России, так и за границей.

Попытка Ц. К., изменившегося в своем составе благодаря арестам и устранению от работы некоторых наиболее непримиримых его членов—„большевиков“,—примирить борющиеся фракции путем

взаимных уступок и тем самым восстановить единство партии, окончилась неудачей. Единственным выходом из этого положения, в котором оказалась с.-д. партия, по мнению большевиков, являлся с‘езд ее. Совет партии, редакция „Искры“, ставшая к тому времени меньшевистской, и все „меньшинство“ ведут кампанию против с‘езда. Против с‘езда высказывается также и Ц. К., который все еще надеется восстановить единство путем соглашения с меньшинством. Начинается „борьба за с‘езд“.

В конце 1904 года организуется „Бюро комитета большинства“, которое ведет агитацию за с‘езд. Правильность точки зрения большевиков на необходимость с‘езда подтвердили, с одной стороны, петербургские события 9-го января, которые поставили перед партией ряд таких вопросов, как вопрос о вооруженном восстании, о временном правительстве, захвате власти, требующих единого, обязательного для всей партии решения, с другой—результаты об‘езда комитетов, предпринятого членами Б. К. Б. За платформу Б. К. Б. из 28-ми российских комитетов, имевших право участвовать на с‘езде с правом решающего голоса, высказалось 22 (Петербургский, Московский, Северный Союз, Нижегородский, Тверской, Тульский, Рижский, Сибирский Союз, Воронежский, Саратовский, Одесский, Кавказский Союз, Николаевский, Уральский, Орловский, Брянский, Курский, Смоленский, Полоцкий, Северо-Западный, Харьковский и Самарский). Примиренческий Ц. К., убедившись, что за Б. К. Б. действительно стоит большинство российских организаций, высказался за с‘езд и вступил в переговоры с Б. К. Б. В марте 1905 года образовался Организационный Комитет партии, приступивший к работе по созыву с‘езда. С‘езд состоялся в апреле месяце 1905 года в Лондоне, на который прибыли делегаты от 29 комитетов. Меньшевики на с‘езд не приехали и собрались в Женеве, где устроили параллельно „Первую обще-русскую конференцию партийных работников“.

Работа с‘езда главным образом и исключительно сосредоточилась на решении вопросов тактики партии. Кровавые события 9-го января поставили во всю его широту вопрос о вооруженном восстании. С‘езд горячо отозвался на этот вопрос и принципиальных разногласий в решении его не было. С‘езд признал, что задача—организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания—является одной из самых

главных и неотложных задач партии в тот революционный момент. „Поэтому с‘езд поручает всем партийным организациям: а) выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания; б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания; в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников“ (Из резолюции, принятой с‘ездом по вопросу о вооруженном восстании). Вторым вопросом, на котором фиксировалось внимание с‘езда, было отношение к политике правительства накануне переворота и в момент его. В отношении первой части этого вопроса участники с‘езда говорили, что путь реформ, на который правительство обещает встать, социал-демократическую партию удовлетворить не может. „Рабочий класс должен противопоставить реформам революцию, либеральному соглашательству—решительное выставление своих пролетарских требований и, в первую очередь, революционного созыва свободно избранного учредительного собрания на самой широкой демократической основе. Вся тактика в открытых выступлениях должна стремиться к тому, чтобы доказать рабочим массам, что мирным путем они ничего добиться не смогут“. По второй части вопроса об участии с.-д. во временном революционном правительстве—докладчиком выступал В. И. Ленин; им же и была внесена резолюция, которая была принята единогласно. В заключительной своей части резолюция говорит:

„Третий с‘езд Р.С.-Д.Р. партии постановляет: а) необходимо распространить в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программы-минимум); б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не подлежащих точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со

всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса; в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям; г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самих широких слоях пролетариата идеи необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции“ (Из резолюции).

„Далее с‘езд заслушал краткий доклад Ленина об отношении к крестьянскому движению. Как в самом докладе, так и в речах ораторов красной нитью проходила мысль о необходимости втянуть крестьянство в революционную борьбу пролетариата, потому что громадная масса крестьянства, обнищалого и разоренного полуфеодальными помещиками, может улучшить свое положение, только опираясь на пролетарскую революцию“.

...„С‘езд закончил свою работу. Делегаты раз‘ехались по местам и очень скоро основное предположение с‘езда оправдалось. Начался бурный под‘ем революции. Октябрьская всеобщая забастовка и советы рабочих депутатов взвалили на партию руководящую роль не только по отношению к пролетариату, который сразу признал нашу партию своей партией, но и всем угнетенным слоям России. Партия на время вышла из подполья и сразу из строго конспиративной, насчитывающей небольшое количество членов, превратилась в массовую и многотысячную партию, в действительного народного вождя. Своей последовательной революционной тактикой она сделала невозможным влияние буржуазии на рабочий класс. Она повела массы через декабрьское вооруженное восстание, через бойкот Первой Думы, через революционную избирательную кампанию во Вторую Думу; она поддерживала в пролетариате веру в неизбежность нового под‘ема революции,—в жестокие дни столыпинской реакции. Она готовилась сама и готовила пролетарские массы к торжеству, провозглашенному на III с‘езде,—принципа диктатуры пролетариата и крестьянства.

„Сейчас, после четырехлетнего проведения в жизнь этой диктатуры (статья написана в 1921 году), мы видим, насколько верно оценил 16 лет тому назад III с‘езд Р.С.-Д.Р. партии, наш первый большевистский с‘езд, положение вещей и соотношение классовых сил в России (М. Лядов.—„Третий с‘езд“).

Литература: В. И. Ленин.—Избранные статьи и речи“. Т. I. 1) „О нашей аграрной программе“, стр. 293—297. 2) „Социал-демократия и Временное Революционное Правительство“, стр. 297—311, 323—341. 3) „Отношение с.-д. к крестьянскому движению“, стр. 479—488.

ЧЕТВЕРТЫЙ С‘ЕЗД Р.С.-Д.Р. партии, известный под названием об‘единительного, состоялся в Стокгольме, в апреле 1906 года. Задачей с‘езда было—об‘единение обоих враждебных фракций: „большинства и меньшинства“, а также слияния в единую партию национальных с.-д. организаций.

На с‘езде с решающими голосами было представлено 57 местных организаций с 111 делегатами, а именно: из Северного района—15 (11 от Петербурга, 1 от Риги, 1 от Ревеля и 2 от Финляндской военной организации); из Западного—7 (Смоленск, Вильна, Двинск, Сморгонь, Могилев, Минск); Центрального—26 (Москва—13, Московский округ—3, Тверь—1, Тула—1, Воронеж—1, Владимир—1, Иваново-Вознесенск—2, Кострома—1, Кинешма—1, Ярославль—1, Орел и Брянск—1); из Волжского—6 (Нижний-Новгород—2, Самара—2, Астрахань и Саратов по одному); Южного района—25 (Киев—1, „Спилка“—2, Курск—1, Чернигов—1, Полтава—1, Клинцы—1, Харьков—1, Екатеринослав—3, Донецкий район—5, Ростов—1, Феодосия—1, Мелитополь—1, Николаев—1, Одесса—3, Елисаветград—1, Кишинев—1); из Кавказа—25 (Тифлис—11, Гурия—3, Баку—3, Северный Кавказ—3, Кутаис—2, Батум—1, Поти—1, Эривань—1); из Уральского района—4 (Пермь, Воткинский завод, Уфа, Тагильский завод); из Азиатских владений—3 (Томск и Омск—1, Ташкент—1, Туркестан—1). С совещательными голосами были некоторые делегаты крупных организаций, имевших более 900 рабочих, представители национальных с.-д. партий, 5 редакторов Ц.О. и некоторые особо приглашенные на с‘езд (2 члена „аграрной комиссии“, Плеханов и Аксельрод, и некоторые другие). Итого число делегатов с решающими и совещательными голосами достигло 150 человек.

„По своему, направлению“ в отношении тактической платформы, по своей фракционной позиции делегаты с решающим голосом распределялись приблизительно так: 62 меньшевика и 46 большевиков. Часть делегатов, конечно, была неопределенна или колебалась по некоторым вопросам,—так называемый на парламентском языке „центр“, или „болото“. На с'езде этот „центр“ был особенно слаб“. (В. И. Ленин.—„Доклад об об'единительном с'езде Р.С.-Д.Р.П.“)

Стокгольмский с'езд, несмотря на свое название „об'единительного“, не внес в партию единства действия и мнения.

Его не было ни по аграрному вопросу, поставленному в повестку дня с'езда, ни по вопросу „о современном моменте и классовых задачах пролетариата“, ни по вопросу о „решительном выступлении“. С'езд был меньшевистский. Меньшевики имели прочное обеспеченное преобладание, позволившее им даже ранее сговариваться и предрешать таким образом постановления с'езда. Некоторое соглашение было достигнуто в вопросе об участии в выборах в Первую Государственную Думу.

В периоде времени с декабря споры между большевиками и меньшевиками вращались вокруг вопроса о близости нового революционного под'ема. Считая близкий под'ем неизбежным, большевики боролись против „конституционных иллюзий“ (обманчивых надежд на Государственную Думу) и стояли за бойкот выборов в нее, начиная с первой стадии выборов. Меньшевики также стояли за бойкот самой Думы, но считали нужным использовать первые стадии выборов для организационной работы в широкой рабочей массе. И большевики и меньшевики считали, что вследствие отсутствия свободы агитации и цензового избирательного закона Дума получится реакционная. Но к апрелю, ко времени об'единительного с'езда, стала обнаруживаться возможность использовать и участие в самой Думе для революционных целей. Меньшевики на с'езде провели резолюцию за участие в Думе. Большевики на деле также признали необходимость использовать Думу.

Работы с'езда закончились утверждением договора о вступлении в партию социал-демократии Польши и Литвы, выработкой такого договора в отношении с.-д. Латышского края и „Бунда“, принятием устава партии, установившего ежегодный созыв с'езда, и выборами Центрального Комитета и редакции центрального

органа. В состав ЦК вошли 7 меньшевиков и 3 большевика и, таким образом, состоялось формальное об‘единение партии. Оно принесло мало пользы, а часто даже больше вреда, чем пользы: вместо того, чтобы работать отдельно, обе фракции, об‘единенные в одну организацию, тратили время на споры между собой. Первым поводом к ним явились первые шаги партии в думской деятельности.

Литература: В. И. Ленин.—„Доклад об об‘единительном с‘езде Р.С.-Д.Р.П.“. Собрание сочинений т. VII. Его же.—„Русская революция и задачи пролетариата“. Избр. статьи и речи, т. II. стр. 31—41.

ПЯТЫЙ С‘ЕЗД состоялся в конце 1907 года в Лондоне. На с‘езде присутствовало 302 делегата с решающими голосами, представлявшие около 150.000 членов партии. Из этого количества у большевиков и меньшевиков было приблизительно по одинаковому количеству. Социал-демократия Польши и Литвы располагала 45—47 голосами, „Бунд“ 53—55 и социал-демократия Латышского края—26.

Силы обоих крыльев с‘езда—оппортунистического и революционного — были приблизительно равны. Меньшевики в общем действовали в союзе с „Бундом“ и незначительной частью Латышской делегации, большевики в союзе с с.-д. Польши и Литвы и большей частью латышей. Серединное положение занимал „центр“, образовавшийся во имя единства партии, во имя мира в партии, во имя „поднятия партийной культуры“. Идейным выразителем „центра“ был тогда стоявший вне обоих боровшихся партий тов. Троцкий. Но „когда с‘езд перешел к положительной части своей работы, к намечению путей дальнейшей работы в партии, „центр“, как единое целое, исчез, расползся направо и налево.

Задачи с‘езда были таковы: „с‘езд собрался и работал под знаком „критики“. Для этого было достаточно причин, которые вводили в порядок дня критику не схем, не теоретических, впрок заготовленных, положений, а критику практических шагов.

„С апреля 1906 года и по апрель 1907 года партия под руководством центральных учреждений, созданных „меньшевистским“ большинством на об‘единенном с‘езде, работала на новой, до того времени совершенно чуждой ей арене.

„Партия вступила на путь „парламентской деятельности", создала „парламентскую" фракцию, вела избирательную кампанию, выставляла собственных кандидатов и входила в соглашения и все это среди непрекращавшихся споров, „дискуссий", на фоне непрерывного роста числа членов партии.

„Все это надо было оценить, учесть, во всем этом надо было разобраться, и все это шире, шире развертывало пропасть между тенденциями большевиков и меньшевиков, все это требовало в то же время сговора.

„Критика, направленная к тому, чтобы обезвредить ту часть партии, которая в предыдущий период вела, вернее, тащила за собой партию на ее новом пути—такова была практическая задача большевиков" (Л. Каменев. Лондонский с'езд Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г.).

Эти задачи должны были определить порядок дня. Большевики, представившие наряду с меньшевиками и с.-д. Польшей и Литвы свой проект порядка дня, настаивали на постановке вопросов „об оценке современного момента" и о „подготовке к вооруженному восстанию". Но голосами меньшевиков и „Бунда", лицемерно прикрывшихся желанием не доводить до крайности остроту фракционной борьбы, эти вопросы были сняты... Главные дебаты на с'езде развернулись вокруг отчетов Центрального Комитета, Думской фракции и вопросов о Государственной Думе и об отношениях к буржуазным партиям.

Деятельность Центрального Комитета подвергалась суровой критике со стороны большевиков. В резолюции, предложенной большевиками и принятой с'ездом, говорится: „Рассмотрев деятельность ЦК за истекший год, с'езд признает: 1) ЦК отступил от постановлений об'единительного с'езда, что выразилось, главным образом; а) в провозглашении лозунгов ответственного министерства и борьбы за Думу, как за орган власти, б) в попытках отказаться от требований конфискации земли без выкупа и заменить его требованием отчуждения земли, в) в тактике соглашений с контр-революционной либеральной монархической буржуазией во время избирательной кампании, г) в тактике соглашения с той же буржуазией в Государственной Думе и в отказе от углубления и обострения конфликтов и противоречия в Думе и вне Думы, д) в нарушении партийного единства, как это было в Петербурге и других местах. 2) По существу деятельность ЦК во многом не

соответствовала классовым интересам пролетариата, что особенно ясно выразилось: а) в перечисленных выше отступлениях от постановлений Об'единительного с'езда,—отступлениях, приводящих не только к отказу от независимости тактической позиции пролетарской партии, но отчасти даже к отступлению от партийной программы, б) в недостаточной отзывчивости ЦК на важные проявления пролетарской борьбы (локауты) и целый ряд подобных фактов, в) в том, что в своей практической, организационной осведомительной и иной деятельности ЦК не был высшим практическим центром партии, а представителем одной ее части. Принимая все это во внимание, с'езд констатирует, что ни в один момент своей годичной деятельности нынешний ЦК не выражал волю большинства партии".

По поводу отчета Думской фракции с'езд признал, что фракция, обнаружив в общем стремление быть достаточной представительницей рабочего класса, не всегда вполне последовательно проводила точку зрения пролетарской классовой борьбы. „Констатируя этот факт, с'езд считает необходимым дать к руководству фракции на будущее время следующее указание: 1) Фракция должна возможно полнее проводить во всей своей деятельности и подчеркивать в своей декларации и важнейших заявлениях те черты, которые специально свойственны социал-демократии, как партии пролетарско-социалистической, в отличие от различных буржуазно-демократических партий; 2) и в своей политике по отношению к этим буржуазным партиям фракция должна употребить все усилия к тому, чтобы отделить те их элементы, которые являются действительно демократическими и революционными (с.-р., отчасти трудовики, и н.-с.), от элементов контр-революционных, лишь прикрывающихся именем демократии (к.-д., народовцы и т. д.) 3) в этих целях необходимо систематически противопоставлять в думских дебатах и голосованиях строго революционную точку зрения точке зрения торга и соглашения со старой властью, проводимой либерально-монархическими партиями (к.-д. и им подобными), также избегать излишних сближений с этими партиями в виде общих с ними совещаний целыми фракциями, систематических информаций с ними, голосований за их представителей на ответственные выборные посты и т. п." (Из резолюции, автором которой являются большевики ЦК).

Дебаты об отношении к буржуазным партиям окончились принятием резолюции, предложенной большевиками. Резолюция эта вскрывает полную контр-революционность партий либерально-монархической буржуазии, об‘ясняет силой традиции и прямым обманом тяготения к ним части демократическо-городской и сельской буржуазии и требует разоблачения конституционных иллюзий и беспощадной борьбы против гегемонии кадетов над демократической мелкой буржуазией. Отношение к народническим партиям определяется псевдо-социалистическим характером их идеологии, который партия должна вскрывать, и революционно-демократическими тенденциями их политической деятельности, которые она должна поддерживать.

Бурные дебаты вызвал вопрос о „рабочем с‘езде“ и „широких рабочих организациях“. Агитация меньшевиков за рабочий с‘езд была осуждена большинством с‘езда, как ведущая к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера. „Идея беспартийного рабочего с‘езда, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с социал-демократическим влиянием на рабочие массы, безусловно вредна для классового развития пролетариата“ (п. 3 резолюции большевиков).

Работы с‘езда кончились принятием организационного устава и выборами в ЦК, в состав которого вошло 5 большевиков (Гольденберг, В. И. Ленин, Н. Рожков, Г. Зиновьев и В. Дубровский), 4 меньшевика, 2 члена польск. с.-д., 2—Бунда и 2—латышск. с.-д.

Лондонский с‘езд 1907 года был последним с‘ездом партии эпохи первой русской революции; следующий с‘езд собрался только через 10 лет, в 1917 году. Он был также последним, на котором присутствовали меньшевики: меньшевики фактически покинули партию в эпоху контр-революции и не присутствовали на конференции 1912 года, которую собрали большевики, чтобы восстановить ослабленную бешеными репрессиями царизма и преданную меньшевиками партию.

Литература: 1) „Российская Коммунистическая Партия (большевиков) в резолюциях ее с‘ездов и конференций“, стр. 77—83. 2) Л. Каменев.—„Лондонский с‘езд Российской С. Д.-Партии в 1907 году (25 лет РКП)“ стр. 138—143. 3) Г. Зиновьев.—„Организационные вопросы на Лондонском с‘езде партии (из „Истории большевизма“, т. I стр. стр. 90—100, 186—188). 4) „История Российской Социал-Демократии, под редакцией Мартова, стр. 230—235.

ШЕСТОЙ С‘ЕЗД (большевиков) открылся в Петербурге 26 июля 1917 года и заседал по 3 августа. В виду восторжествовавшей после июльских дней (см. „Третье июля") реакции с‘езду пришлось вести всю свою работу в полулегальных условиях. Присутствовало 187 делегатов с решающим голосом и 107 с совещательным. Виднейшие лидеры большевиков или сидели в тюрьмах Керенского, или оказались на „нелегальном положении": на с‘езде не было ни Ленина, ни Зиновьева, ни Троцкого, ни Каменева.

На с‘езде были рассмотрены следующие вопросы: 1) текущий момент и война, 2) о политическом положении, 3) экономическое положение, 4) предвыборная кампания в Учредительное Собрание, 5) задачи профессионального движения, 6) партия и профессиональные союзы, 7) Устав Российской С.-Д. Рабочей Партии, 8) о союзах молодежи, 9) о пропаганде, 10) об об‘единении партии, 11) о деятельности ЦК.

Как бы подытоживающим работу с‘езда и в значительной мере включающим резолюции по поставленным вопросам, явился манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, выработанный по поручению ЦК от имени с‘езда и адресованный ко всем трудящихся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России. Полный текст его приводится:

„Товарищи. Пять месяцев прошло с того времени, как революционный пролетариат и войска свергли господство кнута и палки и посадили под замок Николая Романова".

„Рабочий сбросил с себя цепи, в которые его заковал полицейский порядок. Солдат стал свободным гражданином. Среди варварства и озверения мощно прозвучал голос российской революции: „Мир и братство народов!".

„Впереди революционных борцов шел пролетариат. С самого начала российский пролетариат понимал, что для успеха русской революции, для дела мира, для дела свободы необходима взаимная поддержка рабочих всех стран, необходимо международное восстание порабощенных, истекающих кровью пролетариев Европы. Его боевым кличем стал клич: „Да здравствует международная революция".

„М е ж д у н а р о д н ы й к а п и т а л" ответил на этот клич заговором против русской революции. Русская революция означала

для него прорыв империалистического фронта. Русская революция грозила зажечь пожар мирового восстания, расшатать и разбить господство капитала, повергнуть в прах золотого тельца. Для международных биржевых волков и заправил банков во весь рост встала задача: задушить русскую революцию во что бы то ни стало, разрушить ее силы, обезглавить мировой пролетариат, перебить его партию.

„Российские захватчики вошли с ними в тесный союз, связались тайными нитями. С самых первых дней революции российская финансовая буржуазия и ее партия — так называемая партия народной свободы—заключила договор с хищниками западно-европейского империализма. Русская буржуазия ничего не имела против свержения самодержавия царя, господство которого делало невозможным даже ведение войны (этому мешало воровство и распутство царских министров), но дальнейший ход революции грозил ей неисчислимыми „ужасами“: революция должна была передать землю крестьянам, обуздать капитал, вооружить рабочих, положить конец захватнической политике. На грязных тайных договорах кровавого царя клялись „союзные“ банкиры верности общему делу захвата и удушения русской революции. Вступление в войну Америки еще более окрылило союзных империалистов. Они знали цену этой „великой демократии“, которая казнит электричеством своих социалистов, с оружием в руках душит маленькие народы и устами своих беспримерных, по наглому цинизму, дипломатов толкует о наглом мире. Американские миллиардеры, наполнившие свои погреба золотом, перечеканенным из крови умирающих на полях опустошенной Европы, присоединили свое оружие, свои финансы, свою контр-разведку и своих дипломатов для того, чтобы не только разгромить своих немецких коллег по международному грабежу, но и затянуть потуже удавную петлю на шее русской революции“.

„Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Иорка. Так организовался капиталистический блок против революции.

„Мелкая буржуазия России, верхи, крестьянство, часть обманутых капиталом рабочих и бедняков в деревне не видели и не хотели видеть всей опасности капиталистического заговора. Их

партии, меньшевики и эс-эры, имеющие большинство в Советах, пошли за крупной буржуазией. Они стали на точку зрения обороны, не понимая, что буржуазия всех стран обманывает рабочих этим словом и говорит об обороне, думая о захватах. Они не решились взять власть в свои руки и передоверили ее буржуазии. Они радушно встречали „социал-патриотических“ агентов западно-европейского капитала, этих обманщиков, отравителей народов.

С каждым днем они все более запутывались в сетях, которые расставлял международный капитал.

„Только революционный пролетариат и его партия, поддержанные беднейшими крестьянами и солдатами, били тревогу. Партия пролетарского социализма, партия международной революции неуклонно и последовательно срывала лживую маску миролюбцев и хищников империализма.

„Она разоблачала все козни буржуазии, она критиковала трусость, нерешительность и беспомощность меньшевистско-эсеровской тактики, она со всей настойчивостью требовала перехода власти в руки демократии, разрыва с капиталистами всех стран, опубликования всех тайных договоров, скрываемых от народа. Она требовала немедленного перехода земли к крестьянам, рабочего контроля над производством, всеобщего мира, заключенного самими народами. „Хлеба, мира, свободы“—было написано на ее красном знамени.

„В стране, извивавшейся в тисках трехлетней войны, как лавина, нарастал небывалый экономический финансовый кризис. Жестокий молот войны дробил и стирал в порошок уцелевшие остатки накопленного народного труда. Страна с каждым днем становилась все болое похожей на паралитика. Разрушение производительных сил, варварское расхищение их приводило к краху. Война, точно огромный вампир, высасывала все соки, отнимала все силы. Нет топлива, нет сырья, нет хлеба. Призрак голода стал гулять по городам, по квартирам бедноты. Бездонная пропасть гибели разверглась над страной.

„Капитал сознательно толкает народ в эту пропасть.

„Крупная буржуазия обостряла кризис, усиливала анархию, прикрывая предприятия, дезорганизуя производства, вопия о патриотизме и родине, шельмуя революционных рабочих, об'единенные синдикатчики по плану, выработанному на своих тайных совеща-

ниях, упорно и систематически тормозили ход производства, чтобы, создав хаос и сумятицу, свалив вину на рабочих, захватить цепкими лапами всю власть в свои руки. На развалинах народного хозяйства, сведенного судорогой войны, на костях безчисленного количества мелких разорившихся хозяев, гиены крупного капитализма, алчно хватающего баснословные прибыли на поставках, спекулирующего на голоде нищающих масс, вели свою наглую политику натиска на рабочий класс. В низах назревало глухое недовольство и возмущение капиталом и его министрами; все слышнее становился ропот миллионных армий труда.

„Им ответили политикой наступления. Об'единенный капитал союзников стянул свои силы для штурма русской революции. Английские и американские капиталисты, которые в качестве кредиторов, стали хозяевами русской жизни, об'единившись со своими верными русскими прислужниками, решили погнать в бой заведомо неподготовленную армию. Им не важен был исход сражения. Им важен был срыв перемирия, возобновление военных операций, усиление власти командиров. Им нужно было снова впречь измученную армию в колесницу войны. Грохотом пушек им нужно было заглушить громовые раскаты классовой борьбы и революции.

„Эс-эры и меньшевики одобрили политику наступления и тем выдали с головой и себя и революцию. Постоянным соглашательством с империалистами, отсутствием всякого намека на решительность они отдали себя в плен заядлым хищникам. Своими собственными руками они вручили власть контр-революционной военной клике. И ликующие тузы банка и биржи нагло бросают теперь вызов демократии, открыто заявляя о своем желании вести войну „до конца“, т.-е. без конца, до тех пор, пока не лопнут от напора золота погреба американских Морганов, пока кровавая роса не промочит насквозь полей истерзанной земли.

„Буржуазия временно добилась своего. Где гордые призывы к братству всех народов? Где развевающиеся знамена мировой революции? Эти призывы эс-эры и меньшевики сменили призывом к продолженю бойни. Эти знамена оплевали, очернили слуги буржуазии, они отдали их на поруганне героев наступления, они смешали их с грязью.

„Рост возмущения и негодования был откликом на эту политику со стороны пролетариата и передовых солдат. Бурный, сти-

хийный взрыв этого негодования вывел на улицу рабочих и солдат, когда кадетские министры, получившие секретное донесение о крахе наступления, поспешили уйти и возложить всю ответственность на своих „социалистических" услужающих. Дни 3—4 июля поставили перед вождями мещанского „социализма", перед советским большинством, громадный исторический вопрос: с кем они, с пролетариатом против контр-революции, или с контр-революцией против пролетариата? В эти дни нужно было решать. Здесь нужно было выбирать ясно и определенно. И они выбрали, эти министерские социалисты: против рабочих и солдат, выставивших на своем знамени лозунг: „Вся власть Советам". Вожди Советов вызвали усмирительные войска. Запутавшись в соглашательстве с контр-революцией, они поддерживали эту контр-революцию и направили ружейные дула против рабочих батальонов, против цвета революционных сил, против партии пролетариата. Только эта партия, наша партия, осталась стоять на посту. Только она в этот смертный час свободы не покинула рабочих кварталов. Только она стремилась придать выступлению мирный, и организованный характер, идя вместе с массами,—это был ее долг. Этого требовала ее революционная честь.

„Меньшевики и эс-эры, исполняя волю буржуазии, разоружили революцию и тем самым вооружили контр-революцию. Им буржуазия предоставила заняться грязным делом усмирения и разгрома. С их молчаливого согласия были спущены с цепи остервенелые псы гнусной буржуазной клеветы против славных вождей нашей партии. Это они вели позорный и постыдный торг головами пролетарских вождей, выдавая их одного за другим рассвирепевшим буржуа. Это они отдали сердце революции, которое стучало на весь мир—столицу России—на растерзание юнкерам и казакам. С их содействия была разгромлена „Правда" и начался неистовый поход против левого фланга революции.

„Июльские дни открыли новую страницу в истории. Впервые решительную победу одержала временно контр-революция и власть перешла к буржуазии и военному штабу. До тех пор было двоевластие. До тех пор громадная сила была в руках у Советов. За ними стояли вооруженные массы солдат и рабочих, свободный народ. Теперь Советы обессилили себя. Разоружив рабочих, расформировав полки революции, нагнав в центр казаков, они свя-

зали себя по рукам и по ногам, они превратились в привесок буржуазного правительства. „Социалистическим" министрам заткнули рот. Их посадили на цепи их буржуазные коллеги. Ими пользуются, когда нужно усмирять; на них плюют, когда они пробуют протестовать.

„Передав власть в руки контр-революции и предав революцию, вожди мещанства, эс-эры и меньшевики, стали подписывать почти все контр-революционные мероприятия правительства. Красный флаг свободы спущен. На его месте взвился черный флаг смертной казни. Расстрелы солдат и рабочих, цензура, судебная клевета, контр-разведка, аресты, восстановление ненавистных царских статей против политических преступлений, грязная охранная клевета—все прелести старого режима пущены в ход новым правительством „спасения революции", правительством, арестующим революционеров и выпускающим царских министров и провокаторов, откладывающим созыв Учредительного Собрания и собирающим сегодня вместо него контр-революционное «Московское Совещание» из «тузов промышленности и торговли». Укрепив свою позицию внутри страны, контр-революция перешла к старым приемам в остальном. Против украинцев ведется решительная атака не только декретами, но и кирасирами. Распускается Финляндский сейм и грозят вооруженной силой тому самому праву на самоопределение, которое так торжественно возвещалось и в официальных декларациях. Ведется через правительственных посланников темная интрига против встречи даже умереннейших „социалистов" в Стокгольме.

„Формула „мир без аннексий" сдана в архив, и вместо нее появилась милюковско-гучковская „война до полной победы". Керенский провозглашает лозунг „изничтожить большевиков" и посылает „от имени русского народа телеграмму ближайшему родственнику Вильгельма Гогенцоллерна и Николая Романова, английскому королю Георгу. Лозунг революции „Мир хижинам, война дворцам" заменяется лозунгом „Мир дворцам, война хижинам".

„Но рано торжествует контр-революция свою победу. Пулей не накормить голодного. Казацкой плетью не отереть слез матерей и жен. Арканом и петлей не высушить море страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности.

„Работают подземные силы истории. В самых глубинах народных масс назревает глухое недовольство. Крестьянам нужна земля, рабочим нужен хлеб, и тем и другим нужен мир. По всему земному шару залетали уже буревестники. В Англии рабочие уже начинают открытую борьбу за обуздание капитала. Во Франции солдаты агитируют за мир и революцию, в Германии—непрерывное брожение и стачки, в Америке—буржуазия переходит к расстрелу социалистов, поднимающих знамя борьбы с войной. Испания охвачена пламенем революционной схватки классов. Уже с'езжаются финансисты всех стран на тайные с'езды, чтобы обсудить общий вопрос о надвигающейся грозе. Ибо они уже слышат железную поступь рабочей революции. Ибо они уже видят неотвратимое.

„В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо их держала в своих руках. Она не склонила их перед насильниками, грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов, ибо она знает, что грядет новое движение и настанет смертный час старого мира.

„Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи. Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны. Под знамя партии, пролетарии и солдаты. Под наше знамя, угнетенные деревни.

Да здравствует революционный пролетариат!

Да здравствует союз рабочей и деревенской бедноты!

Долой контр-революцию и ее „Московское Совещание“!

Да здравствует мировая рабочая революция!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия (большевики)!

Т

Третий (Лондонский) с'езд партии См. „С'езды Р.С.-Д.Р.П.“

Третий Всероссийский с'езд Советов С'езд состоялся 10—18 января 1918 года в Петрограде в Таврическом дворце. На с'езде присутствовало 1046 делегатов, из них с решающим голосом—942 и с совещательным—104.

Главными пунктами порядка дня с'езда были: 1) организация Советской власти, 2) мирные переговоры с германской коалицией и 3) рассмотрение основного закона о земле. По докладу председателя Совета Народных Комиссаров Ленина была принята „Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа“, содержащая основные положения советской конституции. Первый параграф ее говорил: „Россия об'является „Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам... Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик“. Целью Советской власти является: „уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах“. Декларация провозглашала отмену частной собственности на землю, подтверждала декрет ЦИК о рабочем контроле, как первый шаг к полному переходу орудий производства в собственность государства, санкционировала аннулирование государственных займов, национализацию банков, введение всеобщей трудовой повинности, образование Красной армии и разоружение имущих классов. Декларация одобряла опубликование тайных международных договоров, заключенных царским правительством, разрывала с колониальной политикой империалистической России и приветствовала „политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии и об'явившего свободу самоопределения Армении. В заключение декларация предоставляла право „рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском с'езде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеративном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях“.

Народный комиссар иностранных дел Троцкий дал с'езду подробный доклад о ходе мирных переговоров в Бресте, дополненный Л. Каменевым, одним из участников советской делегации. После выступлений представителей всех партий, участвовавших на с'езде, с'езд принял подавляющим большинством об'единенную резолюцию большевиков и левых эс-эров, в которой, провозглашая снова пред

лицом всего мира стремление русского народа к немедленному прекращению войны, Всероссийский с'езд поручал своей делегации „отстаивать" принципы мира на основах программы русской революции", т.-е. вотировал резолюцию, в которой давал Совету Народных Комиссаров и Брестской делегации самые широкие полномочия.

По докладу Сталина о национальном вопросе с'езд принял декларацию о федеральных учреждениях Российской Республики, в которой провозглашалось, что „Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов".

Народный комиссар земледелия (левый эс-эр) огласил основной закон, который был принят с'ездом без прений.

Третье июля См. „Июльские дни".

Третья Государственная Дума См. „Государственные Думы".

Трудовики Трудовики—трудовая фракция Государственной Думы—образовалась из среды депутатов первой Думы. Во фракцию входили народнически настроенные интеллигенты, народные социалисты и более или менее революционные депутаты из крестьян. Трудовая фракция существовала во всех четырех Думах. Так как в III и IV Государственных Думах эс-эры своей фракции создать не могли, то отдельные эс-эровские депутаты входили в трудовую фракцию, растворяясь до конца в последней (Керенский—лидер трудовиков в IV Думе).

По отношению к войне трудовики занимали оборонческую и часто шовинистическую позицию, впрочем крайне неясную и расплывчатую.

У

Учредительное Собрание Учредительное Собрание открылось 5 января 1918 года. В печати не имеется суммированных официальных данных, характеризующих его состав. Наиболее полные (но далеко не об'ективные) цифры можно найти в статье правого эс-эра Н. В. Святицкого, в сборнике „Год русской рево-

люции“ (Изд. „Земля и Воля“, Москва 1918 г.). По его подсчету, эс-эры всех оттенков получили 58% поданных голосов и провели 338 депутатов, из которых 230 принадлежало правым, 69—украинским и 39—левым. Меньшевики получили 2% голосов (без Закавказья) и имели 1 место. Народные социалисты—1% и 2 депутатских мандата. Кадеты—5% и 14 депутатов. Большевики—25% и 156 депутатских мест. Небольшая часть голосов разбилась между некоторыми национальными группами, кооператорами, союзом земельных собственников и др. правыми организациями и плехановским союзом „Единство“. Если из состава 601 членов Учредительного Собрания, избранных по обследованным Святицким районам, исключить 69 украинских эс-эров, воздержавшихся при всех вотумах, не желая связывать себя с голосованиями во Всероссийском Учредительном Собрании, и 14 кадетов, не явившихся на его заседание, то 5 января 1918 года 323 голосам, стоявшим на стороне контр-революции и буржуазной демократии, противостояли 195 голосов большевиков и левых эс-эров, боровшихся за Советы (или соответственно в процентах: 61% буржуазных голосов и 39% сторонников Советов).

Первое определяющее голосование произошло при выборах председателя. Правые группы выставили своим кандидатом Чернова; левые, блок большевиков и левых эс-эров—Спиридонову. Голоса распределились, приблизительно, согласно вышеуказанному соотношению.

От имени ЦИК его председателем Я. М. Свердловым была предложена Учредительному Собранию „декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа“. Учредительное Собрание отказалось поставить на обсуждение предложенную ему декларацию, поспешило перейти к очередным делам и тем самым, отвергнув завоевания Октябрьской революции, осудило себя на роспуск.

В виду отказа от обсуждения „декларации“ большевистская фракция потребовала перерыва и, после фракционного совещания, огласив декларацию, покинула собрание. Левые эс-эры сочли нужным еще раз обратиться к своим единомышленникам с ультиматумом, предложив принять декреты о мире и земле и, встретив вторичный отказ, ушли вслед за большевиками. Оставшаяся часть депутатов, с целью укрепить свое положение, в спешном порядке вотировала передачу земли народу и признала необходимым всту-

пить в мирные переговоры с германской коалицией. Заседание правой части Учредительного Собрания затянулось до 4 ч. ночи, пока охранявшие здание Таврического Дворца матросы, наскучив ожиданием, не заявили, что „пора расходиться“.

ЦИК в ночь с 6 на 7 января декретировал роспуск У. С. и передачу всей полноты государственной власти Советам. Третий С'езд Советов 14 января 1918 года из титула—„Временное-Рабоче-Крестьянское Правительство“ удалил слово „временное“, „декларацией прав трудящегося и эксплоатируемого народа“ закрепив победу пролетарской революции.

Во имя „защиты Учредительного Собрания“ правыми эс-эрами, совместно с белогвардейцами, велась контр-революционная подготовка в гвардейских и казачьих полках. В Петербурге и Москве 5 января были организованы этими группами демонстрации с участием офицеров и эс-эровских боевых дружин, вооруженных бомбами и револьверами. Демонстранты, по плану эс-эровского ЦК, должны были инсценировать народное восстание, прорваться в Таврический Дворец, захватить правительственные учреждения и вокзалы. Отсутствие рабочих и крестьян солдат среди демонстрантов и резко враждебное отношение масс к демонстрантам, состоявшим сплошь из буржуазии, интеллигенции и офицерства, заставило эс-эров отказаться от своих планов.

Литература: Ленин.—„Выборы в Учред. Собрание и диктатура пролетариата“—«Ком. Интер.» № 7—8.

Фабричное законодательство Народные волнения, в частности волнения фабрично-заводских рабочих, нагоняли на правящее дворянство и правительство не мало страху. Крепостное и, вообще, „подлое“ население должно было быть в беспрекословном повиновении помещику, заводскому и прочему начальству, а если оно из такого повинения выходило и даже учиняло „бунты“, то это рассматривалось, конечно, как угроза государственному и общественному порядку, из которой нужно было сделать надлежащие выводы.

Поэтому за 2 года до падения крепостного права, в 1859 г., учреждена была особая комиссия из представителей: министер-

ства финансов и министерства внутренних дел (под председательством Штакельберга) для того, чтобы „полным преобразованием в самой системе законодательства по части промышленности“ поставить эту отрасль народного хозяйства в соответствие с потребностями нового времени.

Результатом работ этой комиссии явился в 1862 г. проект устава промышленности, которым намечался ряд довольно важных преобразований. Воспрещается работа малолетних обоего пола, не достигших 12 лет. Малолетние от 12 до 18 лет не должны находиться на работе более 12 часов в сутки, полагая в том числе 2 часа для завтрака, обеда и отдыха. Ночная работа воспрещается лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Устанавливаются подробные правила предосторожности для предупреждения несчастных случаев и для охранения здоровья рабочих. Для каждого работника или работницы должны быть отдельные кровати или нары. В обширных промышленных заведениях воспрещается рабочим спать в мастерских на столах и на полу, а равным образом и обедать в тех помещениях, где они работают. Для этих целей должны быть устраиваемы особые помещения и т. д. Устанавливается ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. Для разрешения споров и несогласий, возникающих между хозяевами и рабочими, учреждаются особые промышленные суды. Члены промышленных судов избираются хозяевами и рабочими в той местности, в которой учреждается суд в равном количестве от тех и других. Правом выбора пользуются все рабочие, которые имеют не менее 21 года, занимаются не менее года работой в данной местности и не опорочены по суду или общественному приговору. Суд рассматривает, между прочим, просьбы о вознаграждении рабочих за увечья, дела о стачках между рабочими против хозяев или между хозяевами против рабочих; затем все споры между отдельными сторонами относительно несоблюдения условий найма, определяет штрафы и взыскания и т. д. Для надзора за промышленными заведениями назначается инспектор с одним или двумя помощниками. Им предоставляется право посещать заведения во всякое время, днем или ночью, требовать пред'явления им малолетних, а также конторских книг: о числе и возрасте рабочих, о плате, ими получаемой, о распределении рабочего времени, об условиях найма и о повреждениях, получен-

ных рабочими и т. д. Ни одному параграфу из этих преобразований не суждено было осуществиться и по этому одному уже можно судить как резко они расходились с действительностью, т. е. насколько хуже было тогдашнее положение рабочих. Новая быстро растущая сила — промышленный капитал—расчищал себе дорогу к власти и, естественно, не мог мириться с подобными попытками ограничения эксплоатации труда. Особенно внушало страх учреждение фабричной инспекции, которой промышленники боялись как огня. „Уж если должен быть надзор, то он должен быть вверен самим фабрикантам, или членам мануфактурколлегии",— говорили крупные промышленники братья Хлудовы из Егорьевска в своем замечании на „Проект правил для фабрик и заводов в Петербурге и уезде", имеющий много общего по духу и содержанию с вышеприведенным „Уставом о промышленности".

Задержка заработной платы, эксплоатация при помощи фабричных лавок, полнейшее пренебрежение предпринимателей не только к здоровью, но и к жизни рабочих, нищенская оплата при чрезмерной продолжительности рабочего дня продолжались с неукоснительной последовательностью. „Фабричная промышленность в России не только не делает население счастливым, но . . . . союз помещичьего, поземельного, владения с фабрикантами и заводчиками делает русского рабочего окончательно несчастным и бедствующим существом".

Царское правительство, ни на минуту не отказываясь от жестоких мер репрессии по отношению к рабочим при малейших волнениях последних, время от времени возвращается на путь разрешения рабочего вопроса. Создаются две правительственные комиссии—под председательством Игнатьева и Волуева—для урегулирования обнаружившихся зол промышленной жизни. Но составленные в этом смысле проекты в 1871, 1873 и 1875 гг. (ограничение детского и женского труда, ночной работы, принятие мер предосторожности для охранения здоровья и жизни рабочих) разбивались о противодействия заинтересованных сфер, как и предшествующие проекты 60-х годов.

Начало 80-х годов ознаменовалось целым рядом крупных стачек, ясно показавших, что „патриархальность" отношений и былая забитость русских рабочих отходят уже в область преданий. Общественная тишина и спокойствие были поколеблены, и вот в 1880

году Государственный Совет находит „что нынешние узаконения о найме рабочих действительно представляют более или менее существенные неудобства... Руководясь всеми соображениями, Государ. Совет мнением положил: „предоставить министрам по мере обнаружения на опыте потребности входить с представлениями об изменении и дополнении действующих рабочих узаконений“.

Рабочие волнения заставили торопиться, и 1-го июня 1882 года уже был изготовлен закон, воспрещающий прием на фабрики малолетних ниже 12 лет и ограничивающий работы подростков (от 12 до 15 лет) 8-ью часами при полном уничтожении для них ночной работы. Вместе с тем были введены фабричные инспектора для надзора за выполнением этих правил.

Какую цель преследовал это закон, об этом совершенно откровенно говорилось в Государственном Совете: „дети недостаточных классов привлекались в огромном числе к преждевременным по их возрасту и утомительным по своей продолжительности работам на разных промышленных заведениях“.

„Разрушая физические силы этих детей, подобные работы лишали их вместе с тем возможности усваивать в школе твердые начала религии и нравственности и приобретать необходимые для осмысленной жизни, а также для технических производств, познания. Надломленные физически и нравственно, они оказывались впоследствии неспособными быть полезными гражданами и легко поддавались восприятию революционных учений“.

Но будучи издан в 1882 году, закон вступил в силу лишь через 2 года, ибо предприниматели об‘явили, что они не подготовлены и добились отсрочки.

Да и в дальнейшем надзор фабричной инспекции за выполнением как этого, так и других законов был им мало страшен, так как долгое время оставался совершенно призрачным. В самом деле, например, Харьковский фабричный округ занимал 400 тысяч кв. километров или 35 миллионов десятин, т.-е. более Великобритании, а самый маленький—Варшавский—занимал пространство 111.875 кв. верст. И на такую территорию назначался один инспектор с одним—двумя помощниками.

Между тем, 7-го января 1885 года разразилась историческая забастовка на Никольской мануфактуре С. Морозова, в Орехово-Зуеве („см. Стачки“).

Под влиянием этих событий министр внутренних дел уже 4 февраля того же года сообщает министру финансов о настоятельной необходимости „приступить к составлению таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях.“ Бюрократическая машина заработала с необычной быстротой... Временным законом 1885 г. была воспрещена ночная работа подростков от 15 до 17 лет и женщин в хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном производствах, а 3-го июня 1886 года вышел закон о найме рабочих на фабрики и заводы; 1-го октября того же года к ним присоединились еще особые правила о надзоре за ведением фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.

Сделанные уступки и начавшееся оживление промышленности понижают стачечное движение до начала 90-х годов, хотя оно и не прекращается совсем. Воспользовавшись этим, предприниматели стали отбирать назад завоеванные у них позиции. В многочисленных заявлениях, и даже прямо доносах, устно и печатно, они обрушиваются как на фабричное законодательство, так и на фабричную инспекцию, обвиняя первое в противоречии истинно русским началам, а вторую в неблагонадежности и склонности к социализму. Они-де считают себя обиженными всем этим новшеством, так как всегда были верны престолу и отечеству и считались „столпами“... Как ни невежественны и несообразны были эти заявления, но они попадали в чувствительное место и . . . . увенчались успехом. Закон 24-го апреля 1890 года, который заменял собой ранее изданное постановление о работе малолетних, подростков и женщин, поворачивает уже назад вместо того, чтобы итти вперед. Им узаконялась ночная работа малолетних 12—15-ти летнего возраста в течение 6 часов в одном из самых вредных производств — стеклянном. Точно также был разрешен 6-часовой непрерывный труд малолетних и 9-часовой, по $4^1/_2$ часа сряду, в заведениях, работающих 18 часов двумя сменами. Затем административной власти предоставлено было делать отступления от закона 1885 года, т.-е. разрешать в особо уважительных случаях работу подростков до 17 лет и женщин в хлопчато-бумажных и др. производствах. При этом самое понятие ночного времени

в интересах предпринимателя было сужено и ночь стали считать не с 9 часов вечера до 5 час. утра, как раньше, а с 10 до 4 часов. Наконец, из запрещения работать малолетним в праздничные дни опять-таки администрации предоставлялось право делать из‘ятия.

В течение 1894—1895 гг. возникает массовая стачка, охватившая почти все петербургские ткацко-прядильные заведения; в результате этих стачек было издание закона 2-го июня 1897 года, которым продолжительность рабочего дня во всех отраслях фабричной и горнозаводской промышленности ограничивалась $11^1/_2$ часами. Хотя мысль о том, что рабочие посмотрят на эту меру как на вынужденную уступку, положительно отравляла воображение бюрократии, однако в интересах полицейских признано было необходимым положить предел эксплоатации предпринимателей. Последним, впрочем, вскоре же удалось подорвать в значительной степени и значение нового закона, так как по их настояниям министерство финансов циркулярами от 5 января и 14 марта 1898 года отменило установленную ранее норму сверхурочных работ и предоставило заключение их свободному соглашению сторон. Вместе с тем 12 августа 1887 года министр внутренних дел разослал циркуляр губернаторам, где указывалось, что в рабочей среде ложное представление о целесообразности всякого рода действий скопом, самоуправства и насилия как по отношению правительственной власти, так и в отношении фабрикантов и товарищей, представляется весьма опасным для государственного порядка и общественного спокойствия и предлагалось всех, прекративших работу с соблюдением законных сроков, удалять безотлагательно в места родины; а тех, которые забастуют с нарушением срока, удалять по этапу.

Не довольствуясь этим, 1-го февраля 1899 года министерство внутренних дело провело закон об учреждении особой фабричной полиции по расчету 1 городового на 250 рабочих, независимо от того, мужского они или женского пола, живущих на фабрике или вне ее.

Стачечное движение, вспыхивающее во всех концах России и с каждым годом все учащающееся, не переставало, конечно, быть стихийным, но проявление солидарности и организованности все увеличивалось в нем. Темные массы еще далеко не усвоили себе того, что называется классовым самосознанием, но элемент сознательности все возрастал в них.

По мере роста сознательности и сплоченности среди рабочих масс изменялся постепенно и самый характер движения.

Возникая на почве повседневных интересов и столкновений между трудом и капиталом, стачки конечно продолжали носить характер экономический, но при большей интенсивности стачечного движения и при росте классового самосознания рабочих отсутствие того, что называется „политической свободой", так остро ощущалось участниками стачек, что перед политической агитацией развернулось широкое поприще. И действительно, как только прекращение работ или беспорядки, охватывавшие более или менее значительное количество рабочих, распространяются на общий район, так тотчас они принимают „антиправительственный характер" (см. „Стачки").

Встревоженное этим новым зловещим признаком правительство вынуждено было сделать еще шаг вперед в деле фабричного законодательства. 15 мая 1891 года были изданы временные правила, которыми для рабочих на казенных горных заводах и рудниках устанавливались пенсии во всех случаях, когда они лишались возможности продолжать работу от увечья или профессиональных болезней, а 2 июня 1903 года вышел общий закон об обеспечении пострадавших рабочих, но только грубо изуродованный рукою предпринимателей.

10 июня того же года (1903) был издан также закон о так называемых фабричных старостах. По своей нелепости он превосходит все сделанное бюрократией в этой области и распространения не получил, но интересно отметить, что в мотивировке его звучит все тот же припев: „в интересах предупреждения и пресечения волнений среди фабрично-заводских рабочих, обеспечить фабричной инспекции удобные способы ознакомиться с пожеланиями рабочих и их нуждами".

Успехи рабочего движения в 1905 году повлекли за собой лихорадочную законодательную деятельность правительства в области охраны труда. Уже 21 апреля 1905 года секретным циркуляром было отменено преследование стачечников в административном порядке. Сам комитет министров высказывался за неотложную необходимость коренной реформы рабочего законодательства. Были созданы новые правительственные комиссии, которые очень быстро выработали целый ряд законов-проектов, регулировавших условия

найма, продолжительность рабочего дня, устанавливавших обязательное страхование рабочих от несчастных случаев, обеспечение от старости и инвалидности, учреждение промысловых судов, признавших необходимость мер поощрения устройства дешевых и здоровых жилищ для рабочих и т. п.

Но наступившая вскоре реакция задавила движение пролетариата и отодвинула осуществление всех этих начинаний и только позднее, уже в 1912 году были, наконец, изданы законы: об обеспечении рабочих на случай болезни и о страховании рабочих от несчастных случаев.

Действие обоих законов распространяется на все промышленные предприятия за исключением казенных и железных дорог общего пользования, на которых число занятых рабочих достигает 20 человек (при отсутствии в предприятии машин или двигателей эта цифра повышается до 30).

Для обеспечения рабочего от болезней в таких предприятиях учреждаются больничные кассы, отдельные для более крупных предприятий и общие для нескольких более мелких (см. „Больничные кассы").

Вторым законом 1912 года о страховании рабочих от несчастных случаев были созданы страховые товарищества, участниками которых состоят владельцы предприятий (см. „Страховые товарищества").

„Если сравнить этот закон с законом 2 июня 1903 года, то он имеет одно преимущество перед последним: создание страховых товариществ с круговой ответственностью участвующих в них предпринимателей до известной степени придает правам потерпевших рабочих на вознаграждение ту обеспеченность, какой не мог дать предшествующий закон. Отрицательные же стороны нового закона довольно разнообразны и вытекают из общей идеи, преследовавшейся при его проведении: облегчить для владельцев промышленных предприятий несение возложенной на них обязанности по вознаграждению увечных рабочих и членов их семейств".

В 1913 и 1914 годах забастовочное движение в России настолько усилилось, что Россия очутилась снова после 1907 года на первом месте как по числу забастовок, так и по числу участвовавших в них рабочих (см. „Стачки"). Газеты этого времени полны статьями о стачках. О стачках писали и реакционный кн. Мещерский и

преданный правительству Меньшиков и либералы из „Речи“, „Русская Молва“, „Русское Слово“ и т. д.

Правительство, приняв твердую линию борьбы с рабочим движением, мобилизовало огромные силы и стремилось отнять то, что ранее было завоевано рабочими. Закон о больничных кассах всячески тормозился на местах, ликвидация профессиональных союзов продолжалась с неослабленной энергией, рабочая пресса всевозможными полицейскими ущемлениями и денежными штрафами душилась с беспощадной жестокостью. IV Государственная Дума, в лице своего черносотенного большинства, кадетов, октябристов и партии Пуришкевича, конечно, не противодействовала политике удушения рабочего движения. Она тоже осталась глухой к голосу с‘езда представителей промышленности, указывавших на „обострение рабочего вопроса“ и на „тревожное настроение“, рождаемое „все растущим рабочим движением“. Ко всему этому в воздухе запахло порохом. Россия быстрыми шагами шла к войне. Правительство и промышленники, сознавая необходимость раздавить рабочее движение, чтобы потом спокойно пойти на любую из авантюр, при полном сочувствии либерально-буржуазной оппозиции, основательно забывают о своем начальническом попечительстве о рабочих и прибегают к излюбленным и испытанным средствам: разгром рабочих газет, удаление из Думы рабочих депутатов, безудержный разгул военно-полевых судов, локауты и проч.

В это время раздается трезвый бодрящий голос Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), осуждающий социал.-оборончество и призывающий российский пролетариат не к гражданскому миру (как это делали социал-оборонцы), а к граждаданской войне. Этот лозунг упал на достаточно подготовленную почву. Российский пролетариат подготавливался к той великой исторической роли, которая выпала на его долю в 1917 году.

Литература: 1) Покровский М. Н.—„Русская история в самом сжатом очерке“. Изд. „Красная Новь“. 1923 г., ч. III, выпуск 1, стр. 152 и 154. 2) Меницкий.—„Русское рабочее движение и Р.С.-Д.Р.П. накануне войны“, стр. 9—10. 3) Балабанов М.—„Очерки истории рабочего класса в России“. Ч. I и II, главы „Рабочее законодательство“. 4) Елтницкий.—„История рабочего движения в России“, стр. 113—129. 5) Литвинов-Филинский.—„Новые законы о страховании рабочих“.

Фабрично-заводские комитеты В дни Февральской революции, естественно, фабрики и заводы приостановились: рабочие массы сводили последние счеты с царизмом.

Потом, неделю, другую спустя, когда рабочие вернулись на заводы, они увидели, что многие предприятия брошены на произвол судьбы, так как администрация, в лице директоров, техников, инженеров и мастеров, имевшая полное основание бояться справедливой расплаты за содеянные ею подлости, разбежалась. Пришлось рабочим на этих заводах заменить администраторов-чиновников рабочими-администраторами и взять на себя функции организации и управления производством. Были избраны фабричные и заводские комитеты, с помощью которых начала устанавливаться нормальная жизнь.

Этим комитетам, очутившимся фактически на фабриках и заводах полными хозяевами, приходилось доставать для работы сырье, материалы; они взяли на себя роль охранителей заводов и государственного имущества, они же немедленно ввели явочным порядком 8-ми часовой рабочий день и осуществили ряд своих других требований, не получивших осуществления в период реакции после 1905 года, как например, наем рабочих через фабзавкомы, установка расценок и т. п.

Капиталисты, вернувшиеся после Февральской революции на свои фабрики и заводы, конечно, не могли примириться с создавшимся положением. Они с первых дней возникновения фабрично-заводских комитетов повели с ними борьбу, опираясь на созданное к тому времени временное правительство Керенского, фактически отстаивавшее классовые интересы буржуазии.

Первая попытка ввести в русло буржуазного права стихийно-возникшие фабзавкомы делается министром временного правительства (торговли и промышленности) Коноваловым, который в апреле 1917 года издал закон о рабочих комитетах, вносящий в положение фабзавкомов ряд ограничений и уменьшающий их значение и роль.

Закон этот отвергал обязательность организации фабрично-заводских комитетов и устанавливал, что комитеты могут учреждаться лишь по предложению не менее одной десятой части общего собрания рабочих, занятых в предприятии. Закон устанавливал ограничение в отношении освобождения выборных от работы на

время исполнения ими обязанностей членов фабзавкомов, допуская это освобождение только с согласия администрации, которая могла освобождать и не освобождать выборных от рабочих от работы.

Позднее другой министр того же правительства Скобелев издал циркуляр, в котором отменял права фабзавкомов производить прием и увольнение.

Фабзавкомы игнорировали и этот закон и циркуляр и не уступали ничего из захваченных прав. Таким образом началась борьба между фабрично-заводскими комитетами и предпринимателями, которая вскоре приняла весьма острую форму. Капиталисты единым фронтом пошли против фабзавкомов, не останавливаясь перед закрытием фабрик и заводов и перед выбрасыванием рабочих на улицу посредством локаутов.

В то же время развитие революции обостряло экономический кризис, вызывая новую безработицу и ставя резко перед рабочими массами вопрос о жизни и смерти.

К кризису промышленности примешивалось и то обстоятельство, что временное правительство держало курс на продолжение войны совместно с союзниками против Германии и ничуть не приступало к переводу военной промышленности на мирную, и военная промышленность попрежнему работала полным ходом, при чем владельцы заводов и банков всячески старались создать для себя наиболее выгодные условия наживы. Все это создавало такую обстановку, что чем более обострялся кризис, тем настойчивее раздавались голоса рабочих о необходимости решительного вмешательства рабочих организаций в хозяйственную жизнь страны и перехода от благожелательного сотрудничества фабзавкомов с заводоуправлениями к полному захвату фабрик и заводов и фактическому контролю над производством.

Так как борьба за это в форме стачек не могла привести к желательным для рабочих результатам, то перед ними все яснее вставала необходимость захвата рабочим классом власти, свержения временного правительства и передачи власти Советам.

На этот путь и встают в октябре 1917 года союзы и фабрично-заводские комитеты.

Таким образом, в развитии Октябрьской революции фабрично-заводские комитеты сыграли значительную роль, служа предвестником социалистического переворота.

Что касается взаимоотношений фабзавкомов и профессиональных союзов, то на первых шагах своего зарождения фабзавкомы вели самостоятельное существование, заменяя собой профессиональные союзы и создавая параллельно им свою организацию, что грозило в дальнейшем ослабить борьбу пролетариата и внести в среду рабочих раскол.

Но эта линия раздельного существования вскоре была изжита, так как фабзавкомы, беря на себя регулирование вопросов рабочей жизни—найма и увольнения, установления тарифа и т. п.—столкнулись с необходимостью урегулирования этих вопросов не в узком масштабе фабрики и завода, а в масштабе губернском, а затем и всероссийском, что уже требовало об'единенных экономических организаций пролетариата в лице профессиональных союзов.

Переход от самостоятельного существования фабзавкомов к профессиональным союзам, регулирующим народное хозяйство закрепился окончательно после годовой работы в середине 1918 года.

Фабрично-заводские комитеты становятся низшими союзными органами, проводящими на местах директивы с'ездов и всю союзную работу.

Литература: 1. Томский.—Очерки профессионального движения в России. 2. Сенюшкин Ф.—Фабрично-заводские комитеты в России и их работа в современных условиях. 3. Фин.—Фабрично-заводские комитеты в России.

Февральская революция Несмотря на спасительную поддержку, которую оказала царизму патриотическая буржуазия и разночинная интеллигенция, развал дома Романовых достиг неописуемых размеров. Многомиллионное население страны было отдано на поток и разграбление всякого рода мародерам военного времени, и этого не могли скрыть, загладить патриотические фразы. На громких делах, получивших скандальную известность по всей стране, рабочий и крестьянский народ видел, что между всеми спекулянтами, хищниками фронта и тыла, нажившими состояния, чины и ордена на кровавом деле войны, и царственной кликой—существовало трогательное единство. Легкая нажива и грабеж соединяли банкира еврея Рубинштейна с от'явленным черносотенцем и погромщиком попом Питиримом, взяточника Манусевича-Мануйлова

с главой совета министров Штюрмером, а все вместе они находили приют и защиту у придворного пророка Распутина. Огонь войны обнажил всю гнилость, пороки и разврат двора царя-последыша, осветил пред всем народом полную непригодность царских людей, неспособность их справиться с задачами военного времени. Буржуазия, заинтересованная в победоносном завершении войны, отчетливо понимала грозившую ей от царских порядков опасность, но больше всего, даже больше поражения, ее пугал красный призрак революции. Состояние буржуазии определялось молвой, приписывающей П. Н. Милюкову выражение—„лучше поражение, чем революция". Оппозиционность буржуазии никогда не поднималась выше критики отдельных явлений и лиц. Она умышленно избегала критики всей царской системы управления. Свою борьбу с царизмом либеральная буржуазия вела под знаменем „единения царя с народом", освобождения Николая последнего из плена „темных сил" двора. Торгово-промышленная буржуазия и шедшая за ней на поводу разночинная интеллигенция готовы были итти на компромисс с царизмом, прикрыть его позорную наготу во имя победы „освободительной войны". Но развал царско-помещичьей власти зашел слишком далеко, чтобы его можно было поправить, установив соглашение с либералами.

Развитие событий конца шестнадцатого года в Государственной Думе и вне ее стен убеждало всех, что патриотическая буржуазия, даже организованная в единый прогрессивный блок, не способна справиться с „темными силами", давившими страну в кровавоспекулятивных об'ятиях. Военная политика царизма, его борьба с либеральной, весьма робкой буржуазией, внутреннее разложение, имели столь откровенно антинародный характер, что широкие круги рабочей и крестьянской (солдаты) демократии усваивали полно и достаточно твердо необходимость свержения царизма.

Наиболее дальновидные представители дворянства и монархии понимали опасности, угрожавшие господству их класса, и примкнули к расплывчатой оппозиции прогрессивного блока. Недовольство „поведением двора" охватило и часть царедворцев. Убийство Распутина оправдало слухи и ожидания дворцового переворота. Расстройство всех областей народного хозяйства, тяготы войны и вызванной ею дороговизны жизни выбили из колен даже терпеливые элементы народа, побуждали его задумываться над создав-

шимся положением и искать из него выхода. Поиски выхода сказались в виде всеобщего недовольства существовавшим положением вещей. Эта видимость всеобщности недовольства окрыляла надеждами вожаков думского прогрессивного блока. Свалив при помощи союзников Штюрмера, наши „прогрессисты“ готовились одержать еще ряд „мирных“ завоеваний, но, встретив отпор со стороны твердого курса „темных сил“, вынуждены были отступить и даже предать своих ближайших последователей слева: народников и социал-демократов меньшевиков, исключив их из Думы. Последний акт прогрессивного блока подействовал благотворно на оборонческие круги социалистов, проводивших идеи прогрессивного блока в рабочей среде и демократии.

Однако все благие пожелания прогрессивного блока и дальновидных представителей дворянства спасти монархию от падения были напрасны. Революционное движение делало громадные успехи, захватывая с каждым днем все новые и глубокие слои народных масс. Антицаристское настроение рабочих передавалось и другим демократическим слоям города и деревни. Царская власть готовилась расправиться с „народным бунтом“, подготовляла кадры полицейских пулеметчиков для кровавой бани. Со сцены Таврического дворца борьба переходила на фабрики, в заводы, казармы. Правительство готовилось к бунту, рабочие ожидали, готовились к революции.

Первым днем рабочего движения в Петрограде можно считать 23 февраля (ст. стиля). В этот день бастовало 50 предприятий и 87.534 пролетариев Петрограда приняли в нем участие. Движение росло со сказочной быстротой, и 24 февраля в нем уже принимает участие 197000 рабочих, 25-го февраля в нем принимают участие 240.000 рабочих и к вечеру этого дня Выборгский район Петрограда, населенный, главным образом, рабочими, всецело переходит в руки восставшего народа. Сообщение градоначальства с Выборгской стороной в этот день прерывается. 26-го движение продолжает расти, и к 5 часам дня 27-го во власти сторонников старого режима остается лишь градоначальство, адмиралтейство, Зимний дворец, телефонная станция и Петропавловская крепость.

Рабочее движение этих дней с первого же дня своего возникновения обнаруживает необыкновенное упорство. „Забастовщики,— говорит одно из полицейских донесений,—энергично разгоняемые

нарядами полиции и вытребованными войсковыми частями, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в другом, проявляя в данном случае особое упорство".

Толпы, по этим донесениям, ходили по улицам с пением революционных песен, с криками: „Долой царя, долой правительство". В первые дни движения, как отмечают мемуаристы тех дней, Государственная Дума не была центром движения. Восставшие массы рабочих и солдат концентрировались на Невском и вокруг него.

Пролетарские массы Петрограда начали революцию. Против них правительство двинуло войско, но это войско было уже не то, которое подавляло рабочее движение в пятом году. Классовый состав армии резко бил наружу. Столкновение войск с восставшими пролетариями приводило лишь к тому, что войсковые массы разлагались, теряли боеспособность, переходили на сторону восставших рабочих.

Параллельно росту стихийного рабочего движения большевистская организация в Петрограде, в лице Бюро Центрального Комитета и Петроградского Комитета, развивая это движение, превращала его в последнюю схватку с царизмом, призывая всех на борьбу и стремясь превратить его из Петроградского во Всероссийское. 28 февраля от имени Центрального Комитета тогда социал-демократической партии большевиков выпускается манифест, в котором говорится, что задачей рабочего класса, задачей революционного движения, идущего на улицах Петрограда, является „создать временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося революционного строя. Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передачу их народу, введение восьмичасового дня и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов... Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства—войти в сношения с пролетариатом воюющих стран против своих угнетателей и поработителей... Все на борьбу. К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками"...

Это была обширная программа, целиком охватывающая все то, за что бился рабочий класс и солдаты на улицах Петрограда. Эта программа связывала огромные массы в единое целое, придав им огромную силу и устойчивость. Стихийное массовое движение имело вполне определенную и резко выраженную социальную физиономию.

Таким образом, позиция большевиков в Февральские дни была ясна. Это была позиция не заглушения движения, а его развертывания и роста.

Не такова позиция меньшевиков и эс-эров. Их лидеры с первых же дней Февральской революции стремятся к ликвидации движения. Они не успели и не сумели ни остановить, ни понять движения, они предоставили все движению масс с мыслью, что все пропало и погибло от действия этих масс. Они предают пролетариат и крестьянство в первый же момент своего вступления в Советы. Лидеры, не верящие массам, боящиеся масс—таковая позиция меньшевиков и эс-эров в Февральские дни.

Что касается позиции буржуазии, то она была определенной и выдержанной: все, что она делала, все, что она могла делать, было направлено против рабочих и крестьян. Сила в этот момент была у пролетариата и крестьянства, эта сила двигала буржуазией. Переговоры с царем Николаем II велись 2 марта, но вопрос о судьбе царя для буржуазии стал уже ясен 27 февраля, для нее было необходимо сохранить не персонального носителя власти, а самую форму власти.

С этой целью была предпринята поездка председателя Государственной Думы Родзянко и Шидловского к Николаю II, но она окончилась неудачей, так как Совет Рабочих Депутатов не дал на это своего разрешения. Когда думцы узнали об этом, выступил Гучков, который сказал: „надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая... ни с кем не советуясь... надо поставить их (восставших рабочих и крестьян) перед совершившимся фактом... надо дать России нового государя"... Однако, и эта попытка буржуазии столковаться со старой властью за спиной восставшего народа и, таким образом, предпринять наступление на революцию не удалась. Революция, восставшие пролетариат и крестьянство, с одной стороны, и буржуазия, с другой, остались один на один. Положение обязывало представителей буржуазии как-нибудь

сорганизоваться и с помощью этой организации так или иначе удержать в своих руках власть и свое собственное положение.

27 февраля создается Исполнительный Комитет Государственной Думы, в который входят: Родзянко, Милюков, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Некрасов, Львов, Шульгин, Караулов, Коновалов, Керенский и Чхеидзе. Этот Временный Исполнительный Комитет опубликовал воззвание, целиком выясняющее его позицию и об'ясняющее, каким образом буржуазия могла решиться на такой шаг. В этом воззвании Комитет писал: „Временный Комитет членов Гос. Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, могущего пользоваться его доверием“.

Таким образом, не для укрепления завоеваний революции, а для восстановления порядка решался Комитет Государств. Думы на создание нового правительства. Это было актом самозащиты. Восстановление порядка—вот политическая программа буржуазии в то время, а восстановление порядка мыслилось ей, как передача власти в ее руки и выполнение трудящимися, солдатами и рабочими ее приказаний и воли.

Одновременно с образованием Временного Комитета Госуд. Думы организуется Совет Рабочих Депутатов по типу Совета 1905 г. С первого же момента создания Совета стихийное движение получает организационное выражение, получает организационный центр, получает выражающий классовый характер движения организационный аппарат. Совет становится тем флагом и тем знаменем, вокруг которого сплачиваются и организовываются массы восставших рабочих и солдат.

На первом же заседании Совета (27 февраля) было составлено и издано воззвание к населению России и Петрограда. Воззвание это не только об'ясняло происшедшие события, но, что самое главное, оно говорило восставшим, что есть уже новый центр рабочего движения, что есть уже аппарат революционной борьбы рабочего класса, что зародыш власти рабочего класса существует и организует силы вокруг себя. В этом же воззвании

Совет Рабочих Депутатов приглашал всех поддержать рабочее движение, призывал на местах образовывать ячейки власти и брать все дело в свои руки. С первых же шагов революции сказывалось основное свойство Совета: „Советы могут быть органами власти или ничем“.

На заседании же Совета 27 февраля был сконструирован и руководящий орган Совета—его Исполнительный Комитет. В состав первого Исполнительного Комитета входили: думские депутаты Керенский, Скобелев и Чхеидзе и восемь человек, выбранных от пленума Совета: Александрович-Дмитриевский, Шляпников, Павлович-Красиков, Залуцкий, Стеклов, Суханов, Шатров-Соколовский и Капелинский, секретари: Гвоздев, Гриневич-Шехтер, Панков и Соколов. Кроме того были представители от партий: от большевиков—Молотов и затем Сталин, от меньшевиков—Богданов и Бапурский, от Бунда—Эрлих и Рафес, от эс-эров—Русанов и Зензинов, от эс-де межрайонцев—Юренев, от латышских социал-демократов—Стучка и Козловский, от эн-эсов—Пешехонов и Чернолуцкий, от трудовиков—Брамсон и Чайковский. В состав Исполнительного Комитета входили и представители национальных социалистических организаций.

Временный Комитет Госуд. Думы и Совет Рабочих Депутатов стали центрами, вокруг которых началась группировка разнородных сил. Вопрос о взаимоотношении между Временным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов, этими двумя резко противоположными по своей классовой сущности учреждениями, должен был стать немедленно в порядок дня. Цели, с которыми создались эти учреждения, были различны. Целью Временного Комитета было, говоря грубо, оседлать революцию, использовать ее в интересах буржуазии. Цели Совета Рабочих Депутатов были прямо противоположны. Борьба была неизбежна. Решающим фактором борьбы являлась воинская сила и на овладение воинским аппаратом были направлены в первые дни все цели и стремления буржуазии. Вопрос о войске интересовал не одну буржуазию. По вопросу о войске занимали близкую буржуазии позицию меньшевики-оборонцы. Они были против включения представителей от „солдат в Совет“, не желая вносить „политики в армию“, но эта предательская позиция была уничтожена самой восставшей солдатской массой, перешедшей на сторону рабочих и нашедшей себе центр в лице Совета.

При таком соотношении сил не могло быть вопроса о том, к кому должна была перейти власть. Но вследствие политической неопытности и все-таки слабой организованности трудящихся масс Совет попал в руки соглашателей, людей, говоривших социалистические слова, но не имевших ни воли, ни желания творить социалистическую революцию. Говоря от имени пролетариата и трудового крестьянства, они с усердием звали трудящиеся массы „не увлекаться“ и воздержаться от власти.

Благодаря этому в ночь на 2 марта власть оказалась в руках буржуазии. Создано было Временное Правительство, куда „министрами первого общественного кабинета“ вошли: кн. Львов — председатель совета министров и министр внутренних дел, П. Н. Милюков—министр иностранных дел, А. А. Мануйлов—министр народного просвещения, И. П. Терещенко—министр финансов, А. И. Гучков – военный и временно морской министр, А. И. Шингарев—министр земледелия, А. И. Коновалов—министр торговли и промышленности, Н. В. Некрасов — министр путей сообщения и А. Ф. Керенский—министр юстиции.

Восемь месяцев, легших между Февральской революцией и Октябрьской, были периодом великого брожения и борьбы между могучим социальным инстиктом трудовых масс, звавших их к полному свержению ига капиталистов и помещиков, и политикой социал-соглашательства, облеченной часто в яркие слова, красивые жесты и напыщенные призывы.

Это была также эпоха великой борьбы между двумя системами действия—буржуазии и пролетариата.

Буржуазия усилиями своего Временного Правительства затягивала созыв Учредительного Собрания, рассчитывая овладеть положением и прибрать к рукам уставшие массы; власть буржуазии—Временное Правительство, оттягивая созыв Учредительного Собрания, не запрещала в то же время спекуляцию, не останавливала купли-продажи земли, не облагала налогами богатых и состоятельных людей, а возлагала все тяжести войны на плечи трудящихся масс, которых война разоряла и обескровливала. Она продолжала бросать, с одобрения „доблестных союзников“, на фронт все новое и новое пушечное мясо. На рабочих, устанавливавших явочным порядком 8-ми часовой рабочий день, добивавшихся улучшения своего невыносимого положения, во много раз ухуд-

шившегося за время войны, буржуазная власть и буржуазная печать натравливала солдат с тайным расчетом набросить друг на друга разные слои трудящихся масс, что ослабило бы их напор на твердыню капиталистического господства.

Рабочий класс в начале революции был еще слабо организован. Его партия—прежняя Р.С.-Д.Р.П.—уже давно рассыпалась, а во время войны значительная часть прежних вождей ушла в лагерь оборончества. Только пока небольшая группа вождей и партийных работников (большевиков) остались верны славному знамени интернациональной борьбы рабочего класса. Теперь единственно они поняли могучие устремления взволновавшихся трудовых масс, и с первого дня революции провозгласили лозунги: „Долой войну“, „Вся власть Советам“. Рабочий класс вскоре—в Советах, профсоюзах, на выборах и манифестациях—пошел за знаменем этой группы, превратившейся в скором времени в могучую пролетарскую партию социальной борьбы и действия.

Литература: 1) Шляпников.—Накануне 17 года, ч. I и II. 2) Шляпников.—Семнадцатый год. 3) Пионтковский, С.—Февральская Революция. 4) Вольфсон, М. Б.—Очерки обществоведения, стр. 316—320.

Финансовый манифест

На арест 27 ноября 1905 года своего председателя Петербургский Совет рабочих Депутатов ответил призывом к подготовке вооруженного восстания. 2-го декабря совместно с Главным Комитетом Крестьянского союза и Центральными Комитетами партий, соц.-демократической, соц.-рев. и польской социалистической партией, Совет опубликовал „финансовый манифест“ следующего содержания:

„Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины, усеяло ее трупами. Измученные, изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открывает кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости и запасалось оружием. Иссякли иностранные источники, исчезли казенные заказы. Купец-поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет,

остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает беспрерывные затруднения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал „чисто русский“. Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратит на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это,не хватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных припасов. По всей стране подымается восстание обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожные хозяйства расстроены. Кассы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхитило ссуды сберегательной кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка в ничтожном сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету расходов и доходов, при чем те и другие показывает меньше действительных, чтобы по произволу высчитать избыток, вместо ежегодного недочета. Безконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение сможет только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов.

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как его военное банкротство. Народному представительству предстоит задача по возможности скорее произвести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан и разрушаются в своих основах производства, торговля и средства сообщения.

Исход один—свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но, в частности, и для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы, поэтому, решаем:

Отказаться от взносов выкупных и всех других казенных платежей, требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалования уплаты золотом, а при суммах меньше 5-ти рублей полновесной звонкой монетой.

Брать вклады и ссуды из сберегательных касс, из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный Комитет[1]) и Организационная Комиссия[2]) Российской социал-демократической рабочей партии.

Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров.

Центральный Комитет Польской социалистической партии".

---

[1]) Меньшевики.

[2]) Большевики.

Ц

Циммервальдская конференция

Уже в сентябре 1914 года вскоре после начала мировой войны была организована швейцарско-итальянская конференция, заклеймившая империалистический характер войны и разоблачившая лицемерие возгласов, раздававшихся с обоих сторон, что бойня предпринята для „освобождения порабощенных народов“. Конференция этим разоблачила и гнусность утверждений „социалистов“ II Интернационала, которые клялись и божились (как в странах империалистического союза, так и в странах империалистического соглашения), что „их“ буржуазия затеяла резню „своих“ и „чужих“ рабочих и крестьян только для того, чтобы спасать угнетенных, обиженных и оскорбленных... Однако, попытка правления швейцарской партии (по поручению конференции) восстановить международное об‘единение пролетариата не увенчалась успехом.

Попытки об‘единения не прекращались. В июле 1915 года в Берне состоялось многочисленное совещание интернационалистов разных стран, постановившее подготовить конференцию из представителей тех партий, которые „отвергают внутренний мир (т. е. союз пролетариата и трудящихся масс с империалистической буржуазией в борьбе за отечество)“ и стоят на почве классовой борьбы и прекращения империалистической войны.

Такая конференция (представителей 11 стран, в том числе России) была созвана 5—8 сентября 1915 года в деревне Циммервальд (близ Берна). Тут были представлены не успевшие еще отколоться меньшинства больших официальных партий и несколько самостоятельных партий небольших стран. Из состава конференции выделилось революционное меньшинство („семерка“), в состав которой вошли русские большевики—т.т. Ленин и Зиновьев, всего от России было 6 представителей: 2 большевика, 2 меньшевика и 2 эс-эра; кроме того, от Польши—Варский и Радек, от Бунда в информационных целях—Кливинский. После долгих прений был принят текст манифеста международных социалистов к „пролетариям Европы“ с призывом начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций с правом народов на самоопределение. Конференция образовала постоянную интернациональную социалистическую комиссию и временный секретариат в Берне.

Циммервальдский союз встретил сочувствие во многих партиях и организациях разных стран (постепенно к нему примкнуло более 20 партий и меньшинств), но вызвал против себя бешеный поход со стороны социал-патриотов и Международного Социалистического Бюро—детища II Интернационала. В феврале 1916 года собралась расширенная интернациональная социалистическая комиссия и издала воззвание об отказе в военных кредитах, выходе социалистов из буржуазных министерств, неучастии в организациях, работающих на войну, и об открытой борьбе против господствующих классов и их правительств. Комиссией была созвана 24 апреля 1916 года вторая конференция в деревне Кинталь (Швейцария), которая в общем имела такой же состав (с немного большим левым крылом), как Циммервальдская. Конференция издала манифест „К разоряемым и избиваемым народам“ с таким же лозунгом, как воззвание комиссии.

Циммервальд свидетельствует о стремлении международного пролетариата, ошеломленного войной и изменой вождей, к интернациональному об‘единению против своих „национальных“ эксплоататоров. Но не все циммервальдцы были достаточно проникнуты революционным духом класса, который они представляли (за исключением революционного меньшинства, в которое входили большевистские представители России). Они еще действовали в старом русле II-го Интернационала, не решались призвать рабочий класс и армию к вооруженному восстанию против своих капиталистов и правительств, не решались порвать с Международным Социалистическим Бюро. Но работа Циммервальда не прошла бесследно для международного пролетариата: она не в состоянии была создать III Интернационала, но дала толчек к новому международному об‘единению (М. Б. Вольфсон.—Очерки обществоведения).

Ч

„Черный Передел“ Имя Маркса и отдельные труды его были известны русской интеллигенции значительно ранее 70-х годов, но более широкий и серьезный интерес к учению Маркса пробудился, когда в 1872 г. в Петербурге вышел первый том „Капитала“. Книга обратила на себя сразу внимание: поражала мощность произведения, громадная ученость автора, его

логика, последовательность мышления. Но замечательно как укладывался Маркс в голове россиян.

„Капитал“ Маркса вышел из классической страны капитала—Англии, зародился в стране высокого капиталистического развития. Когда его стали читать в России, то каждая группа ухватилась за то, что ей было нужно.

Часть ученой, казенной интеллигенции принадлежала к защитникам капитала. Если народники отрицали капитализм, то некоторые профессора и ученые сановники защищали его. Они не могли не „признавать“ ту сторону труда Маркса, где он доказывал неизбежность развития капитализма для каждой страны. Но когда Маркс утверждал, что вслед за капитализмом, неизбежно, в силу законов развития, придет социализм, то ученые профессора заявляли, что „тут-то и начинается опасная теория насилия“.

Другая часть интеллигенции, и либеральная и революционная, восприняла „Капитал“ иначе.

С одной стороны, „Капитал“—это революционное произведение, и нельзя было Маркса упрекать в том, что он говорит „против частной собственности“. Народники были тоже против частной собственности. Но так как они полагали, что в России ход исторического развития будет совершенно другой, чем в Зап. Европе, то Маркса они стали понимать „по частям“.

Экономическое учение К. Маркса, т.-е. теорию ценности, теорию капитала, теорию прибавочной стоимости—принимали все светила народничества в области писания статей по вопросам экономии. Зато социологическое учение Маркса—учение о развитии общества и прежде всего капиталистического развития—народники, в применении к России, отвергали самым решительным образом. По их мнению, выходило, что эта теория подходила для стран развитого капитализма—Англии, Франции и т. д., но не для России, которая будет развиваться по другим законам, чем Запад.

Ближе всех к пониманию учения Карла Маркса, к пониманию марксизма (т.-е. учения, взятого в целом) подошли только виднейшие представители народнической организации „Черный Передел“.

Она образовалась следующим образом. На Воронежском с‘езде „Земли и Воли“ большинство землевольцев стало на путь призна-

ния политической борьбы и на путь террора. Меньшинство осталось на старой народнической позиции. Из „Земли и Воли“, таким образом, получились две организации: „Народная Воля“ и „Черный Передел“.

Во главе группы—„Черный Передел“ стояли: Плеханов, Дейч, Стефанович и Засулич.

Плеханов и ранее в газете „Земля и Воля“ (орган организации „Земля и Воля“ вплоть до раскола на Воронежском с'езде) проводил в своих статьях некоторые отдельные положения марксизма, но в качестве правоверного тогда народника принимал их односторонне.

В январе же 1881 г. в № 3 газеты „Черный Передел“ (органа группы) Плеханов уже пишет: „Социализм есть теоретическое выражение, с точки зрения трудящихся масс, антагонизма и борьбы классов в современном обществе. Вытекающие из него практические задачи революционной деятельности заключаются в организации рабочего сословия и указании ему путей и способов его освобождения. Исполнение этой задачи невозможно помимо деятельности не только для народа, но и в среде его... Освобождение народа должно быть делом самого народа“.

С „народом“, т.-е. с крестьянством, в описываемое время дела обстояли очень плохо. „Народная Воля“—газета народовольцев, между прочим, открыто заявила: „сидеть в народе (работать среди крестьянства)—это значит „биться, как рыба об лед“. Таков оказался результат хождения в народ и устройства в народе поселений революционеров, сначала для пропаганды, а потом в целях агитации и бунта.

Чернопередельцы хотели остаться верными старым народническим воззрениям, но и они практически—за короткое время своего существования—не предпринимали снова никакой работы среди крестьянства.

Народовольцы ушли с головой в террористическую борьбу, продолжая вести работу в городе. Рядом с их рабочими кружками работали и чернопередельческие кружки. У народовольцев за вычетом кружков был террор, т.-е. основная борьба, с которой связалось все, связывались все надежды и виды на будущее. У чернопередельцев, кроме рабочих кружков, ничего в практической работе почти не оставалось.

Зато у них оставалось твердое убеждение, что лишь массы (а не единичные выстрелы), что лишь народные массы решают исход борьбы. Уже в 1880 г. Як. Стефанович—едва ли не самый выдающийся из организаторов и практиков народничества (после 1879 г.—чернопеределец) пишет, что при обилии и величии героев революция в России менее близка, чем где-нибудь, ибо „наше движение не сумело втянуть в свой заколдованный круг мужика и городского рабочего“, т.-е. народа.

В дальнейшем предстояло лишь разобраться в самом понятии—народ.

В № 1 „Черного Передела“ мы читаем следующие строки: „Техника современного производства... логически неизбежно ведет... к практическому осуществлению социализма. Родившись на фабрике, рабочий социализм проникает и в деревню вслед за использованием мелкой поземельной собственности...

Социалистическая пропаганда встречает самый радушный прием в местностях, охваченных процессом капиталистического производства, напротив мелкие собственники-крестьяне относятся к ней враждебно“.

Правда, страницей дальше статья утверждает, что „в настоящее время только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществляемую в России часть социалистической доктрины“.

Однако, кто сказал *а*, должен сказать *б* и т. д.

Чернопередельцы же и не раз, и не два, и не три говорили это *а*, т.-е. постепенно, ощупью, на ошибках и поражениях—приходили к пониманию марксизма.

Русский марксизм 70-х и 80-х годов стал наполняться действительно марксистским содержанием лишь по мере того, как этого требовала сама жизнь, т.-е. развитие рабочего класса.

Внешний и внутренний рост рабочего класса подсказывал все более и более марксистких мыслей чернопередельцам, которые отреклись от главного течения народнического социализма в 1879 году и не приняли интеллигентского единоборства масс, которые в течение двух с лишним лет расцвета террористической борьбы—сами в ней не участвуя, потеряв надежду на работу в крестьянстве,—должны были искать новых путей. Когда же в 1880 г., по решению Совета партии, Плеханов, Дейч, Стефанович

и Засулич уехали за границу, то, как пишет Плеханов, они начали производить сводку всего того, что было в России пережито и добыто опытом.

Эта проверка, точно так же, как соприкосновение с западноевропейским движением, весь предыдущий уклон к марксизму довершили дело, и в 1883 г. за границей возникает первая социал-демократическая группа „Освобождения Труда“ из бывших чернопередельцев—Г. Плеханова, П. Аксельрод, В. Засулич, А. Дейча и В. Игнатова“ (К. И. Шелавин. Рабочий класс и его партия).

Литература: 1) „Черный передел“. Орган социалистов-федералистов. Памятка агитац. литературы. ГИЗ, 1923 г.
2) Дейч, Л.—„От народничества к марксизму“. „Сов. Мир“.1914.№1—2.
3) Плеханов, Г.—Собр. сочинений, т. I., ч. 1—2.

Четвертый Всероссийский с‘езд Советов

Четвертый Чрезвычайный с‘езд Советов состоялся в Москве 14—16 марта 1918 года.

Всего присутствовало 1172 делегата с решающими голосоми и 80 с совещательными. Большевиков было—814, левых с.-р.—238, анархистов—14, об‘единенных меньшевиков—24, интернационалистов — 16, максималистов — 24, с.-р. правых—15 и проч.

В порядке дня с‘езда стояли два вопроса: 1) о ратификации Брестского мира и 2) перенесение столицы в Москву.

По первому вопросу были сделаны доклады Чичериным, Лениным и содоклад Камковым от имени левых эс-эров, протестовавших против „позорного мира“. „Левые коммунисты“, противники Брестского мира, отстаивали свою точку зрения внутри большевистской фракции, среди которой собрали около одной десятой части всех голосов, но на с‘езде не выступали, ограничившись прочтением декларации (насчитывавшей 64 подписи), и от голосования воздержались. Поименное голосование по вопросу о мире дало за ратификацию договора 784, против—261, воздержалось—115.

По второму вопросу порядка дня с‘езд постановил временно перенести столицу в Москву.

Чехо-словацкий мятеж

Чехо-словацкий мятеж был организован на деньги англо-французской биржи и при прямом содействии союзнических посольств, имевших пребывание в 1918 г.

в Москве и позднее переселившихся в Вологду. Совет партии социалистов-революционеров, заседавший в мае 1918 г., постановил, при помощи Антанты, начать борьбу за Учредительное Собрание, распущенное В. Ц. И. К. 5-го января. Чехо-словацкий корпус, сорганизованный еще военным министром Керенским из австрийских военнопленных летом 1917 г., отступил с западного фронта с боями против немцев, оккупировавших Украину по договору с Радой после Брестского мира и, по соглашению Совнаркома с чешским командованием, подлежал эвакуации через Сибирь на западный фронт, во Францию, сохраняя свою организацию и оружие. Когда чешские эшелоны растянулись по сибирской магистрали от Пензы до Иркутска, чешским командованием был дан приказ о „восстании". Захватившие Пензу чешские отряды были вытеснены в Самару после трехдневного боя. Одновременно чехами были захвачены Златоуст, Уфа, Самара, Челябинск, Иркутск и другие города по пути следования. В этот момент на Волге и в Сибири Советы не имели достаточно воинских сил. Опираясь на наемные чехо-словацкие штыки, правые эс-эры, при энергичном содействии Антанты, создали в Самаре „орган всероссийской демократической власти"—комитет членов Учредительного Собрания, и приступили к организации „народной армии". Восстание было поддержано буржуазией и деревенским кулачеством, которое было недовольно хлебной монополией, но которое к осени уже вновь склонилось на сторону Советской власти, вследствие далеко зашедшей буржуазно-помещичьей реакции в захваченных контр-революцией областях. Чехословакам и самарской учредилке удалось летом 1918 года захватить Урал и Поволжье, вплоть до Казани, в которой чехо-словаками и „народной армией", при участии эс-эра Бориса Савинкова, была произведена поголовная резня коммунистов и массовые расстрелы рабочих. Лево-эсэровский мятеж в Москве 6 июля и измена главнокомандующего фронтом Муравьева, открывшего чехословакам фронт, немало способствовали первоначальным успехам мятежа. Однако, уже в конце лета Казань была занята Красной армией, и Волга постепенно очищена от захватчиков. Самарский комитет членов Учредительного Собрания не мог справиться с им же созданной реакцией и принужден был отступить пред так называемой „директорией", созданной на уфимском „государственном совещании". Директория вскоре была разогнана ее военным

министром адмиралом Колчаком, которого к этому моменту Антанта предпочла социалистам-революционерам и поспешила признать верховным правителем. Социалисты-революционеры после арестов, частью с согласия Колчака, выехали за-границу (Авксентьев, Зензинов), частью предпочли возвратиться в Советскую Россию и составили группу „меньшинства партии правых социалистов-революционеров", издававшую в Москве свой периодический орган „Народ".

Борьба с Колчаком продолжалась до 1920 года.

Литература: Лелевич.—„В дни самарской учредилки". ГИЗ 1921. „Дело Бориса Савинкова", изд. „Рабоч. Москва", 1924 г., стр. 36—120.

Ш

Шестой с'езд Советов Шестой Чрезвычайный с'езд Советов состоялся в Москве 6—9 ноября 1918 года и был приурочен к празднованию первой годовщины Октябрьской революции. Депутатов присутствовало 1296, из которых 963 пользовались решающими голосами. Последние распределялись следующим образом: коммунистов—946, революционных коммунистов—8, левых эс-эров—4, народных коммунистов—2, максималистов—1, анархистов—1, беспартийных—1.

Порядок дня с'езда: 1) годовщина революции, 2) международное положение, 3) военное положение, 4) строительство советской власти в центре, комитеты бедноты и советы на местах.

Одним из важнейших решений с'езда является постановление об упразднении комитетов бедноты и о замене их волостными и сельскими советами.

Э

Экономизм Экономизм—отсталое оппортунистическое направление социал-демократов возникло и распространилось в конце 90-х годов в большинстве социал-демократических организаций.

Чтобы понять это направление социал-демократической мысли, нужно иметь ввиду, что целое поколение русских социал-демократов конца 90-х годов воспиталось под влиянием „легального

марксизма" (см. выше. П. К.), который по цензурным условиям не мог изложить теорию научного социализма во всей полноте. Но этого мало. „Легальный" марксизм из недоговоренного до конца учения социал-демократии трудами „критиков" скоро превратился у нас в идеологию прогрессивной буржуазии. И если незрелая часть социал-демократов—практиков могла по недоразумению, или лучше сказать, по неразумению, подпасть под влияние этого „легального" марксизма, то некоторые вполне зрелые представители этого марксизма сознательно развивали оппортунистическую сторону „экономизма", желая видеть в рабочем движении простой придаток к либеральному освободительному движению (см. „Credo—Кредо". П. К.). В „экономическом направлении" сказывалось, таким образом, влияние буржуазного либерализма, который всегда и везде, а не только у нас в России—стремился сузить задачи рабочей партии, свести рабочее движение к чисто экономической борьбе, лишить его революционного классового характера...

„С другой стороны укреплению „экономического" направления способствовали внешние условия. Наша промышленность в конце 80-х годов переживала лучшие времена. Заваленные заказами фабриканты гораздо охотнее, чем в другое время, шли на уступки, и стихийное рабочее движение естественное направлялось в сторону наименьшего сопротивления, т.-е. борьбы с отдельными предпринимателями за улучшение условий найма. Руководство с.-д. организаций экономической борьбы рабочего класса много содействовало росту классовой солидарности и сознательности рабочих масс. Благодаря этому руководству стачки нередко носили такой организованный характер, который без этого руководства был бы немыслим при наших полицейских порядках. Но эти же быстрые и видимые успехи помешали социал-демократам правильно отнестись к самой главной ближайшей задаче рабочего движения—завоеванию политической свободы, без которой непрочны и экономические завоевания рабочих...

„Самым ярким выразителем „экономического" направления была газета „Рабочая Мысль", которая поставила себе задачей быть „лишь отражением мысли рабочих масс". Следуя правилу—вести агитацию на почве „непосредственных столкновений", „Рабочая Мысль" заполняет свои страницы исключительно сообщениями об условиях труда, о повседневной жизни рабочего и борьбе его с

предпринимателями и усердно обходит все другие вопросы существенной и политической жизни...

„В то самое время, когда в легальной печати горячо обсуждались вопросы текущей жизни; когда велся ожесточенный бой с народниками, когда в широких кругах интеллигенции велись горячие споры о значении капитализма и роли рабочего класса, нелегальная литература, предназначенная для рабочих, отличалась поразительной скудностью материала и отсутствием живой политической мысли“. „Экономическая борьба, рассуждали „экономисты“, рано или поздно приведет рабочих к непосредственным столкновениям с полицией и другими начальствами и только тогда можно будет приступить к политической агитации“. Работа социал-демократов этого времени сводится, главным образом, к организации стачек, устройству фабричных касс, словом, не идет дальше программы профессиональных союзов в свободных странах. В эти годы выработался тип „практика“, который только в такой деятельности видел настоящее рабочее дело.

„Отказываясь итти в своей агитации дальше „сознанных массой интересов“, „экономисты“ принижали таким образом сознание социал-демократии до уровня стихийного рабочего движения“ (Н. Батурин.—Очерк истории социал-демократии в России).

Так как вопрос о том, что должно быть предметом агитации, социал-демократами конца 90-х годов решался не одинаково, то организационная разрозненность и разброд, существовавшие до 1-го с‘езда с.-д. партии, не только не прекратились, но значительно увеличились. Так с осени 1887 по 1900 год в одном только Петербурге наряду с „Союзом борьбы“—комитетом партии, одновременно существуют следующие самостоятельные с.-д. организации: группа „Рабочей Мысли“ (с 1897 г.), группа „Рабочего Знамени“ (с 1897 г. группа „Самоосвобождения рабочего класса“) — (с 1897 г.), группа „20-ти“ (с 1899 г.), „Социалист“ (с 1900 г.)

Произошел раскол и в эмиграции. В 1901 году „Группа Освобождения Труда“ вышла из образованного ею „Союза русских социал-демократов“, считая, что взгляды его принципиально противоречат манифесту, принятому I с‘ездом партии. Выйдя из „Союза“, „Группа“ образовала революционную организацию „Социал-Демократ“.

Литература: 1) В. И. Ленин.—„Экономизм, как преклонение пред стихийностью“—из брошюры „Что делать“. 2) В. И. Ленин.—

„Легальный марксизм и экономизм“—из брошюры „Что делать“. 3) Астров.—„Экономисты“—предтечи меньшевиков. 4) „История российской с.-д.“, под редакцией Л. Мартова, стр. 17—27, 38—43.

Экономическая политика РСФСР

Под словами „экономическая политика“ надо понимать все мероприятия, которые проводятся или намечены в областях хозяйственного строительства. В буржуазном обществе у пролетариата и трудящихся масс была борьба, но не было в подлинном смысле слова экономической политики: не они управляли государством, а капиталистический класс. Как управлять хозяйством, как организовать производство, какие отношения установить между разными группами трудящихся и как все это сделать, чтобы при наименьших усилиях достигнуть наибольших результатов для трудящихся,—все эти вопросы возникли перед трудящимися, когда они стали у власти и захватили орудия и средства производства в свои руки.

Наилучшей экономической политикой трудящихся будет та, которая приведет скорее к цели – коммунизму;—вернейшим и единственным путем к этому является развитие промышленности, поднятие производительных сил. Способы же достижения такого развития могут быть самыми различными в зависимости от обстоятельств и обстановки: близости или дальности рессурсов производства, доступности или недоступности пользования этими рессурсами, развивается ли хозяйственная деятельность в мирных условиях или военных и т. д.

Наша экономическая политика, как в области добывающей, так и обрабатывающей промышленности (в сельском хозяйстве или городской промышленности), ставит себе одну ближайшую цель—укрепление и развитие крупного производства: коммунизм возможен только на основе крупной промышленности. Далее, пролетарский коммунизм строится не на распределении скудных средств, не на уравнении в бедности, а на организации производства. И чем крупнее и научно организованнее производство, тем более производительным оно делает труд, тем легче оно сплачивает огромные массы рабочих и тем достижимее коллективистское (общественное) хозяйство.

Поэтому первым стремлением рабоче-крестьянской власти после революции были: 1) по отношению ко всей нашей промышлен-

ности рабочий контроль; 2) по отношению к крупной промышленности—постепенное завладение только крупнейшими предприятиями, с которыми пролетарское государство могло бы справиться, которые оно могло бы поставить на лучшую ногу. Но саботаж владельцев предприятий, достаточно расстроенных войной и теперь умышленно приводившихся в полную негодность, и борьба, поднятая против пролетарской революции буржуазной и соглашательской контр-революцией, вынудили государство к национализации всей промышленности: это должно было покончить одним сокрушительным ударом с воюющей буржуазией, это должно было сосредоточить в руках государства те немногие скудные средства, которые остались от разорительной войны. Но положение государства, крайне трудное на поприще борьбы, еще труднее было на хозяйственном фронте. Внутренняя контр-революция и нашествие европейского капитала оторвали от Р.С.Ф.С.Р. области с главнейшими источниками промышленности: Айзербайджан—с его нефтью, Донецкий бассейн с каменным углем, Урал с металлом, Туркестан с его хлопком, Украину и Сибирь с ее хлебом.

Разрушенный транспорт, оскудевшее сельское хозяйства, расстроенные финансы, огромная масса искалеченных и выбывших из трудового строя людей,—все эти ужасные последствия войны были той обстановкой, в которой пролетарское государство должно было строить свое хозяйство... А гражданская война требовала напряжения всех сил, требовала большой армии, приспособления промышленности к потребностям войны. В первую голову требовались средства питания, как нужда данного момента, как то, чего нельзя ни откладывать, ни отсрочить. И государство должно было прибегнуть к героической мере сосредоточения во что бы то ни стало всех продовольственных излишков в своих руках. Была введена продовольственная разверстка, заключавшаяся в том, что крестьянам оставлялось только самое необходимое для собственного прокормления и хозяйства, излишки же забирались.

Почти поголовная национализация промышленных предприятий, крупных и мелких, и продразверстка, сосредоточившие в руках государства все средства, сделали ненужной и даже вредной торговлю: при таких условиях она превращалась в мошенничество, низкопробную спекуляцию, растрачивающие неэкономно скудные средства, когда все усилия государства должны были быть напра-

Экономическая политика РСФСР

влены на то, чтобы возможно бережливее расходовать оскудевшие запасы. И частная торговля была запрещена и заменена государственным распределением.

Пролетарское государство блестяще справилось с главнейшей и настоятельной задачей в исключительный момент борьбы—оно отстояло свое существование, оно спасло пролетарскую революцию от стремившихся удушить ее хищников мирового капитала, оно смогло приспособить хозяйство к потребностям этой титанической борьбы труда с капиталом.

Но хозяйственные последствия (как последствия всякой войны) были печальны. Разрушение хозяйства во всех его областях пошло за время гражданской войны еще дальше: сократилась посевная площадь и производство хлебных продуктов чуть ли не до половины, производительность заводов и фабрик упала до смехотворно низких цифр, трудовое население крайне истощилось, и в первый же момент относительного покоя, когда душившее советскую федерацию огненное кольцо враждебных сил было разорвано мощным натиском революционной армии—Советская власть начала совершать переход от политики так называемого „военного коммунизма“ (бережливого и равномерного расходования старых запасов и малосильного или даже бессильного хозяйствования, охватывающего все предприятия, в том числе огромнейшую массу мелких, но не справляющегося с ними) к политике: 1) восстановления и развития крупной государственной промышленности и 2) увеличения общего количества запасов—предметов широкого потребления. Эти две главные задачи дают содержание и определяют формы так называемой новой экономической политики.

Если развитие крупной промышленности—наша главная задача, то увеличение количества запасов во что бы то ни стало—наша необходимость: без продовольствия, одежды, обуви и т. д. рабочие не могут жить и тем более работать усиленно, без этого, следовательно, не может быть и речи о восстановлении крупной промышленности. Без машин (которые нужно купить за границей), без сырья и топлива (которое нужно добывать и привозить к местам производства) опять-таки о развитии промышленности нельзя и мечтать. Поэтому в первую очередь Советская власть направила свои усилия на поднятие сельско-хозяйственного

производства и торговые соглашения с капиталистическими странами.

В области сельского хозяйства основной задачей советского государства было и остается развитие крупного советского хозяйства (совхозы), представляющего во всех отношениях те же выгоды, что крупное производство в области городской промышленности, и являющегося для трудящихся деревни школой коллективизма. Всемерная поддержка сельско-хозяйственных коммун, представляющих те же выгоды для трудящихся, является такой же важной задачей государства.

Но огромное большинство трудовых хозяйств в России было мелко-собственническим, а мелкие собственники (крестьяне) не легко отказываютстя от „собственного", хотя и жалкого, прозябающего хозяйства. Вовлечь их в крупное общественное хозяйство—дело многих лет и вдохновенного труда борцов и работников коммунизма, а окончательный успех такой работе может доставить больше всего расцвет крупного советского хозяйства, которого нужно достигнуть ценой каких бы то ни было усилий: мелкий собственник уступит не хорошим речам, а хорошим успехам хозяйства, если он их увидит.

Из всего этого пролетарская власть сделала такой вывод: не оставляя попечений о крупном государственном хозяйстве, нужно в целях увеличения запасов поддерживать мелкие хозяйства и вызвать в трудящихся мелко-собственнических массах стимул (побудительный повод) к увеличению посевной площади, к улучшению хозяйства и повышению производительности.

Отмена продразверстки с заменой ее продналогом—первый шаг к этому. Продналог не только берет у крестьянина для государства меньше, чем продразверстка, но—и это главное—оставляет излишки в полном распоряжении крестьянина. И если раньше, когда излишки у него забирались, он не стремился производить их, то теперь он всемерно стремится увеличить их количество.

Но имея излишки, крестьянская масса (главная масса производителей ценностей в советских республиках) стремится их сбывать,—обменить на нужные ей товары, продукты городской промышленности и сельско-хозяйственные орудия—или продать за деньги, на которые можно купить на рынке эти нужные товары. Поэтому государство, не имея, вследствие слабости своей

 Экономическая политика РСФСР

промышленности, достаточного количества таких товаров и не располагая налаженным аппаратом обмена, должно было сделать следующий шаг—смягчить (а впоследствии почти совсем прекратить) запретительные меры по отношению к частной торговле, стремясь в то же время наладить свой торговый аппарат.

Нечего и говорить, что рядом с этими вынужденными шагами государство в отношении сельского хозяйства поставило себе положительную задачу—помочь крестьянину в поднятии техники земледелия и улучшении форм сельского хозяйства. Последние С'езды Советов главное свое внимание уделили именно этому вопросу, а рабоче-крестьянское правительство уделяет ему много сил.

Но не только для поднятия крупной промышленности нужно поднять сельско-хозяйственное производство, но и наоборот,—для поднятия сельского хозяйства требуется повышение уровня крупной промышленности: без железа, плуга, сохи, косы и многих предметов потребления, создаваемых крупной промышленностью, сельско-хозяйственное производство далеко не уйдет... Поэтому, для развития этой промышленности существуют у государства стимулы не только в его стремлении к коммунизму, но и в потребностях текущего дня. Какова же экономическая политика Советской власти в области промышленности?

Стремясь к укреплению и поднятию крупной государственной промышленности, государство берет в свои руки только крупные предприятия и притом те, с какими оно по своим расчетам может справиться, и столько, насколько у него хватит технических и организаторских сил. Остальные оно отдает в аренду (временное пользование) рабочим коллективам и частным предпринимателям (последним преимущественно мелкую промышленность). Выгоды аренды в том, что предприниматель, стремясь увеличить прибыль, будет стараться увеличить производительность предприятия. О выгодах рабочих коллективов не приходится распространяться: успех коллективов является успехом пролетарского дела. Денационализация (возврат государством) мелкой промышленности вызвана теми же причинами, что отмена продразверстки в деревне: это должно вызвать у мелкого предпринимателя-ремесленника стремление к улучшению своего хозяйства, а, следовательно, в конечном итоге способствовать увеличению количества необходимых предметов потребления.

Особо надо сказать о концессиях—аренде на более продолжительное время и более крупным капиталистам или союзам капиталистов. Эта мера имеет главной своей целью использование колоссальных богатств многих наших недр, которые при нашей технической отсталости лежат втуне, и привлечение иностранного капитала. Выгоды концессий для пролетарского государства—опять-таки в увеличении количества благ и в том, что в будущем, когда срок концессий кончится, Советской Республике достанутся хорошо оборудованные предприятия.

Все это требует улучшения нашего финансового положения, налаження торговых аппаратов у государственных предприятий, поднятия нашего международного положения и т. д.

Надо всем этим усердно трудится Советская власть, Р.К.П. и все преданные делу пролетарской революции граждане советских республик. Положение, занятое Советской Россией на Генуэзской и Гаагской конференциях, показало всему миру, что Рабоче-крестьянская Республика, не давшая себя раздавить вандальским нашествиям и отечественной контр-революции, не позволит проглотить себя жадной акуле европейского торгашества (М. Б. Вольфсон.—Очерки Обществоведения, ст. 386—392).

Литература: 1) Троцкий.—„Новая экономическая политика в России и перспективы мировой революции“. Изд. „Моск. Рабочий“ 1923, 2) В. И. Ленин.—„Основные задачи партии при НЭП'е“. Сборник статей. Изд. „Красная Новь“. 1924. 3) Флеровский—„Октябрьская революция и новая экономическая политика. Изд. „Красная Новь“ 1922. 4) Крицман.—„Два года новой экономической политики пролетариата Союза ССР“. Изд. „Красная Новь“. 1923.

Ю

Южно-Российский Союз рабочих Первый „Южно-Российский Рабочий Союз“ был основан в 1874—1875 гг. Е. О. Заславским в Одессе. Составными частями его были образовавшиеся ранее (1872 г.) кружки рабочих в Одессе, Харькове, Ростове на Дону, Таганроге и др.

„Союз“ был настоящей, хорошо организованной рабочей организацией. Члены „Союза“ вносили еженедельный взнос по 25 к. Деньги собирал депутат кружка, а от депутата они поступали к кас-

сиру. Депутаты вводили новых членов в свой кружок, следили за членами своих кружков, раз'ясняли им их обязанности и занимались пропагандой". Пропаганду вели сами рабочие. Из интеллигентов занимался пропагандой только З а с л а в с к и й, который читал рабочим лекции, охватывающие обширный круг знания,— естествознание, историю, историю рабочего движения на Западе; говорил об Интернационале, о профессиональном движении.

Кроме пропаганды и агитации, „Союз", или, вернее, его организатор и вдохновитель З а с л а в с к и й, на практическом деле,— ссудо-сберегательных касс, библиотек, кооперативов,—учил рабочих строить свою рабочую профессиональную организацию.

Какова же была программа „Союза". Основы ее изложены в „Уставе Южно-Российского Союза Рабочих". Вот первый пункт этого „Устава": „Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния; что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении,— мы, рабочие южно-российского края, соединяемся в один союз под названием „Южно-Российского Союза Рабочих", поставляя себе целью:

1) Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

2) об'единение рабочих южно-российского края;

3) для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком".

Этот параграф ясно показывает сходство „Устава" З а с л а в с к о г о с основными положениями Интернационала: и там и здесь указывается, что существующий порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, и там и здесь говорится о том, что рабочие могут установить этот строй истинной справедливости только полным об'единением рабочих, и там и здесь подчеркивается, что основа и причина всякого рабства есть гнет и существование капитала, и там и здесь говорится о том, что только насильственный переворот может уничтожить экономи-

ческое и политическое угнетение рабочих. Влияние Интернационала, а стало-быть учения Маркса на Заславского и его „Устав" несомненно.

Но, быть может, самою важною и ценною мыслью „Устава" является указание на то, что только путем создания чисто классовой организации единственно возможно то об'единение рабочих, которое „насильственным путем" уничтожит гнет политический и экономический. В то время, как еще в 1879 г. землеволец Плеханов в своей статье о рабочем движении ничего кроме агитации, рабочим посоветовать не мог, здесь уже в 1874 г. довольно определенно вырисовывались первые контуры классовой социалистической организации пролетариата.

Единение рабочих, их обязанности вкладываются в краткую формулу: „Один за всех и все за одного".

Жандармы прекрасно поняли колоссальную опасность, какую представляла для самодержавного государства и вообще для буржуазного общества такая организация рабочих. Одесский жандарм, донося министру внутренних дел об окончании следствия по делу „Союза" писал, что дело „Союза" заслуживает внимания правительства по социальному положению обвиняемых, по стройности организации и по солидности ее. Социальное положение всех членов „Союза" было дотоле невиданное в практике жандармов:—за исключением Заславского и Щербины все остальные были рабочие.

Правительство не замедлило расправиться с „Союзом". Всего было захвачено процессом 59 человек, но на скамью Особого Присутствия Сената село 39 человек, из которых двое (Заславский и Щербина) являлись интеллигентами, один содержатель пивной, один конторщик и 35 человек рабочих. Приговор Сената был суров: трое получили каторгу от 10 до 5-ти лет, остальные тюремное заключение.

Так расправилось самодержавие с рабочими, сделавшими первую попытку создать свою, рабочую класссовую организацию.

Второй „Южно-Русский Рабочий Союз" был организован в начале 1880 г. в Киеве чернопередельцами Ковальской и Щербиной. Оргинальной чертой в программе этого „Союза" было признание основным средством борьбы за установление нового строя общественных отношений экономического террора: фабричного

(поджог фабрик, мастерских, убийство директоров и хозяев) и аграрного (порубка помещичьих лесов, поджоги посевов, убийство помещиков). Союз пользовался большой популярностью среди киевских рабочих, но просуществовал недолго. В октябре 1880 г. были арестованы Ковальская, Щербина, а в начале 1881 г.— другие руководители „Союза" (Богомолец, Кашинцев, Присецкая и др.).

Литература: 1) Невский, В.—Очерки по истории РКП. Т. I., стр. 159—166. 2) Ковальская, Е.—„Южный русско-рабочий Союз". Рус. Ист. Биб. № 5. 3) Скверн, М.—„Южно-Российский Союз рабочих в Одессе", „Каторга и ссылка". 1923 г. № 5.

Авксентьев, Н. Д.—родился в 1878 году, по происхождению дворянин, окончил Московский Университет. Один из старых членов П. С. Р. и ее практический руководитель. В 1905 году входил от имени партии в Петербургский Совет Р. Д. и вместе с другими членами его Исполнительного Комитета по приговору Петербургской судебной палаты был сослан в г. Обдорск Тобольской губ., откуда в 1907 году эмигрировал за границу. Участник с'езда ПСР в 1907 году, после которого вошел путем кооптации в ЦК. Во время реакции и распада партии примкнул к образовавшемуся в 1912 году правому крылу с.-р. партии, защищавшему легальность и отказ от террора в своем органе „Почин".

С начала мировой войны проживал в Париже, занял крайнюю правую позицию, защищал оборончество, активно содействуя „волонтерству" русской эмиграции. Участник оборонческих с.-р. органов „За рубежом" и „Новости" и один из редакторов парижского социал-демократического „Призыва". Член одного из коалиционных министерств Керенского. После Октябрьской революции активный противник советов, „на уфимском совещании", отстаивая коалицию с буржуазией, вошел в состав Уфимской директории, разогнанной вскоре Колчаком.

С разрешения Колчака выехал за границу, где вместе с Милюковым входит в так называемый „Комитет Учредительного Собрания".

Адлер-Виктор—первоначально марксист-„ортодокс", руководитель и теоретик австрийской социал-демократии, один из виднейших деятелей II Интернационала, оборонец в годы войны. Министр буржуазного временного правительства в Австрии после ноябрьской революции 1918 года.

Адлер-Фридрих—сын вождя австрийской социал-демократии Виктора Адлера. Будучи противником империалистической войны, выведенный из себя тем развратом, который она внесла вследствие социал-патриотической позиции вождей в рабочее движение, застрелил австрийского министра Штюргка. Осужден имперским судом на 20-летнюю каторгу, освобожден ноябрьской революцией 1918 г. Его выстрел был криком измученной души, но не политически-продуманным актом. После австрийской революции выяснилось, что его мировоззрение не расходится по существу с официальной с.-д. (центристской) догмой. Глава $2^1/_2$ Интернационала, расколовшегося в 1923 году и вернувшегося в лоно II желтого Интернационала.

Аксельрод, П. Б.—в 70 годах бакунист, принимал участие в народническом движении. Был арестован в деревне, где пытался вести агитацию,

не успел бежать. Эмигрировал за границу, где вместе с Плехановым основал в 1883 г. „Освобождение Труда“. Член редакции „Искры“ (1901 г.). На втором с‘езде партии в 1903 году примкнул к меньшевикам. В годы реакции инициатор „рабочего с‘езда“, т.-е. растворения с.-д. партии в беспартийных рабочих организациях, затем один из руководителей ликвидаторства. Участвовал в Циммервальдской конференции, но отказался примкнуть к ее левой. Ведет резкую кампанию против коммунизма.

Алексеев, Петр—смоленский крестьянин, петербургский ткач, революционер 70-х гг. Наряду с представителями революционной народнической интеллигенции, П. Алексеев—олицетворение союза революционного пролетариата с революционным крестьянством. Ведет агитацию среди рабочих в Москве, видный участник „процесса 50“; на суде отказался от защитника, в заключительном слове бросил „дерзкий“ вызов деспотизму, присужден к 10-летней каторге и убит в Сибири.

Алексеев, генерал — состоял начальником штаба верховного главнокомандующего царя Николая II. В момент Февральской революции, уже после отречения Николая, издавал по фронтам приказы об аресте злоумышленных агитаторов, сеющих в армии смуту, однако, признал Временное Правительство. После корниловской авантюры был назначен верховным главнокомандующим, но вскоре был удален. В конце 1918 г. положил начало формированию на Дону „добровольческой армии“, перешедшей позднее под командование Деникина. Родоначальник российской белогвардейщины.

Алексинский, Г. А.—бывший социал-депутат во II Государственной Думе, один из лидеров группы „Вперед“, в начале войны скатившийся до самого низкопробного социал-шовинизма. В своей патриотической деятельности не брезговал самыми грязными средствами. Вместе с Бурцевым в настоящее время один из вдохновителей российской контр-революции.

Базаров, В. А. (Руднев)—социал-демократ, примыкавший в эпоху революции 1905 г. к большевикам. После Февральской революции 1917 г. интернационалист и один из редакторов „Новой Жизни“. Экономист. Переводчик „Капитала“ и литератор.

Бакунин, М. А. (1814—1876)—один из основателей анархизма. Окончил артиллерийскую школу в Петербурге, но будучи произведен в офицеры, вскоре вышел в отставку. Участвовал в Московском кружке Станкевича. В 1847 г. был выслан из Франции, после революции 1848 г. вернулся в Париж и продолжал политическую деятельность, но вскоре переселился в Германию, участвовал на с‘езде славянских деятелей в Праге, а также и в пражском восстании, в 1849 г. принимал участие в подготовке восстания в Дрездене, был дважды приговорен к смертной казни, но выдан русскому правительству, присудившему его к 20 годам заключения в Шлиссельбурге. Александр II заменил крепость поселением в Сибирь, откуда он в 1861 г. бежал в Лондон, вскоре переехал в Италию и основал „Международное братство“: к этому времени Бакунин превращается из простого бунтаря в теоретика и вождя международного анархизма. В 1869 году Бакунин

вступил в „Международную Ассоциацию Рабочих“ (I Интернационал), откуда был исключен на Гаагском конгрессе 1872 года. Незадолго до Парижской Коммуны в 1870 году Бакунин принял энергичное участие в подготовке восстания в Лионе. В 1873 году организовал анархический „Федеративный Союз“. В 1874 году переехал в Испанию, пробуя организовать восстание в Болонье.

Соединяя в своем мировоззрении Гегеля, Конта, Прудона и Маркса,— Бакунин является позитивистом и страстным противником религиозного миропонимания. Не воздерживаясь от политической борьбы, он отрицает государство и частную собственность. Он стоит за вольные союзы производителей, особенно крестьян, как переход к коллективизму. Средства переворота: бунт, революционная борьба, восстание, террор, тайные организации заговор.

Б а л м а ш е в—студент Киевского университета, член боевой организации с.-р., ученик Гершуни, 2-го апреля 1902 г. убил министра внутренних дел Сипягина.

Б е л ь т о в Н.—псевдоним Г. В. Плеханова, под которым он выпустил свою книгу: „К вопросу развития монистического взгляда на историю“.

Б е р д я е в—писатель и публицист, некогда с-д., но быстро прошедший путь от марксизма к идеализму и мистицизму. Один из видных участников сборника „Вехи“; теперь идеолог контр-революционных эмигрантских кругов.

Б е р н ш т е й н З.—один из ранних деятелей немецкой с.-д. и участник партейтага в Готе, привлекался к суду за оскорбление величества. Эмигрировав за границу, лично познакомился с Марксом и Энгельсом. Во время действия исключительного закона против социалистов был выслан из Швейцарии.

В конце 30-годов выступил с критикой учения Маркса (ревизионизм). Ревизионисты всех стран (в том числе и русские в 900 г.) опираются на Бернштейна. Выдвинутая Бернштейном теория была подвергнута решительной критике ортодоксальными марксистами, в особенности Г. Плехановым и К. Каутским.

В годы войны Бернштейн занимал полу-оборонческую, полу-интернационалистическую позицию. В настоящее время Бернштейн вновь скатился к правому социал-соглашательству.

Б о г д а н о в, А. А. (Малиновский)—примкнул к социал-демократическому движению в начале 90-х годов. После раскола партии на II с‘езде активно примкнул к большинству, организовал Бюро Комитетов Большинства и позднее вошел в Ц. К. На Стокгольмском Об‘единительном с‘езде вновь был переизбран в общепартийный Ц. К. После разгона второй Государственной Думы настаивал на бойкоте Думы и отзыве из нее с.-д. фракции и, пытаясь создать собственную лево-большевистскую фракцию, издавал за границей газету „Вперед“ при участии Луначарского, Г. Алексинского, Ст. Вольского и др. Богданов пытался создать собственную философскую систему („Эмпириомонизм“), родственную идеалистическим построениям Маха и Авенариуса.

Брешко-Брешковская, Е. К.—прозванная эс-эрами „бабушка русской революции", родилась в 1847 г., начала революционную деятельность в 1873 г. хождением в народ. В 1878 году по „процессу 193" получила 5 лет каторги, которую отбывала на Каре. Вернувшись из Сибири в 1896 г., она приняла участие вместе с Гершуни в создании „рабочей партии политического освобождения России", влившейся в 1902 г. во вновь созданную „партию социалистов-революционеров". Брешковская, будучи убежденной сторонницей политического террора, главную свою энергию отдавала работе среди крестьян, неоднократно состоя в Ц. К. с-р. партии. В 1907 г. была арестована в Симбирске и сослана по суду на поселение в Сибирь, откуда ее возвратила Февральская революция. После Февраля примкнула к крайнему правому крылу партии, будучи сторонницей войны и коалиции. После Октября—бешеная противница Советской власти; эмигрировала в Соединенные Штаты, предприняла целый поход лжи и клеветы против пролетарской революции.

Булгаков—представитель так называемого „легального марксизма" в 90-х гг. вместе с Струве, Туган-Барановским, он очень скоро перешел в ряды „критиков Маркса" в аграрном вопросе, а потом покатился по наклонной плоскости „от марксизма к идеализму". Проповедь мистицизма, совершенствования личности в целом ряде статей и книг, участие в знаменитых „Вехах" сделали его одним из вождей общественной реакции, охватившей русское общество после разгрома 1-й русской революции в столыпинские дни.

Вандервельде—председатель Международного социалистического Бюро II Интернационала, член бельгийской с.-д. партии. Вандервельде с самого начала войны первым из социалистов II Интернационала вошел в буржуазное министерство своей страны; в 1914 году его письмо к русским рабочим с призывом поддерживать войну и воздержаться во имя победы от борьбы с царизмом было встречено всеобщим презрением рабочего класса и восторгом кадетов и буржуазных газет. В настоящее время вместе с шведом Брантингом и немцем Шейдеманом продолжает возглавлять желтый Интернационал.

Варский—(Варшавский, А.)—один из основателей польской с.-д. и видный ее литератор-полемист. В настоящее время один из вождей коммунистического движения в Польше.

Витте С. Ю.—русский государственный деятель конца XIX века, много содействовал развитию капитализма в России: развитием железнодорожной сети, укреплением валюты, протекционизмом. Как политик—Витте—яркий оппортунист: то доказывает в союзе с Победоносцевым несовместимость существования земств с самодержавием, то создает совещание о нуждах сел.-хоз. промышленности, где с удобством развертывается земская оппозиция. Неудачная японская война 1904—1905 гг. выдвинула его, как единственно годного дипломата, для ликвидации дальне-восточного позора. В Октябрьские дни 1905 года граф „Портсмутский" является незаменимой опорой шатающегося престола. Витте создает манифест 17 октября и

заводит двойную игру: заигрывает с либералами земских с‘ездов, уговаривается с общественными деятелями о вступлении в его „конституционный“ кабинет. Одновременно его коллега по министерству, Дурново, организует патриотическо-черносотенные банды. Перед созывом I Государственной Думы Витте получил отставку и с тех пор не играл уже видной государственной роли.

Волгин А.—псевдоним Г. В. Плеханова.

Володарский В.—бывший меньшевик, сохранил верность Интернационалу во время войны, работал в Петербургской международной организации, вошел вместе с нею в РКП в июле 1917 г.

Его выступления на митингах в Петербурге и деятельность в Совете создали ему огромную популярность и любовь в рабочих массах. Убит в 1918 г. социалистом-революционером.

Вольский, В. К.—член партии социалистов-революционеров, депутат Учредительного Собрания, один из организаторов эс-эровской власти на Волге в 1918 г. и член Самарского Комитета Учредительного Собрания. После колчаковского переворота разорвал с тактикой гражданской войны официального право-эс-эровского Ц. К.; вступил в переговоры с Советской властью и вместе с группой единомышленников (Ракитников, Буревой, Святицкий и др.) организовал автономную партийную группу „Народ“; отказавшуюся от вооруженной борьбы с Советами и с колебаниями высказывавшуюся за признание Советской власти.

Ганецкий, Я. С. (Фюрстенберг)—один из старейших членов социал-демократии Польши и Литвы и член ее ЦК. Участник общероссийских с.-д. с‘ездов и совещаний. После Февральской революции в 1917 году жил в Стокгольме, поддерживал связь между русскими большевиками и заграничными революционерами социал-демократами. В настоящее время член Р. К. П.

Гвоздев—Меньшевик-ликвидатор, в годы войны председатель рабочей группы Всероссийского Военно-Промышленного Комитета, созданного российскими промышленниками для распределения военных заказов. Товарищ министра труда в одном из коалиционных кабинетов Керенского. Занимал крайнюю оборонческую позицию с самого начала войны, проповедник социального перемирия.

Гегечкори—меньшевик, член III Государственной Думы от Кутаисской губернии, где был адвокатом, один из лидеров меньшевистской думской фракции. После Октябрьской революции сначала председатель Кавказской Рады, об‘явившей независимость Кавказа, позднее министр иностранных дел Грузинской республики, ориентировавший ее политику в сторону Англии и Деникина, против Советской России. Ныне находится в эмиграции, примыкая ко II Интернационалу.

Гоц, А. Р.—правый социалист-революционер черновского толка. В 1906 году состоял участником „Боевой организации П. С. Р.“, возглавляемой Азефом и Савинковым, принимал участие в подготовке к покушению на Дурново и в других террористических предприятиях. Февральская

революция возвратила его из Сибири, где он находился на поселении. Член ЦИК оборонческого состава, после I с‘езда Советов в июне 1917 г. Член Совета Российской Республики и лидер с.-д. фракции. Социал-патриот оборонец; Член ЦКПСР после Октябрьского переворота и организатор вооруженной борьбы и террористических актов против Советской власти.

Гучков, А. И.—крупный московский домовладелец и промышленник, доброволец в бурскую войну; работал на Дальнем Востоке в Красном Кресте во время русско-японской войны, во время империалистической войны председатель центрального военно-промышленного комитета, основатель „Союза 17 октября (1905 г.)“, представитель реакционных кругов крупной буржуазии, вдохновитель третье-июньского блока, председатель III Государственной Думы; в первом Временном Правительстве в 1917 году военный и морской министр, аннексионист и сторонник „войны до конца“, отстаивая восстановление в армии железной дисциплины, без которой отказывался „спасать от внешнего разгрома“. Ушел в отставку вслед за Милюковым. Поддерживал все контр-революционные движения в 1917 году и в 1921 г. эмигрировал в Берлин.

Дан Ф. (Гурвич Ф. И.)—родился в 1871 году. В первой половине 90-х годов работал в Петербургском „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“. Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г. участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II с‘езда Р.С.-Д.Р.П., на которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 года дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных с‘ездов 1906 и 1907 гг. и ряда конференций.

Идеолог и вождь меньшевиков. Литератор и редактор меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских ОК и ЦК, среди меньшевиков обычно стоял ближе к их правому крылу. В годы реакции поддерживал ликвидаторов, в эпоху войны ярый оборонец, противник Коммунистической партии и Советской власти во имя буржуазной демократии.

При Керенском, будучи членом ЦИК первого созыва, проводил соглашательскую политику с буржуазией и поддерживал коалицию.

Дейч, Л. Г.—родился в 1855 году, в 70-х годах примкнул к революционному движению в качестве народника-бунтаря, разделяя взгляды Бакунина. В 1877 г. вместе с Яковом Стефановичем организовал в Чигиринском уезде крестьянское восстание с помощью „золотой грамоты“, подложного царского манифеста о передаче помещичьей земли крестьянам. Бежал из Киевской тюрьмы. При расколе „Земли и Воли“ в 1879 г. вместе с Плехановым, Засулич и П. Аксельродом организовал первую русскую марксистскую организацию „Группа Освобождения Труда“, в Германии попал в руки русского правительства и пробыл 16 лет на каторге и поселении, бежав через Америку в 1901 году. В 1906 году был арестован в Петербурге и сослан в Сибирь, откуда вновь эмигрировал за границу. В годы войны, подобно Плеханову, занял крайнюю шовинистскую и соглашательскую

позицию, сотрудничал в Париже в социал-патриотическом „Призыве“, издававшемся Плехановым, Авксентьевым, Алексинским и Бунаковым.

Дзержинский, Ф. Э.—один из старейших деятелей польской социал-демократии, член Центр. Комитета П. С. Д. На Лондонском с‘езде Р.С.-Д.Р.П. (1907 г.) был избран членом общерусского Ц. К. В с.-д. движении принимает участие с начала 90-х годов. В первый раз был арестован в 1897 г. в Ковно и выслан на три года в Вятскую губ., откуда бежал. В 1900 г. вновь был арестован в Варшаве и выслан на 5 лет в Вилюйск. Вновь бежал и вновь арестован в 1905 г., но вскоре революция вернула ему свободу. Подвергался новым арестам в 1907 и 1908 г.г. и был приговорен судом к поселению, но, водворенный в Енисейскую губернию, бежал оттуда в 1909 г. Последний раз подвергался аресту в 1912 г. и был приговорен к 9 годам каторги, которую отбывал в Орловском Централе и в Бутырках, откуда его освободила Февральская революция. На апрельской конференции 1917 г. вошел в состав Ц. К., членом которого состоит бессменно. Председатель В. Ч. К. и Г. П. У. с Октябрьской революции, Народный Комиссар Путей Сообщения и Внутренних дел и председатель ВСНХ в настоящее время.

Добролюбов, Н. А.—(1836—1861)—выдающийся русский критик народнического направления, оказавший глубокое влияние на русскую литературу и разночинную интеллигенцию шестидесятых годов. Основатель так называемой „публицистической критики“. Особенную известность получили его „Темное царство“ и „Что такое обломовщина“. Сотрудник Некрасовского „Современника“. Находился под сильным влиянием Чернышевского.

Дубасов, адмирал—московский генерал-губернатор, усмиривший с помощью пушек и сожжения целых кварталов (Пресня) декабрьское вооруженное восстание 1905 г.

Засулич, Вера—в конце семидесятых годов стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова, приказавшего наказать розгами Боголюбова, политического арестованного в Крестах; судом присяжных была оправдана. Эмигрировав за границу, была в числе основателей „Группы Освобождения Труда“; в 1896 году на международном социалистическом конгрессе представляла „Союз Борьбы“. Участница II с‘езда Р.С.-Д.Р.П., входила до с‘езда в первую редакцию „Искры“, на с‘езде не была в нее введена. С 1903 года в партийной жизни роли не играла. В годы войны стояла в рядах социал-патриотов.

Зиновьев, Г.—родился в 1883 г. в Полтавской губ., слушал лекции в Бернском университете, где организовал в 1904 г. большевистскую группу. После революции 1905 г. приехал в Россию и много работал в петербургской с.-д. организации. Участвовал на Лондонском с‘езде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г., где вошел в состав ЦК, членом которого состоит бессменно до настоящего времени. После с‘езда вновь продолжал работу в Петербурге, где был арестован в 1908 г., и после освобождения выехал за границу, где в тесном сотрудничестве с Лениным принимал ближайшее участие в руководстве партией, неся одновременно литературную работу и входя в редакцию

„Социал-Демократа“—центрорганпартии. В начале апреля 1917 г. вернулся вместе с Лениным в Россию; после июльских дней, по постановлению партии, был вынужден перейти на нелегальное положение, проживая сначала в лесу близ Сестрорецка, а позднее в самом Петербурге, и продолжал партийную и литературную работу. В настоящее время Председатель Ленинградского Совета Р. и К. Депутатов и Председатель Исполкома Коминтерна.

Зубатов—начальник московского охранного отделения. Усердный исполнитель провокационной политики Плеве—направить грозно-растущее пролетарское движение по желательному для высших сфер руслу, хотя бы при помощи организации среди рабочих профессионально-экономических союзов под непосредственным руководством жандармских органов.

Иорданский—меньшевик-ликвидатор и оборонец, редактор „Современного Мира“, позднее сторонник плехановского „Единства“. Под влиянием Октябрьской революции эволюционировал влево.

Каменев, Л. Б.—Каменев родился в 1883 году. Первый раз был арестован на студенческой демонстрации на Тверском бульваре в 1902 г. после сходки в университете. Работал в московской большевистской организации, за что привлекался к жандармскому дознанию в 1904 году. Участник 3-го и Лондонского с‘ездов партии. В эпоху первой революции работал в Петербурге вплоть до ареста в 1908 году. После освобождения выехал за границу, где вместе с Лениным и Зиновьевым редактировал „Пролетарий“, позднее участвовал в „Социал-Демократе“ и „Правде“, органе Троцкого, издававшемся в Вене, в состав редакции которого Каменев входил по постановлению ЦК.

В 1913 году Каменев был командирован ЦК в Россию для руководства работой с.-д. фракцией и газетой „Правда“; в ноябре 1914 года был арестован на партийной конференции, на которой обсуждалась тактика фракции по отношению к войне. В 1917 г. с 5-ю депутатами большевиками вернулся в Петербург на несколько недель раньше Ленина, до опубликования его „тезисов“; будучи редактором „Правды“, выступил с их критикой, в общем отстаивал партийную линию эпохи первой революции, считая максимумом возможных достижений: установление диктатуры пролетариата и крестьянства, без непосредственного перехода к коммунизму. На апрельской общепартийной конференции 1917 года в Петербурге, при поддержке небольшой группы москвичей, в качестве содокладчика отстаивал против В. И. Ленина точку зрения, близкую вышеуказанной. На конференции вошел в ЦК, членом которого состоит до настоящего времени. На II с‘езде Советов был избран председателем ВЦИК, но в виду от‘езда с мирной делегацией в Брест, на этом посту его сменил покойный Я. М. Свердлов. Ныне заместитель председателя СНК и Председатель СТО.

Камков (Кац)—член партии соц.-революционеров, интернационалист; по возвращении из эмиграции сейчас же стал в оппозицию к официальной эс-эровской партии. После Октябрьской революции часть с.-р.

отказалась от П. С.-Р., образовала партию „левых социалистов-революционеров-интернационалистов" и вошла в Совет Народных Комиссаров. Камков, вместе с Спиридоновой, состоял лидером новой партии.

Катков, М. Н. (1818—1887 гг.)—один из идеологов дворянско-монархической реакции во вторую половину царствования Александра II и в эпоху Александра III. В молодости был настроен радикально, участвовал в кружке Станкевича, в котором были Белинский и Герцен, состоял в близких отношениях с Бакуниным. С 1850 г. стал редактором „Русского Вестника", который сначала велся в либеральном направлении, позднее постепенно скатился до защиты исторического российского самодержавия. Во время польского восстания 1863 г. предпринял шовинистический поход против поляков, позднее об'явил такой же поход против интеллигенции и учреждений, созданных реформами Александра II. Сторонник реакции и романовского самодержавия.

Каутский—теоретик германской соц.-демократии II Интернационала, экономист и историк. Родился в Праге, по происхождению наполовину чех. Воспитывался в бенедиктинском аббатстве, но в середине 70-х годов поступил в университет, будучи уже социалистом. В 1880 году, переехав в Цюрих, работал в социалистической прессе вместе с Бернштейном, в то время еще ортодоксом. Начав свои научные работы под непосредственным руководством Ф. Энгельса, переняв литературное наследство и неоконченные труды К. Маркса и Энгельса, продолжал их теоретическую работу. Редактор научного марксистского журнала Neue Zeit с 1887 года. После ревизии Маркса, предпринятой Бернштейном, выступил с решительной критикой ревизионизма. До войны 1914—1918 гг. примыкал к левому радикальному крылу марксизма. С момента войны занял крайне неясную половинчатую позицию, стараясь теоретически связать интернационал и оборону отечества. После Октябрьской революции 1917 года выступил с „научной" критикой советской системы в защиту демократии и парламентизма, докатившись до реформизма.

Керенский А. Ф.—родился в 1881 году. Впервые выступил на политическое поприще, подписав в 1905 году коллективный протест против ареста представителей радикальной интеллигенции, пытавшихся путем переговоров с гр. Витте и кн. Святополком-Мирским предотвратить расстрел 9-го января. Будучи присяжным поверенным, приобрел известность в качестве защитника в политических процессах. Керенский был избран от г. Вольска Саратовской губ. в IV Государственную Думу; будучи социалистом-революционером, в Думе примкнул к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После революции, будучи товарищем Председателя Петербургского Совета, вопреки решению Совета не давать министров в буржуазное правительство, вошел в состав последнего в качестве министра юстиции. После отставки Гучкова взял его портфель военного и морского министерств. По требованию союзных империалистических правительств, толкнул русскую, уставшую и не хотевшую воевать, армию в наступление 10 июня, которое кончилось полнейшей неудачей.

После июльского движения петербургского пролетариата и гарнизона, подавленного военной силой, становится в качестве премьера во главе ряда коалиционных министерств, сменявших друг друга с поразительной быстротой. После неудавшегося похода на Петербург верховного главнокомандующего генерала Корнилова, начавшего свое движение по соглашению с Керенским, но преданного им, становится главковерхом, но без всякой реальной власти. В качестве министра, а затем премьера и главковерха, проводит соглашательскую политику, постепенно скатываясь от революции к бонапартизму. Октябрьская революция без всяких усилий смела коалиционное правительство Керенского. Его попытка вновь опереться на фронт и поход на Петербург окончилась поражением в Гатчине и бегством Керенского от собственных полков. После Октября Керенский эмигрировал за границу, где продолжает обивать пороги передних буржуазных правительств.

Кокошкин Ф. Ф.—участник земского движения 1904—1905 гг. и один из лидеров к.-д. Министр земледелия в коалиционном министерстве Керенского.

Коновалов — крупнейший текстильный фабрикант Московского округа. Член IV Госуд. Думы, влиятельнейший член прогрессивного блока. В годы столыпинщины прославились встречи в его особняке московских фабрикантов и профессоров, положившие начало пресловутому „Союзу капитала и науки“. В министерстве Керенского Коновалов был министром торговли и промышленности и заместителем министра председателя, 25 октября был арестован в Зимнем дворце, но вскоре освобожден. В настоящее время проживает в Париже, работает по об‘единению бывших фабрикантов и промышленников, надеясь на торжество контр-революции.

Корнилов—генерал, в 1915 г. командовал одной из русских армий в Галиции; будучи окружен неприятелем, сдался в австрийский плен, откуда ему удалось бежать. С тех пор стал героем русской буржуазии. После июльских дней назначен Керенским верховным главнокомандующим русской армии. По требованию Корнилова и всего генералитета Керенским была восстановлена смертная казнь для солдат на фронте, сведены на-нет права выборных комитетов, предпринята энергичная борьба с большевистскими настроениями в армии. Тысяча солдат брошены в тюрьмы. На Московском Государственном Совещании Корнилов был кумиром всей буржуазии, как единственный человек, могущий водворить порядок. В августе 1917 г. в целях установления диктатуры начал поход на Петербург, окончившийся для него полной катастрофой. Позднее бежал на Дон; сменив своего единомышленника Каледина, был разбит Красной гвардией в январе—феврале 1918 г. и сам погиб в бою.

Кравчинский (Степняк). — Участвовал в „хождении в народ“, яркий пропагандист. Балканские осложнения увлекают его, он едет сражаться в рядах герцеговинских повстанцев, откуда перебирается в Италию, где пытается в рядах итальянских социалистов вызвать революцию на юге страны. По возвращении в Россию попадает в горнило жестокой прави-

тельственной реакции и 4 августа 1878 года убивает одного из главных ее вдохновителей—шефа жандармов Мезенцева. Типичный для народника 70 гг. аполитизм, отказ от борьбы за представительный строй и политические свободы из-за буржуазности уступают в Кравчинском место другим тактическим соображениям: демократический строй—необходим, как базис для борьбы за осуществление социалистического идеала („Что нам нужно“). Последние годы жизни Кравчинский провел в эмиграции.

Крапоткин, П. А. (1842—1920)—основатель и теоретик анархизма-коммунизма. Участник кружка чайковцев, вследствие чего в 1874 г. был арестован, но бежал из тюрьмы в Англию. В 1881 г. был выслан из Швейцарии, в 1883 г. за принадлежность к „Международной Ассоциации Рабочих“ был приговорен к 5 годам тюрьмы, но помилован в 1896 г. Поселившись в Лондоне, посвятил себя целиком научной литературной работе. Во время империалистической войны был сторонником антантовской коалиции, выступал на Московском Государств. Совещании в 1917 г. После Октября 1917 г. сторонник Советов и пролетарской революции.

Крапоткин разработал философию, этику и теорию анархизма. Парламентаризм себя исчерпал и прогнил насквозь. Преобразует общество только социальная революция, которая нуждается в длительной подготовке, за ней последует экспроприация экспроприаторов, производство будет организовано свободными союзами - общинами на началах анархического коммунизма.

Кричевский, Б.—вождь „экономистов“ и руководитель „Рабочего Дела“, видный деятель „Союза русских социал-демократов“ в конце 90-х гг. и начале 900-х.

Крыленко, Н. В.—окончил юридический факультет Петербургского университета, был широко известен в студенчестве 1905—1908 г.г. как лидер студенческого политического движения; одновременно работал в петербургской организации большевиков. Февральская революция его застала на фронте в чине прапорщика. Участник I С‘езда Советов в мае—июне 1917 г., был арестован на фронте за большевистскую агитацию. В ноябре 1917 г. после отказа главковерха Духонина подчиниться приказу о начале переговоров о перемирии, был назначен Совнаркомом главковерхом. Провел ликвидацию белогвардейщины на фронте и выборы командного состава. Уступил свое место Троцкому после Брестского мира (в марте 1918 г.). В настоящее время заместитель Народного Комиссара Юстиции Р. С. Ф. С. Р. и старший помощник прокурора республики.

Кускова, Е. Д.—в 90 годах работала в с.-д. кружках, примыкая к „экономистам“, автор „Credo“ (кредо), программной брошюры „Экономизма“, очень скоро отошла от рабочего движения и революции, примыкая к группе Прокоповича.

Ларин, Ю. (М. Лурье)—старый партийный работник, меньшевик, сторонник наиболее правого из проектов созыва „широкого рабочего с‘езда“ в 1907 г. В годы войны примыкал к тому течению среди меньшевиков, во главе которого стоял Мартов. После Февральской революции занял наибо-

лее левую позицию среди меньшевиков-интернационалистов. В июле 1917 г. вступил в большевистскую партию, вместе с нею проделал Октябрьскую революцию. Литератор и экономист.

Лассаль Ф. (1825—1864)—один из основателей и теоретиков немецкой социал-демократии. В своих экономических построениях Лассаль исходил из так называемого „железного закона“ заработной платы, по которому заработная плата стремится упасть до крайнего предела, за которым для рабочих наступает голод и вымирание. Средством для избавления от этого и для переустройства капиталистического общества является захват орудий производства при помощи организации производительных товариществ, получающих поддержку от государства. Как эти положения, так и попытки Лассаля вступить с целью проведения их в жизнь в переговоры с Бисмарком вызвали резкую критику и протест со стороны Маркса и Энгельса.

Ленин-Ульянов В.И. (23 апреля 1870 г.—21 января 1924 г.).—Владимир Ильич родился в Симбирске в семье инспектора (впоследствии директора) народных училищ Симбирской губернии. Девяти лет он поступил в 1-й класс Симбирской классической гимназии, которую окончил в 1887 г. Директор гимназии Керенский—отец пресловутого А. Ф. Керенского—дает такую характеристику юноше Ильичу: „Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотою медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению“.

За несколько месяцев перед выходом юноши из стен гимназии 8 марта (по стар. ст.) 1887 г. был казнен брат Ильича А. И. Ульянов после неудавшегося покушения на Александра III. Казнь любимого брата—такого умного талантливого, вдумчивого, нравственно-чистого и фанатически преданного охватившей его душу идее революционной борьбы с проклятием самодержавной России—была для него тяжелым ударом. Она еще более укрепила в Ленине ненависть к дворянам-помещикам, к капиталистам, к самодержавному правительству. Уже с этих пор молодой Владимир Ульянов не переставал думать о том, как уничтожить этот самодержавный порядок. Конечно, не чувство мести им руководило. В великолепно организованной голове будущего вождя пролетарской революции уже тогда был сделан выбор главной цели его жизни и наметился путь борьбы против двуглавого хищника.

По окончании гимназии В. И. не удалось поступить в столичный университет. Его туда не пустили, боясь, как бы он не пошел по стопам брата, не захотел бы отомстить за смерть его и за мучение народа. Владимир Ильич поступил в Казанский университет осенью 1887 г., но уже 5 декабря этого года он был исключен из университета за участие в студенческих волнениях, и выслан на жительство в деревню Кокушино Казанской губ.

В ближайшие затем годы он живет то в Казани (зиму 1888—1889 г.) то в Самаре (с лета 1889 г.). В это время он принимается за основательное

изучение марксизма по первоисточникам и делается верным и достойным учеником Карла Маркса.

В 1891 году тов. Ленин сдает в Питерском Университете экзамены по юридическому факультету и получает звание помощника присяжного поверенного.

По приезде в Петербург, Владимир Ильич скоро сближается с кружком технологов-марксистов (в него входили С. И. Радченко, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, Л. Б. Красин, М. К. Названов, А. А. Мальченко, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец). Огромное большинство членов этого кружка впоследствии образуют, с Владимиром Ильичем во главе, революционно-марксистский штаб, который разовьет осенью 1905 г. большую энергию по созданию социал-демократической организации в Петербурге, а пока что Вл. Ил. переносит центр тяжести на борьбу с народничеством. В апреле—июне 1894 г. он пишет в трех частях книгу „Что такое друзья народа, и как они воюют против социал-демократов". Книга эта размножается в ничтожном количестве экземпляров на гектографе и тотчас же становится настольной книгой марксистской молодежи. В ней уже выявился в основных чертах весь „ленинизм", который потом будет на протяжении многих лет гореть ярким факелом, освещая и далекие конечные точки пролетарской борьбы, предуказанные марксизмом, и ближайшие этапные пункты, через которые предстоит пройти пролетариату.

Ведя борьбу с народничеством, тов. Ленин открывает огонь по другому фронту, по фронту своих „попутчиков" справа—буржуазных демократов (Струве, Булгакова, Туган-Барановского, Бердяева и т. п.), „марксизм" которых обещал довольно быструю эволюцию от Маркса к „освобожденству".

В поисках за более основательной марксистской поддержкой Вл. Ил. в апреле 1895 г. едет за границу, чтобы лично познакомиться и договориться с Плехановым, Аксельродом и В. Засулич. За границей он производит очень сильное впечатление на этих в то время уже ветеранов марксизма, которые отмечают в нем счастливое сочетание огромной теоретической выучки и реалистического, тяготеющего к практической работе ума.

Осенью 1895 г. он возвращается в Петербург и принимается со всем пылом своего революционного темперамента за создание классово-пролетарской рабочей организации, которая вскоре приобретает громкую известность под именем „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса".

В ночь с 8 на 9 декабря (по стар. ст.) 1895 г. в момент широко задуманной жандармами ликвидации первой петербургской с.-д. организации, Вл. Ил. арестовывается и попадает в „предварилку". В течение 14-ти месячного сидения в тюрьме он усиленно работает над капитальным своим трудом „Развитие капитализма в России" и в то же время посылает на волю прокламации и даже целые брошюры („О стачках" и „Проект программы русских с.-д.").

В феврале 1897 года Вл. Ил. был отправлен в ссылку на 3 года. Местом ссылки назначается с. Шушенское Минусинск. уезда Енисейской губ.

За время ссылки написаны и отправлены за границу для напечатания брошюры „О законе 2-го июня“ и „Задачи русских соц.-дем.“. Кроме того В. И. много писал в расцветшей тогда легальной марксистской журналистике: в „Новом Слове“, в „Научном Обозрении“, в „Начале“, в „Жизни“. Он же является автором „Протеста“ 17-ти минусинских соц.-демократов по поводу „Credo“ экономистов.

29 января 1900 г. окончился срок ссылки, и Вл. Ильич поселяется в Пензе, чтобы быть поближе к Питеру, куда в‘езд ему был запрещен. Здесь тов. Ленин совместно с Мартовым, Потресовым и Радченко решают создать с.-д. орган, при чем издание его переносится за границу. С этой целью в середине июля Вл. Ил. уезжает из России в Женеву, где сговаривается с „Группой Освобождения Труда“ об издании „Искры“.

Газета „Искра“ стала выходить при ближайшем участии и под редакторством В. И. Соредакторами были Плеханов, Аксельрод, Засулич и Потресов. Неизменным помощником тов. Ленина в газетной работе была Н. К. Крупская, прибывшая за границу из ссылки, и взявшая на себя трудные обязанности секретаря редакции. Через эту газету, которая тайными путями провозилась через границу, Вл. Ил. стал собирать революционные силы, революционных работников, соединять их в одно целое, направлять их к одной цели.

После II с‘езда партии, когда раскол между большевиками и меньшевиками все более и более углублялся, В. Ильич стал во главе твердых искровцев и повел борьбу с оппортунистическим крылом партии. К этому времени относится выход его книги: „Шаг вперед—два шага назад“, где выявляется истинная природа раскола. Когда же в ноябре 1904 г. меньшевики договорились до самого подлинного оппортунизма, до своей знаменитой „Земской кампании“, у большевиков с Лениным во главе назрела непреодолимая потребность издавать свой большевистский орган, чтобы через свой собственный рупор с одной стороны продолжать выяснять широкой массе самую подлинную оппортунистическую природу линии Мартова и К-о, а с другой—организовать рабочий класс для борьбы: ведь пахло грозой и тяжелые шаги революции явственны были для всех. 22 декабря 1904 г. выходит первый номер большевистской газеты „Вперед“, где вовсю развернулось литературно-политическое творчество Владимира Ильича.

Осенью 1905 г. (в начале ноября) тов. Ленин вернулся нелегально в Россию и сейчас же повел широкую среди рабочих масс пропаганду боевых лозунгов революционной соц.-демократии. Он призывает к бойкоту первой Госуд. Думы с тем, чтобы противопоставить соглашательской политике главенствующей в Думе партии кадетов практику революционного действия рабочего класса и крестьянской революционной демократии. В этой же плоскости он ведет борьбу с меньшевиками на IV Об‘единительном с‘езде (Стокгольмском). Когда на этом с‘езде оказалось большинство приверженцев меньшевизма и линия большевиков не прошла, В. Ил. открывает широкую пропаганду на страницах большевистских газет „Волна“, „Вперед“ и „Эхо“, работой которых руководит.

В конце 1907 г. тов. Ленин снова эмигрирует за границу. Главное внимание поглощено борьбой с „ликвидаторством“, „отзовизмом“ и „ультиматизмом“.—В это время Вл. Ил. много работает пером. В разных сборниках, в редактируемом им „Пролетарии“ и затем в „Социал-Демократе“ он живо отзывается на все вопросы безвременья, подтачивающего общественную жизнь и партийный организм.

В годы под‘ема рабочего движения (1911—1914 г.) Вл. Ил. целиком посвящает свою литературную деятельность „Звезде“, а затем „Правде“ и журналу „Просвещение“, который служил легальным дополнением к рабочей газете для более глубокого теоретического освещения вопросов в связи с практикой тогдашней с.-д. работы. Наряду с этим он ни на одну минуту не забывает оглядывать своим хозяйским оком и приводить в порядок своей умелой рукой и дела партии, как живой организации, которая не должна „застаиваться“, не имеет права отдыхать и спокойно выжидать событий. За весь период под‘ема, вплоть до начала империалистической войны, он постоянно, в меру возможностей собирает около себя или членов ЦК или крупнейших представителей партийной работы.

С об‘явлением в 1914 г. войны, Вл. Ильич становится центром не только большевистской политики в России, но и антимилитаристского движения в Европе. Он непосредственно работает среди швейцарских рабочих, выпускает в 1916 г. вместе с голландскими, польскими и швейцарскими интернационалистами три книжки журнала „Форботе“, но самая главная его роль заключается в том, что он становится пламенным трибуном и вдохновителем мировой революции, близость которой он все с большей и большей уверенностью предвещает.

На всех конференциях, как заграничных секций Р.С.-Д.Р.П., так и международных (Лондонская 14/II—1915 г., Циммервальдская 5—8 сентября того же года, Кинтальская 24—30 апреля 1916 г.), Вл. Ил. выступает с самыми радикальными предложениями: порвать всякие связи с своими правительствами, резко разойтись с социал-шовинистами, с оборонцами, стремиться к превращению мировой бойни в гражданскую войну против собственной буржуазии и собственных командующих верхушек, а взамен II Интернационала создать III Интернационал.

В феврале 1917 г. пало самодержавие, и Вл. Ил. получил возможность, после долгих лет эмигрантского скитания, вернуться в Россию (3 апреля 1917 г.) Сейчас же по приезде в Россию тов. Ленин опубликовал в „Правде“ свои знаменитые „Тезисы“, в которых дает лозунг русским рабочим не останавливаться на первом этапе революции, не вышедшей еще из обычных рамок буржуазных переворотов, а итти вперед. „Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов“—показывает он массам ближайшую революционную цель, и этот призыв гулким эхом прокатывается по рабочим, кварталам городов, достигает и солдатских окопов.

Буржуазия, в содружестве с социал-соглашателями и предателями увидя, что за большевиками идут рабочие массы, крестьянство и солдаты, решила „ликвидировать“ большевизм по всем правилам жандармского

искусства. Большевики должны были после вакханалии июльских погромов 1917 г. уйти в подполье. Уходит в подполье и т. Ленин. Скрываясь, Вл. Ил. продолжает через своих товарищей, державших связь с ним, руководить делом подготовки петербургского пролетариата к восстанию.

В Октябре пролетариат победил. Вл. Ил. берется за строительство рабоче-крестьянской Республики. Он становится главой пролетарского государства, первым Председателем Совета Народных Комиссаров, оставаясь на этом посту до конца дней своих.

Жизнь Владимира Ильича в последние годы известна всем. Она была вся на виду. Кто не помнит того трагического момента, когда 30 августа 1918 года пуля эс-эрки повергла в ужас пролетариат всего мира, с тревогой вопрошавшего: выживет или не выживет он, мировой вождь революции. И когда силы Вл. Ил. исчерпались на такой работе, какую не вынес бы никто другой, когда болезнь подточила его на редкость крепкий организм, снова закралась тревога в сердце тех, для кого он отдал всю свою жизнь.

На этот раз болезнь оказалась сильнее организма Вл. Ильича, сильнее искусства врачей. 21-го января 1924 года оборвались струны величайшей человеческой жизни.

Л и б е р (Бер)—Гольдман, М. И.—уроженец г. Вильно, бывший учитель, видный деятель Бунда и член его Ц. К. Был несколько раз в ссылке, последний раз в 1910 г. бежал из Вологодской губернии. Представитель бундовского Ц. К. на обще-русских совещаниях и член обще-партийного Ц. К. по Лондонскому с'езду 1907 г. Меньшевик-ликвидатор. Оборонец—в годы войны, сторонник коалиции с буржуазией во время революции, член ЦИК-а первого созыва и его идейный руководитель. После Октябрьской революции был на юге у Деникина.

Л и б к н е х т, В.—видный деятель немецкой социал-демократии, неуклонный революционный борец; свою деятельность начал в революции 1848 г. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. С 1860 года по амнистии возвращается в Берлин, где ведет упорную борьбу с тактикой Лассаля С 1865 г., высланный из Пруссии, живет в Лейпциге, сближается с Бебелем. Либкнехт и Бебель—два столпа немецкой соц.-демократии. В 1872 г с Бебелем арестован за государственную измену (за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии). Вместе с Бебелем выносит на своих плечах тяжесть борьбы с Бисмарком во время господства исключительных законов против социалистов. Революционный пафос не покидает его до конца: на эрфуртском партейтаге ожесточенно борется против социалиста Фольмара, вотировавшего за правительственный бюджет, зорко стережет чистоту революционной тактики пролетариата—от примесей соглашательства с буржуазией, постоянно подвергается репрессиям за выпады против аристократических замашек кайзера Вильгельма I.

Л и б к н е х т, К.—сын одного из основателей социал-демократии Вильгельма Либкнехта. На заседании рейхстага 4 августа 1914 г. оставался верен Интернационалу и вдвоем с О. Бюле голосовал против военных кре-

дитов в то время как вся с.-д. фракция, насчитывавшая 110 депутатов, голосовала за кредиты. После победы большевиков в России, Либкнехт, находясь в тюрьме, один из первых в Германии стал на сторону русской революции, призывая рабочих организовывать Советы по русскому образцу и, действительно, организуя их в ноябре.

Имя К. Либкнехта во время войны стало синонимом социальной революции и знаменем Коммунистического Интернационала, идейным основателем которого он был, но не дожил двух месяцев до его действительного основания в марте 1919 г. Он был предательски убит немецкими офицерами в январе 1919 г. в Берлине.

Ломов (Г. И. Оппоков)—первоначально работал в Москве и в Саратове, был в ссылке в Архангельской губ., где принял участие в научной полярной экспедиции, и в Сибири, откуда его возвратила Февральская революция. До Октября работал в Московском Областном Бюро, в период октябрьской борьбы входил в Московский Военно-Революционный Комитет, позднее работал в экономических советских органах в Москве и на Украине. В период споров о мире с Германией был деятельным противником Брестского мира, примыкая к „левым коммунистам“.

Луначарский, А. В. (Воинов)—вошел в революционное движение на гимназической скамье, участвуя в кружках г. Киева. В 1897 г., будучи студентом Московского университета, работал в Моск. С.-Д. организации, но вскоре подвергся аресту и был выслан сначала в Калугу, потом в Вологодскую губ. В конце 1904 г. выехал в Женеву, где вошел в редакционную работу большевистских центральных органов „Вперед“ и „Пролетарий“, и весной 1905 в. участвовал на III С‘езде Р. С.-Д. Р. П. В конце 1905 г. вернулся в Петербург, где принимал ближайшее участие в издании большевистского легального органа „Новая Жизнь“. Участвовал на Стокгольмском Об‘единительном (1906 г.) и Лондонском (1907 г.) с‘ездах Р. С.-Д. Р. П., а также в русской делегации на Штутгартском международном социалистическом конгрессе (1907 г.). В годы реакции Луначарский вошел вместе с Богдановым, Ст. Вольским, Алексинским и др. в основное ядро группы „впередовцев“, разойдясь с большевистской фракцией как в области политических вопросов, так и в области вопросов философских. В 1910 и 1911 гг. Луначарский принимал деятельное участие в работе партийных школ, организованных „впередовцами“ на о. Капри и в г. Болонье для рабочих из России. С начала империалистической войны Луначарский решительно примкнул к интернационалистам, сотрудничая в парижском „Голосе“ и „Нашем Слове“. После Февральской революции, возвратившись в Петербург, Луначарский вошел в организацию „межрайонцев“ и вместе с нею влился в большевистскую партию на VI С‘езде Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). С Октябрьской революции Луначарский состоит Народным Комиссаром Просвещения. Литератор. Драматург.

Люксембург, Роза—родилась в 1870 г. в русской Польше. Будучи ученицей одной из варшавских гимназий, примкнула к кружку учащихся, организованному польской партией „Пролетариат“. Вследствие угрожаю-

щего ареста, восемнадцатилетней Люксембург пришлось бежать в Цюрих, где она окончила университет, получив докторский диплом за диссертацию „Развитие польской промышленности“. Проживая в Швейцарии, она много сделала для выработки теоретического обоснования польского с.-д. движения, чем способствовала образованию в 1893 г. „Социал-Демократии Царства Польского“ (впоследствии „С.-Д. Польши и Литвы“). На Цюрихский международный конгресс Люксембург получила мандат от варшавских рабочих. В 1897 г. переехала в Германию. Свою деятельность в рядах германской с.-д. Люксембург начала среди польских рабочих в Познани и Силезии.

Во время расцвета бернштейновского ревизионизма Люксембург повела с этим течением решительную войну, заняв место на левом крыле германской партии. В то же время она не прерывала связи с польским движением, получив мандат от польской с.-д. в Международное социалистическое бюро. Русская революция 1905 г. перенесла ее работу в Варшаву, где она вскоре была арестована, но освобождена под залог и вернулась в Германию. В 1907 г. участвовала в качестве делегата с.-д. Польши и Литвы на Лондонском С'езде Р. С.-Д. Р. П., поддерживала по основным вопросам русской революции большевистскую фракцию.

С 1907 г. Люксембург всецело отдалась германской работе, занимая лево-радикальную позицию и ведя борьбу с центром и правым крылом. За это время ею написаны марксистский курс политической экономии и большой труд „Накопление Капитала“. В 1913 г. за речь против милитаризма была приговорена к году тюрьмы. С первого дня империалистической войны Люксембург заняла интернационалистическую и революционную позицию, пытаясь вместе с Мерингом и К. Цеткин издать манифест к рабочим. Попытка группы Люксембург издавать журнал „Интернационал“ была прекращена на первом номере. Вскоре Люксембург вошла в „Союз Спартака“, основанный К. Либкнехтом. В 1916 г. вновь была арестована в административном порядке. В тюрьме написала брошюру „Кризис с.-д.“, где предсказала распад II Интернационала и образование Коминтерна, и периодически составляла „Письма Спартака“, выходившие нелегально. Ноябрьская революция в Германии дала ей возможность развить самую широкую агитацию за социалистическую революцию. Участие в январском восстании 1919 г. сделало ее имя знаменем пролетарской революции. Будучи арестованной, предательски убита вместе с Карлом Либкнехтом немецкими офицерами в январе 1919 г. в Берлине.

Малиновский, Роман—член IV Государственной Думы от рабочей курии Московской губ.; одновременно был секретным сотрудником Московского охранного отделения. Пользуясь своим организаторским талантом, выдвинулся среди других депутатов. Летом 1913 г., опасаясь раскрытия своих связей с охранным отделением, вышел из Думы и скрылся за границу; в 1918 г. Малиновский приехал в Петербург, отдался в руки суда и был расстрелян по приговору Верховного Трибунала.

Маслов, П. Т.—один из лидеров меньшевизма, писавший по аграрному вопросу. Участник Стокгольмского с'езда Р. С. Д.-Р. П., на котором была

принята выдвинутая им оппортунистическая аграрная программа (“муниципализация“ земли) против отстаиваемой Лениным „национализации“.

В 1907 г. Маслов работал в с.-д. фракции II Государственной Думы в качестве сведущего лица. В годы реакции стал на самом правом ликвидаторском крыле. Во время мировой войны занял империалистическую позицию, отстаивая при помощи якобы марксистских доводов необходимость для русского пролетариата полной победы над Германией.

Мартов, Л. (Ю. О. Цедербаум)—родился в 1873 г.—вождь меньшевизма. В конце 1900 года вошел в состав редакции (вместе с В. И. Лениным-Ульяновым, Плехановым, Засулич и Аксельродом) газеты „Искры“, сыгравшей решающую роль в развитии социал.-демократического движения в России; на II с‘езде Р. С.-Д. Р. П. Мартов разошелся по организационным вопросам с большинством с‘езда; на почве возникших разногласий, в рядах российской соц.-демократии образовалось два основных течения—„большевистское“ и „меньшевистское“; вождем и самым видным публицистом второго стал Мартов. Война застала Мартова в рядах меньшевиков-интернационалистов. Он участвовал на Циммервальдской конференции (центр) и состоял редактором „Нового Слова“, издававшегося в Париже. После Февральской революции Мартов поехал с целой группой меньшевиков интернационалистов через Германию в Россию. В первый период революции Мартов стоял на интернационалистической позиции и часто расходился по целому ряду вопросов с большинством своей партии, занимавшей правую социал-оборонческую позицию. На втором с‘езде Советов отстаивает необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остается на с‘езде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, Мартова целиком захлестывает меньшевистский поток, который после Октябрьской революции отбрасывает его в стан врагов Советской власти. В начале 1921 г. Мартов эмигрировал в Берлин, где в качестве редактора „Социалистического Вестника“ выступал с целым рядом статей против Советской власти в России и вступил в $2^1/_2$ Интернационал.

Мартынов, А.—один из видных русских с.-д., вначале примыкавший к „экономизму“ и затем перешедший к меньшевикам. Был одним из лидеров ликвидаторства. Во время войны стоял на колеблющейся интернационалистической позиции (группа Мартова).

Мильеран—получил первоначальную известность в качестве адвоката по политическим и стачечным делам, депутат с 1885 г. и лидер организованной им парламентской группы „радикал-социалистов“, позднее примкнул к французской социалистической партии. Мильеран принял портфель в радикальном министерстве Вальдек-Руссо, за что был осужден Амстердамским международным конгрессом и предпочел выйти из партии, чтобы удержать пост.

В настоящее время Мильеран является одним из дельцов французского империализма, неоднократно участвуя в различных министерских комбинациях.

Милюков, П. Н.—лидер к.-д. партии, вождь русского либерализма, бывший профессор Московского университета. В эпоху I Думы кадетами намечался премьером ответственного министерства. Во время войны—идеолог русских империалистов, сторонник аннексией Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении. Лидер прогрессивного блока в IV Думе, ярый враг международного социализма. В разгар революции, 28 февраля 1917 г., на митинге в Таврическом дворце отстаивал Романовскую династию во главе с Михаилом, но встреченный негодованием рабочей и солдатской массы, вскоре принужден был перекраситься в защитный республиканский цвет. Его выступления на казачьем с'езде в первый период революции, речи против Циммервальда и Кинталя полны желчи и ненависти к революционному Интернационалу. Во Временном Правительстве первого состава Милюков занимал пост министра иностранных дел. Его нота 18 апреля 1917 года о верности Временного Правительства договорам Николая II с союзниками вызвала дружный протест рабочих, и Милюков вынужден был подать в отставку. Впоследствии—глава крупных заговоров против революции, „корниловец". После Октябрьской революции—вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской власти России. Сторонник свержения Советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи кайзера, но германская революция расстроила его планы.

После победы советских войск на контр-революционных фронтах, Милюков поселился в Париже. Редактирует лево-кадетскую газету „Последние Новости". Стал во главе „демократической группы" кадетской партии.

Минский, Н. (Виленкин)—поэт, отразивший больные настроения не знавшей пути интеллигенции 80-х годов, позднее ударившийся в индивидуализм, декадентство, отрицание общественности.

Михайловский, Н. К.—писатель и теоретик народничества. В период „Народной Воли" составлял прокламации и редактировал ее издания, автор „Письма Исполнительного Комитета Александру III". После смерти Александра II Михайловский участвовал на организационном с'езде „социально-революционной партии", выработал собственную теорию „исторического процесса", выделял роль „критически мыслящих личностей", вел полемику против марксистов, доказывая, что последовательные марксисты должны „открывать кабаки", чтобы скорее „варить крестьянина в фабричном котле", и был подвергнут Плехановым уничтожающей критике. В последние годы был близок к социалистам-революционерам, примыкая к их правому крылу.

Муранов, М. К.—большевик, член IV Госуд. Думы от рабочей партии Харьковской губ. В 1914 году был арестован со всей большевистской думской фракцией по обвинению в „пораженчестве" и сослан в Сибирь на поселение; вернулся в Петербург после Февральской революции 1917 года.

Парвус—русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работал в германской с.-д., примыкал к ее левому крылу. После 1905 г. вернулся в

Россию и принял деятельное участие в 1-й русской революции. Был сослан и бежал обратно в Германию. В эпоху войны—крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма.

Петлюра—бывший украинский с.-д. правого направления, националист и глава директории, выдвинутый Украинской Радой. Во время брестских переговоров, вытесненный Советской революцией из Киева, вошел в секретное соглашение с Германией и при помощи немецких штыков восстановил на Украине власть Рады, но вскоре был низложен немцами и заменен гетманом Скоропадским. После ноябрьской революции 1918 г. в Германии и эвакуации немецких войск пытался восстановить свою власть, но, сброшенный Красной армией и народным восстанием, эмигрировал в Галицию, откуда организовал партизанскую борьбу и бандитские налеты. Весной 1920 г. заключил договор с Польшей о совместных действиях против Советской Украины, пытаясь вернуться к власти при содействии поляков, вследствие чего утратил остатки последнего влияния на крестьянство. После Рижского мира вновь прибег к методу бандитских налетов, опираясь на польскую границу. Петлюровские „атаманы" и „батьки", встреченные крестьянством враждебно, были постепенно ликвидированы красноармейскими пограничными частями.

Петровский, Г. И.—рабочий, большевик, член IV Госуд. Думы; в настоящее время председатель Всеукраинского ЦИК.

Пешехонов — народник, статистик и публицист, вел в „Русском Богатстве" отдел внутреннего обозрения. Руководил народно-социалистической партией. Министр в одном из коалиционных правительств Керенского.

Плеве—наиболее яркий представитель полицейско - бюрократической реакции в эпоху Александра III и Николая II. В 80 гг. упорно борется с остатками „народовольчества", в 90 гг. воюет с независимостью и свободной культурой финляндского народа. После убийства Сипягина делается министром внутренних дел, сталкивает Витте и на некоторое время делается полицейским диктатором России; гонитель рабочих, студенчества, земцев, он сумел изолировать самодержавие от самых умеренных слоев общества. Чувствуя надвигающуюся революционную грозу, Плеве импровизировал войну с Японией. Убит 15 июля 1904 г. Е. Сазоновым.

Плеханов, Г. В.—родился в 1850 г. Принимал горячее участие в народническом движении. 6 декабря 1876 года выступил с речью во время демонстрации на Казанской площади, вследствие чего вынужден был перейти на нелегальное положение. С расколом „землевольцев" на „Народную Волю" и „Черный Передел" примкнул к последнему, но вскоре эмигрировал за границу, где занимался проверкой народнической теории, изучая опыт западно-европейского рабочего движения. В 1883 г. основал первую русскую с.-д. организацию „Группа Освобождение Труда", за год до этого решительно разорвал с народничеством. Первая программа Группы делала ряд тактических уступок народничеству, но вскоре была переработана Плехановым в чисто с.-д. программу. Одновременно он написал ряд

статей и книг (его легальные псевдонимы: Бельтов, Ушаков, Плутанов, В. Волгин, Н. Каменский), частью изданных за границей, частью напечатанных в России, в которых продолжал борьбу с народнической идеологией.

После раскола, последовавшего на II с‘езде, Плеханов, после некоторых колебаний, примкнул к меньшевизму, с которым разошелся в период 1913—1914 гг., будучи противником ликвидаторских течений, развившихся в среде меньшевиков, и временно вошел в блок с Лениным для борьбы за партию.

С начала империалистической войны Плеханов занял крайнюю социал-шовинистскую позицию, вместе с Алексинским и правыми эс-эрами издавая в Париже оборонческий журнал „Призыв“ и рекомендуя русским рабочим в кадетских „Русских Ведомостях“ прекратить борьбу с царизмом во имя победы над Германией. После Октябрьской революции Плеханов не переставал бороться за „демократию“ против коммунистов до самой смерти, последовавшей в 1918 году.

Будучи участником русских делегаций на всех международных с‘ездах и членом Международного социалистического бюро, Плеханов вместе со своими единомышленниками Гедом и Каутским, являлся авторитетнейшим и типичнейшим вождем II Интернационала.

Подвойский — один из старейших партийных работников. Член первоначальной коллегии народного комиссариата по военным делам; в начале 1919 г. один из вождей Красной армии на Украине в период освобождения ее от немцев и Скоропадского, позднее руководитель Всевобуча.

Покровский, М. Н.—В 1905-1906 г.г. член литературной группы при М. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

Эмигрировал за границу вскоре после Лондонского с‘езда, на который был делегирован от Московской организации. Вернулся в Россию осенью 1917 г. После Октябрьских дней сменил Ногина в качестве председателя Московского Совета. Позднее—зам. народного комиссара просвещения. Автор выдающихся марксистских работ по русской истории.

Потресов (Старовер)—родился в 1869 г. в Москве, окончил Петербургский университет. Один из участников Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“. В 1898 году был сослан в Вятскую губернию. По отбытии ссылки, эмигрировал за границу, где вошел в состав редакции „Искры“. Участник II с‘езда Р. С.-Д. Р. П. После раскола—один из лидеров меньшинства. В период первой революции вернулся в Россию. В годы реакциии—руководитель самого правого крыла меньшевиков-ликвидаторов. Во время войны самый последовательный представитель социал-патриотизма среди меньшевиков.

Прокопович, С. Н. — один из ранних социал-демократов, „экономист“, сторонник экономической борьбы рабочего класса в ущерб политической. Очень скоро ушел от с.-д., эволюционировав вправо. Участник „Союза Освобождения“, либерального об‘единения земских деятелей в 1904-1905 г.г., издававшего за-границей собственный орган „Освобождение“. В 1905 г

возобновил связи с меньшевиками и принимал участие в работах с.-д. фракции II Госуд. Думы в качестве сведущего лица. В 1906 г. издавал радикальный журнальчик „Без заглавия“. Деятель кооперации и участник „общественного движения“. Министр продовольствия в последнем правительстве Керенского.

Протопопов—член IV Госуд. Думы, октябрист, в конце 1916 г. принял пост министра внутренних дел вопреки воли октябрьской фракции и думского прогрессивного блока, выдвинутый банковскими кругами при содействии Распутина. Будучи министром, в своей политике руководствовался интересами карьеры, угождая придворной камарилье, во время поездки в Швецию имел конфиденциальную беседу с германским послом, нащупывая почву для мирных переговоров, что вызвало негодование думских кадетов и октябристов. В дни Февральской революции расставил городовых с пулеметами по чердакам высоких домов Петербурга. Расстрелян ВЧК осенью 1918 г.

Прудон—(1809—1865)—идеолог французской мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает не план коллективной организации производства, а утопическую систему, строящую общество на началах мутуализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков, увековечивающей мелкую частную собственность. Теория Прудона вызвала резкую критику со стороны К. Маркса (его „Нищета философии“) и борьбу его с последователями Прудона в I Интернационале.

Пуришкевич—бессарабский помещик, игравший видную роль в об'единении дворянства; основатель погромного „союза русского народа“ и „союза Михаила Архангела“. Столп мракобесия и оголтелого черносотенства, гонитель „инородца“, член Гос. Думы.

Радек К.—член с.-д. Польши и Литвы. Работал в Австрийской Польше и Галиции, затем переехал в Германию, где вместе с Розой Люксембург и молодыми соц.-демократами стоял на левом крыле немецкой соц.-дем. партии, примыкая к радикалам, вследствие чего был выслан из Германии. Поселившись в Швейцарии, с самого начала войны Радек выступил против „Защиты Отечества“. В 1917 г. не был пропущен в Россию Временным Правительством и поселился в Стокгольме, где служил посредником для сношений русского большевистского Ц. К. с иностранными социалистами, сохранившими верность Интернационалу. В октябре 1917 г. переехал в Петербург и вошел в состав РКП. В январе 1919 г. участвовал на с'езде „спартаковцев“ в Берлине и был арестован правительством Шейдемана. Один из деятелей Коминтерна и член его Исполкома.

Раскольников (Ильин, Ф. Ф.)—партийный подпольный работник, в годы империалистической войны был мобилизован и состоял офицером флота, был арестован правительством Керенского в июльские дни 1917 г. за руководство выступлением кронштадских матросов, деятель Октябрьской революции в Петербурге, позднее один из вождей Красного флота, очистив-

ший Волгу и Каспийское море от белогвардейских судов и заставивший англичан эвакуироваться из персидского порта Энзели. Полномочный представитель СССР в Афганистане.

Родзянко—крупнейший помещик Екатеринославской и др. губерний. Председатель IV Госуд. Думы, октябрист. После Февральской революции состоял председателем Исполнительного Комитета Государственной Думы, деятельный организатор крупно-буржуазной реакции в эпоху Керенского. После Октябрьской революции эмигрировал за границу, где продолжал контр-революционную деятельность.

Родичев, Ф. И.—либеральный деятель Тверского земства, член „Союза Освобождения" и участник земских с'ездов перед революцией 1905 г., конституционалист-демократ, член Ц. К. кадетской партии, депутат I-ой Госуд. Думы. Комиссар Временного Правительства по делам Финляндии.

Рябушинский, П. П.—крупнейший московский капиталист и банкир. В настоящее время проживает в Париже, участвуя в „Союзе русских промышленников" и продолжая контр-революционную работу против русской революции.

Савинков, Б. В.—родился в 1879 г. Один из руководителей студенческого движения 1899 г. В 1901 г. Савинков принимал участие в с.-д. группе пропагандистов „Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса" и после ареста был выслан в Вологду. Во время пребывания в ссылке из марксиста превратился в народника и примкнул к социалистам-революционерам, войдя в состав организованной в 1903 г. Азефом „Боевой организации ПСР". С тех пор не принимал участия в общепартийной работе, сделав своей исключительной профессией подготовку и организацию политических убийств. Почти все главнейшие террористические акты ПСР были организованы Савинковым. Савинков был личным другом провокатора Азефа и преданным его защитником вплоть до самого бегства Азефа.

В годы реакции написал роман „Конь Бледный" из эпохи 1905 г., отразивший отход автора от революции. Приблизительно в это же время Савинков фактически отошел от партии. Летом 1917 г. военный министр Керенский назначил его своим заместителем. В качестве последнего Савинков играл роль посредника между Керенским и Корниловым по подготовке контр-революционного переворота и энергично содействовал Корнилову. После Октябрьской революции—активный враг Советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний. Участник ярославского офицерского мятежа летом 1918 г., ярый сторонник Врангеля. Во время польской войны 1920 г. организовал под начальством генерала Булак-Балаховича русско-белогвардейскую армию, сражавшуюся на стороне поляков. При содействии польского и французского генерального штаба продолжал организовывать набеги на западные губернии Советской России. Проживал в Варшаве, в 1921 г. организовал шпионаж и контр-революционный заговор в России, агенты которого действовали на французские деньги.

Свердлов, Я. М. (1885—1919 г.г.)—родился в Н.-Новгороде, первоначальную профессию фармацевта очень рано сменил на профессию революционера. Впервые был арестован в 1902 г. за участие в демонстрации. В 1903 г. был подвергнут надзору полиции вследствие его участия в с.-д. работе. Последовательно работал в Нижнем, Казани, Саратове и на Урале. Арестованный в Перми в 1907 г. был приговорен казанской судебной палатой к двум с половиной годам крепости; по окончании срока тюремного заключения принимал участие в работе Московского Комитета; был вновь арестован в конце 1909 г. и выслан на четыре года в Нарымский край, откуда скоро бежал. Арестованный в Петербурге, Свердлов вновь был сослан в Нарым, откуда, за участие в демонстрации, устроенной ссыльными, был выслан в Максимкин Яр, один из самых отдаленных поселков Нарымской ссылки. Свердлов снова пытается бежать, что ему, наконец, удается, но вскоре подвергается аресту в Петербурге и водворяется обратно. После нового побега в 1912 г. Свердлов принимает энергичное участие в с.-д. работе в Петербурге. Выданный Малиновским, подвергается новой ссылке в Туруханский округ, откуда его освободила Февральская революция. На апрельской конференции 1917 г., на которую он имел мандат от уральских организаций, Свердлов вошел в Ц. К. деятельнейшим членом и секретарем его оставался до самой смерти. В ноябре 1917 г. был избран председателем ВЦИК, на каковом посту самым энергичным образом содействовал закреплению победы пролетариата и организации Советской власти на всем протяжении Республики.

Скобелев, М. И.—с.-д. меньшевик., был выбран в IV Госуд. Думу от г. Баку. Товарищ председателя и член Исполнительного Комитета Петербургского Совета Р. и С. Д., 6 мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство в качестве министра труда. Сторонник коалиции с буржуазией и оборонец.

Спиридонова, М. А.—видная представительница с.-р. движения в России—террористка, в 1906 г. убила усмирителя крестьянского движения в Тамбовской губ. Ладыженского. От последующей долголетней сибирской каторги освободила Спиридонову революция 1917 г.; она становится во главе лево-эс-эровских интернационалистских течений и вместе с большевиками ведет борьбу с соглашателями. Рядом с большевиками низвергает в октябре 1917 г. Керенского, идет рука-об-руку с ними в первые моменты Октябрьской революци, но расходится с Р. К. П. в оценке Брестского договора; в начале июля 1918 г. руководит московским восстанием левых эсэров. Будучи арестованной и помилованной декретом ВЦИК, продолжала поддерживать активистскую по отношению к Советской власти политику своей партии.

Сталин, И. В.—происходит из крестьян Тифлисской губ. Неоднократно арестовывался и высылался. Участник ряда с'ездов и конференций. Один из виднейших организаторов и руководителей большевизма. В начале 1912 г. был кооптирован в состав Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., после общепартийной конференции в Праге, вошел в русское бюро Ц. К. и нелегально ра-

ботал в России, где вскоре подвергся аресту и высылке в Туруханск. Вернулся из ссылки после Февральской революции. Ближайший сотрудник Ленина в эпоху подготовки и проведения Октябрьской революции.

Стахович—видный представитель умеренно-либеральных земских кругов. В 1901 году на миссионерском с'езде в Орле выступил с защитой свободы совести против гнета тогдашнего полицейского православия; участник земских с'ездов; в 1906—1907 г.г. колеблется между октябризмом и мирнообновленчеством. Буржуазная революция 1917 г. сделала его финляндским генерал-губернатором, а затем дипломатом.

Стеклов Ю. И. (Неврозов)—род. в 1873 г. Слушал лекции в Киевском университете, вел с.-д. работу в Одессе в рабочих и матросских кружках, вследствие чего был арестован в 1894 г. и сослан на 10 лет в Восточную Сибирь, в 1899 г. бежал за границу, где примкнул к революционному крылу социал-демократии. Вместе с Д. Б. Рязановым участвовал в организации заграничной литературно-издательской группы „Борьба", после раскола партии примкнул к большевикам. По амнистии 1905 г. вернулся в Россию и был арестован 3 декабря на заседании Петерб. Совета Р. Д., но скоро освобожден и эмигрировал за границу, принимал участие в большевистских изданиях.

После Февральской революции примыкал к „Новой Жизни" Горького. Член Исполнительного Комитета Петербургского Совета оборонческого состава и его „контактной комиссии", созданной для сношений с Временным Правительством. В настоящее время—член РКП и редактор „Известий".

Столыпин—председатель кабинета министров Николая II, в эпоху реакции после первой революции 1905 г. Политика Столыпина лучше всего характеризуется его же формулой „сначала успокоение, а потом реформы". Успокоения он добивался посредством жесточайших репрессий, удушения печати, фактической отмены свобод, „возвещенных высочайшим манифестом 17 октября", закрытия профессиональных рабочих союзов, изменения избирательного закона 3 июня 1907 г., давления на выборы, создания национальных избирательных курий, отделения Холмщины от польских губерний, введения истинно-русского земства в некоторых западных губерниях, правительственной поддержки союза русского народа и энергичной деятельности военно-полевых судов. Его реформы заключались в разрешении крестьянам-общинникам укреплять за собой в собственность надельные земли, что способствовало обогащению деревенских кулаков, а также выделению отрубов и покровительству хуторским хозяйствам. Эта „ставка на сильных" проводилась с целью скорейшего разложения среднего крестьянства, требовавшего земли, и создания крепкого фермерского хозяйства, как опоры в деревне для буржуазной монархии. Политика Столыпина поддерживалась наиболее энергично правым крылом русской буржуазии, связанным поставками на казну и вступавшим в третье-июньский блок с землевладением и дворянством. Диктатура Столыпина-Вешателя привела к убийству его в Киеве Богровым в 1911 г.

Струве, П. Б.—один из ранних русских социал-демократов, один из авторов и окончательный редактор манифеста Р. С.-Д. Р. П., выпущенного от имени I с‘езда партии, участник международного социалистического конгресса 1896 г., представитель „легального марксизма“. Струве, как и другие его сторонники, вскоре порвал с марксизмом и стал во главе союза „Освобождения“. Союз в 1905 г. послужил ядром для образования „партии народной свободы“, членом Ц. К. которой вошел Струве. В 1909 г. Струве—один из участников нашумевшего сборника „Вехи“. Позднее Струве унаследовал от Гольцева редакцию „Русской Мысли“, к.-д. журнала в Москве, издание которого Струве в настоящее время продолжает в Софии в монархическом направлении.

Суханов, Н.—начал политическую деятельность в качестве народника, но вскоре перешел к марксизму. „Нефракционный“ социал-демократ, интернационалист, позднее меньшевик. Один из редакторов интернационалистского с.-д. журнала „Летопись“ в эпоху войны и редактор Горьковской „Новой Жизни“ после Февраля. Член И. К. Петербургского Совета первого состава, вместе с Ю. Стекловым и Н. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с комитетом Госуд. Думы о составе первого Временного Правительства. Оборонец. Автор нескольких книг по аграрному вопросу и „Записок о русской революции“.

Терещенко—финансист и сахарозаводчик, министр финансов в первом Временном Правительстве и министр иностранных дел в коалиционном министерстве.

Трепов, Д. Ф.—московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник Сергея Александровича и сотрудник Зубатова. После 9 января 1905 г. назначен Петербургским генерал-губернатором. В октябрьские дни 1905 г. в приказе по полиции бросает фразу „патронов не жалеть“ и становится во главе высокопоставленных черносотенных погромщиков. В дни 1 Думы—„либерал“,—ведет переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства.

Трепов Ф.—петербургский градоначальник, в которого Засулич стреляла за зверскую расправу с политическим арестованным в Крестах, Боголюбовым.

Троцкий Л. Д.—родился в 1881 г., работал в рабочих кружках Николаева, был сослан в 1898 г. в Сибирь, скоро бежал за границу и принял участие в „Искре“. На II с‘езде партии имел мандат от Сибирского Союза. После раскола партии примкнул к меньшевикам. После ареста Хрусталева-Носаря был избран председателем первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Арестован вместе с его Исполнительным Комитетом 3 декабря 1905 г. и сослан на вечное поселение в Обдорск, но с дороги бежал и эмигрировал за границу. Своим местопребыванием Троцкий избрал Вену, где издавал популярную рабочую газету „Правда“, для распространения в России, и порвал с меньшевиками, пытаясь образовать внефракционную группу. С начала империалистической войны занял ярко-интернационалистическую позицию, участвуя в издании парижского „Нашего Союза“ и

примыкая к Циммервальду. Высланный из Франции, переселился в Соединенные Штаты; возвращаясь оттуда после Февральской революции, был арестован англичанами и освобожден только по требованию Временного Правительства, принужденного дать ему вернуться под давлением Петербургского Совета. В Петербурге вошел в организацию „межрайонцев“, вместе с которой вошел в большевистскую партию в июле 1917 г. После июльских дней был арестован правительством Керенского и превлечен к следствию „за руководство восстанием“, но вскоре освобожден под давлением петербургского пролетариата. После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября. Бессменный член ЦК РКП с 1917 г., член Совета Народных Комиссаров, сначала в качестве Наркоминдела до подписания Брестского мира, затем Наркомвоен.

Туган-Барановский, М. И.—профессор; один из „легальных“ в 90-х годах, вскоре скатившийся через ревизионизм и критику Маркса к простому либерализму. Автор капитального труда „Русская фабрика“.

Урицкий, М. С.—В искровский период работал в качестве профессионала на юге, был арестован в Киеве и выслан в Вологодскую губернию, откуда выехал за границу. В 1912 г. по окончании срока высылки вернулся в Россию, был арестован и вновь сослан в Якутскую область. Меньшевик-плехановец, боровшийся за партию против ликвидаторства. С начала империалистической войны разорвал с Плехановым, оставшись интернационалистом. С февраля по июль 1917 г. состоял в „Межрайонной организации Петербурга“, вместе с которой вошел в РКП и был выбран в Ц. К. на VI с‘езд. Будучи председателем петербургской Ч. К., был предательски убит социалистами-революционерами 30 августа 1918 года.

Церетели, И. Г.—с.-д. меньшевик, член II Государственной Думы от Кутаисской губ., лидер с.-д.-фракции. После роспуска Думы (3 июня 1907 г.) был привлечен вместе со всей фракцией, насчитывавшей 64 депутата, к суду по обвинению (вымышленному) в организации военного заговора и осужден на каторгу. Февральская революция освободила его из Сибири, где он находился в качестве ссыльного поселенца. По возвращении Петербург стал во главе меньшевиков, отстаивая продолжение империалистической войны и коалицию с буржуазией. 6 мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство в качестве министра почт и телеграфа. Член Исполнительного Комитета ВЦИК первого созыва и его вдохновитель.

Череванин—меньшевик-ликвидатор и оборонец. Литератор. Начал с.-д. деятельность в Харькове в конце 90-х годов. Сотрудник легального марксистского журнала „Жизнь“, выходившего в Петербурге в начале 900-х гг. под ред. Поссе. В 1906—1907 гг. участник всех литературных предприятий меньшевиков в Москве и участник Стокгольмского и Лондонского с‘ездов партии. В 1917 году состоял одним из редакторов „Рабочей Газеты“—меньшевистского органа в Петербурге. Член меньшевистского (об‘единенного) Ц. К. после августовского с‘езда.

Чернов, В. М.—родился в 1876 г., начал политическую деятельность в 1893 г. в рядах „Социал-революционной партии Народного Права“ Эмигрировал за границу в 1899 году, где стал сначала во главе союза, а затем и партии социалистов-революционеров в качестве ее идеолога и вождя (бессменный член Ц. К. и редактор ее центрального органа „Революционная Россия“). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал в Циммервальдской конференции. Ярый оборонец и социал-пацифист по возвращении в Россию, после Февральской революции министр земледелия в одном из коалиционных правительств Керенского, несмотря на принадлежность к ПСР, или, вернее, вследствие принадлежности к ней, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней.

В январе 1918 года Чернов был избран председателем Учредительного Собрания, насчитывавшего $^2/_3$ право-эс-эровских голосов и распущенного ВЦИК. Принимал деятельное участие в чехо-эс-эровской авантюре на Волге в 1918 г., возглавляя с‘езд Учредительного Собрания; в Уфе был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском с‘езде членов учредилки (февраль 1921 г.), выделившим из себя комитет, составленный из эс-эров и к.-д., пытался оказать энергичное содействие Кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал.

Чхеидзе, Н. С.—родился в 1863 г., слушал лекции в Одесском университете, участвовал в с.-д. работе на Кавказе, состоял гласным Батумского и Тифлисского городских самоуправлений. Депутат III и IV Государственных Дум от Тифлисской губернии, лидер думских меньшевиков. По отношению к войне занимал неясную, сильно колеблющуюся позицию. С февраля 1917 года до конца лета состоял председателем Петербургского Совета Р. и С. Д. Сторонник коалиции с буржуазией. После Октябрьской революции покинул активную политическую деятельность, поддерживая за границей грузинских меньшевиков.

Шейдеман — член германской соц.-дем. партии, видный депутат рейхстага, на последних выборах перед войной был избран вице-президентом рейхстага от с.-д. Во время войны—лидер правого оппортунистического крыла немецкой соц.-демократии, социал-патриот, вотировал военные кредиты, вел борьбу с Карлом Либкнехтом и группой „Спартак“; после ноябрьской революции 1918 г.—глава соглашательского правительства республиканской Германии, расстрелявшего десятки тысяч пролетариев.

Шингарев—врач и земский деятель, член III и IV Госуд. Думы и лидер кадетской думской фракции. В первое коалиционное правительство вошел в качестве министра финансов, сменив Терещенко, взявшего портфель министра иностранных дел вместо Милюкова. Вышел в отставку вместе с другими кадетами 2 июня. После Октябрьской революции был арестован и, будучи переведен из Петропавловской крепости в частную лечебницу, был убит группою солдат и матросов.

Шипов, Д. Н.—известный земский деятель, председатель Московской губернской земской управы. Шипов—душа зарождающегося во второй половине 90-х гг. земского движения, неизменный участник земских „слетов" и с'ездов; здесь он занимает правое крыло, боится западно-европейского парламентаризма, мечтает лишь о законосовещательном органе. После 1905 г. входит в Союз 17 октября, потом в партию мирного обновления, но, как политический деятель ничем себя не проявляет.

Шульгин, В.—националист, член III и IV Госуд. Думы, редактор черносотенного „Киевлянина". После революции деятель деникинской добровольческой армии. В настоящее время находится за границей, сотрудничая в право-кадетской „Русской Мысли", издаваемой Струве в Софии. Ярый монархист.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

А

Б

В

Стр.

Г

Д

Е

Стр.

З

И

К

Р

С

Стр.

Цена 1 руб. 75 коп.

Адрес издательства

Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73

Адреса магазинов

№ 1. Столешников, 5. Тел. 3-56-83

№ 2. Никольская, 12. Тел. 82-33

Центральный книжный склад

Лубянский пассаж, пом. 25—30

Тел. 3-45-04